

ЧЕЛОВЕК * ЛЕГЕНДА

НЕСТОР МАХНО

ВАДИМ ТЕЛИЦЫН

СМЕРТЬ

...КТО НА ПИРИНГЕ
ДОБУТЬЯ ВІЛЬНОСТ
ТРУДОВОМУ ЛЮД

НЕСТОР

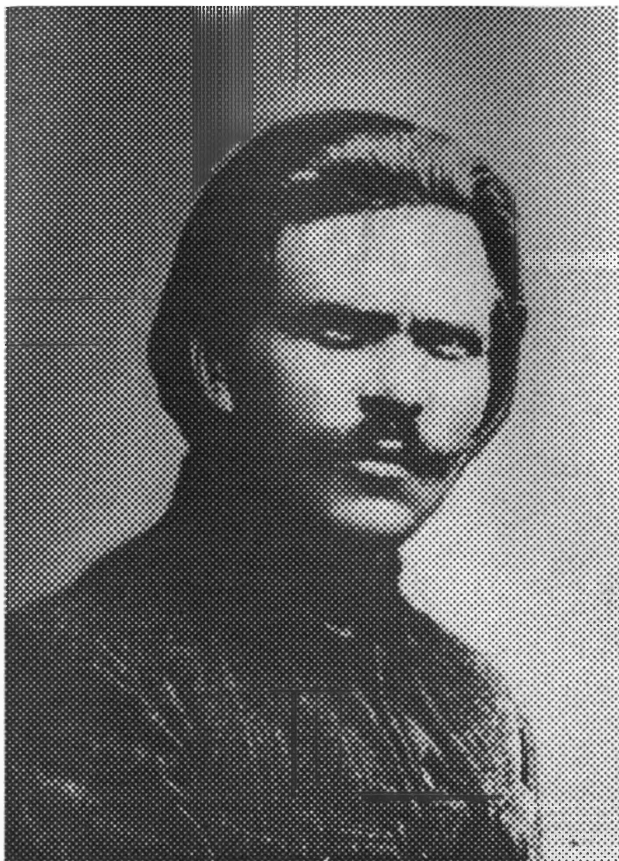

МАХИНО

ЧЕЛОВЕК-ЛЕГЕНДА

**НЕСТОР
МАХНО**

— HECTOR MAXHO —

ЧЕЛОВЕК - ЛЕГЕНДА

ВАДИМ ТЕЛИЦЫН

НЕСТОР МАХНО

«ОЛИМП» Москва
«РУСИЧ» Смоленск
1998

УДК 882
ББК 63.3(0) 62
Т 31

Серия основана в 1997 году

Телицын В.

Т 31 Нестор Махно: Историческая хроника. — М.: Олимп; Смоленск: Русич, 1998.— 448 с.: ил. — («Человек-легенда»).

ISBN 5—7390—0575—2 («Олимп»)

ISBN 5—88590—840—0 («Русич»)

Личность и судьба Нестора Махно, казалось бы, сотканы из противоречий: анархист и «крестьянский батька», бесшабашный рубака и каторжник, милостивый судья и безжалостный диктатор, гроза правящих режимов и несчастный, всеми забытый эмигрант... Вокруг его имени нагромождены горы слухов и мифов.

Эта книга поможет пролить свет на загадочную фигуру Нестора Махно благодаря архивным материалам, свидетельствам очевидцев и воспоминаниям современников.

УДК 882
ББК 63.3(0) 62

ISBN 5—7390—0575—2 («Олимп»)
ISBN 5—88590—840—0 («Русич»)

© «Олимп», 1998
© Разработка серии,
оформление. «Русич», 1998

От автора

Нестор Махно... В советский период официальная пропаганда и историческая наука приложили немалые усилия, чтобы сформировать отталкивающий образ пособника контрреволюции и белых генералов, бандита-неврастеника, ужасного монстра и демона революции. А крестьянская молва противопоставляла ей почти легендарный образ героя — защитника народа, наделенного и необыкновенным умом, и особого рода хитростью, и, конечно, справедливостью... Вокруг его имени до сих пор нагромождено множество мифов и трудно объяснимых фактов. Бесспорно одно — это человек-легенда. Его невероятную, просто фантастическую популярность в годы гражданской войны трудно преувеличить и уж совсем невозможно приуменьшить. Тысячи людей шли в его отряды, шли за ним в бой и на смерть, внимали ему, выступающему на митинге, зовущему и избобличающему, верили ему, запомнили безгранично щедрым и не менее жестоким.

Несомненно, перед нами тип героя, рожденного взрывом народной стихии, вобравшего в себя многие характерные черты личности той эпохи, мятущейся, импульсивной, одновременно и тирана, и раба силы, и баловня судьбы, вознесшей его на гребень славы и бросившей под конец в пучину забвения.

Он многим удивлял и поражал. Казалось, этот невысокий, даже скорее малорослый человек сложен из какого-то особого стойкого материала. Не отступал ни перед

какими препятствиями, если брался их преодолеть. В наиболее тяжелые минуты жизни оставался собранным и готовым к действию, словно выпавшие невзгоды не касались его. На самом же деле он страдал больше других в трудные минуты, но никогда не выносил страдания наружу. Знавшие Махно не первый день понимали, что в этом его спокойствии был заключен сложный волевой порыв к грядущей победе над противником.

Не разгадав феномен Махно, как и других одного типа с ним сынов и пасынков революции, невозможно понять весь трагизм и необратимые последствия русской Смуты начала XX века, перемоловшей в своих жерновах судьбы многих миллионов людей, целых народов. Возможно только, что в этом смысле судьба Нестора Махно особенно показательна и трагична.

Сохранилось большое количество источников — государственных и политических документов времен гражданской войны, периодических и специализированных (военных) изданий, воспоминаний непосредственных участников и свидетелей тех событий, эпистолярных памятников эпохи... К сожалению, представленные в них факты и комментарии того или иного конкретного события, имена, даты, географические названия зачастую противоречат друг другу. Это обстоятельство создает определенные трудности для исследователя и потому требует привлечения всевозможных и разноплановых источников, тем более что живых свидетелей тех событий практически не осталось.

В архивах отложились документы политических партий, воинских соединений и частей противоборствующих сторон, хозяйственных структур, отдельных исторических деятелей. Конечно, далеко не все имевшие место события отразились в этих материалах, да и изложены они зачастую либо сухим канцелярским языком, либо мало-разумительной, полуграмотной речью.

В этой связи особую ценность приобретают мемуарные источники.

Наиболее интересны воспоминания бывшего начальника штаба повстанческой армии Виктора Белаша о Несторе Махно и об истории махновщины в целом. Он не ушел за кордон вместе с Махно, остался в Советской России, несколько лет провел в заключении. Белаш начал работу над своими мемуарами во второй половине 1920-х годов, когда был выпущен на свободу. Кое-что ему даже удалось опубликовать в украинском журнале «Літопись революції». Однако во второй арест (в 1937 г.) мемуары и все подготовительные материалы были изъяты и надолго упрятаны в архивы всемогущей Лубянки. Из исторического небытия они извлечены сыном Белаша, им же проделана и вся необходимая работа по их изданию. Воспоминания Белаша содержат богатейшую подборку документальных материалов, почерпнутых им (и дополненных сыном) в российских и украинских архивах.

Не менее ценны и воспоминания Алексея Чубенко. Он был членом штаба повстанческой армии, особо доверенным лицом Нестора Махно, не раз выполнял его чрезвычайные поручения. Как и Виктор Белаш, остался на Родине, был репрессирован. Свои записи он вел в тюремных камерах ОГПУ.

Оперативные материалы ВЧК и Красной Армии, касающиеся махновского движения, широко представлены в книге обществоведа и экономиста М. Кубанина «Махновщина» (Л., 1927), одного из немногих советских исследователей, которым было разрешено использовать документы архивов наших, как сегодня принято называть, силовых ведомств. Если оставить в стороне явно тенденциозные (и притянутые произвольно к событийной канве) обобщения и выводы, то в фактографическом отношении работа М. Кубанина — выше всяких похвал.

В значительной степени оригинальными являются воспоминания Петра Аршинова (Марина) — не просто участника повстанческого движения, но еще и близкого друга Нестора Махно, видного русского анархиста, редактора махновской газеты. В его книге, сравнительно недавно

впервые изданной в России, использованы весьма редкие документы — приказы, распоряжения, издававшиеся штабом повстанческой армии и лично Махно, оперативные сводки, документы противостоявших махновцам политических противников — большевиков, петлюровцев и белогвардейцев, дневники участников событий, переписка Махно с рядом известных последователей анархистских течений.

Значимы и мемуары военачальников, которым пришлось сталкиваться с Махно в сражениях гражданской войны — Я. А. Слащева, А. И. Деникина, П. Н. Врангеля и ряда других.

Но к источникам подобного рода следует подходить с большой долей осторожности: кто же захочет умалять свои заслуги и превозносить противника?

Небезупречны в этом плане, а нередко далеки от исторической правды и воспоминания советских военных деятелей, таких, как С. М. Буденный, Р. П. Эйдеман, и др.

Много интересного содержит периодическая печать того времени. Она не только непосредственно исторический источник, но еще своеобразное связующее звено между архивным комплексом документов и воспоминаниями современников. Восполняя пробелы и ликвидируя искажения, присущие памяти мемуаристов, периодика тех лет (политизированная, отражающая позицию, как правило, только одной противоборствующей стороны) требует обращения к архивным материалам, констатирующим сухой исторический факт, а не его интерпретацию.

Лишь при обращении ко всей совокупности источников, при тщательном сопоставлении вызывающих сомнение исторических фактов можно говорить о серьезном, объективном и полном освещении судьбы Нестора Махно.

Автор настоящей книги при цитировании или изложении источников стремился по возможности сохранить стиль и лексику использованных документальных материалов.

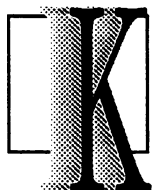
История настойчиво зовет к нам: пора наконец отвергнуть устаревшие, попросту ложные схемы, рожденные в свое время крайностями жестокого классового противоборства в обстановке бушующих политических страстей, обусловленных борьбой за власть, и повернуться к многообразной и, как правило, противоречивой жизненной правде. Ведь став историей, минувшее не перестало быть частью нашей биографии, оно так или иначе воздействует и на нынешнее течение нашей жизни, и на завтрашнее ее продолжение.

...Так кто же он — некогда знаменитый батька Нестор Махно?

ПРОЛОГ

У всякого человека есть своя история, а в истории свои критические моменты: и о человеке можно безошибочно судить, только смотря по тому, как он действовал и каким он являлся в эти моменты...

В. Г. Белинский

К лонился к закату последний день жаркого лета 1921 года. В небольшой душевной комнате румынской пограничной заставы за столом сидел человек в одежде полувоенного образца. Ниже среднего роста, светло-русые волосы, посеребренные сединой, аккуратно зачесаны назад, на измученном маленьком лице выделяется вздернутый нос, в быстрых карих глазах затаилась боль, тоска и смертельная усталость. Это — известный крестьянский батька (или, на украинский манер, — батько) Нестор Иванович Махно. Спасаясь от преследования Красной Армии, он с жалкими остатками своих некогда грозных, наводивших ужас на всю

Украину войск 28 августа 1921 года перешел румынскую границу. Перед ним стопка чистой бумаги, обыкновенная перьевая ручка и наполненная до краев граненая чернильница.

Махно слегка склонил голову и сидел с таким видом, будто сейчас все бросит и уйдет. Комнату молча мерил шагами молодцеватый румынский офицер в надвинутой на лоб фуражке. У дверей, переминаясь с ноги на ногу, стоял часовой. Их, казалось, вообще мало интересовала судьба нежданного гостя, каждый погружен в свои мысли.

Неожиданно Махно резким движением взял ручку и начал писать размашистым почерком:

«Отец мой — бывший крепостной крестьянин помещика Мабельского, жившего в одном из своих имений в деревне Шагаровой, что в семи верстах от села Гуляйполе Александровского уезда Екатеринославской губернии. Большую часть своей жизни он прослужил у того же помещика то конюхом, то воловником. Ко времени моего рождения (28 октября 1889 года) он оставил уже службу у помещика и поступил кучером к гуляйпольскому заводчику, богатому еврею — Кернеру. Отца своего я не помню, так как он умер, когда мне было только 11 месяцев. Пятеро нас братьев-сирот (Савелий, Карп, Емельян, Григорий и Нестор. — *В. Т.*), мал мала меньше, остались на руках несчастной матери, не имевшей ни кола ни двора. Смутно припоминаю свое раннее детство, лишенное обычных для ребенка игр и веселья, омраченное сильной нуждой и лишениями, в каких пребывала наша семья, пока не поднялись на ноги мальчуганы и не стали сами на себя зарабатывать...»

Глава 1

НАЧАЛО ПУТИ

Государство? Что это такое? Итак, слушайте меня, ибо теперь я скажу вам свое слово о смерти народов. Государством называется самое холодное из всех чудовищ. Холодно лжет оно; и эта ложь ползет из уст его: «Я, государство, емь народ».

Ф. Ницше

Вгадки окружали жизнь Нестора Махно со дня его рождения. Любопытно, что даже эту дату, сам не зная того, Махно указывал неверно. По-видимому, до конца своих дней он так и не узнал, что родился не 28 октября 1889 года, как это зафиксировано во всех его документах, воспоминаниях и вошло во все посвященные ему работы, а годом и двумя днями раньше. В совсем недавно обнаруженной метрической книге регистрации актов гражданского состояния Крестово-Воздвиженской церкви города Гуляй-

поле за 1888 год в записи под № 217 имеется запись о том, что Нестор Махно родился 26-го, а крестился 27 октября. Родители его — «государственный крестьянин села Гуляйполе Иван Родионович Махно и законная жена его Евдокия Матвеевна. Оба православные». По всей видимости, мать Нестора, как это делали многие крестьянки, которые имели слабых и больных детей, умышленно уменьшила своему сыну возраст, продлив тем самым хоть трудное, но все-таки детство на год, отсрочила начало изнурительной и трудной жизни, призыва в армию и т. д. Не ведая того, именно этой своей безобидной хитростью в 1910 году она спасла своему младшенькому жизнь.

Хотя односельчане и забыли год рождения своего земляка, но помнили, передавая из уст в уста, легенду, согласно которой при крещении младенца на священнике загорелась риза. По всему Гуляйполю разнеслась весть о том, что, согласно древнему поверью, новорожденный должен стать грозным и беспощадным разбойником.

Время и место рождения любого человека в определенной степени дает ключ к пониманию его личности, помогают объяснить, почему в той или иной ситуации он поступал так, а не иначе, откуда черпал силы и вдохновение в самые непростые и трагические моменты своей жизни. Гуляйполе — родина Нестора Махно — на рубеже XIX—XX столетий было большим промышленным и торговым селом с многотысячным населением, в котором мирно соседствовали представители разных национальностей.

Своими традициями и историей оно славилось не только в своем Александровском уезде, но и во всей Екатеринославской губернии. В 1914 году в Гуляйполе насчитывалось 1410 дворов, 16 150 жителей. Имелись три православные церкви, синагога, пять земских начальных школ, одноклассная церковно-приходская, фабричная, немецкая, две еврейские школы, библиотека, синематограф, театр.

В Гуляйполе действовало около восьмидесяти торгово-промышленных предприятий, на которых в начале века трудилось несколько сот рабочих. В восемнадцати лавках торговали тридцать купцов, ежегодно проводились ярмарки. В семи верстах от села располагалась станция с таким же названием и проходила железнодорожная линия Чаплино — Бердянск, которая также способствовала промышленному и торговому развитию уезда и села. Гуляйпольские фабрики и мастерские хотя и не особенно заметно, но все же изменили облик села и его жителей. Первое поколение рабочих стояло ближе к крестьянству, чем к пролетариату, и не порывало связи с землей и родными хатами. Крестьяне степных районов, в том числе и Гуляйполя, жили богаче, чем в других регионах страны, а если и разорялись, то уходили на заработки в близлежащие города Донецкого бассейна и в Екатеринослав и не создавали тех огромных армий батраков, которые переполняли села правобережных губерний Украины. Село было расположено в центре треугольника, образованного городами Екатеринослав (ныне Днепрпетровск), Юзовка (ныне Донецк) и Мелитополь, на шахтах, заводах и в железнодорожных депо и мастерских которых всегда находились рабочие места.

Вокруг Гуляйполя имелось более пятидесяти крупных хуторов, в основном принадлежавших немцам-колонистам. Крохотные «Берлины», «Лейпциги» и «Мюнхены» поражали чистотой, аккуратностью, культурным ведением хозяйства и размеренным образом жизни. Как отмечал современник, Гуляйполе «...находится в наилучших условиях по отношению к другим селам, потому что вокруг него живет огромное количество богатых землевладельцев, среди которых наибольшее число — немцев. Поэтому и село... сделалось значительным центром культуры. Если сравнить его с каким-нибудь другим наилучшим селом, то Гуляйполе победит его. У нас в селе жители, не похожие на крестьян, а горожане, да и только».

Но вернемся к нашему герою.

Отец умер рано: сказалась тяга к спиртному. Нестору исполнилось пять лет, когда, подавившись вишневой косточкой, умер старший брат Карп. Восьми лет от роду мать отдала младшего сына во 2-ю гуляйпольскую начальную школу. Школьные премудрости давались ему легко. Учился хорошо, учителя хвалили, и мать оставалась довольной успехами Нестора. Но уже с ранних лет в характере мальчика были заметны такие черты, как вспыльчивость, злость и упрямство, упорное сопротивление всякому насилию над собой, острое нежелание кому-либо и в чем-либо подчиняться.

Двенадцати лет, закончив школу, Нестор пошел в «люди»: надо было помогать матери.

— Летом, — вспоминал Махно, — я нанимался к богатым хуторянам пасти овец или телят. Во время

молотьбы гонял у помещиков в арбах волов, получая по двадцать пять копеек в день.

К своим хозяевам подросток испытывал одно чувство — смертельную ненависть, его буквально разрывало желание отомстить за оскорбления и унижения, наносимые ему и братьям, и он делал это, как только мог. Купец Тупиков, выгнав Нестора из своего магазина, где он трудился «мальчиком» на побегушках, рассказывал потом односельчанам: «Это же настоящий хорек: молчаливый, замкнутый, сумрачно смотревший на всех недобрым взглядом необыкновенно блестящих глаз. Он одинаково злобно относился как к хозяину, служащим, так и ко всем покупателям. За три месяца его пребывания в магазине я обломал на его спине и голове около сорока деревянных аршинов. Наша наука ему не давалась».

Из-за своего неуживчивого характера Нестору часто приходилось менять места работы. Где только не трудился он, получая от хозяев и мастеров в дополнение к мизерному заработку дармовые тычки и подзатыльники: и в столярных мастерских, и на товарном дворе местной станции, и в ближайшем трактире.

От мальчика требовали одного — покорности и почтительности, безропотного выполнения мелких услуг, но будущий «крестьянский вождь» вместо скучного стояния за прилавком предпочитал шататься с шумной ватагой праздных подростков по улицам или окрестностям Гуляйполя.

На побои, которыми щедро награждали Нестора со всех сторон, он отвечал, как мог: ловко и незаметно срезал пуговицы с костюмов приказчиков,

подливал касторовое масло в чайник с чаем, а одного из своих хозяев однажды, после того как тот устроил ему порку, облил кипятком, да так, что его в обморочном состоянии увезли в больницу. Когда жена пострадавшего сделала попытку отодрать за уши хулиганистого мальчишку, он до крови искусал ей руки и, сбежав от наказания, не появлялся дома несколько дней, скрываясь неизвестно где.

После долгих уговоров и поклонов матери удалось пристроить сына в типографию для обучения ремеслу наборщика. Типографское дело пришлось Нестору по вкусу: внимательно и с интересом присматривался он к работе наборщиков, расспрашивал их, учился разбирать шрифт, проявляя бойкость, расторопность и сметливость. Его начинают ценить, поощрять, — и это вернее всяких побоев достигает цели. Нестора просто не узнать, с утра до вечера просиживает в типографии, — он уже умеет держать сложную верстку, его пальцы быстро и ловко бегают по клеточкам кассы. Детские шалости и уличные ватаги забыты, он много читает, занимается самообразованием.

Но неумная натура берет свое, неожиданно для всех он бросает работу и уезжает в Екатеринослав, где бесцельно шатается по улицам, глазеет на прохожих. Обрато до Гуляйполя добирается на тормозной площадке товарняка. Несмотря на слезные просьбы матери, хозяин типографии рассчитал Нестора. А он и не расстраивался. У матери опускались руки, она не знала, что и делать с непутевым сыном.

Даже устроившись с трудом в малярную мастерскую Будка, где через год, быстро освоив красиль-

ные премудрости, стал подручным мастера, Нестор заскучал и вновь забузил и забедокурил: однообразие процесса, одни и те же лица быстро надоели молодому работнику. В 1903 году, поднявшись немного и окрепнув, Махно поступил чернорабочим на чугунолитейный завод Кернера. И здесь его не покидало болезненное стремление быть в центре внимания, желание выделиться из общей «серой» массы. Узнав, что на заводе действует любительский театральный кружок, руководитель которого его знакомый Назар Зуйченко, Нестор попросил записать его в труппу.

— Однажды приходит ко мне Нестор Махно, — вспоминал позже Зуйченко, — и просит принять его в артисты. Ну, чего раздумывать... Смешить публику так уж смешить. А он — что мальчик с пальчик, вот так, по пояс мне... Приняли...

Как и большинство молодых рабочих, Махно рано пристрастился к спиртному, часто его видели пьяным на улицах, лез во все драки, попадал в полицейский участок, дерзил уряднику, за что неоднократно был бит.

Грянула революция 1905 года. Известие о расстреле демонстрации на Дворцовой площади в Петербурге 9 января долетело и до провинциального Гуляйполя. На улицах появились листовки, гневно клеймившие «Кровавое воскресенье» и призывавшие к борьбе с самодержавием. В считанные дни и недели политика стала интересовать всех жителей захолустного местечка, где раньше жизнь текла размеренно и спокойно. Энергичный, жаждущий деятельности,

Нестор Махно не мог оставаться в стороне. Он вихрем носился из конца в конец села, жадно вслушивался в разговоры односельчан, которые велись на базарах и улицах, в мастерских или дома, впитывал различные суждения и мнения, искренне верил самым фантастическим и невероятным слухам, которые возникали и расползались по Гуляйполю.

Известия о событиях в Петербурге, Москве, Екатеринославе, Александровске подталкивали жителей села к активному участию в общественной жизни. 22 февраля 1905 года забастовали рабочие заводов Кернера и Кригера, местной типографии, железнодорожники. Их основные требования были традиционными: улучшение условий труда, отмена штрафов, которых существовало почти пятнадцать видов, и сверхурочных работ, увеличение заработной платы, увольнение ненавистных мастеров... Среди бастовавших был замечен и чернорабочий Нестор Махно. Из забастовки он вынес сложное впечатление: подавляющее большинство рабочих желало лишь улучшения своего экономического положения и совсем не задумывалось об изменениях в политической жизни.

Для усмирения беспорядков в Гуляйполе прибыли казаки и усиленные полицейские наряды, власти произвели обыски и арестовали несколько человек, их обвинили в антиправительственной агитации среди местного населения.

В годы первой русской революции в Гуляйполе появилась группа анархистов-коммунистов, пик интенсивной деятельности которой пришелся на период с начала сентября 1906 по июль 1908 года. Возглавляли ее братья Александр и Прокопий Семенюты и Вольдемар Антони. Свою организацию они на-

звали «Союзом бедных хлеборобов». Идеи анархизма — полное безвластие, земля тем, кто ее обрабатывает, ликвидация частной собственности, борьба с угнетателями и эксплуататорами — в их более простом виде — нашли определенную поддержку среди сельского населения южных районов Российской империи.

Истоки распространения анархизма, понимавшегося в основном как «вольная жизнь», уходили в глубь веков. Среди крестьянства Юга анархия (безвластие) воспринималась в первую очередь в образе казацкой вольницы — Запорожской Сечи, свободного пахаря и воина, не опутанного цепями государственных повинностей и чиновничьей казуистикой. И не зря руководители «Союза бедных хлеборобов» радужными красками рисовали молодым гуляйпольцам конечную цель своей борьбы, когда наступит «время степным орлятам погулять на мирском поле за вольную жизнь, за волю и счастье»: недостатка в фанатичных волонтерах анархисты не испытывали. А. П. Семенюта постоянно повторял:

— Великая честь и слава вам — сынам народа, славным правнукам запорожцев.

Махно попытался вступить в организацию, но ее руководители сначала ему отказали. Они опасались, что отличавшийся непредсказуемостью действий, болтливостью (особенно в подпитии) Нестор может, сам того не желая, раскрыть организацию. Лишь дождавшись, когда братья Семенюты (часто покидавшие Гуляйполе) находились в Екатеринославе, Махно в их отсутствие стал все-таки членом «Союза бедных хлеборобов». Сделал это он довольно просто: ненастным вечером 14 октября

1906 года выследил одну из групп, которая направлялась на операцию, и, перехватив ее на пути, решительно заявил:

— Или убейте меня прямо здесь, или возьмите с собой. От вас я не отстану.

Тем ничего другого не оставалось, как взять с собой настырного юношу.

В ту же ночь Махно принял участие в ограблении дома местного торговца Иосифа Брука, у которого экспроприаторы взяли сто пятьдесят один рубль и слиток серебра на нужды, как они заявили, голодающих. Ровно через месяц он вместе с другими членами организации ограбил гуляйпольского промышленника Мойшу Кернера, отобрав у него четыреста рублей «в пользу политических заключенных».

Вступив в организацию, Махно сразу же попытался завоевать в ней лидерство, доказать руководителям гуляйпольских анархистов, что они допустили ошибку, отказав ему раньше в приеме в «Союз бедных хлеборобов». Стремясь как можно быстрее создать себе репутацию решительного и беспощадного террориста, Нестор всегда первым вызывался идти на любое дело, готов был выполнить любое приказание анархистов. Но вместо серьезных заданий ему на первых порах поручили изготавливать отливки для бомб на заводе, где он работал в это время в литейном цехе.

Неуемный характером, Махно не особенно разбирался в политических тонкостях анархизма, ему все равно было, в кого стрелять — то ли в чиновника, то ли в полицейского, то ли просто в неугодного ему и его друзьям человека. Получив оружие (револьвер «бульдог»), он применял его по своему ус-

мотрению. В конце 1906 года служащий земской больницы Михеев, обуреваемый ревностью к невесте, поведал Нестору свою личную драму. Махно за небольшое вознаграждение совершил покушение на предполагаемого соперника, но, будучи пьяным (выпил для храбрости), промахнулся. Дело это получило огласку. Махно, за хранение оружия, арестовали, но вскоре отпустили, слегка помяв бока незадачливому террористу. Слава о нем разнеслась по Гуляйполю и близлежащим деревням. А в полицейских протоколах появилась фамилия еще одного потенциального преступника.

Не чурались анархисты и борьбы со своими идейными противниками, в частности с «Союзом Архангела Гавриила». Одной из первых, как самая рьяная сторонница черносотенцев, пострадала местная помещица Черноглазова. Игравшая «первую скрипку» в союзе, она не упускала случая словесно приложить леваков и евреев. Первых она предлагала немедленно вздернуть на ближайшем березовом суку, а вторых — топить в городском пруду. Анархисты в долгу не остались — выбрав ночь потемнее, подожгли ее усадьбу, разогнали наемных рабочих и угнали лошадей, которых потом продали цыганам.

Деньги предполагалось передать в общую кассу, но Нестор потребовал свою долю, которую оставил в ближайшем кабаке, обмывая удачное дело. Возвращаясь поздней ночью домой, пошатываясь и пьяно размахивая руками, Нестор бубнил, время от времени переходя на крик:

— Еще узнают о нас, черти... услышат... Это только начало. Пустим вам петуха. На всех пуль и веревок хватит... Попомните...

На его счастье, прохожие не попадались и никто не донес на слишком болтливого «хлебороба».

Еще много раз Махно мог погубить организацию. Однажды в пивной он после третьей кружки начал громко кричать: «Я анархист... я анархист...» С большим трудом предводителю гуляйпольских анархистов Александру Семенюте удалось увести его домой.

Зная натуру Махно, полиция, которая давно держала его под негласным наблюдением, подослала к нему провокатора. Под видом приезжего, ищущего работу в Гуляйполе, тот поселился в доме Махно. Вскоре молодой анархист рассказал «квартиранту» об организации и ее ближайших намерениях. Чтобы взять налетчиков с поличным, полиция организовала в имении Гольца засаду, а новый друг Махно начал подбивать его совершить налет и сорвать крупный куш с богатого помещика. План этот не удался (что-то спугнуло террористов), но полиция получила много ценных сведений о планах гуляйпольских анархистов.

Руководители «Союза бедных хлеборобов» хорошо продумали тактику. Нападали они, как правило, довольно большой группой — до десяти человек. Лица их в одних случаях вымазывались сажей или грязью, в других — они надевали бумажные маски с прорезями для глаз или темные очки. Налетчики хорошо вооружились — стрелковым оружием и самодельными бомбами, с помощью которых выбивали двери касс или банков, взрывали сейфы. Нападали лишь тогда, когда бывали полностью уверены в успехе, имея численное преимущество. Никогда не рисковали и при появлении полиции или жандармов быстро, без шума, не отстреливаясь, уходили. Даже

один стражник вызывал у них тревогу, и они, как правило, отказывались от намеченных планов, скрывались, чтобы при удобном случае повторить акцию.

Махно раздражала такая нерешительность и осторожность анархистов, и он поставил себе целью поломать укоренившиеся в организации приемы борьбы, доказав на деле свою смелость и решительность. Вскоре такой случай представился. Махно поручили ограбить почту в Гуляйполе. В напарники он взял близкого знакомого, местного хулигана и дебошира Лепетченко.

Махно с волнением готовился к новой операции. Ощущая в кармане приятную тяжесть револьвера, допоздна ходил по прилегающим к зданию почты улицам и переулкам. В его воображении разыгрывались различные ситуации, которые могли возникнуть во время ограбления. Нестор то и дело останавливался и с замиранием сердца, по-мальчишески имитировал стрельбу по невидимым врагам налево и направо. Однако до почты добраться не сумел. Буквально за день до налета он, вместе с двумя своими товарищами — М. Маховским и А. Ткаченко, направлялся к дому братьев Семенют. Внезапно из темноты выросли фигуры двух стражников, один из них окриком приказал остановиться. Приятели Махно бросились бежать. Нестор же, не раздумывая долго, выхватил револьвер (с которым уже не расставался ни днем ни ночью), выстрелил в сторону стражников и лишь затем побежал вслед за своими друзьями. Возле земской больницы беглецов окликнул услышавший выстрелы крестьянин Степан Назаренко. Не останавливаясь, Нестор разрядил в него свой

«бульдог». Беглецам удалось скрыться, но полиция рьяно принялась рыскать по селу и окрестностям в поисках террористов.

После неожиданной ночной переделки Махно счел за лучшее на несколько дней залечь на дно. Но пронесло: покушение на стражей порядка и тяжелое ранение случайного свидетеля приписали приезжим боевикам.

Нестор принял участие еще в нескольких мелких ограблениях, однако на этом его участие в экспроприациях закончилось. Неожиданно для самого себя он оказался в местной кутузке, куда его доставил гуляйпольский пристав Караченцев как подозреваемого в нескольких грабежах. Вместе с ним задержан был и один из руководителей «Союза бедных хлеборобов» Вольдемар Антони, который в свое время был против приема Махно в организацию. Теперь в тюремной камере Махно вел с ним себя как равный — своим пренебрежением к опасности он доказал, чего стоит. Через неделю задержанных перевели из полицейского участка в следственную тюрьму Александровского полицейского управления. Здесь Махно ждала неприятная встреча. Проверя нераскрытые преступления, дотошный следователь провёл очную ставку между задержанными и гуляйпольскими стражниками Захаровым и Быковым, которые заявили, что Антони они видят впервые, в Махно сразу же признали стрелявшего в них той ночью — 27 августа 1907 года. Махно препроводили в камеру, а Антони — отпустили на свободу. В последний момент он шепнул Нестору, что члены организации в беде его не оставят. Эти слова Махно расценил как наивысшую награду себе и признание

полноправным членом организации. Это придало ему сил и уверенности.

Антони сдержал слово. Путем угроз и шантажа анархисты заставили свидетелей и пострадавших изменить показания. На повторной очной ставке с участием раненого Назаренко тот заявил, что никогда не видел Махно. Изменил свои показания и один из стражников — Быков. «Степан Назаренко, — занес в протокол следователь, — в предъявленных ему Махно и Антони стрелявших в него людей не узнал. Передопрошенный мною затем... стражник Быков дополнительно показал, что он не может узнать в Махно стрелявшего в него человека и что Махно только похож на того человека». Нестор от удовольствия потирал руки и ждал дня, когда он покинет стены надоевшей ему тюремной камеры.

Пока Махно находился в тюрьме, его соратники не дремали и продолжали свое дело: 19 октября 1907 года они совершили дерзкое нападение на почту (планы его разрабатывал еще Нестор), в ходе которого погибли почтальон и десятский. Днем 9 февраля 1908 года в обеденный перерыв, подобрав ключи, злоумышленники проникли в заводскую контору завода «Б. Кернер и сыновья» и похитили из сейфа двести расчетных книжек рабочих с вложенной в них зарплатой, которую предполагалось выдать в конце дня. Пропажу 2265 рублей заметили сразу же, и вскоре полиции удалось вернуть деньги в кассу, а грабителей — отправить за решетку.

Махно даже и не подозревал, что эта, казалось бы, не имевшая никакого к нему отношения история обернется большой бедой. Один из участников

ограбления — А. Ткаченко, попав в руки пристава Караченцева, выдал Махно как участника вооруженного нападения на охранников. 15 февраля следователь, ведший дело, писал, не скрывая удовлетворения: «Наконец, названный выше пристав (Караченцев. — В. Т.) доставил мне дознание, коим устанавливается, что задержанный им по делу о вооруженной краже с завода Кернера — Андриан Ткаченко является очевидцем покушения на убийство стражников Быкова и Захарова, причем стрелял Нестор Махно... На сделанной ставке Ткаченко с Махно и Маховским Ткаченко подтвердил свои показания». От показаний своих подельников Нестор погрузился, радужные перспективы рухнули в одночасье. На горизонте замаячили долгие годы за тюремной решеткой.

Теперь местные власти имели все улики против Махно и других участников анархистской организации. Полтора месяца следователи собирали и подшивали к делу протоколы допросов свидетелей, осмотров мест происшествий, докладные записки, составляли обвинительные заключения и прочее. А 3 апреля 1908 года екатеринославский губернатор обратился к командующему войсками Одесского военного округа с просьбой предать гуляйпольских анархистов военному суду.

Однако пока шла переписка между губернатором и командующим, следователь (у которого Махно, как самый молодой в организации, вызывал сострадание) пообещал выпустить Нестора из-под стражи под залог, если родственники смогут найти необходимую сумму. Мать Нестора в поисках денег стала обивать пороги гуляйпольских купцов, владельцев

предприятий и шикарных магазинов. Евдокия Матвеевна не только сетовала на свою вдовью судьбу, бедность многодетной семьи, но и постоянно твердила, что сын ее не закоренелый преступник, какими являлись все местные анархисты-коммунисты, а обыкновенный рабочий чугунолитейного завода. В преступное дело, считала мать, его втянули по неопытности и малолетству. И действительно, Махно — единственный из организации, кто не бросил работу, а продолжал «совмещать» ее с анархистской деятельностью. Уговоры матери оказались бесполезными, и заводчик И. Д. Виглинский выдал ей под поручительство две тысячи рублей. 4 июля Махно вышел на свободу, но отправился не домой, а в Екатеринослав, где узнал, что организация, преследуемая полицией, ушла в подполье. Нестор решил остановиться недели на две в губернском центре. Там на конспиративной квартире он чистил оружие, начинял металлические цилиндры гремучей смесью. Лишь изредка, под покровом ночи, осторожно выскальзывал из своего «схорона» подышать свежим воздухом. О том, где он скрывался, не знали ни его мать, ни братья.

Другой, более опытный и искушенный в борьбе с государственными преступниками уездный исправник, изучив еще раз следственные материалы по делу, прозорливо усмотрел в молодом Махно опасного для режима человека, которого не так просто запугать и заставить свернуть с избранного пути. Поэтому во избежание новых преступлений 11 июля 1908 года он послал на имя екатеринославского губернатора подробный рапорт, в котором, в частности, писал:

Привлеченный к следствию в качестве обвиняемого по делу о разбойном нападении на стражников Захарова и Быкова в селе Гуляйполе в августе 1907 года крестьянин этого же села Нестор Махно ныне следственными властями освобожден из-под стражи под поручительство в сумме двух тысяч рублей 4 сего июля. Принимая во внимание, что преступление, совершенное во время состояния губернии на положении усиленной охраны, а также имеющихся против Нестора Махно улики и ожидания им тяжелого наказания до смертной казни включительно, я нахожу, что пребывание его, Махно, на свободе может повлечь за собой новые, более тяжелые преступления, не исключая и убийства чинов полиции, почему покорно прошу разрешения вашего превосходительства об изменении принятой против Махно меры пресечения — заменю поручительства на личное содержание под стражей или же об аресте его до суда в порядке положения о Государственной охране.

Однако арестовать Махно сразу же не удалось. Он покинул Екатеринослав, удачно скрывшись от полицейского наблюдения, под которое совершенно случайно попал на городском вокзале.

28 июля на конспиративной квартире у одного из анархистов — Ивана Левадного, почти в самом центре Гуляйполя, собрались семнадцать оставшихся на свободе членов «Союза бедных хлеборобов». Собрались для того, чтобы обсудить свои последующие действия. Об этой встрече полиция узнала заранее (недостатка в доносчиках стражи порядка не испытывали). Дав возможность анархистам собраться, фараоны окружили дом и предложили сдаться. В ответ раздались выстрелы. Террористы стреляли прицельно: в рядах наступающих появились первые потери — погиб урядник Лепетченко, отец одного из засевших в доме анархистов. Полицейские ответили

огнем на огонь. Разыгрался настоящий бой. Анархисты пытались запрячь лошадей в телегу, но из-за обстрела не смогли. Забросав нападавших самодельными бомбами (от которых было больше огня и шума, чем разящих осколков), осажденные ринулись на прорыв. Потеряв половину товарищей убитыми и ранеными (в том числе и Прокофия Семенюту, которого тащили на себе почти целую версту, а затем по его же просьбе оставили в придорожном сарае, где он застрелился), террористы прорвались к окраине села, а оттуда ушли поодиночке в сторону близлежащих немецких хуторов. Неделю спустя в Гуляйполе нашли труп крестьянина Гуры — одного из боевиков анархистского союза. Соратники посчитали, что именно он явился провокатором. Как установило следствие, одним из приводивших приговор в исполнение был Нестор Махно. И вновь задержать его не удалось, он подался в Александровск. Полиция пошла на хитрость: Махно вызвали из уездного центра в Гуляйполе по подложной телеграмме, которую отправил запуганный на допросах один из арестованных анархистов, знавший, где мог остановиться Нестор.

26 августа, в полночь, к перрону станции Гуляйполе подошел поезд из Александровска. Как только из предпоследнего вагона показался ничего не подозревающий Махно, двое дюжих охранников скрутили ему руки, третий мгновенно его обыскал, а остальные (не менее пяти) тревожно озирались по сторонам, готовясь отразить любое нападение.

Свидетелем ареста Махно стал сам Вольдемар Антони, который настолько оказался испуганным происшедшим, что, добравшись до Александровска,

в тот же день подался оттуда в Петербург, а затем — за границу, вернувшись в Россию только через шестьдесят лет.

На следующий день александровский уездный исправник доложил губернатору, что Нестор Махно задержан «за принадлежность к разбойной шайке и совершение нескольких разбойничьих нападений и убийство крестьянина Гуры». Доказывать вину задержанного полицейский чин считал нецелесообразным, потому что «в случае освобождения его из-под стражи по сему делу он будет задержан в административном порядке для высылки его за пределы Екатеринославской губернии».

1 сентября уряднику Рыжко удалось перехватить записку, которую Махно пытался передать из тюрьмы на волю одному из членов «Союза бедных хлеборобов» Левадному. (Нестор не знал, что его адресат вот уже пять дней как томится за решеткой.) Послание содержало всего четыре слова: «Берите на себя дело». Неудача с запиской не обескуражила Махно, и он охотно объяснил следователю, что лишь давал совет Левадному (допрошенного с пристрастием в тот же день) не перекладывать свою вину на других.

Махно ни на минуту не оставлял мысль совершить побег, причем не в одиночку, а групповой. Тюремные надзиратели перехватили еще одну его записку: «Товарищи, пишите, на чем остановились: будем ли что-нибудь предпринимать? Сила вся у вас, у нас только четыре человека. Да или нет — и назначим день. До свидания, привет всем».

Полицейскому начальству уже казалось, что Махно приперт к стенке, но он наотрез отказался

давать показания. Даже потерпев полный провал в попытке связаться с волей, Махно рискнул осуществить побег самостоятельно. Рассудив, что в новогоднюю ночь внимание тюремной охраны будет ослаблено, он и его товарищи по камере № 8 предприняли 31 декабря 1908 года попытку бежать. И вновь неудача, избитые надзирателями незадачливые беглецы были водворены обратно в камеру, которую вскоре всем пришлось сменить на одиночные карцеры.

Махно всю жизнь считал, что его выдал член организации Натан Альтгаузен. А на самом деле предали его ближайшие друзья — Назар Зуйченко и Иван Левадный. Мало того что они донесли о готовящемся побеге, они же дали ложные показания об участии Нестора в ряде убийств, в том числе пристава Караченцева. Последнее обвинение выглядело совершенно абсурдным, так как пристав погиб, когда Махно отсиживал свой срок в карцере. Это, однако, не смутило Зуйченко, он доверительно сообщил следователю, что Махно руководил этим делом из тюрьмы, сумев наладить связь с оставшимися на свободе товарищами. Караченцева же застрелил при выходе из местного синематографа Александр Семечюта, отомстивший за гибель своего брата. (Буквально через полгода, окруженный полицией на конспиративной квартире, он предпочтет застрелиться сам, чем попасть на виселицу.) Известия об убийстве гуляйпольского пристава в тюрьму просочились только через три месяца. Махно торжествовал: еще одним врагом стало меньше.

30 мая Нестор узнал о смерти в тифозном бараке Ивана Левадного, 17 июня — о трагической

смерти Хшивы Шмерко. Его застрелили во время допроса, требуя все новых и новых фактов о преступной деятельности Махно и его друзей. Несмотря на их «чистосердечные» признания — оба на дознании показали и подписали все, что от них требовали, — Нестор очень сожалел о гибели соратников.

Следствие продолжалось весь 1909 год, всплывали новые эпизоды, полиция требовала покаянных признаний, а Махно либо отрешенно молчал, либо старался завести дознавателей в тупик. В ответ на упорное нежелание сотрудничать тюремное начальство ужесточило режим, стараясь отрезать подследственного от внешнего мира. Начальник тюрьмы запретил переписку с домом, отменил очередное свидание с матерью. Нестор в ответ крыл следователей отборной руганью и отказывался выходить из камеры, на очередные допросы его волокли силой.

14 декабря командующему войсками Одесского округа был отправлен обвинительный акт: следствие считало вину террористов (четырнадцати обвиняемых) доказанной, но Махно не признал себя виновным.

4 января 1910 года тюремное начальство сообщило Нестору Махно и его подельникам о том, что они переводятся из Александровской в Екатеринославскую тюрьму. Весь день арестанты пребывали в возбужденном состоянии, во время кратких (на прогулке во внутреннем дворике уездного дома заключения) встреч между собой они вели разговоры лишь о предстоящем переезде, рассматривая его как удобный случай для побега. Арестанты надея-

лись, что Семенюта попытается их освободить. Махно, возвращаясь с допроса и встретив в узком тюремном коридоре ненавистного «отступника» Альтгаузена (его вели к следователю), которого считал виновником своего ареста, пригрозил ему жестокой расправой. Натан в страхе отпрянул в сторону охранника.

Около шести часов утра 5 января арестантов доставили на станцию. До отправления поезда № 10, к которому прицепили арестантский вагон, оставалось не более пятнадцати минут, анархистов разместили под охраной жандармов и солдат 133-го пехотного Симферопольского полка в зале ожидания третьего класса.

Когда колонна шла ночью по городу, ее несколько раз обогнал одинокий прохожий в надвинутой на глаза барашковой шапке. В нем Нестор сразу же узнал Семенюту. И сейчас, устроившись на краешке скамьи, Махно внимательно рассматривал немногочисленных пассажиров и первым увидел все того же ночного «попутчика», одетого в нагольный полушубок с наброшенным на плечи башлыком. Нестор быстро прокручивал в голове различные варианты побега на тот случай, если Семенюта откроет стрельбу.

Его мысли прервал истерический крик Альтгаузена:

— Старший конвоир, сюда, меня хотят убить!

— Всем оставаться на местах, — рявкнул один из охранников.

Находившийся рядом унтер Горянин выхватил пистолет, солдаты вскинули винтовки, взяв на прицел арестантов, а один из конвоиров — Борыбин —

бросился за Семенютой, который, лавируя между скамьями, быстро пробирался к выходу. Махно напряженно ждал развязки. На привокзальной площади раздались выстрелы. Он насчитал восемь револьверных хлопков и вскоре увидел вернувшегося конвоира и запыхавшегося станционного жандармского унтер-офицера. Нестор понял, что план Семенюты провалился и последняя надежда на долгожданное освобождение рухнула.

Прибыв тем же днем в Екатеринославскую тюрьму, Махно первым делом попал к помощнику губернского тюремного инспектора. Усердный служака скрупулезно записал в регистрационной карточке: арестант имеет рост два аршина и четыре вершка, глаза карие, волосы темно-русые, на левой щеке возле глаза небольшой шрам (в детстве неудачно упал с дерева). В дело внесли сведения и о том, что Махно малограмотен, говорит на малороссийском и русском языках, холост, православного вероисповедания. На момент поступления в тюрьму денег и ценностей при себе не имеет. В графе «поведение» каллиграфическим почерком выведено «удовлетворительное».

В Екатеринославской тюрьме Нестор пробыл почти полтора года и пережил здесь, пожалуй, самые страшные дни своей жизни. С 20 по 26 марта 1910 года в Екатеринославе проходил суд над группой гуляйпольских анархистов, в том числе и над Махно. Судил их Одесский военно-окружной суд. Рассматривая политические дела, суды подобного ранга применяли, как правило, традиционную 279-ю статью, согласно которой за участие в нападениях на должностных лиц, за вооруженное со-

противление им, а также за экспроприацию на дело революции они могли либо объявить подсудимому смертный приговор, либо оправдать. Других наказаний по этой статье не существовало. 22 марта Одесский военно-окружной суд приговорил Махно «за принадлежность к злонамеренной шайке, составившейся для учинения разбойных нападений, за два разбойничьих нападения на жилой дом и покушение на таковое же нападение» к смертной казни через повешение.

Пятьдесят два дня Махно мучился и терзался в камере, еженощно напряженно прислушиваясь к каждому шороху, ожидая прихода конвоиров и тюремного священника. О чем он думал в те, казалось, предсмертные часы? О матери? О братьях? О своей такой короткой жизни? Кто знает...

От смертной казни его спасло само Провидение. На момент вынесения смертного приговора по метрике, исправленной матерью, Нестору не хватало до совершеннолетия — 21 года — шести месяцев. Он не знал, что еще за год до его рождения, 11 августа 1887 года, по высочайшему повелению Александра III был издан секретный циркуляр, предписывавший председателям военно-окружных судов следующее: даже если суды, вынесшие смертный приговор, ходатайствуют перед командующим войсками округа о помиловании подсудимого, на заседании суда смертный приговор в ходе судебного процесса должен обязательно объявляться. Пока дела медленно рассматривались в канцелярии командующего войсками, осужденный, ничего не зная об этом, томился в ожидании смерти. Страшнее пытки вряд ли можно придумать.

Махно сполна испытал на себе варварскую суть этого закона. А в это время его мать, шестидесятилетняя Евдокия Матвеевна, с помощью родственников и соседей написала письмо императрице с просьбой помиловать непутевого сына. Когда от командующего войсками Одесского военного округа пришло известие о замене казни бессрочной каторгой, по Гуляйполю пошел слух, что свою роль сыграла слезная просьба старухи матери. Ее письмо якобы попало российской императрице Александре Федоровне в день ее именин, и, будучи в хорошем настроении, она просила мужа отменить смертный приговор. Махно и сам верил, что благодаря хлопотам матери ему удалось избежать виселицы.

На самом же деле еще 5 апреля 1910 года исполняющий обязанности командующего войсками Одесского военного округа фон дер Флит направил министру внутренних дел рапорт о замене Махно смертной казни бессрочной каторгой, поскольку преступления, совершенные им, «кровапролитием не сопровождались». 7 апреля всемогущий премьер-министр Петр Аркадьевич Столыпин лично дал согласие на «смягчение участи Нестора Махно».

2 августа 1911 года, вместе с другими одиннадцатью каторжными арестантами, Махно был этапом отправлен из Екатеринослава в Москву. Два дня его везли закованного в ручные и ножные кандалы, в душном арестантском вагоне. 4 августа он впервые в своей жизни, правда через зарешеченные окна, увидел купола первопрестольной, а часа через два за ним тяжело закрылись массивные ворота Бутырской тюрьмы.

После оформления сопроводительных документов новоприбывший каторжник попал в камеру № 5. Спустя некоторое время Нестора перевели в соседнюю камеру, где судьба свела его с известным революционером и анархистом Петром Андреевичем Аршиновым (Мариним), ставшим «крестным отцом» будущего крестьянского вожака.

Именно в тюрьме, совсем молодым, Махно подорвал свое здоровье. Упрямый и несговорчивый, не желающий примириться с полным лишением гражданских прав, которому подвергался всякий осужденный на каторгу, он постоянно конфликтовал с тюремным начальством и надзирателями. Пробыв в Бутырках всего несколько недель, он в графе «поведение» удостоился записи «скверное». За это Нестор часто сидел по холодным и сырым карцерам, нередко закованным по рукам и ногам. Уже 14 августа 1911 года во время медицинского осмотра тюремный врач обнаружил у него явно выраженный туберкулез. Устанавливая диагноз, врач пометил в медицинской карте, что заключенный приобрел болезнь за время содержания под стражей. Болезнь прогрессировала, и в конце того же года в тюремной больнице ему сделали сложнейшую операцию по удалению одного легкого. Но молодость брала свое, хоть и медленно, Нестор поправлялся.

Обычно на Пасху из Гуляйполя приходили письма от матери и братьев. Все они, наполненные длинными перечислениями приветов и поклонов от многочисленной родни, близких и соседей, скрашивали тюремное однообразие, отвлекали от грустных мыслей. Брат Григорий настойчиво призывал

Нестора «обратиться к Иисусу Христу», под защитой которого он обережется от всех бед, несчастий и «дурного взгляда». На день рождения Махно получал поздравительные открытки от оставшейся в Гуляйполе своей любимой Нюси Васецкой. Нестор сильно скучал по дому, просил родных писать почаще и побольше об их жизни. В одном из писем к матери он трогательно делился с ней, как важно получить весточку от родного человека, когда находишься в беде: «Ведь помнишь, как радостно нам было, когда мы были дома, а Савва (старший брат Нестора. — В. Т.) в Японии, в плену, и когда получили мы от него письмо, отражающее собой всю жизнь его. Как больно, тяжело и в то же время радостно было нам от того, что он жив, что у него есть надежда быть в живых и возвратиться на родину. Так ожидаю я от Вас и Нюси того письма, которое мне скажет, что вы обе живы-здоровы, что у Вас, мама, есть надежды на здоровую жизнь и счастье увидеть меня возле себя, а у Нюси надежды на ее счастливую юную жизнь, признающую свое призвание, и так же видеться со мной. Я от одного только воспоминания прихожу в неопишное упоение».

Старшие братья не забывали писать и о своих хозяйствах, которые год от года увеличивались (в 1912 году один из них открыл сапожную мастерскую и нанял работника). В то же время почти в каждом письме проскальзывали опасения, что вот-вот грянет война и их добро пойдет прахом.

Интересные сведения о бутырском периоде жизни Махно оставил Аршинов. «В обстановке каюты, — вспоминал духовный наставник Несто-

ра, — он ничем особенным не отличался от других, живя, как и все прочие, — носил кандалы, сидел по карцерам, вставал на проверку. Единственное, что обращало на него внимание, — это его неутомимость. Он вечно был в спорах, в распросах и бомбардировал тюрьму своими записками. Писать на политические и революционные темы у него было страстью. Кроме этого, сидя в тюрьме, он любил писать стихотворения и в этой области достиг большего успеха, чем в прозе». Одно из стихотворений — «Призыв» (не единственное, быть может) появилось в печати почти десять лет спустя — в астраханской газете «Мысли самых свободных людей».

Когда вышел Высочайший манифест об амнистии заключенных в связи с празднованием 300-летия дома Романовых, Нестор с нетерпением ждал, что перед ним, как и сотнями других помилованных арестантов, откроются ворота Бутырской тюрьмы и он обретет долгожданную свободу. Но так и не дождавшись этого мгновения, 17 июля 1913 года он пишет прошение московскому губернскому инспектору тюрем, спрашивая, применим ли к нему этот манифест. Узнав через неделю, что вынесенный ему приговор не подлежит пересмотру и остается в силе, он впал в депрессию, часами молчал, уткнувшись взглядом в одну точку, отказывался от пищи и прогулок по тюремному дворику, снова вынашивая самые фантастические идеи побега.

Начало первой мировой войны Махно встретил спокойно, без всяких эмоций. В отличие от многих собратьев заключенных его не охватил патриотичес-

кий угар. От брата Савелия, участника русско-японской войны, он был наслышан о тяготах и лишениях, которые ждут солдат-окопников. Нестор беспокоился за своих братьев, понимая, что им, как и миллионам других крестьян, предстоит надеть солдатские шинели. Через десять дней после объявления войны Махно обратился к тюремному начальству с просьбой разрешить ему написать вне очереди письмо домой в связи с уходом на фронт брата Емельяна.

Буквально в считанные дни сентября 1914 года Нестор написал (таясь от надзирателей) пораженческую листовку и распространил ее по тюрьме. Она начиналась словами: «Товарищи, когда же вы перестанете быть негодьями?» Рукописную копию удалось, подкупив охранника, передать на волю. Размноженная в эсеровской типографии, листовка в сотнях (если не тысячах) экземпляров появилась на московских заводах, в ремесленных мастерских, в студенческих аудиториях, среди солдат маршевых рот и тыловых гарнизонов.

Нет слов: тюрьма — не сахар... Но все же... Библиотеки в политических каторжных отделениях были превосходны и — что удивительно — содержали даже чуть ли не нелегальную литературу: книги, брошюры, газеты. Переписка с родными, по сути дела, не ограничивалась, любыми литературными упражнениями заниматься не запрещалось, записи если и просматривались, то очень-очень редко и, как правило, не изымались. Существовала и не пресекалась без крайних поводов каторжная «самодея-

тельность»: хоровое пение, лекции и прочее. И как ни тяжела и безнадежна была жизнь каторжника, Махно постарался широко использовать свое пребывание в тюрьме для самообразования и проявил в этом отношении завидную настойчивость и целеустремленность. Он изучал русскую грамматику, занимался математикой, русской литературой, историей культуры и политической экономией. Махно настолько увлекся самообразованием, что не однажды обращался к начальнику тюрьмы с просьбами разрешить ему купить учебники, словари, тетради.

Каторга, собственно, единственная школа, где Нестор почерпнул исторические и политические знания, послужившие затем ему огромным подспорьем в последующей революционной деятельности. Его жизнь — другая школа, научившая познавать людей и разбираться в общественных событиях. Его сокамерник — Аршинов — обстоятельно и толково объяснял ему различия между многочисленными течениями анархизма.

По сути дела, анархизм никогда не представлял собой законченного идеологического учения. Не существовало и партии, имеющей четко выраженную программу и придерживающейся определенной организации и практики, хотя идея безвластия, или анархизма, возникла очень давно. По всей видимости, это произошло одновременно с появлением государства, когда в противовес идее сильной власти вызрела идея свободной личности и полного отрицания власти.

Еще в V веке до нашей эры в древней Элладе Зенон выступил с проповедью, совершенно отвергающей всякое государственное устройство. В том или ином виде идеи безвластия получили развитие с зарождением христианства, а затем в позднее средневековье в связи с началом разложения феодального общества. Однако идеи анархизма не приобрели вида стройной теории, а представляли собой скорее единичные воззрения отдельных личностей или небольших групп людей.

Годвин и Прудон (первые основоположники анархистских воззрений) обобщили антиэтатические (отрицающие роль государства в развитии общества) положения, основными из которых являются отношения к государству и человеческой природе. Если они — анархисты-эволюционисты, то позднейшие противники государственности — Бакунин и Кропоткин — отвергали реформизм, как таковой, и на первый план выдвигали активную вооруженную борьбу со всеми современными буржуазными правительствами и государствами.

В свою тетрадь Махно записал запавшие глубоко в сознание слова Бакунина: «Мы от всего сердца питаем отвращение к монархии, но в то же время убеждены, что большая республика с войсками и бюрократическим и политическим централизмом будет заниматься завоеваниями и притеснениями внутри страны и не будет в состоянии обеспечить счастье и свободу своим подданным, хотя бы они и назывались гражданами».

Появилось в заветной тетрадке и краткое изложение идей П. А. Кропоткина, который считал высшим законом для человека — закон развития от хороше-

го к лучшему. Махно писал: «Для него (Кропоткина. — В. Т.) государство — злодей, монстр, узурпатор, убивающий всякую свободу, инициативу, налагающий на стремящуюся к свободе личность цепи принуждения и являющееся гробовщиком свободного общества».

Махно много размышлял над прочитанным. Он в принципе соглашался с мыслью мэтра анархизма о том, что ближайшей ступенью общественного развития явится анархический коммунизм. В этом обществе будут обобществлены средства производства и продукты потребления, и каждый гражданин получит по своим потребностям. Введение нового строя, учил Кропоткин, а за ним и вторил Махно, возможно только путем насильственного переворота и вооруженной борьбы, путем глобальной социальной революции.

Но Нестор не забывал и слова Аршинова, идеи которого сводились к тому, что любая власть настолько древнее явление, что люди забыли давным-давно, откуда она взялась. Для обычного человека, который в переломные эпохи может ощутить себя мудрейшим мыслителем, она приобретает некие саморазвивающиеся качества. Но почему и до какой степени? На этот вопрос Аршинов ответа не дал.

— Думай сам, — советовал он любознательному ученику...

Тюремные дни и ночи, недели и месяцы тянулись нескончаемо медленно, связь с волей довольно ограничена, серые стены и серые лица арестантов (из-за нехватки солнечного света) — все это на-

вевало смертельную тоску. Но Махно довольно стойко переносил превратности судьбы, не падал духом, верил, что рано или поздно ему удастся вырваться из тюремных стен на волю. Один из бу-тырских заключенных — Дмитрий Пивнев вспоминал, как Махно не раз говорил друзьям по несчастью, которые дали ему кличку Скромный, что непременно станет «большим человеком, когда выйдет из тюрьмы».

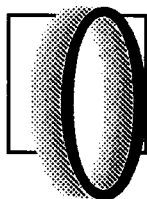
Глава 2
РЕВОЛЮЦИОННАЯ
РОССИЯ:
«Я ПРИШЕЛ
ДАТЬ ВАМ ВОЛЮ»,
ИЛИ «КРОВЬ ЗА КРОВЬ»

*Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут — и свобода
Вас примет радостно у входа...*

А. С. Пушкин

*Свобода не интересна и не нужна
восставшим массам; они не могут
вынести бремени свободы.*

Н. А. Бердяев

начале Февральской революции и крушении романовской монархии Махно узнал от тюремных надзирателей. Он воспринял это известие с нескрываемой радостью, видя в наступивших событиях закономерный результат многовекового противостояния властей и

общества. Нестора переполняло чувство гордости: не зря он воевал с полицией, громил усадьбы помещиков и гнил на каторге. С полным основанием мог сказать, что в общее дело революционной борьбы и он внес свою малую толику. Ранним мартовским утром Нестор, вместе с другими заключенными Бутырской тюрьмы, вышел на свободу и сразу же потерялся среди шумно говорливой московской толпы. Вечно молчавшие, скрывавшие свои мысли и чувства люди спешили высказать все, что накипело на душе. Москва бурлила: стихийные митинги и демонстрации, многочисленные собрания. На площадях выступали ораторы, клеймившие российское самодержавие, по Тверской разъезжали грузовики с вооруженными солдатами и рабочими, горели полицейские участки, возбужденные студенты вели арестованных жандармов, среди населения ходили самые фантастические слухи о происходившем в разных частях страны, и при этом не чувствовалось абсолютно никакой власти, каждый говорил и делал то, что находил нужным. Полная анархия! О чем еще можно мечтать! (Но от острого глаза вчерашнего каторжника не ускользнуло и другое: революционный порыв на глазах оборачивался всеми уличными мерзостями, включая зловоние от нечистот: трамвайные остановки, подворотни и парадные подъезды превращались в импровизированные нужники. Параллельно проявлял себя «классовый» вандализм. После пребывания солдат или крестьян на какой-либо конференции или съезде можно было быть уверенным, что вазы и прочие декоративные предметы особняков, в которых проходили подобные мероприятия, будут использованы совсем по иному назначению.)

Махно ничего толком не мог понять в бурлящем водовороте столкновений идей, диаметрально противоположных взглядов, страстей и устремлений, борьбы различных партий и политических группировок. После стольких лет тюремной тишины он, буквально оглушенный происходившим, как губка впитывал в себя новые впечатления, радуясь новым открытиям и знакомствам. Однако спустя три недели Нестор, несмотря на уговоры московских анархистов, поспешил в родное Гуляйполе, которое всегда оставалось для него «тихой гаванью» и манило к себе.

Поезд шел нескончаемо долго, часто останавливаясь на станциях и полустанках, где Махно наблюдал ту же, что и в Москве, картину. Слушал те же пламенные речи разных ораторов, читал те же лозунги, видел те же революционные образы — празднующие солдаты в замызганных шинелях, опьяненная свободой интеллигенция и совсем растерявшийся и обалдевший от социального круговорота крестьянин.

После Февраля на улицы городов выплеснулась волна самых разнообразных манифестаций. Это обычно для любой революции, хотя в России по тогдашним погодным условиям (необычно холодная зима) ситуация приняла «масленичный» характер. Февральская революция в ту пору менее всего напоминала «кровавый карнавал». Выходили женщины, требуя уравнивания в правах во имя демократии, подростки с лозунгами «Детский социализм», решившие «перевоспитаться» уголовники, наконец, многочисленные «инородцы» в экзотических одеяниях — это более всего умиляло «чистую» публику, особенно в столицах.

Нестор понял, что революция могучей волной понеслась по всей бескрайней стране и остановить ее невозможно. В этой ситуации Махно не мог стоять в стороне. Его беспокойная натура требовала кипучей деятельности, и он ринулся в водоворот Красной Смуты — не раздумывая и безоглядно.

В деревне новости всегда разносятся с большой быстротой. Весть о том, что 25 марта в Гуляйполе вернулся из Москвы освобожденный каторжанин, разнеслась по округе мгновенно. Двадцати восьми лет от роду, не имея за душой ни гроша, ни толковой профессии — ничего, кроме девяти лет тюремной каторжной жизни, сделавшись фанатиком анархистской идеи, Махно, вероятно, в иное время в глазах односельчан выглядел бы жалким неудачником. Но времена изменились, и как единственный (свой!) политкаторжанин в селе он сразу попал в центр внимания. В глазах гуляйпольцев Махно приобрел несомненный авторитет, и это не случайно, поскольку он — человек, пострадавший за крестьянско-мужицкие идеалы. А так как революционеров многим крестьянам видеть и слышать не доводилось, то в глазах земляков Махно олицетворял собой борца за народное счастье. Ему устроили поистине торжественную встречу с приветственными речами, подношением памятных подарков и букетов цветов. Он с умилением слушал стихи местного поэта А. Монюшко «Привет каторжанам», которые дружно декламировала группа гуляйпольских школьников:

Привет вам, страдальцы за счастье людей!
Привет вам, борцы за свободу,
Привет вам, добывшим мукою своей
Желанную волю народу.

В своем ответном слове растроганный до слез Махно сказал: «Из самых глубинных недр населяющего (Гуляйполе) крестьянства родится та мощная революционная волна самостоятельности масс, на которую революционный анархизм должен опереться».

Выйдя на свободу, Махно надел темные очки, так как не мог сразу привыкнуть к яркому свету дня. А по деревням пошел слух, что об этом Нестора попросили односельчане: якобы взгляд бывшего каторжанина настолько пронзителен, что его невозможно выдержать. Нестор лишь посмеялся подобным слухам и разговорам, но очки еще несколько недель не снимал.

Каждый гуляйполец считал своим долгом лично засвидетельствовать почтение знаменитому земляку, «воскресшему из мертвых герою революции». «Памятник» в дом, где остановился вчерашний каторжанин, не прекращалось ни днем ни ночью, люди приходили не только из ближних сел, но и из соседних волостей.

К такому вниманию к своей персоне Махно еще не привык и вскоре, дабы скрыться от назойливых почитателей, устроился маляром на завод сельскохозяйственных машин «Богатырь», на котором трудились не успевшие стряхнуть с себя груз деревенских традиций бывшие крестьяне. Однако рабочая «карьера» продолжалась буквально несколько дней. Земляки сообщили Нестору Ивановичу об избрании его товарищем (заместителем) председателя волостного земства. С заводом пришлось попрощаться.

А революция тем временем развивалась своим чередом: в стране сложилось двоевластие — Советы и Временное правительство, борьба между которыми грозила вылиться в нечто более серьезное, чем словесная перебранка на митингах и страницах периодических изданий. Противники слали на головы друг друга проклятья, создавали свои вооруженные объединения и готовились к решительным действиям.

На Украине ситуация была особенно сложна и запутанна. Местная верхушка сделала ставку на национально-освободительное движение украинского народа и образовала Центральную раду. Полным ходом шло создание губернских и уездных рад, сельских и волостных «народных управ», а также воинских формирований. Усиливались русофобские настроения, под негласный надзор попадали левацкие партии и группировки.

В Гуляйполе исполнительная власть оказалась в руках офицеров дислоцированного здесь 8-го Сербского полка и приданной ему пулеметной команды бывшей царской армии. Председателем «Общественного комитета» стал прапорщик Прусинский, а его заместителем и одновременно начальником местной милиции поручик Кудинов. Первые же их распоряжения — о запрещении деятельности ряда политических объединений леворадикального толка, немедленной сдаче населением всего оружия, об ответственности и уголовном преследовании за совершение правонарушений — не на шутку встревожили Махно, поскольку они противоречили его представлениям о послереволюционном устройстве

страны. Буквально за несколько дней Махно создал боевую организацию по образу «Союза бедных хлеборобов», которую назвал «черной гвардией». Это «войско», насчитывавшее до шестидесяти человек, выглядело довольно устрашающе — все гвардейцы перепоясаны пулеметными лентами, увешаны ручными гранатами, из-за поясов торчало по два револьвера, из голенищ выглядывали самодельные финские ножи. Но несмотря на то что в «черной гвардии» насчитывалось немало участников первой мировой войны, георгиевских кавалеров, унтер-офицеров и прапорщиков — П. Гавриленко, А. Калашников, С. Каретников, И. Лютый, А. Марченко, Г. Троян, А. Чубенко, Ф. Щусь и другие — «гвардейцы» ограничивали свою «боевую деятельность» террористическими актами, а втягиваться в серьезные конфликты не стремились, понимая, что без больших жертв дело не обойдется.

Военных Махно и его окружение старались не трогать, а те, как правило, не реагировали на выходы новоявленных сил самообороны и не предпринимали мер к их разоружению. Первыми жертвами «черной гвардии» пали гуляйпольцы К. Васецкий, А. Власенко и местный поп Дмитрий, с которыми махновцы жестоко расправились, обвинив в содействии полиции во время разгрома «Союза бедных хлеборобов» в 1908 году. «Черногвардейцам» удалось захватить архив полицейского управления, в котором оказались и документы, раскрывающие всю подноготную событий 1908 и 1910 годов.

По приказу Махно подверглись казни виновные в провале группы А. Семенюты. Этой расправой он хотел не только отомстить своим врагам, но и пока-

зять членам созданной им новой организации, что их ждет в случае измены.

Постепенно, с помощью соратников, Махно удалось установить в селе, по сути дела, личную диктатуру, направленную против местных верхов. Для голодного человека демократия — пустой звук. Он пойдет за тем, кто поманит его куском хлеба. Как ни странно, увести его «подальше» может тот, кто ухитрится подсказать, где и что можно взять самим, а приучив к дармовщине, прельстит и вовсе уж райскими кущами. Вождь массы — это всего лишь узурпатор власти, признанный ею в надежде получить обещанное им. Но новые лидеры не умели ни накормить, ни даже пообещать достаток в будущем. Они словно были убеждены, что можно навсегда стать сытым от сладкого слова «свобода»...

Махно укреплял свои позиции: офицеров местного гарнизона удалось путем подкупа переманить на свою сторону, а те, кто сопротивлялся, исчезали бесследно. Среди солдат махновцы вели агитацию, подкрепляя свои слова ведерными бутылками самогона и продуктами из собственных кладовок. Нестор считал диктатуру делом временным, но все же неизбежной формой правления, необходимой для окончательной победы революции, неоднократно при этом заявляя, что «по силе возможности нужно выбрасывать буржуазию и занимать посты нашими людьми».

Повсеместно обнаруживались, казалось бы, неожиданные и труднообъяснимые на первый взгляд явления: самораспаляющаяся ненависть новоявлен-

ных «хозяев жизни» к невесть откуда непомерно расплодившимся «буржуям», под которыми понимался любой интеллигентного вида и прилично одетый человек; убежденность городских и сельских низов, что теперь «все будет дешево, почти задаром», появление настоящей эпидемии доноительства и ненависти и страсть к самодеятельным обыскам — иной раз для того только, чтобы посмотреть, как живут «баре» (этим не преминули воспользоваться уголовные элементы); упоение студентов и гимназистов выполнением полицейских обязанностей, сводившихся чаще к борьбе с «контрреволюционными» разговорами. «Буржуи» получили социально-враждебный эпитет «толстопузые» — его мог публично удостоиться человек тощий, как щепка, если он, однако, произносил «контрреволюционные» слова; они же предстали носителями некоего греха, формулируемого доступно и пугающе — «кровь нашу пьют», понятие «чужое» стало синонимом «враждебное» (именуемое «контрреволюция»); носителем всех возможных прегрешений легко становился случайный человек, чье мнение не совпало с мнением митингующей толпы, среди которых бывало множество кухарок, горничных и всевозможной прислуги женского пола, легко возбудимой и поддающейся влиянию извне. Случалось, что для спорящих на улице последним аргументом становилось взаимное обвинение в контрреволюции и угроза ареста...

В ночь на 29 марта Гуляйпольский крестьянский союз утвердил Махно в должности своего председателя. (После реорганизации союза в первых числах

августа в Совет рабочих и крестьянских депутатов он остался на посту его председателя.) Весь апрель ушел на разработку планов на предстоящую «летнюю кампанию» революционной борьбы: привлекали в «гвардию» добровольцев, искали оружие, вели наблюдение за армейскими гарнизонами. Поглощенный местными проблемами, Махно все же старался следить и за событиями в России, в калейдоскопе которых порой было трудно разобраться. Но ум и природная крестьянская смекалка не подводили: 1 мая, после мощной манифестации «революционно настроенных масс и солдат Сербского полка», он подписал телеграмму в Петроград с требованием изгнать из Временного правительства десять «министров-капиталистов» и приступить к радикальным преобразованиям (наиважнейшим считал аграрную реформу), не дожидаясь Учредительного собрания. Июльский правительственный кризис как бы подтвердил правильность суждений Махно (как, впрочем, и других российских революционеров) о том, что без серьезных перемен в общественной и экономической жизни все рассуждения столичных политиков не стоят и ломаного гроша.

Сам для себя Нестор неожиданно обнаружил: наладить правильный и продуктивно работающий парламент в такой огромной стране, как Россия, — дело трудное, требующее терпения, взаимных уступок, навыков политических соглашений. Но левые политические круги (к которым относил себя и Махно) и низы народа, на которые они опирались, ждать не хотели и не желали.

— Чего ждать, — говорил Махно на заседаниях Гуляйпольского Совета, — надо брать власть в руки,

и точка. А искать компромисс с кадетами или меньшевиками — дело пустое и совершенно ненужное. Обойдемся и без них, буржуев.

Внимательно следил Нестор и за ходом Всероссийского крестьянского съезда, открывшегося 4 мая, в процессе работы которого обнаружилась масса любопытных моментов для понимания, почему Февральская революция открыла широкую дорогу насилию снизу: крестьяне-делегаты, по свидетельствам очевидцев, говорили с трибуны одно, как правило, соглашаясь с аргументами маститых политиков, а в кулуарах высказывались совсем по-иному, куда пессимистичней оценивая возможности постепенного решения наболевших проблем.

В мае Махно женился на любимой девушке Насте Васецкой, которая часто писала ему в Бутырки теплые письма и ждала его из тюрьмы. После женитьбы Нестор настолько ушел в семейную жизнь, что на время забросил былые лихие дела. Среди активных членов «черной гвардии» возникло опасение, как бы их «атаман» не удалился от борьбы и тем самым не погубил вольницу, набирающую с каждым днем силу. Поэтому они, под страхом смерти (конечно, втайне от Нестора), заставили Васецкую покинуть Гуляйполе. Махно, не знавший истинных причин бегства Насти, тяжело перенес эту утрату.

С началом лета Махно и его «черная гвардия» обрушили свои удары на местных помещиков. Встретив едущего в фаэтоне владельца двух сотен десятин земли Классена, махновцы заставили его прыгать на одной ноге до Гуляйполя, а затем, натешившись вдоволь, застрелили задыхающегося старика. Захва-

тив опустевшее имение, «черная гвардия» организовала в нем «образцово-показательную коммуно анархистов». Но в коммуне не столько работали, сколько устраивали по всякому поводу, а то и просто так, попойки, которые заканчивались беспорядочной стрельбой в воздух или кавалерийскими налетами на близлежащие хутора. Со всей волости свозили в свою коммуно награбленное добро, обменивая его потом на самогон. Не брезговали и кражей лошадей, сбывая их затем цыганам. Махно пытался личным примером урезонить своих распоясавшихся приближенных. На два дня в неделю Нестор Иванович откладывал все свои «бумажные» дела и посвящал все сорок восемь часов работе в коммуне, однако установить дисциплину ему так и не удалось. Он махнул рукой и старался больше не обращать внимание на разгул «гвардейцев». Очевидно, еще с тех пор слово «коммуна» в махновской интерпретации стало вызывать у гуляйпольцев ужас и неподдельный страх.

Попытки уездного комиссара Временного правительства Б. К. Михно приструнить Нестора ни к чему не привели. Последний нашел себе надежного союзника в лице известной анархистки Маруси Никифоровой, которую дерзким налетом освободил из уездной тюрьмы. Соединив свои отряды, они нападали на идущие с фронта поезда, разоружали солдат, отпуская их на все четыре стороны, офицеров же расстреливали. Особенно потряс и поверг обывателей в ужас случай на станции Орехово, где махновские «гвардейцы» перебили следовавших в эшелоне почти два десятка офицеров Преображенского полка, отказавшихся передать им оружие и боеприпасы.

В результате решительных действий Махно и слабости местных властей Гуляйпольский район превратился в карликовое «вольное» государство, которым он сам стал руководить. Нестор Иванович быстро вошел во вкус правления, в то же время понимая, что власть его всецело зависит от поддержки крестьян. В начале августа Махно пошел на ликвидацию помещичьего землевладения: как председатель Совета, он произвел точный учет фактически брошенной помещиками земли и инвентаря в Гуляйпольском районе и предложил уравнивать помещиков и крестьянство, а в середине месяца, выступая на районном съезде Советов, призвал крестьян игнорировать распоряжения Временного правительства и Центральной рады и «немедленно отобрать всю помещичью землю и организовать (на ней) свободную сельскохозяйственную коммуну, по возможности с участием в этой коммуне самих помещиков и кулаков». 25 сентября Махно подписал декрет Совета о национализации земли в районе и разделе ее между крестьянами.

Интересна попытка Гуляйпольского Совета наладить непосредственный обмен с городом: с этой целью рабочим Прохоровской и Морозовской мануфактур отправили три вагона муки с просьбой прислать взамен ткани. Посланная рабочими мануфактура оказалась задержанной заградительным отрядом и направлена в Александровск, так как власти воспротивились столь «мелкобуржуазному» решению вопроса о снабжении городов. «Черной гвардии» чуть ли не с боем пришлось выручать конфискованную ткань. Лишь после того как Махно пригрозил александровским властям ввести в уездный центр свое

доблестное войско, те пошли на уступки и разрешили ограниченный обмен зерна и муки на соль, гвозди, плуги.

Активно Махно вторгнулся и в решение рабочих вопросов. Еще в июне по его инициативе на предприятиях села был установлен рабочий контроль (который, правда, остался «на бумаге»). Но этого показалось мало. Нестор считал себя знатоком жизни пролетариата и заявил о своей готовности возглавить местные профессиональные союзы. 4 октября Махно единогласно избирается председателем союза металлистов, деревообделочников и других профессий села Гуляйполе и его окрестностей.

Уже первые его шаги показали, что новоиспеченный профсоюзный лидер слов на ветер не бросает и всеми силами пытается завоевать доверие рабочих. Впрочем, он пошел по самому легкому и проторенному пути, объявив об увеличении оплаты труда, нисколько не заботясь о другой стороне медали — росте производства. Так, 10 октября по его требованию владельцы всех находившихся в Гуляйполе заводов, мастерских и мельниц подняли зарплату рабочим: на тридцать пять процентов — квалифицированным кадровым рабочим, на семьдесят процентов — чернорабочим. Через два дня последовал новый декрет: без одобрения самого Махно заводская администрация не имела права кого-либо увольнять или брать на работу.

Но, укрощая нанимателей, он решительно подавлял любой всплеск профсоюзной самостоятельности. Без его визы ни одно решение рабочего собрания не имело силы. Любая инициатива пресекалась, и на протоколах «самостийных» профсоюзов появлялась

одна и та же размашисто-корявая резолюция: «Заявление рабочих оставить без уважения. Н. Махно».

25 октября вышло еще одно распоряжение — уравнивать рабочих малярного цеха завода «Богатырь» в оплате с работниками других цехов — литейного, механического, сборочного и инструментального. Администрация сочла его абсурдным и пыталась объяснить Махно, что это несправедливо. Но тот и слушать ничего не желал и на заседании правления профсоюза 31 октября в приказном порядке ввел постановление в действие, заявив нанимателям:

— Не хотите удовлетворить наши требования? И не надо! Заседание объявляю закрытым. А для вас, господа, телеграфных столбов хватит. Смотрите не нарвитесь на неприятность. Предупреждаю.

Те рабочие, интересы которых отстаивал Махно, поддерживали его и охотно шли в «черную гвардию». Численность последней заметно увеличилась. В дальнейшем многие из «гвардейцев» получили в махновских отрядах командные должности. Крестьяне им доверяли, они не были для них чужими, так как сами всего лишь недавно пришли на фабрику или завод прямо от сохи.

В дни корниловщины Гуляйпольский Совет организовал «Комитет спасения революции» во главе с Махно. Началась массовая конфискация оружия у помещиков, офицеров и чиновников (которым оружие полагалось по роду их службы). Конфискацию проводили махновские «гвардейцы», и после обысков обыватели недосчитывались многого из своего добра. А Нестор Иванович в это время на многочисленных митингах клеймил «предателей революции, воров и насильников».

В сентябре в Гуляйполе прибыл чиновник по особым поручениям для наказания участников последних акций. Махно вызвал его в «Комитет спасения революции» и велел «в двадцать минут покинуть село и в два часа — пределы его революционной территории». В противном случае обещал применить «крутые меры», как к врагу революции.

Занятые своими будничными делами, Махно и его земляки, казалось бы, не замечали тех событий, которые происходили в стране. С опозданием на несколько дней к ним пришло известие о свержении Временного правительства в Петрограде и победе большевиков, о состоявшемся в Харькове I Всеукраинском съезде Советов, провозгласившем (в противовес Центральной раде) на Украине Советскую власть. (Через день Россия послала ультиматум Центральной раде, в котором под угрозой объявления войны приказывалось, помимо всего прочего, в течение сорока восьми часов признать решения съезда. Рада, естественно, отвергла притязания российских большевиков, которые в свою очередь объявили украинскому правительству войну. Вооруженным вторжением революционных войск командовал М. А. Муравьев, политический авантюрист, бывший офицер, левый социал-революционер, убитый в 1918 году в Симбирске во время неудавшейся попытки антибольшевистского переворота. Его отряды, насчитывавшие несколько тысяч штыков, входили в состав Южного фронта, командующим которого был назначен В. А. Антонов-Овсенко. В зону действия этого фронта подпадала вся

Украина, что служило подтверждением стремления большевистского правительства считать ее частью Юга России.)

Махно на том этапе (не имевший возможности отслеживать быстро меняющуюся обстановку) характеризовал Октябрьскую революцию только положительно. Он стремился показать, что анархисты и большевики длительное время шли рука об руку и боролись за общее дело. «В дни реакции керенщины, — писал Нестор Иванович позднее, — протестовали против насилия над свободным словом и товарищи большевики, которые так же, как и анархисты, были гонимы за то, что выступали везде и всюду против братоубийственной войны на фронте. Эти гонения анархистов и большевиков тесно объединяли их для дружной совместной борьбы против реакции, созданной Керенским и компанией».

Он явно испытывал огромное влияние со стороны быстро распространявшейся большевистской пропаганды:

— Я утверждаю, что в первые два месяца — именно ноябрь и декабрь — торжество Октябрьского переворота в России украинскими тружениками на местах было только приветствуемое.

Махно отправил по адресу «во Временное рабочее и крестьянское правительство, Народному комиссару» письмо, в котором просил «министерство земледелия все законы и декреты по земельному вопросу и прочие законы, касающиеся крестьянства, при возможности высылать на имя волостного земельного комитета, так как уездные и губернские комитеты, благодаря тому, что в них находится сама

буржуазия и кадеты, постановления Временного рабочего и крестьянского правительства не пропускают на места волостным комитетам, а, наоборот, издают сами противозаконные постановления — закону Временного рабочего и крестьянского правительства».

Вслед за большевиками Нестор Иванович отрицательно отнесся и к выборам в Учредительное собрание («цирк, и только»), оценив складывающуюся ситуацию как «карточную игру».

«Не партии будут служить народу, а народ партиям, — заметил он на одном из заседаний Совета. — Уже теперь в делах народа упоминается лишь одно его имя, а вершат дела партии».

И он оказался прав. Крестьяне с самого начала революционных потрясений настороженно отнеслись ко всем партиям, даже, казалось бы, «своей» — эсеровской. Один из них объяснял эту настороженность так:

— Я увидел, что эти партии создали каких-то воображаемых крестьян, которых очень возвеличивали на словах, а к живым людям относились так же, как и прежняя власть, — на основе насилия, приказа и беспрекословного подчинения.

Крестьяне и большевистский переворот встретили поначалу равнодушно (что очень удивило Махно): для них он был простым продолжением существовавшей наверху властной неопределенности. Но в любом случае крестьяне четко отделяли друг от друга столичную власть, которой «всегда надлежит быть», и местных чиновников, отношение к которым определялось прежде всего возможностью «договориться» по всем вопросам. Скорее всего, крестья-

яне уже хорошо усвоили, что слабость местных властей дает им право многие проблемы решать самостоятельно.

Центральная рада казалась Махно некой далекой абстракцией. Ее власть практически не доходила до Гуляйпольского района, но его откровенно раздражало присутствие в уездном центре представителей рады. «Посмотрите, — говорил он, обращаясь к своей «черной гвардии», — у вас под носом до сих пор сидят ставленники украинской рады. Сперва их бы надо вышибить из Александровска».

Имея землю, гуляйпольское крестьянство пассивно встретило изданный Центральной радой закон о праве владения землей до 40 десятин на хозяйство. С таким же безразличием оно отнеслось и ко многим другим ее распоряжениям и указам, в частности к запрету вывозить с Украины в Россию хлеб и донецкий уголь. И то и другое в «соседнее» государство вывозилось и открыто, и тайными тропами: политика политикой, а коммерция коммерцией. Не волновала практически крестьянские массы и борьба рады против Советов.

Осенью 1917-го все российское образованное общество сделало страшное для себя открытие, оно столкнулось с ужасно радикализованной массой.

— Народ удивительный, — уверял очевидец. — У него глаза Божьи, но вы заметили, какие бывают рты? Рты дегенератов, челюсти пещерных людей, растянутые, чувственные, жадные и наглые... Говоришь с ними по-хорошему, по-человечески, и вдруг...какая-то передвижка, и уже смотрит тот, другой, «предок»...

Но нашлись в Гуляйполе и горячие сторонники

центральной киевской власти. 18 ноября в здании одной из местных школ состоялось торжество, посвященное провозглашению Украинской народной республики. Священник Григорий Качевский прочел III «Универсал» Центральной рады и отслужил по этому поводу молебен. 280 жителей села записались в «Вольное казачество» Симона Петлюры, а для нужд фронта совместными усилиями собрали три вагона хлеба. Подоспевшие к финалу, «черногвардейцы» разогнали участников торжества, списки волонтеров сожгли, а хлеб реквизировали в пользу своей коммуны (его, правда, потом обменяли у тех же самых крестьян на самогон).

Еще в период корниловщины Махно понял, что для борьбы с контрреволюционным офицерством необходимо иметь под рукой военную силу. Это стало еще более очевидным тогда, когда атаман Каледин начал собирать на Дону казачьи полки и готовиться к ликвидации Советской власти (которую объявил «вне закона»), а войска Центральной рады захватили Екатеринослав. Обеспокоенный сложившейся ситуацией, Нестор Иванович выступил с инициативой созыва экстренного съезда Советов Гуляйпольского района, участники которого вынесли резолюцию с требованием «смерти Центральной раде» и высказались «за организацию» противоборствующих ей сил. На следующий после окончания съезда день Махно вплотную занялся созданием вооруженных формирований, способных к ведению широкомасштабных боевых действий.

В начале декабря произошли первые столкновения между казачьими частями Каледина и войсками Центральной рады, с одной стороны, и отрядами

вооруженных крестьян — с другой. Стремясь в короткий срок сломить сопротивление, Рада решилась пойти на рискованный маневр: дала разрешение на проезд казачьих частей и ударных батальонов с Румынского и Юго-Западного фронтов на Дон, что способствовало бы концентрации у Каледина не только казаков, но и контрреволюционно настроенных офицеров и юнкеров.

Известие о том, что с фронта на Дон к Каледину движутся вооруженные казаки, вызвало у гуляйпольцев большое беспокойство. Крестьяне Гуляйпольского района, находившегося совсем рядом с казачьими областями, испокон веков враждовали с казаками, помнили и кровавые дни 1905—1907 годов, когда на защиту помещичьих усадеб царское правительство посылало казачьи полки. Все понимали, что рано или поздно эта хорошо вооруженная сила выступит против бунтующих губерний и первый удар придется на крестьянство Юга. Свои взоры жители Гуляйполя, окрестных деревень и хуторов обратили к Махно. 2 января 1918 года он созвал заседание местного Совета и профсоюзов, на котором в течение суток обсуждался вопрос о том, как не пропустить казаков на Дон. Лишь к утру следующего дня пришли к единому решению: помочь красногвардейским дружинам Александровска, разоружавшим казачьи эшелоны. 4 января в сторону уездного центра двинулся только что сформированный гуляйпольский отряд. Махно, не имевший боевого опыта, не решился его возглавить и поручил командование своему брату Савве, получившему «военное образование» в окопах русско-японской войны. На себя Махно

(не участвовавший в боевых действиях) принял обязанности поддерживать связь между Александровском и Гуляйполем и обеспечивать отряд всем необходимым. Он отказался от поста председателя Гуляйпольского Совета рабочих и крестьянских депутатов, заняв, однако, должность руководителя местного ревкома, что значительно расширило круг его полномочий: от права ликвидировать любое учреждение или запретить деятельность неугодного партийного объединения до права «казнить или миловать», а именно к этому Махно и стремился. Однако его попытки занять ведущие позиции в Александровском ревкоме оказались безуспешными.

Пока шли бои между крестьянскими силами самообороны и казаками, а потом и с войсками Центральной рады, Махно не покидала навязчивая идея взорвать Александровскую тюрьму, где он сам когда-то сидел. Сделать этого он не смог только потому, что не нашел необходимое количество динамита. Категорически отвергая существование судов и тюрем, Нестор Иванович выразил горячее желание войти в состав судебной комиссии, где, как сам признавался, «провозился более трех суток, не зная ни сна, ни отдыха».

Среди арестованных Махно встретил многих своих врагов, в том числе и бывшего уездного комиссара Временного правительства Михно, и тех, кто выслеживал и арестовывал его в молодости. Может быть, именно тогда Махно впервые понял, что вершить судьбу людей, опираясь на законы, гораздо эффективней и безопасней для себя, чем стрелять из-за угла, а затем ощущать чувство страха перед

возмездием, которое должно прийти невесть откуда. По своему усмотрению Махно наказывал и миловал, глубоко веря, что делает все в соответствии с суровыми законами революции, в интересах классовой мести. Но своего обидчика — Б. Михно — он все-таки освободил; и вскоре, бросив работу в судебной комиссии и вызвав с позиций гуляйпольский отряд, ушел в родное село.

Александровские уездные власти не скрывали своей радости по поводу скорой разлуки с деятельным Махно, который при каждом удобном случае заявлял, что готов занять любое руководящее «кресло» в уездном ревкоме. При его кипучем характере одного «кресла» оказалось бы мало, это все понимали, а остановить Махно в его стремлении к власти — дело не простое.

«Когда же я объяснил причину и цель моей, со всем отрядом, немедленной поездки в Гуляйполе, — писал он в своих воспоминаниях, — то председатель ревкомитета товарищ Михайлович позвал меня в особый кабинет и излил мне свою радость по поводу того, что спешу в район.

— Ваше, товарищ Махно, присутствие в Гуляйполе теперь больше, чем необходимо, — сказал он. — Кроме того, вам, кажется, известно, что мы по проекту из центра думаем разбить Александровский уезд на две административные единицы и есть отметка, что один из них будет организован под вашим, товарищ Махно, руководством в Гуляйполе.

Я ответил своему «благодетелю», что это не обольщает меня, что это расходится с моими взглядами на дальнейший рост и развитие революции».

В конце января 1918 года Центральная рада, потеряв надежду на помощь со стороны Каледина, обратила свои взоры в сторону Германии, с которой (и ее союзниками) подписала вскоре Брест-Литовское соглашение, оговорив пункт о защите Украины от большевистской экспансии с помощью германских штыков. (Только в последние месяцы 1917 года на украинскую территорию из Советской России для вооружения антиправительственных партизанских формирований поступило 112 тысяч винтовок, 378 пулеметов, несколько сот пудов боеприпасов.)

Мощными ударами немецкие войска заставили малочисленные красногвардейские отряды отступать в глубь Украины. Для оказания серьезного сопротивления требовалось увеличить силы самообороны в несколько раз, снабдить их оружием, обмундированием и продовольствием. Рассчитывать приходилось только на местное крестьянство, так как Советская власть, подписавшая мирный договор с Германией и Австро-Венгрией, старалась не обострять отношения и не ввязываться в открытое военное противостояние.

Махно резко выступил против «предательской политики» рады, обвиняя ее в измене интересам революции, но и одновременно (пытаясь извлечь выгоду из всего) высоко оценил сам факт подписания Брестского мира, считая его удачным тактическим маневром в той обстановке. Он призвал гуляйпольцев к борьбе с внутренней и внешней контрреволюцией, однако недоучел, что крестьянство, уже получившее землю, больше думало о весеннем севе, чем о вооруженном сопротивлении, и не спешило в махновский отряд. К тому же по деревням поползли слу-

хи, что немцы везут с собой эшелоны мануфактуры и других необходимых крестьянам товаров, которые пойдут в обмен на сельскохозяйственные продукты и сырье, а те села, которые будут оказывать сопротивление, подвергнутся беспощадному уничтожению.

Махно искал новых союзников.

В начале марта, узнав, что на соседней с Гуляй-полем станцией Пологи находится начальник южных резервных советских войск М. О. Беленкович, Махно пригласил его к себе. Рассказав о своей нелегкой судьбе бывшего царского заключенного, революционной борьбе, хорошо угостив гостя, а на прощание даже устроив ему парад своего небольшого войска (в том числе и поредевшей «черной гвардии»), Нестор напрямую обратился к нему с просьбой о помощи. Беленкович под воздействием рассказов «старого каторжанина» (как представился ему Махно) передал ему три тысячи винтовок, два вагона патронов, шесть орудий (для которых, правда, не нашлось прицелов) и девять вагонов снарядов. Благодаря такому щедрому подарку удалось вооружить до пяти тысяч человек — в отряд записывали всех, от малого до старого. Добровольцев обучали обращению с оружием, выводили на полигон — пострелять, учили окапываться и многому другому. Создавались и национальные подразделения, например, еврейская рота.

Однако в крупных сражениях Махно поучаствовать не удалось. Дело в том, что на командных должностях в его отряде находились бывшие (но скрывавшие свое прошлое) офицеры — Аполлон Волох, Л. Сахно-Приходько, И. Волков, О. Соловей и дру-

гие. О серьезной проверке людей, приходивших в отряд (при острой нехватке добровольцев-командиров) тогда не могло быть и речи. Когда же к Гуляй-полю приблизились германские части, офицеры переметнулись на их сторону, да еще хотели прихватить и самого Махно. Нестор, предупрежденный в последний момент своим земляком В. Шаровским, с несколькими верными соратниками успел ускакать. Отряд распался: рядовые ушли «пахать землю», а вооружение досталось немцам.

22 апреля в родное село Махно вошел отряд германской пехоты, за ними следом — гайдамаки. Начались обыски и повальные аресты. Рядом с домом волостной управы в устрашение другим были повешены семеро повстанцев, несколько человек, в том числе и брат Нестора — Емельян, расстреляны. Гетманцы, раздосадованные бегством Нестора, сожгли дом братьев Махно.

В конце апреля германские войска заняли Екатеринослав, установив полный контроль над всеми уездами губернии, плотно закрыв пути сношений с Советской Россией. Местные партизанские отряды оказались деморализованы. Кто мог, тайными тропами отступал дальше — в Россию, другие прятали оружие и переходили на нелегальное положение. Казалось, с большевистской заразой на Украине покончено...

Конец апреля и весь май Махно кочевал по городам Южной России и Поволжья, сначала с отрядом своей старой приятельницы Маруси Никифоровой, а затем самостоятельно, так как не привык играть вторые роли.

В Ростове-на-Дону под началом атаманши Мару-

си Нестор принял участие в двух «операциях». Во-первых, в уничтожении «капитала». Свалив в огромную кучу на городской площади акции, облигации и другие ценные бумаги, воинствующие «братки» (так они обращались друг к другу) устроили огромный костер. Во-вторых, в стычке со своими бывшими союзниками — большевиками, которые попытались разоружить анархистов.

Хлопцы Никифоровой, прозванные «испанцами» — длинные волосы, черные пелерины, из-за поясов торчат рукояти тяжелых кольтов, — заводились с полуоборота. К этим налетным друзьям присоединились местные братишки-уголовники в клешах, с золотыми дамскими браслетами на руках.

...По улице на бешеной скорости мчится экипаж. Развалясь, сидит в нем молодая брюнетка в заливатски надетой набекрень кубанке. Рядом, на подножке, плечистый парень в красных гусарских рейтузах. Брюнетка и ее телохранитель увешаны оружием: сабли, маузеры в деревянных кобурах, ручные гранаты...

Анархисты к ней:

— Маруся, что делать? Большевики требуют сдать оружие!

Рука Маруси нервно сжимает эфес сабли.

— Братишки, посторонись, родные!

Клеш в цилиндре тащит за собой «максимку» и устанавливает его на углу Таганрогского проспекта.

— Наша взяла!

— Ленту!

— Готово!

— Та-та-та-та...

— По Донскому областному исполкому!

— Готово!

— Крой их!..

Но силы неравные. Вечером того же дня отряд Никифоровой был блокирован в одном из ростовских особняков и затем разоружен, а сама предводительница отдана под следствие. Но она легко отделалась: ее оправдали и освободили прямо в зале суда. (Времена были еще «либеральными».)

Нестор побывал в Таганроге (где присутствовал на конференции местных анархистов), вернулся в Ростов-на-Дону, оттуда перебрался в Царицын, посетил Саратов и Астрахань, потом снова на пароходе по Волге добрался до Саратова, откуда поездом отправился в Москву. В каждом городе он пытался установить связи с местными анархистами, прощупать, кто чем «дышит» и живет. Находясь в Саратове, Махно, хотя и с большим опозданием, узнал о приходе к власти на Украине гетмана П. П. Скоропадского. Это известие очень беспокоило Нестора Махно. Новый гетман не считал нужным опираться на различные политические группы и объединения (последние вносили в общественную жизнь большой разноряд, что было на руку анархистам), особенно не благоволил к левакам, и предпочитал иметь дело с германскими военными.

Поезд, в котором Махно ехал в столицу, из-за отсутствия топлива несколько дней простоял в Тамбове. На вокзале и местном рынке Нестор прислушивался к разговорам о жизни в Москве. Узнав, что население там голодает, накупил полный чемодан белых булок. С таким багажом (и револьвером за поясом) он в первых числах июня вышел на перрон московского вокзала.

Первопрестольная за год сильно изменила свой облик. С середины марта 1918 года она стала столицей Советской России. Еще из окна вагона Махно увидел на московских улицах уже не ту безмятежную публику, которую с интересом рассматривал в феврале 1917 года после девятилетнего бутырского заключения. Теперь среди прохожих попадалось много солдат-инвалидов, людей в военной форме без знаков различия, матросов с выведенными золотом самыми невероятными названиями кораблей. Витрины многих магазинов, на которых сохранились перекошенные вывески их бывших хозяев, наспех забиты досками, знаменитые раньше трактиры закрыты. На домах виднелись следы пулеметных очередей, стены в некоторых местах пробиты снарядами. На улицах грязь, по вечерам темно, ночью вообще выходить из дома опасно.

Удачно миновав заградительный пост (который отбирал у обывателей привезенный хлеб) и взяв на вокзале извозчика, Нестор Иванович сразу же отправился на поиски Петра Аршинова, который в то время состоял секретарем Московского союза идейной пропаганды анархизма. Махно было о чем поговорить со своим старым учителем. От него узнал последние новости, в том числе о разгроме в апреле органами ВЧК анархистов в Москве и Петрограде.

Махно до крайности возмутили эти действия Советской власти, хотя в глубине души и признавал городских анархистов «изменниками великой идеи», ибо твердо уверовал в то, что настоящий анархист должен не отсиживаться в столице, а идти в село и расшевеливать крестьянские массы. На

квартире Аршинова Махно встретился с видными московскими анархистами — Львом Черным (Павлом Дмитриевичем Турчаниновым), Алексеем Боровым и Иудой Гроссманом (Роциным). Беседы с ними произвели на него в общем-то удручающее впечатление. Собеседники рассматривали Махно лишь как потенциального «донора» (столичные анархисты нуждались в деньгах). Подобное потребительское отношение Нестор Иванович ощутил и на заседаниях Московской конференции анархистов, где он предложил выработать совместную тактику борьбы против гетманщины и австро-немецких войск на Украине, а в ответ слышал лишь настойчивые просьбы помочь столичным соратникам, которые якобы являются «мозговым центром движения» и без них российский (и мировой) анархизм выродится.

«Фактически не было таких людей, — писал Махно, — которые взяли бы за дело нашего движения и понесли бы его тяжесть до конца. Или если они и были, то, видимо, не хотели задумываться над катастрофическим положением нашего движения... Все это меня, очутившегося временно в Москве, убеждало в том, что я прав был, мысля о Москве как о центре бумажной революции, которая привлекает к себе всех — и социалистов, и анархистов, любящих особенно сильно в революции только одно дело — это много говорить, писать и бывающих не прочь посоветовать массам, но на расстоянии, издалека...»

Трибун анархии Лев Черный, назначенный комендантом дома и вынужденный переписывать мебель и следить за порядком в подъезде, стал для

Махно символом полного упадка «столичного» анархизма.

Из всех наблюдений за жизнью анархистских групп в Москве Махно сделал весьма серьезный и с дальними последствиями для себя самый вывод: деятельность столичных анархистов значительно отличается от того, что делали в Гуляйполе он и его единомышленники. Если в центре анархисты оказались не в состоянии существенно влиять на ход революционных событий, то на Украине такая возможность оставалась. И упускать ее Махно не хотел.

Аршинов свел Махно с патриархом российского анархизма Петром Алексеевичем Кропоткиным, который в это время готовился к переезду из столицы в более тихий подмосковный Дмитров. Об этой встрече грезились еще в Бутырках, и Нестор не обманулся в своих ожиданиях.

«Он принял меня нежно, — вспоминал Махно почти десятилетие спустя, — как еще не принимал никто. На все поставленные мной ему вопросы я получил удовлетворительные ответы. Когда я попросил у него совета насчет моего намерения пробраться на Украину для революционной деятельности среди крестьян, он категорически отказался советовать мне, заявив: «Этот вопрос связан с большим риском для вашей, товарищ, жизни, и только вы сами можете правильно его разрешить». Лишь во время прощания (а разговор длился более часа. — *В. Т.*) он сказал мне: «Нужно помнить, дорогой товарищ, что борьба не знает сентиментальностей. Самоотверженность, твердость духа и воли на пути к намеченной цели побеждает все...»

Наставления убеленного сединами революционера Махно запомнил на всю жизнь. Сам он не раз повторял, что данный ему завет много помог в последующие годы, когда его собственная и его сотоварищей жизнь часто зависела от «твердости духа и воли». Из дома Кропоткина Нестор Иванович вышел «окрыленным».

Днем позже Аршинов повел гуляйпольского анархиста в зал заседаний Всероссийского съезда профсоюза текстильщиков, на котором председательствовал «буревестник революции» Максим Горький (тогда было модно приглашать в президиумы разных собраний людей, мало имеющих общего с пролетариатом, но известных всей России как защитников обиженных и обездоленных). Слушал он и лидеров левых эсеров М. А. Спиридонову и Б. Д. Камкова, дивясь их недюжинным ораторским способностям.

Махно нельзя отказать в политической прозорливости. Когда 6 июля в Москве в дни работы V Всероссийского съезда Советов вспыхнул левоэсеровский мятеж, он заметил Аршинову, что большевики подавят его «одним авторитетом Ленина и Троцкого». Мятежники продержались всего полдня. Но и среди поверженных левых эсеров Махно искал союзников. Вероятно, в эти дни он встречался с одним из руководителей мятежа, Д. И. Поповым, бывшим моряком-балтийцем и бывшим анархистом. После поражения левых эсеров Попов, объявленный врагом Советской власти и заочно приговоренный революционным трибуналом к смертной казни, перешел на нелегальное положение. Из Москвы он бежал, видимо, не без помощи Махно и в 1919 году

появился в рядах его повстанцев, где и служил «верой и правдой».

Узнал, конечно, Махно и о том, что с 5 по 12 июля 1918 года в Москве проходил I съезд КП(б) Украины, на котором была создана Компартия Украины — составная часть РКП(б). Тогда Нестор Иванович еще не предполагал, что она станет той силой, с которой ему придется вести многолетнюю жестокую борьбу.

Махно регулярно читал прессу, на газетных полосах все чаще появлялись сообщения о политической и вооруженной борьбе на Украине.

Щемило сердце, когда натыкался на вести из родных краев. Особенно поразил доклад екатеринославского губернского старосты, подготовленный для особого отдела департамента державной варты (военной полиции):

«16 июня криворожским отрядом оккупационных войск в деревне Лозоватке расстреляно десять и подвергнуто телесному наказанию девять местных жителей по обвинению в грабеже и принадлежности к большевистскому движению.

17 июня. В селе Владимировке Верхнеднепровского уезда венгерскому отряду местными властями выдано шестнадцать человек — участников беспорядков, произошедших накануне. Все обвиняемые по приговору военно-полевого суда расстреляны, а избы их сожжены.

19 июня тот же отряд расстрелял в Гуляйполе четырнадцать жителей, а пятерых отправил в Верхнеднепровскую тюрьму. В Красном Куте четыре человека наказаны розгами и взыскана контрибуция в пять тысяч рублей.

21 июня. Село Мишурин Рог Верхнеднепровского уезда. Лица, замешанные в преступлениях, бежали, оружие не найдено. Взыскана контрибуция в двадцать тысяч рублей и взято четыре лошади большевиков. В деревне Куцеловке отобрано 86 винтовок, два охотничьих ружья, четыре шашки, 850 патронов и один пулемет. Предложено всех виновных в преступлениях выдать в течение восьми дней. В селе Большой Михайловке Александровского уезда австрийским карательным отрядом произведено разоружение местного населения и несколько человек предано смертной казни как заподозренных в вооруженных нападениях на пятый участок варты. В селе Темировке того же уезда австрийцы расстреляли семь крестьян, а в селе Алексеевке — одного».

Интересовала Нестора Ивановича и позиция большевиков, он рассматривал их как реальную силу, способную вмешаться в ход украинских событий. Причем получать информацию старался из первых рук. Аршинов, который, благодаря исключительной коммуникабельности, считался «своим человеком» не только в оппозиционных большевикам организациях, но и в самом Кремле, устроил Махно (в редакции газеты «Правда») встречу с Николаем Ивановичем Бухариным, коммунистическим партийным теоретиком, пребывавшим, правда (как «левый коммунист»), во временной опале.

Распросив Махно об обстановке на Украине и о том, как он добрался до Москвы, Бухарин, подарил гостю один из последних номеров журнала «Коммунист» (издание группы «левых коммунистов», высту-

пающих против заключения Брестского мира с Германией) и провел его в приемную Председателя ВЦИК Я. М. Свердлова.

Свердлов принял Махно доброжелательно. После того как Нестор Иванович объяснил ему цель прихода и рассказал о своем намерении уехать на Украину для борьбы «с оккупантами и контрреволюционерами», Яков Михайлович спросил Махно, к какой партии он принадлежит. При этом Махно заметил, как Свердлов, задавая обычный для того времени вопрос, несколько смутился.

Смушение его показалось Махно настолько искренним, что он «почувствовал себя нехорошо» и без всяких дальнейших колебаний заявил ему — «анархист-коммунист бакунинско-кропоткинського толка».

— Да какой же вы анархист-коммунист, товарищ, когда признаете организацию трудящихся масс и руководство ими в борьбе с властью капитала?! Для меня это совсем непонятно! — удивленно вздернув брови, воскликнул Свердлов.

Махно коротко, но со знанием дела ответил:

— Анархизм — идеал слишком реальный, чтобы не понимать современности и тех событий, в которых так или иначе участие его носителей заметно, чтобы не учесть того, куда ему нужно направить свои действия и с помощью каких средств...

Немного поразмыслив над сказанным, Председатель ВЦИК решил устроить Махно встречу с Лениным, чтобы тот проинформировал большевистского вождя о положении крестьянства на Юге страны.

«На следующий день, ровно в час дня, — вспо-

минал Нестор Иванович, — я был в Кремле у Председателя Всероссийского Центрального Комитета Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов товарища Свердлова. Он провел меня к Ленину. Последний встретил меня по-отцовски и одной рукой взял за руку, другой, слегка касаясь моего плеча, усадил в кресло... Сел против меня и начал спрашивать.

Первое: из каких я местностей? Затем: как крестьяне этих местностей восприняли лозунг «Вся власть Советам на местах» и как реагировали на действия врагов этого лозунга вообще и украинской Центральной рады в частности? И бунтовали ли крестьяне моих местностей против нашествия контрреволюционных немецких и австрийских армий? Если да, то чего недоставало, чтобы крестьянские бунты вылились в местные восстания и не слились с красногвардейскими отрядами, с таким мужеством защищавшими наши общие революционные достижения?

На все эти вопросы я отвечал Ленину кратко. Ленин же, со свойственным организатору и руководителю умением, старался так обставлять свои вопросы, чтобы я как можно подробнее на них останавливался. Так, например, на вопрос, как крестьяне тех местностей, откуда я, воспринимали лозунг «Вся власть Советам на местах», Ленин переспрашивал меня три раза».

Вдруг неожиданно Ленин повернулся к стоящему поодаль и молчавшему Свердлову:

— Анархисты всегда самоотверженны, идут на всякие жертвы, но близорукие фанатики пропускают настоящее для отдаленного будущего.

И тут же, попросив Махно не принимать это на свой счет, продолжал:

— Вас, товарищ, я считаю человеком реальности и кипучей злобы дня. Если бы таких анархистов-коммунистов была бы хотя бы одна треть в России, то мы, коммунисты, готовы были бы идти с ними на известные соглашения и совместно работать на пользу свободной организации производителей.

Махно выпалил в него целой тирадой:

— Анархисты-коммунисты всегда дорожат революцией и ее достижениями, всегда помнят о жертвах, понесенных во имя ее победы, а это свидетельствует о том, что они со своей стороны все одинаковы.

— Ну, это вы нам не говорите, — возразил, смеясь, Ленин. — Мы знаем анархистов не хуже вас. Большинство из них если не ничего, то, во всяком случае, мало думают о настоящем, а ведь оно так серьезно, что не подумать о нем и не определить своего положительного отношения к нему революционеру больше чем позорно.

И если нам, — продолжал Ленин, — пришлось энергично и без всяких сентиментальных колебаний отобрать у анархистов с Малой Дмитровки особняк, в котором они скрывали всех местных и приезжих бандитов, то ответственны за это не мы, а сами анархисты с Малой Дмитровки. Впрочем, мы их теперь уже не беспокоим. Вы, вероятно, знаете: им разрешено занимать другое здание, также недалеко от центра, и они там свободно работают.

По словам Махно, дальше Ленин повел разговор о том, что нельзя вести борьбу с врагами революции

без достаточной организации масс и твердой дисциплины, но Нестор Иванович слушал собеседника уже невнимательно.

Встреча оставила двойственное впечатление в душе Махно: с одной стороны, он часто потом употреблял выражение «мудрый Ленин», а с другой — решил, что именно вождь большевиков — инициатор преследования анархистов в Москве и других крупных российских городах.

Глава 3

В ТЕ ГРОЗНЫЕ ГОДЫ: ПЕРВЫЕ ПОБЕДЫ И ПОРАЖЕНИЯ

Когда надежды и мечты вырываются на улицу, робким лучше всего запереть двери, ставни и спрятаться до тех пор, пока буйство не прекратится. Ибо часто бывает чудовищное несоответствие между надеждами, пусть даже благородными и светлыми, и последующими за ними действиями...

Э. Хоффер

В нойным июльским вечером беспокойного 1918 года Нестор Махно покинул «бестолково-шумную» Москву, истинно революционный дух которой, по его словам, постепенно замирал. На Курском вокзале его провожал один лишь Петр Аршинов. Желая своему ученику и другу благополучно добраться до Гуляйполя и

воплотить в жизнь задуманное, известный анархист вскользь напомнил Махно о его обещаниях (Нестор Иванович удивленно повел плечами) помочь столичным анархистам материально и назвал несколько московских адресов, куда можно направлять (с оказией) деньги и драгоценности. Но Махно был угрюм и не проронил в ответ ни слова. Побывав в Москве, он воочию смог убедиться в карликовости и хилости действий не только столичных анархистских организаций, но и малопродуктивности анархистских идей в масштабе страны и еще больше разочаровался в теоретическом «бумажно-книжном» анархизме.

Хотя Махно — анархист специфический, «советский» (другие отрицали не только Советы, но и любые иерархические структуры), его понимание революции сильно отличалось от большевистского. Никакой руководящей роли партии Махно, естественно, не признавал. Для него «низовой», районный Совет — самодостаточная организация, в которой только и может быть непосредственно явлена воля народа. Иерархия Советов — абсурд; пролетарское государство — вредная фикция, ибо, как неоднократно повторял Нестор Иванович, «государство олицетворяется чиновниками, и фактически они являются всем, рабочий класс — ничем».

В кармане потертого кителя Махно лежали документы на имя бывшего учителя, а теперь офицера гетманской варты Ивана Яковлевича Шепеля. Их, по словам самого Нестора Ивановича, ему выдал член Всеукраинского бюро по руководству повстанческим движением против немецких оккупантов В. П. Затонский, с которым он накануне отъезда имел

продолжительную беседу. Затонский убеждал его осесть не в Гуляйполе, а в Харькове, где действовало сильное революционное подполье. Однако Махно, который уже успел вкусить славы крестьянского руководителя, рвался в родные места, где рассчитывал организовать и возглавить антигерманские и антигетманские силы.

В Курске на вокзале он встретил одного из своих старых друзей и земляков, бывшего члена «Союза бедных хлеборобов» Алексея Чубенко. Решили дальше ехать вместе. Пробираться через «нейтральную зону», отделявшую территорию Советской России от оккупированной австро-немецкими войсками Украины, вдвоем безопаснее, да и путь со старым приятелем казался короче. Выпив и закусив по случаю нежданной встречи, Нестор Иванович, без всяких предисловий, заявил Чубенко, что едет на Украину «поднимать восстание против власти гетмана Скоропадского», и тот быстро согласился делать с ним одно дело.

Дабы не казаться в глазах старого приятеля (да и в своих собственных) лишь говоруном, Махно тут же составил обращение к гуляйпольским анархистам:

Общими усилиями займемся разрушением рабского строя, чтобы вступить самим и вести других наших братьев на путь нового строя. Организуем его на началах свободной общественности, содержание которой позволит всему не эксплуатирующему чужого труда населению свободно и независимо от государства и его чиновников, хотя бы и красных, строить всю свою социально-общественную жизнь совершенно самостоятельно у себя на местах, в своей среде... Да здравствует Украинская социальная революция!

Подъезжая к Белгороду, Махно достал из чемодана две пары офицерских погон. На свой китель нашёл погоны штабс-капитана, Чубенко «досталось» звание пониже — прапорщика. В офицерской кассе Белгородского вокзала они довольно легко купили билеты до станции Лозовой, где рассчитывали остановиться дня на два. Но в Лозовой приключился казус: услышав звуки духового оркестра, они, вместо того чтобы покинуть станцию тихо и незаметно, ради любопытства вышли на привокзальную площадь, где в это время происходил парад караула гетманской варты, и неожиданно попались на глаза какому-то генералу. Можно лишь догадываться о выправке новоиспеченных офицеров, которая привела его в неопишное бешенство. Посчитав для себя наиболее безопасным немедленно скрыться, Махно и Чубенко вскочили на набравший ход поезд и под улюлюканье мальчишек поехали дальше. Этот эпизод заставил их больше заботиться о своей безопасности, и остаток пути прошел без приключений.

Не доезжая станции Гайчур, когда паровоз на повороте замедлил движение, попутчики спрыгнули и пешком добрались до деревни Воздвиженки. Уже на околице, пользуясь тем, что на них офицерская форма, реквизировали у проезжающего крестьянина телегу с лошастью и поздно вечером 21 июля благополучно добрались до родного Гуляйполя.

Махно остановился в доме своего хорошего знакомого Никифора Лютого. Несколько дней отсыпался и собирал информацию о происходивших в Гуляйполе событиях, разыскивал и устанавливал свя-

зи с местными анархистами, которые, как и он, находились на полулегальном положении. Дня через четыре в тесной хатке при свете лучины (окна были плотно занавешены) состоялась конспиративная встреча Махно и Чубенко со старыми друзьями, соратниками по прежним временам и делам, которым он мог доверять, — Сидором Марченко, братьями Алексеем и Семеном Каретниковыми, Пантелеймоном и Захарием Гусарами. Речь Махно была лаконична: он прибыл на родину, чтобы свершить то, за что боролся все прошедшие годы, за что прошел аресты, тюрьмы, издевательства и унижения. А сейчас ищет тех, кто готов разделить с ним все тяготы борьбы. А он, со своей стороны, готов их возглавить. Махно заявил, что их, безусловно, поддержат крестьяне, для которых, еще в бытность председателем районного крестьянского Совета, он сделал немало. Как всегда, Нестор Иванович придал своей речи известную долю патетики, но в одном он был прав: ставку необходимо делать на селянина.

Уже на следующее утро Махно приступил к сколачиванию отряда (его ядро должны были составлять люди, скрывающиеся от гетманской власти, которым в случае ареста нечего и надеяться на помилование). План будущих операций во многом напоминал прошлые операции членов «Союза бедных хлеборобов». Особый акцент Махно сделал на индивидуальный террор и нападения на почтовые кассы и банки. Намечая круг своих жертв, Махно называл окружение Скоропадского, офицеров и чиновников, а если представится случай, то и самого гетмана. Однако все это пока лишь были громкие, ничего не стоящие слова, поскольку и Скоропадский, и его

свита находились за сотни километров от Гуляйполя, под охраной тысяч штыков.

Почти все, кто вступил в отряд Махно, прошли окопы первой мировой войны. Они привезли с фронта большую дозу озлобления против офицеров и вообще всех, кого считали «панамии». С первых же дней к Нестору начали присоединяться крестьяне, недовольные властью, земельной политикой Скоропадского и хозяйничаньем на Украине его германских союзников.

Первая операция ничем героическим не отличалась, скорее она похожа была на обычное бандитское нападение. Собрав по сигналу своих сподвижников, Махно во главе небольшого отряда двинулся в сторону экономии помещика Резникова, четыре сына которого служили офицерами у Скоропадского. Проведение операции не составило большого труда: не ожидавшая нападения семья Резниковых была перебита за считанные минуты, поместье сожжено, а в руках у махновцев оказалось семь винтовок, револьвер и семь лошадей. Удача окрылила Нестора, и уже через пару дней он совершил дерзкое нападение на банк в местечке Жеребец, где взял тридцать восемь тысяч рублей.

Ни для кого не являлось секретом, что у крестьян на руках имелось много оружия. Махно, стремясь привлечь их на свою сторону, не решился отбирать его силой, хотя и мог это сделать. С пятью тысячами рублей он послал в Гуляйполе гонца, которому поручил «прощупать почву». Тот вскоре вернулся с пулеметом системы «кольт» и тысячей рублей сдачи. Последний факт Махно расценил как своего рода поддержку со стороны земляков. Дальше все склады-

валось как нельзя лучше. Следующей же ночью пулемет проверили в деле — в ходе налета на экономию немецкого колониста Нейфельда. Стычка обернулась скоротечной перестрелкой, охрана усадьбы разбежалась после первых же выстрелов. В числе других трофеев махновцам досталась и барская бричка. Махно забрал ее себе и, недолго думая, распорядился установить на ней пулемет. Это была первая тачанка, которая в будущем стала грозным оружием в руках не только махновцев, но и всех противоборствующих в гражданской войне сторон.

Переночевав в разграбленном имении, Махно в сопровождении своего еще немногочисленного воинства направился в село Терновку, где, по слухам, орудовали другие повстанцы. Здесь махновцы соединились с отрядом, во главе которого стоял некий Ермократьев (экс-дворянин и экс-уголовник). Он рассказал Нестору, что несколько дней назад его отряд, насчитывавший несколько сот бойцов, потерпел сокрушительное поражение от объединенных сил гайдамаков и австрийцев. Последнее известие вынудило Нестора Ивановича остановиться в селе на несколько дней: Махно считал необходимым произвести тщательную разведку местности, дабы не угодить в засаду. Вынужденная задержка не пропала без пользы: кроме мелких групп к махновцам присоединялись и крестьяне, приходившие в отряд со своим оружием и своими лошадьми, порой целыми семьями.

По мере увеличения численности отряда Махно пришел к мысли о том, что на данном этапе развития общественной ситуации на Украине стоит отказаться от индивидуального террора и решиться рис-

кнуть на широкомасштабные боевые действия, причем с использованием всего набора средств военного искусства. Учитывая, что повстанцы еще не были способны противостоять частям регулярной армии, Махно решил восполнить недостаток сил и военного опыта хитростью: маскироваться под гетманцев. Большая часть махновцев немедленно облачилась в форму солдат гетмана Скоропадского, благо этого добра в деревнях хватало: гайдамаки обменивали амуницию на сало и самогон, и под видом военных патрулей стали устраивать засады-ловушки. В одну из них попал начальник Александровской уездной варты штабс-капитан Мазухин, принявший Махно за офицера. (Последний учел случай на станции Лозовой и даже «взял пару-тройку уроков» строевой подготовки у бывшего унтер-офицера царской армии, вступившего в повстанческий отряд неделей раньше. Сказалось, видимо, и юношеское увлечение Махно театром.) Новый союзник Махно — Ермакратьев долго пытал Мазухина, мстя ему за разгром своего отряда, а затем подвязал к животу гранату и взорвал. В кармане кителя штабс-капитана обнаружили письмо — приглашение на именины помещика Миргородского. Его поместье располагалось в верстах семи — десяти. После короткого совещания решено было под видом небольшого гетманского отряда проникнуть в имение и устроить там буржуям кровавую резню.

В усадьбе Миргородского бал был в полном разгаре. Из раскрытых окон долетало полупьяное пение и несвязные выкрики.

Махно, Ермакратьев и Лепетченко переступили порог дома и объявили хозяевам, что приехали с

Мазухиным, но он ненадолго задержался по дороге. Махно отрекомендовался помощником Мазухина, Лепетченко — начальником карательного отряда, Ермократьев промолчал и старался держаться незаметно. Он едва сдерживал себя, чтобы не выхватить из-за пояса револьвер и не перестрелять ненавистных ему панов.

А хозяин просто млеет от счастья... Когда махновцы вошли в зал, изрядно подвыпившие гости закричали: «Ура офицерам!»

Нестор огляделся, за длинным дубовым столом, рядом с отставным генералом, сидели три австрийских офицера, какой-то полковник, два ближайших помещика, жена и дочь именинника.

Вслед за хозяином гости подняли бокалы.

— За здоровье хозяина, офицеров, за возрождение великой России и вас, господа, — начал тост, обернувшись к вновь прибывшим, отставной генерал. — Да поможет вам Бог освободить Христову церковь от антихристов-большевиков!

— Да ниспошли вам, русские люди, успеха в поимке бандита Махно! — подхватил кто-то из помещиков.

Махно незаметно сунул руку в карман.

— Покарай его святая... — продолжил Миргородский и не успел закончить.

Разъяренный Махно встал. Генерал оторопел, гости от испуга выронили бокалы.

— Я Махно, ... буржуазные! — зычно крикнул Нестор, выхватив гранату и метнув ее в сторону хозяина. Лепетченко и Ермократьев попадали на пол. Раздался оглушительный взрыв. Потух свет, дом погрузился во мрак. Когда вбежавшие с улицы махнов-

цы осветили зал, их глазам предстала жуткая картина: полковник, захлебываясь в крови, тяжело дышал, хозяин, без руки, корчился в судорогах, остальные гости не подавали признаков жизни, Нестор Иванович, стоя у края стола и нервно щурясь, допивал из бокала шампанское. И что удивительно — Махно и его приятели не получили ни одной царапины.

Добив раненых, повстанцы открыли погреба. Разыскав вина и закуски, плотно подкрепились и, захватив пять револьверов, пятнадцать винтовок, десяток лошадей, много патронов и имевшиеся в доме драгоценности, подожгли имение. «Добре горит», — скалился Ермократьев, трогая лошадь.

...Выходившая в Александровске газета «Заря» из номера в номер печатала сообщения о все новых «подвигах бандитской шайки», выдававшей себя за казаков конной сотни александровского уездного коменданта. Писалось об убийстве ею двенадцати человек: помещицы Гесиной, начальника Лукашево-Бразолевской дежурной варты Иванова, трех офицеров и двух казаков, гуляйпольского волостного старосты Чебирияка, вартового Манько, трех австрийских жандармов.

В июне военный министр гетмана генерал Рагоза издал приказ, по которому из украинской армии увольнялись все офицеры военного времени с предоставлением им сомнительного права доучиваться на положении юнкеров в военных училищах. Это распоряжение не только сократило численно армию гетмана, но и прибавило Скоропадскому новых врагов, чем, как известно, воспользовался затем С. В. Петлюра, который вербовал этих офицеров в свою

армию. Из этой среды вышли его наиболее активные атаманы: Зеленый, Струк, Соколовский, Григорьев и другие. Количество повстанческих отрядов значительно возросло, кое-кто из обиженных примкнул к сторонникам Нестора Махно.

После операции в имении Миргородского Махно решил навестить Гуляйполе, где в это время, кроме местных гетманских сил самообороны, располагался на отдыхе австрийский отряд. На окраине села махновцев не остановили, они все были облачены в гетманскую форму. Подскакав к волостному правлению, Нестор Иванович ловко спрыгнул с коня и двинулся к двери. Дорогу преградил штык часового.

— Пакет от гетмана, — грозно сверкнув глазами, бросил Махно.

Пройдя мимо опешившего адъютанта, он без стука вошел в кабинет начальника варты и, не сказав ни слова, выстрелил в упор. Вторым выстрелом Махно уложил вбежавшего часового. Адъютант благодарно поднял руки вверх.

В это время его бойцы захватили караульное помещение и без единого выстрела разоружили австрийцев и гетманцев. Захваченных пленных (восемьдесят три человека) согнали на площадь. Махно, взбравшись на бричку, заявил, что борется за освобождение простых людей, и приказал двух офицеров расстрелять, а рядовых отпустить, причем каждый из них получил по пятьдесят рублей и бутылке самогона. Австрийцы ликовали: качали повстанцев и кричали «Ура!». В качестве трофеев повстанцам достались двадцать семь лошадей, два пулемета и две брочки патронов.

Не слезая с коней, избрали революционный комитет, и Махно составил обращение: «Всем, всем, всем. Районный Гуляйпольский ревком извещает о занятии повстанцами Гуляйполя, где восстановлена Советская власть. Объявляем повсеместное восстание рабочих и крестьян против душителей и палачей украинской революции, австро-германо-гайдамаков. Гуляйпольский районный революционный комитет». Обращение тут же отвезли на телеграф, откуда оно разошлось по городам и весям Украины.

Известие о захвате Гуляйполя распространилось мгновенно, и уже на следующий день германское командование перебросило в окрестности села до роты пехоты при двух пулеметах. Махновцы не стали дожидаться атаки и при первых же пулеметных очередях отступили в сторону ближайшей лощины, стремясь быстрее скрыться. Немцы их не преследовали.

Проселочными дорогами отряд двинулся в сторону Большой Михайловки. Заметив махновцев, одетых в форму державной варты, местные крестьяне послали к Махно гонца с сообщением, что в ближайшем лесу орудует банда бывшего матроса Феодосия Щуся, который «грабит и убивает честных жителей окрестных сел». Махно был обрадован этим известием, он знал Щуся как активного члена «черной гвардии» и послал к нему свою депутацию. Переговоры были короткими. Через пару часов Щусь и его люди вышли из леса с возгласами «Да здравствует социальная революция!» и соединились с отрядом Махно. Каково же оказалось удивление «честных жителей» и как вытянулись лица у зажиточных мужичков, когда они увидели въезжающий в село отряд,

во главе которого на конях — стремя в стремя — их главный обидчик и новый знакомый селян — их «защитник». Старая дружба была скреплена кровью — Махно приказал крестьян, жаловавшихся на людей Щуся, расстрелять в центре села.

Переодетые в форму державной варты махновцы проверяли крестьян на верность довольно примитивным способом — обвиняя их в поддержке «бандитов» и угрожая расправой. Последние, принимая повстанцев за гетманцев, клялись в преданности гетману Скоропадскому. После этого махновцы беспощадно расправлялись с «изменниками». Одна из таких расправ произошла в селе Гавриловке, о ней Махно писал в своих воспоминаниях: «Въезжая в него (село), мы говорили крестьянам, что мы — губернская державная варта, и тут же спрашивали: «Не бежали ли здесь банды Махно и Щуся?» На что получали ответ: «Мы таких бандитов не знаем и не слышали». И в свою очередь спрашивали нас, что это по направлению Дибривок горит и что за стрельба оттуда слышится?»

И когда мы им объяснили, что это мы зажгли село Дибривки за то, что они, дибривчане, бунтуют против нашего гетмана и наших союзников немцев и австрийцев, спасших нашу Украину, некоторые из крестьян восклицали: «Ага, так им и надо! Там где-то и наши сыновья поехали отомстить, а то они — эти дибривцы — организовались и им ничего не сделаешь». Другие жители, понутив голову и тяжело вздыхая, спрашивали: «Да неужели сожгли всю Дибривку?..»

После долгих объяснений мы узнали, что злорадно восклицавшие: «Ага, так им и надо!» — крупные

собственники, сыновья которых находились в карательных отрядах и сейчас громили Дибривки. Поэтому сделано распоряжение все дома этих собственников сжечь».

Последующие стычки с противником, скоротечные, успешные, многому научили Махно: внезапность удара, сеяние паники и замешательства в стане противника — залог победы. Именно в этот период Махно усвоил и другой урок: не отталкивать повстанцев, потерпевших поражение от врага, а вливать их в свое войско. Деморализованные и напуганные бойцы, разуверившись в своем прежнем атамане, охотно подчинялись новому командиру, в котором видели своего спасителя и защитника.

Ради справедливости следует сказать, что Махно в тот момент не был абсолютно уверен в себе как в военачальнике. Его часто обуревали подсознательный страх и сомнение, хотя опыт руководства в свое время гуляйпольской «черной гвардией» вселял в него надежду, что с командованием таким войском он управится. Правой рукой Нестора стал Феодосий Щусь, личность неординарная: воля, жестокость, садизм переплелись в его натуре с крестьянской непосредственностью, и это предопределяло его совершенно непредсказуемые поступки. Рядом с ним Махно чувствовал себя уверенней, знал, что может на него положиться в любой ситуации, тот не подведет и не предаст. Он настолько стал привыкать полагаться на Щуся, что если во время боя терял его из виду, то начинал паниковать, чего раньше за собой не замечал. Подобная ситуация чуть было не привела к гибели самого Махно и разгрому повстанческого отряда.

В одной из стычек с германским пехотным батальоном у села Темировка Щусь получил легкое ранение. Произошла заминка, немцы бросились в контратаку, а повстанцы от неожиданности дрогнули и бросились врассыпную. Увидев, что исчез его ближайший помощник, а бойцы разбегаются кто куда, Махно в оцепенении остановился и с ужасом смотрел на приближавшихся со штыками наперевес вражеских солдат («в шлемах, при строгой выправке, размеренным шагом враскачку двигалась серозеленая масса пехоты», — вспоминал один из очевидцев). Махно, который посчитал, что это — конец, решил застрелиться. От неминуемой гибели Нестора спас верный Щусь. Несмотря на ранение, он раздобыл где-то тачанку, подлетел к застывшему как изваяние Махно, усадил его с собой и, отстреливаясь от наседавшего противника, ринулся к ближайшей роще.

Махновцы опомнились только в соседнем селе — Большой Михайловке, но и здесь их настигли кайзеровские солдаты и выбили из села. Махно, Щусь и десятка полтора вооруженных сподвижников, подпалив соломенные крыши окраинных хат и прикрываясь клубами дыма, скрылись в Дибривском лесу. С ними ушли и несколько десятков местных крестьян. На следующий день к противнику подошла подмога, и немцы блокировали лесной массив.

Река Волчья, окаймляющая лес с восточной и южной сторон, глубока, и перейти ее вброд, особенно осенью после затяжных дождей, довольно сложно. На этом-то участке протяженностью три-четыре версты и занял позиции немецкий отряд, установив на самом высоком месте орудия и мето-

дически обстреливая один за другим участки лесного массива. На северной опушке леса, от реки до села, закрепился австрийский отряд численностью до роты при пяти пулеметах; западную опушку, прилегающую к селу, контролировало конное подразделение губернской варты, насчитывавшее до двухсот сабель.

Четыре дня махновцы сидели в западне, не видя выхода из сложившейся ситуации. Заканчивались продукты и боеприпасы, с каждым часом росла тревога, переходившая в панику, увеличивалось число раненых, снарядным осколком был серьезно ранен и Феодосий Щусь. В этот критический момент Махно не оставалось ничего другого, как взять на себя всю полноту командования. Разбив отряд на мелкие группы по два-три человека и оставив в лесной чаще раненых, он приказал, используя ночное время, просачиваться сквозь заставы противника. На рассвете вышедшие из леса группы вновь соединились и тут же ударили в тыл немцев и вартовцев и вошли в село. В центре села взвод австрийцев охранял заложников, согнанных внутрь церковной ограды. Дружной атакой махновцы отбросили противника на западную окраину. Удалось не только нанести ему серьезный урон и захватить трофеи, но и самое важное — вывести из леса раненых. Пока враг приходил в себя, Махно собрал митинг, на котором призвал крестьян вступать в его отряд. И в ответ услышал:

— Будь... будь нашим батькой, освободи от гнета тиранов. Просим, молим тебя.

Бой возобновился на следующее утро. Противник стремился взять повстанцев в кольцо, но Махно,

используя знание местности, сумел вывести отряд в степь.

Озлобленные неудачей, немцы и гайдамаки жгли хаты и расстреливали крестьян, не решившихся уйти с махновцами. Тела погибших не позволяли хоронить несколько дней.

Удаляясь от горящего села и Дибривского леса — в сторону немецких колоний Червонный Кут и Фесуновские хутора, — повстанцы, приумолкшие и подавленные, думали все об одном: они ничем не могли помочь несчастным жителям, силы были еще слишком неравные. Махно старался подбодрить бойцов.

— Если бы случилось со всеми деревнями, селами и городами то же, что с Дибривками, восстание было бы неизбежно, — размышляя вслух, говорил он. — Задача сегодняшнего дня должна заключаться в том, чтобы как можно скорее раскачать селян против гетманского насилия. Наше спасение — только массовый террор, только уничтожение врагов революции.

После этого боя за исключительный героизм и умелое командование уже сами повстанцы вслед за мирными крестьянами нарекли Махно «батькой». Именно так он теперь стал подписывать воззвания и официальные бумаги.

Весть об этой операции, несмотря на ее неудачу в целом, молниеносно разнеслась по всему югу Украины. Почувствовав уверенность в своих силах, Махно стал вести себя более решительно и разумно. Прежде всего, он решил изменить тактику борьбы. Главной целью батька поставил не уничтожение противника, как было раньше, а достижение побе-

ды над ним. Махно издал приказ, согласно которому ни один немец-колонист, владелец хутора, помещик или офицер варты не мог быть без его ведома расстрелян ни повстанцами, ни крестьянами. Тогда же батька впервые ввел порядок, который с известными изменениями действовал в его войске в течение всей гражданской войны: на каждое захваченное имение, колонию или хутор накладывалась контрибуция, а у крестьян для отряда изымались лошади, причем у тех, кто имел их больше пяти, — безвозмездно. Кроме того, крестьянское население обязывалось предоставлять повстанцам брички под тачанки и продовольствие, а у кого было, то и оружие, и боеприпасы. Хотя военная тактика Махно и напоминала методы других повстанческих крестьянских вожаков, он был более смел, решителен, более изобретателен. Используя момент внезапности, его отряды появлялись там, где их меньше всего ожидали, а затем также молниеносно исчезали, — противник не успевал даже опомниться. Махно завоевал любовь и уважение крестьянства. Крестьяне верили в то, что он все знает, в то, что он непобедим.

Махно не мог уже скрываться по лесам и балкам со своим отрядом, не роняя себя в глазах крестьян, он решил захватить Гуляйполе, сделать его центром повстанческого движения, а затем распространить свою власть на весь Александровский уезд. Налет наметили на 16 октября. Но днем раньше Гуляйполе покинул отряд гетманской варты, и родное село Махно занял без боя. Однако уже на следующий день, поздно ночью, противник, усилившись за счет отряда немцев-колонистов, атаковал заставы и ка-

раулы махновцев недалеко от Гуляйполя, у моста близ завода Кернера. Повстанцы, потеряв в скоротечном бою троих убитыми, откатились к центру села. Оправившись от неожиданного удара, махновцы укрепились и следующие атаки встречали кинжальным огнем пулеметов. Гетманцы были вынуждены отступить от Гуляйполя. Лишь три дня спустя, получив в подкрепление отряд австрийцев и эскадрон лезгин, они оттеснили Махно со своих позиций.

Неудача не охладила пыл батьки. Его гонцы отправились в соседние уезды — Бердянский, Мариупольский, Мелитопольский, Новоспасский, где промышляли повстанческие «ватажки» — немногочисленные, но возглавляемые дерзкими вожаками, многие из которых были знакомы Махно еще со времен февраля 1917 года, — Белаш, Удовиченко, Хоменко, Гончаренко и другие. Путем обещаний, подарков, а то и угроз и тайных расправ Махно удалось почти вдвое увеличить свои силы. Это позволило ему совершить новый дерзкий рейд и уже в двадцатых числах октября отбить у неприятеля Гуляйполе и близлежащие крупные села Пологи и Дибривку. На станции Цареконстантиновка махновцы атаковали эшелон гетманских войск. Четверых офицеров расстрелял сам батька, а солдат повстанцы высадили из вагонов и отпустили по домам. На станции Гайчур махновцы захватили штабной поезд, девять вартовых, сопровождавших членов гетманской миссии на переговорах между Доном и Украиной, и четыре офицера — представителей атамана Краснова были убиты. «Мы изрубили их на куски», — с нескрываемой похвальбой рассказывал батьке один из бойцов.

На вооруженное насилие гетмана Скоропадского и германских оккупантов украинская деревня, наводненная стихийно демобилизовавшимися с фронта солдатами, отвечала вооруженным же сопротивлением и многочисленными восстаниями. Во многих губерниях и уездах появились десятки повстанческих атаманов. Даже лидер украинских большевиков Георгий Пятаков ходил в то время «в длинной дубленке, остроконечной меховой шапке и с револьвером на боку и казался одним из разбойников Запорожья». А Виталий Примаков, будущий командир корпуса червонных, то есть красных казаков, требовал называть себя атаманом. 1918 год стал периодом жестокой и кровавой борьбы в степях Украины.

Боевые успехи Махно и других самоявленных атаманов и их ватаг не на шутку тревожили германское командование. Они угрожали коммуникациям кайзеровской армии и не останавливались, когда предоставлялся случай перед возможностью разграбить обоз, тыловое учреждение или ввязаться в бой с небольшими отрядами.

В начале ноября немцы подтянули в район Гуляй-поля значительные силы. К 15 ноября им удалось блокировать повстанцев в районе села Темировка, где в жестоком бою пали почти двести махновцев. Сам батька и группа его ближайших сподвижников спаслись. Но и это поражение не сломило Махно: ведь в любом селе он мог набрать в свое войско десятки новых бойцов. Крестьян подкупали его щедрые обещания и громкая слава «борца за народное счастье».

Пожилые крестьянки срамили своих сыновей:

— Ты же ни черта не делаешь, да и делать сейчас по хозяйству нечего. Шел бы ты к Махно. По-

смотри на ребят из нашего села. Вот Николай, вот Иван Федорович побыли у батьки Махно три месяца, привезли по три шубы, пригнали по паре лошадей.

Нестор Иванович и сам не знал точной численности своего небольшого войска. И порой с удивлением интересовался у своих командиров — Лепетченко или Щуся:

— Откуда появились двести человек, которых вчера не было?

— Подошли из деревни.

— А куда девались прежние? Ведь вчера у нас числилось пятьсот?

— Ушли в деревню, но обещали вернуться.

Буквально через два-три дня махновский отряд вырастал до прежних размеров, но батька уже опрометчиво не лез в драку.

С регулярными дисциплинированными и хорошо вооруженными германскими войсками сражаться было нелегко. Жизнь заставляла идти на всевозможные военные хитрости.

Бой у махновцев носил обычно скоротечный характер, сближение с противником отличалось стремительностью и непрерывным движением, полным отсутствием перебежек и самоокапывания, обеспечением наступления кинжальным фронтальным огнем быстро маневрирующих пулеметов на тачанках и выезжающих на прямую наводку пушек. Начавшись всегда неожиданно для противника нападением со всех сторон, бой быстро переходил в рукопашную схватку. Резерв у отрядов, ведущих бой, почти всегда отсутствовал, так как все подразделения до единого принимали участие в атаке, жаркой схватке

и преследовании. Если же противник применял пассивную оборону на какой-либо определенной линии, то сближение с ним и атака переносились, как правило, на ночную пору при одновременной организации паники во вражеском тылу и наступлении на флангах.

Находчивость, неиссякаемую инициативу, которую проявляли батька и его соратники в большом и малом, порой трудно представить. Особой популярностью пользовалась такая военная хитрость, как «свадебные кортежи».

...Занесенное снегом село занято крупным вражеским отрядом. Дороги перекрыты заставами и секретами. В село ни войти, ни выйти. И вдруг в середине дня по направлению к селу движется свадебный поезд. На первых санях мальчик с иконой, жених и невеста (невестой обычно наряжался Махно, не отпустивший тогда еще усов). Дальше дружки с перевязанными через плечо полотенцами, сватовья, гости. Играет гармошка, кто-то потряхивает бубном, у всех радостные лица. Песни с гиканьем и свистом. Пост, как правило, процессию не останавливает, а если и возникает заминка, солдат захватывают с собой, щедро угощая самогоном, ловко наливая его в стакан на ходу. Конная процессия приближается к штабу противника, невеста, жених и дружки выскакивают с саней, врываются в штаб и в считанные минуты разоружают охрану. По сигналу к селу подходят главные силы повстанцев, противник же, потеряв управление, либо сдается, либо в панике отступает, оставляя махновцам оружие, лошадей, боеприпасы.

20 ноября 1918 года махновцы заняли крупное

село Жеребец, а через неделю — Гуляйполе. Но эти успехи скорее все же были обусловлены тем, что немцы оставили село без боя.

Тактика «выжженной земли» — единственное средство борьбы с партизанами. Несмотря на превосходство регулярных частей над повстанцами, немецким оккупантам стало ясно, что их батальоны и полки, посылавшиеся на подавление крестьянского движения, совершенно не приспособлены к ведению войны в той сложившейся обстановке. Здесь зачастую требовались меры особой, исключительной жестокости. Так возник феномен «особых военных формирований». Однако германское командование не успело на практике «обкатать» эту свою стратегическую новинку (это сделали большевики несколько позднее), так как вмешались другие события.

Сыграло свою роль известие о начавшейся Ноябрьской революции в Германии. Среди немецких солдат началось брожение, упал боевой дух, солдаты требовали возвращения домой. Гарнизоны стали покидать населенные пункты, расположенные в степных районах, и сосредоточиваться на линии железных дорог, в крупных узлах — на станциях Чаплино и Волноваха. Немецкие части вели себя очень пассивно, вступали в бой лишь тогда, когда на них нападали повстанцы.

Получив известие о революции в Германии, Махно воспрянул духом, он прекрасно понимал, что в условиях безвластия и общественной анархии заставить воевать солдат против их воли практически невозможно (еще свежи были в памяти воспоминания о российском безвластии февраля — октября

семнадцатого года). Уже к концу ноября махновцы двинулись на Чаплино и, захватив станцию 10 декабря, оттеснили немцев к другой крупной станции — Синельниково. Понимая, что атаковать укрепленные позиции под Синельниковом — полное безрассудство (здесь сконцентрировались более двух тысяч немецких солдат при трех артиллерийских батареях и пятидесяти пулеметах), батька пошел на хитрость. Погрузив своих бойцов в товарные вагоны и строго-настрого приказав им сидеть тихо, он приказал машинисту остановить состав между перроном и немецким эшелонем. Когда немецкие часовые привыкли к стоящему товарняку, десятка полтора махновцев под видом путевых обходчиков бесшумно ликвидировали охрану. По сигналу Махно были молниеносно открыты вагоны, и повстанцы, практически без единого выстрела, захватили эшелон и вокзал, а затем и всю станцию. Пленных солдат не тронули, им оставили по три винтовки на вагон и несколькими составами отправили в Германию «делать революцию».

К тому времени, когда немцы объявили о своем нейтралитете, их потери в борьбе с повстанческим движением, начиная с весны 1918 года, составили до 30 тысяч убитых и раненых. (Среди повстанцев и мирного населения потери достигали 50 тысяч человек.)

В предвидении новых боевых действий, теперь уже с новым противником, Махно решил — вопреки всем канонам анархистской теории безвластия — сформировать единый руководящий орган управления своим войском. Им стал Революционный штаб, в состав которого вошли сам Махно

(командующий), Белаш (начальник повстанческого штаба), «левый коммунист» Херсонский, левый эсер Миргородский и анархист Горев. Это был первый коалиционный штаб повстанцев Гуляйпольского района. Создавая руководящие структуры, Махно смотрел вперед, он серьезно подумывал о переносе военных действий за пределы Александровского уезда. А для оперативного решения военных вопросов силенок и «мозгов» одного только Махно и его ближайшего помощника Щуся было явно недостаточно.

Революционные события в Германии и разрыв Брестского мира повлекли за собой серьезные изменения в раскладе политических сил на Украине. На политической арене появилась новая сила — 14 ноября 1918 года заявила о своем образовании Директория, возглавил которую «головной атаман» Симон Васильевич Петлюра. Оперативно созданные военные формирования — «сечевые стрельцы» — развернули боевые действия против гетманских властей. Ровно через месяц — 14 декабря — Скоропадский бежал в Германию, бросив в Киеве на произвол судьбы сотни мобилизованных в свою армию солдат и офицеров.

«Войска» Петлюры торжественно вступили в столицу Украинской республики.

«Я ожидал увидеть конные эскадроны в украинской форме, — вспоминал очевидец, — но вместо них перед моим удивленным взором предстали тысячи саней и повозок, окруженные, как казалось, восставшим народом. Толпы крестьян мешались с неопикуемыми солдатами без каких-либо знаков отличия. С множеством гранат за поясом, с перевязя-

ми из патронов, перекрещенными на груди, они имели такую разнообразную коллекцию оружия, какую только можно себе представить, от карабинов до примитивных пик. Время от времени проезжал пулемет на старой крестьянской повозке. Многие из них (петлюровцев. — В. Т.) имели с собой жен, а некоторые даже детей, и маршировали с песнями, под аккомпанемент гармонь. Одни были веселы, другие — мрачны. Среди цветов их знамен над украинским желто-голубым преобладал красный. Наблюдая за этой рекой, бурлившей по улицам Киева, мы поняли, что речь шла о чем-то большем, нежели выступление Петлюры. Это был марш крестьянской революции».

Однако победа над гетманом еще не означала полной победы правительства украинских националистов. Директории угрожали части и Добровольческой, и Красной Армии. Советская власть стремилась не допустить отделения Украины от России, Махно ставил целью объединить под своей властью районы юга Украины. Украина «раскололась» на петлюровское Правобережье с Киевом и враждебное Директории Левобережье. И завоевать власть Петлюра мог, только применяя гибкую политику, идя на компромиссы с развернувшимся мощным крестьянским движением.

Между тем об отношении к этому движению пропетлюровская газета «Слово» (Екатеринослав) 27 ноября писала в передовице следующее: «Эта пугачевщина (то есть махновщина) началась тогда, когда губерниальная, гетманская власть была самостоятельна, когда к ее услугам были еще не революционизированные немецкие силы. Ничего эта власть

не сделала не потому, что не могла, а потому, что не хотела, от нерадения и лени.

Пугачевщина разрастается и принимает невероятные размеры не только в уездах, но и в городах, уже при новой демократической власти. Почему демократическая власть ничего не предпринимает против махновщины? Почему не хотят использовать еще оставшуюся здесь немецкую силу? Ее нужно употребить для водворения порядка.

Но если этого не могут ни гетманская, ни демократическая власти, то кто же это сможет сделать? Очевидно, что могут сделать только союзники (Антанта). Так не упрекайте тех, кто с напряженной радостью ждет союзников, потому что им не на кого больше надеяться».

Петлюра решился на двойную игру: сталкивая союзников с Махно, вел с последним, пока тот представлял собой реальную силу, закулисные переговоры, рассчитывая, таким образом, воспользоваться плодами победы любой стороны. Казалось, атаман все рассчитал и ошибиться не мог.

Напряженные переговоры закончились подписанием 15 декабря договора, по которому петлюровцы выделяли махновцам вооружение, боеприпасы и обмундирование. Взамен этого батька разрешил провести на «своей» территории мобилизацию новобранцев в армию Директории.

Однако Махно разгадал замыслы Петлюры и опередил незадачливого атамана: пока из складов перегружались в махновские брички винтовки и патроны, батька выступил на станции Пологи с «разоблачением» мобилизационной политики Директории. А как только полученное оружие оказалось в полной

безопасности, отдал приказ о наступлении на станции Синельниково, Лозовую и Павлоград. Не ожидавшие такого подвоха петлюровцы понесли серьезные потери. Ответ не заставил себя ждать: уже 25 декабря «сечевые стрелцы» выбили повстанцев из Лозовой и устроили публичный расстрел пленных махновцев, объявив их изменниками украинского народа.

Но критической точки отношения атамана и батьки достигли в конце 1918 года. В декабре войска Директории вытеснили из Екатеринослава 8-й белогвардейский корпус, а состоявшееся в подполье Екатеринославское общегородское собрание представителей большевистских организаций приняло решение о вооруженном восстании против петлюровцев. Однако силы большевиков были незначительны, оружия и боеприпасов у них почти не имелось. Большевистские отряды потерпели ряд поражений вначале от белогвардейских частей, а затем и от петлюровцев. Поэтому главнейшим и единственным вопросом на конференции было привлечение на свою сторону действовавших в районе Екатеринослава махновских отрядов.

В отношении Махно между членами подпольного большевистского губернского ревкома возникли споры. Ведь еще неделю назад в большевистской печати батьку открыто называли бандитом «с большой дороги». На что Нестор Иванович очень обиделся и потребовал публичного извинения. В екатеринославской газете «Звезда» поместили ответ: «Мы называли вас «бандитом», поскольку вы не приобщили вашу деятельность к общереволюционному движению». Далее в газете сказано лишь о «бандитской по-

пулярности», но «не прямо о вас, как о бандите. Считаем, что извиняться нам не в чем».

Вот так, коротко и понятно.

Однако здравый смысл и тактический расчет взяли верх. Махно — это сила, с которой в губернии все считались. Большевистская печать Екатеринослава оставила в стороне нападки на батьку, а для переговоров к нему ревком направил представительную делегацию екатеринославских коммунистов. Беседа затянулась на всю ночь. Екатеринославцам удалось уговорить Махно принять участие в боевых действиях против петлюровцев.

Вечером 26 декабря 1918 года в пригород Екатеринослава Нижнеднепровск, где сосредоточивались красные дружины, прибыл Махно с отрядом из ста кавалеристов, которым командовал Ф. Щусь и четыреста пехотинцев с шестью пулеметами под началом А. Калашникова. Несколько позже туда же подошел и отряд П. Тесленко, насчитывавший более трех тысяч бойцов. Сразу по прибытии батьки началось совещание командного состава частей, назначенных к наступлению на Екатеринослав. Командование всеми вооруженными силами было поручено Махно. Екатеринославские большевики добровольно передали военную власть в руки Махно, так как в их среде не нашлось никого, кто бы смог потягаться с ним в популярности. Махновцы, составлявшие основной костяк наступающих отрядов, не пошли бы ни за кем, кроме своего батьки.

Обсуждение плана боевых действий затянулось за полночь. Вызывало опасение прежде всего то, что силы противника в Екатеринославе были довольно велики — около четырех тысяч пехоты, свы-

ше двухсот пулеметов, три легких артиллерийских батареи, три бронепоезда, два автоброневика. Сводный штаб решил: упор будет сделан на внезапность удара и военную хитрость. Оставалось обсудить частности — захват моста, станции, ключевых зданий в городе и прочее. Махно поручил Щусю закончить переговоры и, приказав пехотинцам П. Тесленко через час начать штурм вокзала, отправился спать.

...Бой начался на рассвете. Станция, здание вокзала и железнодорожный мост были взяты без больших потерь. Махновцы, пустив впереди атакующих эшелон из порожних товарных вагонов для отвлечения внимания петлюровцев, незаметно приблизились к вражеским укреплениям. Забросав их гранатами, они открыли ураганный ружейно-пулеметный огонь по артиллерийским позициям противника, стремясь создать как можно больше паники. Молниеносно разнесся слух, что на город наступает Махно во главе пятитысячного отряда. Как только повстанцы оказались на городском вокзале, одна из петлюровских батарей выбросила белый флаг и перешла на их сторону.

После захвата моста и железнодорожной станции на вокзал прибыл эшелон с махновской пехотой. Но вместо того чтобы развить успех и захватить город, махновцы бросились к брошенному петлюровцами оружию и боеприпасам и начали грузить в вагоны. В город ушли лишь красноармейские дружины, которые сразу же натолкнулись на активное сопротивление неприятеля. С трудом удалось заставить махновцев двинуться в городские кварталы, где развернулось кровопролитное сражение. Лишь в девять часов утра на вокзал прибыл сам Махно, сладкий сон ко-

того было прервано сообщениями о больших потерях в его войске: оно не привыкло вести уличные бои.

Махно приказал выдвинуть на позиции захваченные у петлюровцев артиллерийские орудия и открыть огонь по городским районам. Он и сам пару раз выстрелил из орудия в сторону центра. Весь день гремела артиллерийская пальба. В оперативно-тактическом плане от таких действий было мало толку, так как страдало в основном мирное население и городские строения. Только в здание духовной семинарии попало восемнадцать снарядов, а всего их по Екатеринославу выпустили больше двух тысяч. Сосредоточенным огнем обстреливались казармы по Надеждинской улице, где располагалась комендатура и скрывались семьи офицеров петлюровского гарнизона.

Первый день боев не принес успеха ни той, ни другой стороне. Махновцы стойко удерживали вокзал и близлежащие кварталы, тогда как петлюровцы прочно укрепились в переплетении екатеринославских улиц. Лишь 28 декабря, после того как подошло подкрепление из Гуляйполя, Махно удалось переломить ситуацию в свою пользу. Но полностью противника вытеснили из города лишь через два дня. В восемь часов вечера 30 декабря махновцы и красные взяли последний оплот петлюровцев — Феодосийские казармы. Погиб комендант города полковник Воробец. Повстанцы захватили местный аэродром и семь аэропланов. Но отсутствие пилотов и механиков не позволило использовать эту военную технику по назначению. Махновцы сожгли все аэропланы.

Как только утихли последние перестрелки, махновцы кинулись грабить богатые квартиры, цейхгаузы и магазины. Захваченное добро грузилось на подводы и вывозилось в родные деревни и села. Страшному разгрому подвергся Озерный базар. В неразберихе кто-то поджег амбары и лабазы, окружавшие торговые ряды. На предложение ревкома командованию повстанческих отрядов снабжаться в организованном порядке, а не грабить махновцы ответили:

— Мы за лозунг: от каждого по его способностям и каждому по его потребностям.

Грабежи приняли угрожающие размеры. Махно, только что назначенный главнокомандующим Советской революционной рабоче-крестьянской армией Екатеринославского района и очень гордившийся своей новой должностью, вынужден был обратиться к своему войску со следующим воззванием:

При занятии города Екатеринослава славными революционными войсками во многих частях города усилились грабежи, разбои и насилия. Творится эта вакханалия в силу определенных социальных условий или это черное дело совершается контрреволюционными элементами с целью провокации, во всяком случае, это делается. И часто делается именем славных партизан-махновцев, борющихся за независимость, счастливую жизнь всего пролетариата и трудового крестьянства.

Чтобы предотвратить этот разгул пошлости, совершаемый бесчестными людьми, позорящими всех честных революционеров, не удовлетворяющихся светлыми завоеваниями революционного народа, я, именем партизан всех полков, объявляю, что всякие грабежи, разбои и насилия ни в коем случае допущены не будут в данный момент моей ответственности перед революцией и будут пресекаться в корне. Каждый преступник,

совершивший преступление, вообще и в особенности под именем махновцев или других революционных отрядов, творящих революцию под лозунгами восстановления советского строя, будет беспощадно расстреливаться, о чем объявлено всем гражданам, призывая их также бороться с этим злом, подрывающим в корне не только завоевания революции, но и вообще честного гражданина.

Нестор Махно

Воззвание было распространено в городе в ночь на 31 декабря. Но, несмотря на две-три демонстративных расправы (на одной из них присутствовал и сам батька), оно не смогло остановить вакханалию, грабежи не прекращались. Махновцы расценили приказ по-своему: «Бери сколько сможешь и сколько унесешь, но на глаза батьке не попадайся, зарубит».

Вот зарисовка тех дней, что называется, с натуры: «Интеллигент Х. решил днем, около двенадцати часов, пройтись по улице, навестить родственников. Через два квартала на углу его остановил махновец, который, оглянувшись кругом и увидя пустую улицу, крикнул ему:

— Стой!

Х. остановился как вкопанный.

Махновец снял с плеча винтовку и сказал решительным тоном:

— Скидывай штаны!

Как ни далек Х. от храбрости, но такое требование превратило его во взбесившегося воробья.

— Как это я тебе тут сниму штаны и пойду днем по улице без штанов?! Хоть убей, не сниму!

Махновец приставил штык к его животу:

— Снимай, тебе говорят! Ишь, разговорился! Снимай! А не то пузо проткну!

Х. упорствовал. Махновец напирал и ругался. Наконец Х. осенило:

— Да за чем мне тут снимать? Вон недалеко мой дом. Идем, я дам там тебе штаны!

Махновец, после некоторого колебания, согласился. Х. под его конвоем вернулся домой и предложил ему другие брюки, но махновец упорно настаивал, чтобы он снял те, что на нем. После короткого спора пришлось все же уступить.

Сняв на кухне свои действительно ужасные отрепья и надевая новые брюки, махновец поучительно разглагольствовал:

— Вот, давно бы так. А то у шестерых прохожих просил: «Дайте, пожалуйста, штаны, совсем обновился». Все говорят: «Нет лишних». А вот теперь нашли. Нам батька Махно запрещает грабить. Ежели, говорит, тебе что нужно, возьми, но не больше. Ну, а мне больше и не надо!

Ему предложили поесть, и он охотно согласился».

Жителей Екатеринослава «спасло» от разгула махновской вольницы контрнаступление петлюровцев. Оно началось рано утром 31 декабря. Всего несколько часов назад Махно казалось, что дело сделано и «разбитые» петлюровцы «духа нашего бояться и никто не придет». Он практически ничего не предпринял для организации обороны города, ограничившись лишь небольшими заставами да секретарями на городских окраинах. События развивались стремительно: петлюровские войска под командованием полковников Самокиша и Саквы (наступавшие

со стороны станции Долинской) легко смели повстанческие и красноармейские заслоны и ринулись к центру Екатеринослава. Махновцы в полном беспорядке отступали, бросая по дороге награбленное добро. Многие решили переправиться на правый берег Днепра по льду, но попадали в полыньи, образовавшиеся от разрывов снарядов, и расстреливались, словно утки, петлюровскими солдатами. Батьке удалось остановить свое перепуганное воинство только за железнодорожным мостом.

После почти панического бегства из Екатеринослава на Левобережье батька не смог закрепиться на станции Нижнеднепровск и двинулся дальше. Махно требовал предоставить ему железнодорожный состав в первую очередь. Начальник станции доложил, что только что отправил бронепоезд. Нестор Иванович настаивал и угрожал. Наконец, состав подали. Но на выходных стрелках он наткнулся на стоящий бронепоезд. Авария... Холодная ночь... Пути завалены сошедшими с рельсов вагонами. Слышны стоны раненых, ругань, одиночные выстрелы... Паника... Вдоль полотна растянулась длинная цепь махновских партизан, отступавших в полном беспорядке в сторону Синельниково.

Бои за Екатеринослав убедительно показали, что махновские отряды пока пригодны лишь для локальной, партизанской войны, да и сам батька еще как военачальник не состоялся. Он не был готов управлять большими армейскими соединениями, возглавлять регулярные части, решать военно-стратегические и оперативные вопросы. Но, как отмечал Виктор Белаш, батька, «как личность, имел большое влияние в нашем кругу. Особенно он был ценим как

администратор, его повстанцы боялись и повиновались, а это в армии весьма важно и полезно». «Батяка наш, — говорили они о нем. — Он и стакан водки выпьет с нами, и речь хорошую скажет, и в цепь пойдет...» А военные успехи, признание полководческого таланта были еще впереди.

В Гуляйполе Махно вернулся 5 января 1919 года с отрядом всего в двести человек. Подъезжая к штабу, Нестор Иванович увидел женщин, о чем-то горячо расспрашивавших усталых и потрепанных в боях повстанцев. До батяки долетели отрывки фраз:

— Сукин сын, погубил наших детей и мужей, потопил несчастных, а сам невредимым вернулся. Плохо ему придется за Екатеринослав, ой плохо. Помним ему наши слезы.

На вопрос своего адъютанта Алексея Чубенко «Где остальные бойцы?» Махно сквозь зубы процедил: «В Днепре» и со злостью рубанул шашкой по столу. Штабные в страхе попятнулись. Репутация его среди местного населения несколько пошатнулась.

Батяке как воздух нужна была новая победа, требовалось поднять и свой престиж, и боевой дух своего войска. Как раз в это время пришло известие о том, что жители немецкой колонии Блюменталь выступили против махновцев. Махно решил незамедлительно с ними расправиться и 9 января двинул против них часть своих отрядов. Однако колонисты заблаговременно подготовились к обороне и отразили нападение, нанеся наступающим ощутимый урон. Они даже контратаковали позиции повстанцев, расположившихся на околице близлежащего от колонии села Копани, выбили оттуда махновских хлопцев и сожгли больше половины домов. Потерпев оче-

редное поражение и отступив на станцию Орехово, Махно был взбешен. Его раздражало и то, что он ничем не мог помочь десяткам раненых, которые забили все привокзальные постройки. Они беспомощно стонали, перевязывая друг другу раны грязными клоками материи. Батяка требовал доставить врачей, бинты и медикаменты, но его соратники только разводили руками: все лекари в страхе разбежались, а местная больница уже давно разграблена.

Совершенно неожиданно на вокзале появился местный священник, который обратился к повстанцам со страстной речью, призывая прекратить войну с колонистами во имя Бога и гуманности. Махно немедленно доложили, что на станции «лазутчик», который агитирует в пользу противника — ненавистных немцев. Еще не остывший от неудачного боя батяка зло воскликнул:

— В костер поповскую рясу! Сжечь его!

Приказ Нестора бросились исполнять Щусь, Лютый и Лепетченко. Они связали старика и под одобрительные крики толпы: «В топку его, черта патлатого! Ишь, паразит, разъелся!» потащили к ближайшему паровозу.

Щусь, скаля прогнившие зубы, открыл дверки топки и повернулся к побледневшему священнику:

— Ну, водолаз, работаешь на врагов наших, пугаешь адом крошечным на том свете, так полезай в него на этом!

Все притихли. Священник еще пытался сопротивляться, но крепкие руки держали его. Вот скрылась в дверцах голова, затрепетали руки. Еще секунда — скрылись ноги.

Черный дым повалил из паровозной трубы, по-

несло гарью... Все закончилось... Повстанцы, молча и зло косясь на Щуся, расходились.

Батьке доложили о настроении бойцов, он помолчал, потом, ни к кому конкретно не обращаясь, произнес:

— Сам виноват, сидел бы тихо, никто и не тронул бы.

Щушь ослабился:

— Он сейчас на небесах, черт волосатый, в райских кушах с ангелами...

Нестор так взглянул на Феодосия, что тот на полуслове поперхнулся и замолчал.

В начале 1919 года с юга на контролируемую Махно территорию надвинулась большая опасность — Добровольческая армия. В нескольких мелких стычках с ее передовыми частями батька не сразу разглядел ту грозную силу белой армии, которую она постепенно набирала, но понимал, что предстоит дело иметь с хорошо вооруженным и обученным войском. Наступление добровольцев взбудоражило крестьянство, поскольку в рядах ее объединились бывшие помещики, немецкие колонисты, казаки, офицеры бывшей царской армии, юнкера, помнившие кровавые расправы над своими товарищами. Серьезную опасность представляли собой и войска Симона Петлюры, находившиеся, что называется, под боком.

Первый районный съезд махновцев, открывшийся 23 января 1919 года в Большой Михайловке, «выражая волю подавляющего большинства гуляйпольского крестьянства и защищая их интересы»,

признал главной опасностью белогвардейщину и петлюровщину и призвал население к вооруженному сопротивлению. Съезд принял решение о создании районного Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Всем войскам, участвовавшим в боевых действиях на Украине, был направлен категорический наказ делегатов съезда с призывом объединиться под одним общим лозунгом: «Все на путь революции и за власть трудового народа». Такой документ был передан Н. Махно и Ф. Щусю. Вручавший его делегат сообщил батьке о решении созвать в ближайшее время уездный съезд. Повстанцы объединялись, видя в этом свою силу и спасение.

Прекрасно понимая, что в одиночку многочисленным врагам противостоять не удастся, Махно сделал единственно правильный выбор — начал искать связь с советскими войсками.

Еще 1 января 1919 года в Харькове произошло вооруженное выступление подпольных большевистских организаций, в результате которого в городе и близлежащих волостях взметнулись кумачовые стяги, были созданы ревкомы. Восстание поддержал и анархист Чередняк, чей полторатысячный повстанческий отряд при двух орудиях наступал на город со стороны Волчанска. Через три дня в Харьков переехало с территории Советской России Временное рабоче-крестьянское правительство Украины, а на базе группы войск Курского направления был образован Украинский фронт во главе с В. А. Антоновым-Овсеенко. Специально сформированная группа войск Харьковского направления развернула наступление на юго-восток. Особая группа советских войск

под командованием бывшего балтийского матроса П. Е. Дыбенко продвигалась в направлении Екатеринослав — Лозовая, то есть в сторону «свободного» махновского района. В середине января, нанеся ряд ощутимых ударов петлюровцам, советские войска заняли всю Екатеринославщину. 26 января по поручению батьки на станции Синельниково с Павлом Дыбенко встретился Алексей Чубенко. После непродолжительных переговоров посланец Махно заключил с командующим группой военное соглашение о совместной борьбе против добровольцев и «сечевиков» Петлюры. Верховный атаман Петлюра пытался перехватить инициативу и предлагал Махно заключить с ним союз, но тщетно. Батька лишь отмахнулся:

— Петлюровщина — это авантюра, отвлекающая массы от революции.

Для малочисленных советских войск привлечение махновцев к борьбе с Деникиным означало крупный успех. Повстанцы оттягивали на себя значительное количество войск противника.

Военный союз получил одобрение и со стороны пятидесяти участников первого съезда фронтовиков, проходившего 27 января в здании вокзала станции Пологи.

Открытие съезда было назначено на девять часов утра, но батька, которому предстояло выступить на первом заседании с программной речью, опаздывал. Собравшиеся в зале напряженно, немного волнуясь, ждали. Полчаса ожидания, час, и неожиданно — протяжный крик:

— Е-е-едут, едут!

Из-за поворота показалась группа всадников. Впереди всех браво сидящий на коне Кинь-Грусть

Махно, за ним — Щусь, Лепетченко, Каретников и один из братьев Лютых (личные охранники батки).

Подъехав к толпе ожидающих, Махно, поводя глазами, пытаясь охватить всех своим пронзительным взглядом, гаркнул:

— Здорово, граждане!

Повернувшись к повстанцам, взял голосом на ноту выше:

— Здорово, хлопцы!

Через несколько минут Махно уже произносил свою торжественно-программную речь. Говорить он начал не сразу: оглядел зал, определяя его настроение.

И вдруг, неожиданно для слушателей, металлическим голосом начал бросать слова:

— Товарищи и други!

Прежде чем касаться насущных вопросов о задачах текущего момента, необходимо оглянуться на прошлое.

Всем известно, что повстанческие силы, созданные исключительно для самообороны, год тому назад представляли горсточку храбрецов, и никто не допускал мысли, что та малость превратится в могучую армию, а само движение выльется в социальную революцию. (Рукоплескания.)

Таким образом, дело поднятия карающего меча трудящихся против капитализма и государственности в некоторой доле осуществилось, но окончательно еще не завершено.

Перед нами во весь рост встали нелегкие проблемы и задачи: первая — организационная, вторая — оборонительная.

Сначала об организации: если, как я сказал, начатая борьба еще не окончена, то это обстоятельство требует тесного сплочения разного рода сил трудящихся в одно целое.

Только при условии организованности, единения наличных сил нам удастся разрешить эту сложную, серьезную и весьма трудную задачу.

Иначе говоря, в этом деле нужно каждому надеется только на себя, на свои собственные силы и на свою самодеятельность.

А если так, а не иначе, то, мои друзья и товарищи, перейдем от бездеятельности к самодеятельности, от разномыслия к единому мнению, от раздробленности к единению. (Рукоплескания.)

Что же, собственно говоря, практически для этого нужно?

А вот что: нужно общими и едиными усилиями теперь уже серьезно заняться разрушением рабского строя, а попутно самим идти и вести других по пути организации нового, свободного, ни от кого не зависящего, равенственного строя.

Организуем же этот строй на началах свободной общественности!

Пусть не эксплуатируемое и не эксплуатирующее чужого труда население живет свободно и независимо от государства и строит новую, счастливую жизнь совершенно самостоятельно у себя на местах без всякой опеки и принуждения.

Да здравствует наше свободное, независимое, равенственное, а потому братское крестьянское объединение! (Рукоплескания и разноголосые крики.)

Вторая задача, более трудная, следующая: отстоять от врага озаренный свободой наш край.

Кто же наш враг?

Это — реакция в лице армии золотопогонного царского генерала Деникина, силы более могучей, чем одоленные нами его предшественники, по военному опыту, вооружению и численности.

Одолеть эту силу — значит целиком спасти все завоевания революции: со свободными коммунарами, с вольными Советами и с той независимостью, которая открывает перед крестьянами широкие виды для создания непринужденного труда и вполне независимого права на существование.

Ну, а если мы все заинтересованы в переустройстве социальной жизни, при которой все будут свободны, равны и независимы, то разум повелевает немедленно встать, как один человек, на борьбу за независимость трудящихся и защитить грудью от врагов наш свободный район.

Итак, все на борьбу за вольную жизнь, за право на труд, за свободу! (Рукоплескания.)

Далее я хотел вас, други мои (обращаясь к крестьянам), поблагодарить и за материальную помощь армии, за душевное расположение к движению и за самопожертвование на благо углубления великой украинской революции, ведущей к счастливой, свободной, равенственной и независимой жизни!

Громогласные крики одобрения и рукоплескания покрыли последние слова оратора.

Два пожилых крестьянина в стороне обмениваются впечатлениями:

— Ну и балакает: индо голова в круг... Да...

— Н-да... Я намеднясь в Гуляйполе заслушался ево до того, что пальцы на ногах отморозил. Ха-ха-ха: он, значит, свое, а мороз — свое... Да...

— Наш батька чи с чертом знається, чи с Богом, а только ж не простой он человек, скажу я...

Особое внимание съезд фронтовиков уделил вопросам ликвидации острой нужды в оружии и боеприпасах. Повстанцы избрали оперативный штаб — высший военный орган как на фронте, так и в тылу. Все многочисленные отряды объединялись в роты, батальоны и полки; им придавались тыловые подразделения и базы. Это решение поддержали многочисленные батьки и атаманы — Зверев, Коляда, Паталаха, Ищенко, Дерменжи, Правда и прочие, чьи ватаги встали под черные анархистские знамена.

Махно оставался верным своему принципу независимости. Повстанческая армия вошла в состав советских войск на следующих условиях: внутренний распорядок ее оставался прежним, в ее состав допускались комиссары, назначавшиеся командованием Красной Армии, махновские войска подчинялись высшему командованию лишь в оперативно-тактическом отношении и никуда не передислоцировались из своего района. Батька получал военное снаряжение, боеприпасы и денежное содержание наравне с красноармейскими частями, за махновским войском сохранялись название «Революционная повстанческая армия» (хлопцы им очень гордились) и черная символика.

Уже в двадцатых числах января 1919 года махновские отряды вступили в затяжные бои с частями деникинского генерала Май-Маевского и формированиями немецких колонистов. Белогвардейцам удалось овладеть Гуляйполем, но махновцы ценой огромных потерь выбили их оттуда. Батька

сам водил бойцов в атаку. Белые не уступали, село несколько раз переходило из рук в руки. Махно галопом носился от одного фланга наступающей цепи к другому, призывая повстанцев идти вперед.

Стремясь избежать потерь, Май-Маевский приказал выдвинуть на позицию три артиллерийские батареи и прямой наводкой открыть огонь по Гуляй-полю.

Растерявшийся наводчик бросился к командиру батареи:

— Ваше благородие, куда бить?

— Куда хочешь. Все хорошие люди отсюда ушли, остались только большевики.

За спасение села молили священники двух местных церквей. Они в полном облачении, с хоругвями, иконами и певчими хорами, с молитвами под звон колоколов двинулись в сторону позиций белых. Белое командование пообещало прекратить обстрел, но с условием, что повстанцы покинут Гуляйполе. Ночью Махно отдал приказ отступать. Бойцы уходили, понуриив голову: все жертвы напрасны?

Однако через несколько дней, получив от Дыбенко бронепоезд «Спартак» и двадцать пулеметов, Махно вновь отбил у деникинцев родное село. Развивая успех, повстанцы овладели и уездным центром — Александровском. А основные силы особой группы Дыбенко тем временем выбили противника из Екатеринослава.

В начале февраля корреспондент Бюро печати Украины сообщал: «На фронте советских войск Дыбенко развернулись ожесточенные бои с казаками-

чеченцами. Захвачено много пленных, оружия. Отличился в боях бывший вождь повстанческих отрядов, теперь командир бригады — Махно». (Печать несколько поторопилась: комбригом батька стал несколько позднее.)

После одной успешно проведенной операции махновцы в районе Цареконстантиновки захватили эшелон с хлебом. По предложению Махно, который помнил о тяжелом положении с продовольствием в столице, штаб повстанческой армии решил направить в Москву и Петроград девяносто пять тысяч пудов хлеба. «Гуляйпольское революционное крестьянство, а также крестьянство всех прилегающих областей, командный состав и повстанческие отряды имени Махно, Гуляйпольский Совдеп, Революционный полевой штаб Махно, — говорилось в адресованной Совнаркому РСФСР и Петроградскому Совету сопроводительной телеграмме, — постановили имеющиеся у нас девяносто вагонов муки, добытой в бою с добровольческими бандами, как военная добыча, поднести в подарок московским, петроградским революционным крестьянам и рабочим. Повстанческие крестьяне названного района и все их вожаки протягивают свою товарищескую руку и приветствуют своих революционных товарищей, Совнаркомы и Совдепы. Просим оповестить население».

К этому времени относится и начало широкой кампании восхваления Махно в советской печати как пламенного революционера. Первая такая публикация появилась 9 февраля 1919 года в центральных «Известиях». В ней батька характеризовался чуть ли не большевиком:

Гнездом скрытого революционного брожения в дни реакции Скоропадского, — говорилось в статье, — было Гуляйполе. Здесь с июля месяца 1918 года начала действовать маленькая группа революционеров под начальством батьки Махно. В состав ее входили левые социалисты-революционеры, анархисты, но главной силой в них, конечно, были коммунисты.

Через пять дней «Правда» поместила на первой странице большую статью видного южнороссийского большевика Ю. П. Гавена: «О батьке Махно и махновщине». Положительно отзывался о батьке и его бойцах и корреспондент Бюро печати Украины в своем отчете о командировке в Гуляйполе.

Конечно, назвать Нестора Ивановича большевиком нельзя даже с большой натяжкой. Это исключено. В этом случае срабатывал другой фактор. На сближение с махновцами Советская власть пошла не по доброй воле, а с дальним прицелом. Дело в том, что поддержка их в сельских районах ощущалась слабо, гораздо больше было недовольных, особенно земельной политикой Советской власти. А ликвидировать повстанческое движение Нестора Махно, под ружьем у которого в начале года насчитывалось более двадцати тысяч штыков и восьми тысяч сабель и распространившего свое влияние на территорию с населением свыше 1,7 миллиона человек, было невозможно. Авторитет повстанцев был настолько высок, что, затронув их, ущемив их права, можно было потерять многое.

Поэтому советское руководство приняло «соломоново» решение — пусть махновцы воюют, пусть бьют нашего врага, а там посмотрим. Придет время — доберемся и до них. На всех сил хватит.

Тем более что своего неприятия советской, правильное сказать — большевистской формы правления Махно никогда не скрывал.

Его неприязнь к большевикам проявилась при подготовке второго съезда фронтовиков-повстанцев, рабочих и крестьянских Советов, отделов и подотделов, военно-полевого штаба Гуляйпольского района, который открылся 12 февраля 1919 года в Гуляйполе пением «Марсельезы». 245 делегатам от 35 волостей предстояло обсудить продовольственную политику Советской власти на Украине, стремление большевиков насильственным путем создать совхозы и коллективные хозяйства. Прибывших с фронта, промерзших до костей на боевых позициях бойцов и смущавшихся от непривычной официальной обстановки гуляйпольских крестьян приветствовал от имени повстанческого штаба Махно. Сославшись на большую занятость, он отказался занять место председателя съезда. От лица фронтовиков выступил Михаил Лавров, член делегации, ездивший в начале года в Харьков для обсуждения с Временным советским правительством Украины важнейших вопросов общественной жизни. Комиссары, по словам оратора, отказались встретиться с делегатами и отослали их к рядовому сотруднику аппарата, который познакомил их с составом назначенного «сверху» правительства, в котором нет крестьян и рабочих, зато есть «записавшиеся в большевики» бывшие генералы и царские чиновники.

Махновцы на своем съезде заявили, что не признают никаких правительств, кроме того, которое изберут сами крестьяне голосованием своих представителей. Махновские делегаты убеждали селян не

поддерживать ни одну из существующих партий. Страсти накалились до предела, масло в огонь подлил сам Махно, выступивший с докладом о текущем моменте. Он призвал повстанцев бороться против монополизации Советов коммунистами, вообще против «партийного ига большевиков над пострадавшим трудовым народом», против гонений Советской властью анархистов и т. д. Закончил свое страстное выступление Махно словами:

— Если товарищи большевики идут из Великобритании на Украину помочь нам в тяжелой борьбе с контрреволюцией, мы должны сказать: «Добро пожаловать, дорогие друзья!» Но если они идут сюда с целью монополизировать Украину — мы им скажем: «Руки прочь!» Мы сами сумеем поднять на высоту освобождение трудового крестьянства, сами сумеем устроить себе новую жизнь, где не будет ни панов, ни рабов, ни угнетенных и ни угнетателей.

На втором Гуляйпольском съезде значительно укрепились позиции Нестора Махно, особенно после выступления председателя съезда Б. В. Веретельникова, который охарактеризовал батьку как борца «за народное счастье, за крестьянский люд и всеобщее равенство». Депутаты аплодировали, выкрикивали в его адрес приветствия, а он как будто и не замечал всеобщего восторга.

Единогласно Махно был избран председателем созданного на съезде Военно-революционного совета района. На своем первом заседании совет принял резолюцию, в которой говорилось: «Приветствуем революционную армию в лице товарища Махно, которая первая восстала против наших угнетателей в защиту трудящихся на Украине».

...21 февраля был издан приказ № 18 по войскам группы Харьковского направления, согласно которому из частей, находившихся под командованием Дыбенко, Григорьева и Махно, образовывалась 1-я Заднепровская Украинская Советская дивизия в составе трех бригад. Ее начальником назначался П. Е. Дыбенко, командиром 3-й бригады — Махно, 2-й — Никифор Григорьев. Через несколько дней на станцию Пологи прибыл новый начдив, который официально сообщил батьке о его назначении. Нестор Иванович очень гордился своей новой должностью, в кругу самых близких друзей он говорил:

— Думал ли я, что буду командовать бригадой, если не был ни одного дня на военной службе, а теперь вот командир бригады... И только.

Радость батьки скоро сменилась смутной тревогой. Он понимал, что теряет былую свободу и становится всего лишь командиром одной из многих воинских частей Красной Армии. Тревожили его и сообщения разведки, в который раз уже докладывавшей батьке, что за действиями повстанцев пристально наблюдают, что красное командование недоволено его авторитетом в войсках и среди населения. Разведка полагала, что с Махно собираются серьезно поговорить, а возможно, и ликвидировать его.

И действительно, 23 февраля Махно был вызван в штаб дивизии в Екатеринослав для отчета. Батька очень удивился: ведь всего два дня назад он проводил из своего штаба начдива. Будучи крайне осторожным, Нестор Иванович сослался на то, что готовит наступление на Мариуполь, и договорился о

новой встрече с Дыбенко в только что освобожденном Бердянске. Начальник Заднепровской дивизии прибыл поздно вечером. Выслушав приветствие и рапорт Махно, он выступил перед штабными работниками с речью, в которой похвалил повстанцев, от лица высшего командования передал им благодарность и хорошо отозвался о батьке и Калашникове, чей полк выбил белых из Бердянска. Несколько успокоившись, Махно пригласил Дыбенко в местную гостиницу и, оставшись с ним наедине, поделился своими опасениями, что в силу каких-то обстоятельств его могут объявить вне закона и даже расстрелять. Он напомнил о суде над Дыбенко в апреле предыдущего года, когда храброго командира отряда моряков обвинили в сдаче немцам Нарвы и чуть не пустили «в расход».

Дыбенко согласился с тем, что аресты по ложному обвинению в контрреволюции или по непроверенной информации не такая уж редкость, но клятвенно заверил: он первым сообщит Нестору Ивановичу, если произойдет подобное недоразумение.

Проезжая по центральной площади Бердянска, Махно и Дыбенко стали свидетелями удивительной сцены повстанческого «правосудия».

На площадке против комендатуры собралось человек восемьдесят — сто махновцев и толпа любопытных. На ящик из-под снарядов поднялся комендант города, молодой матрос, и звучным голосом объявил:

— Братва! Мой помощник Кушнир сегодня ночью произвел самочинный обыск и украл вот эту штуку, — он показал золотой портсигар. — Что ему за это полагается?

Из толпы два-три голоса негромко произнесли:
— Расстрелять!

Возглас подхватили остальные махновцы, так как, очевидно, такие решения уже были привычными. Удовлетворенный одобрительным голосованием приговора, комендант махнул рукой — так тому и быть, — спрыгнул с ящика и тут же из револьвера застрелил Кушнера. «Народный суд» окончился, а махновцы, только что кричавшие «расстрелять», довольно громко возмущались:

— Ишь, сволочи, безделушку какую-то не поделили...

Комендант же, опустив портсигар в карман брюк, отправился выполнять свои непосредственные обязанности.

Дыбенко удивленно взглянул на батьку:

— Порядочки?!

Махно лишь покачал головой и не произнес ни слова. Согласно анархистской традиции, правосудие, как он писал в одной из своих статей 1918 года, должно являть собой «живой, свободный, творческий акт общежития и справедливости. Самооборона населения должна быть делом свободной, живой самоорганизации. Поэтому всякие омертвелые формы правосудия — судебные учреждения, революционные трибуналы, уложения о наказаниях, полицейские или милицейские институты и структуры, чрезвычайки, тюрьмы и вся прочая старая бесплодная и ненужная ветошь, — все это должно отпасть само собой и упраздниться при первом же дыхании свободной жизни, при первых же шагах свободной и живой общественно-хозяйственной организации».

Анархист-теоретик Арон Барон (с ним Махно еще предстояло сойтись поближе) в газете «Одесский набат» за 16 июня 1919 года так оценивал взаимоотношения большевиков с Нестором Махно:

Пришедшие на Украину большевики с Дыбенко во главе познакомились лично с товарищем Махно, уезжали от него очарованные. Большевистские газеты за февраль сего года, как украинские, так и центральные, изобилуют хвалебными отзывами того или иного высокопоставленного большевика о преданности его повстанческих отрядов, об образцовом порядке в его частях. Махно объединил все силы с пришедшими войсками и был назначен Дыбенко командиром бригады, но остался верен своему идеалу безвластного общества. Он не склонил головы перед большевистским правительством, не записался в их партию и стал бельмом на глазу правителей.

В сущности, Барон был прав, Махно — фигура в те годы слишком заметная на политической арене и совершенно неуправляемая.

Сразу же после включения махновских отрядов в состав советских войск народный комиссар по военным и морским делам Украины направил в Гуляйполе представителей Высшей военной инспекции. Комиссия работала в частях Махно с 23 февраля по 11 марта и пришла к выводу, что в повстанческих войсках «нет твердой дисциплины. Во многих частях командный состав выборный и часто, не обладая технической подготовкой и опытом, совершенно не соответствует своему назначению. Махно иронически и отрицательно относится к политическому комиссару. Бригада в периоде формирования, чем объясняется отсутствие дисциплины; в некоторых частях замечается пьянство, к искоренению которо-

го приняты самые решительные меры. Связи между отдельными частями нет почти никакой, благодаря чему нет возможности координировать действия отдельных отрядов: наступление ведется отдельными разрозненными группами по их личной инициативе. Исключением из общей массы является 5-й и 6-й Заднепровские полки. Но в 5-й полк записалось около пятнадцати тысяч добровольцев (цифра явно завышена. — *В. Т.*), для вооружения которых не хватает оружия. В последнее время стала налаживаться работа... началась чистка командного состава».

То, что дисциплина у махновцев «хромала на обе ноги», никто и не скрывал. Дело в другом: у красных и махновцев представления о дисциплине совершенно разные.

17 марта повстанцы взяли узловую станцию Волноваху. Следующие несколько дней белые и махновцы не тревожили друг друга: и те и другие перегруппировывали силы, приводили в порядок потрепанные части.

В отбитой Волновахе — тишина. Возле штаба батки только одинокий часовой. Мимо проехали тачанки с пулеметчиками, горляющими песни, прошли две роты повстанцев. Вдруг неожиданно из-за угла здания штаба показалась толпа крестьян, ведомая плачущей пожилой женщиной. Подойдя, они потребовали у охраны допустить до батки, к которому у них есть серьезный разговор. Через минуту на крыльце показался сам Махно. Он, стараясь не будоражить толпу, вежливо пригласил просительницу пройти в помещение канцелярии. Оказалось, что она жительница немецкой колонии Яблуквой, куда накануне выезжал за контрибуцией Феодосий Шусь с неболь-

шим отрядом. Немцы требуемой суммы не имели, о чем и заявили махновцам на созванном сходе, но обещали снарядить делегацию в соседнюю колонию и позаимствовать деньги там. Щусь не поверил колонистам и расстрелял восемь самых богатых хозяев, остальных мужчин согнал в сарай и продержал там всю ночь. Одна из родственниц погибших пробралась в Волноваху, дабы выпросить у Махно разрешения предать трупы земле.

Махно, стиснув от злости зубы, кивнул адъютанту Чубенко головой в знак согласия. Минуту спустя женщина, сжимая в руках драгоценную бумагу, вышла из штаба и двинулась к себе в колонию. Вызванного к батьке Щуся тут же разоружили и арестовали.

— Что ж, приехал туда, сказал, чтобы снесли, а они плечами двигают — нет, мол, надо делегацию посылать к соседям. А что я, дурень какой или мальчик, не знаю, что это значило? Небось хотели звать на помощь, убить помышляли, буржуи проклятые. Пятьдесят тысяч рублей по акту и до копейки я сдал начальнику снабжения бригады Ольховику. Виноват — судите! — оправдывался, отчаянно жестикулируя руками, Щусь.

Махно, отослав часового, приставленного к арестованному, буквально взорвался:

— Сволочь ты такая, расстреляю, как подлеца, как мародера, как врага, если повторишь, расстреляю сукиного сына, даю слово!

Щусь дал слово не повторять убийств, божился и клялся в верности. Батька приказал ему отправляться на передовую и постараться подольше не попадаться ему на глаза и еще долго сотрясал воздух последними бранными словами.

За махновской вольницей внимательно следили, пытаясь спрогнозировать возможные ее действия, не только красные, но и белые.

В сведениях, собранных о батьке белогвардейцами, говорилось следующее: «Будучи человеком очень хитрым, с целью чем-либо покрыть свою кровавую и грабительскую деятельность, Махно иногда выдаёт себя за человека, пострадавшего за политические убеждения. Однако несомненно то, что Махно не имеет ничего общего ни с партией социалистов-революционеров, ни с партией анархистов. Махновщина — это усугубленная пугачевщина, являющаяся следствием того звериного определения понятия свободы, которое, по показаниям свидетелей, сделал один из махновцев: «Свобода — это значит, что каждый может делать все, что хочет».

На одном из штабных заседаний Деникин, выслушав сообщения с фронтов, в сердцах воскликнул: «Вот где у меня сидит этот Махно» — и ударил себя ладонью по затылку. Тогда же главнокомандующий вооруженными силами Юга России объявил большую награду за голову Махно. Батьке это польстило, но личную охрану он удвоил, вооружив телохранителей ручными пулеметами «льюис». Это сразу же стало известно белогвардейской контрразведке, которая не преминула заявить, что Махно надежно охраняют отборные головорезы, одетые во все красное и носящие длинные черные волосы.

Желающих получить солидный куш за голову батьки так и не нашлось.

22 марта главком вооруженными силами Республики И. И. Вацетис отдал директиву командованию Украинского фронта начать решительное наступле-

ние на Мариуполь и далее на Таганрог силами 1-й Заднепровской дивизии. Части махновской бригады окружили Мариуполь и после жестокого и затяжного, почти восьмидневного боя овладели городом, имеющим важное стратегическое значение.

Повстанцам достались богатые трофеи: бронепоезд, восемнадцать исправных паровозов и несколько десятков вагонов, два катера и пароход. Махновские части преследовали отступающего противника еще несколько десятков километров, но, понеся значительные потери и оторвавшись от тыловых баз, вынуждены были остановиться. Ряды повстанцев косили не только белогвардейские пули, но и тиф, буквально в каждом селе или городе приходилось оставлять десятки и сотни больных.

6 апреля части 2-й бригады Заднепровской дивизии под командованием Н. А. Григорьева взяли Одессу. Взяли — слишком громко сказано. Город сдался без боя, на милость победителей.

Одесский поэт и балагур Дон-Аминадо (А. Шполянский), переживший власть и большевиков, и денкинцев, и петлюровцев, и еще черт знает кого, в юмористических тонах вспоминал в эмиграции те, явно невеселые времена: «Смена власти произошла чрезвычайно просто...

Впереди, верхом на лошади, ехал Мишка-Япончик, начальник контрразведки....

За жеребцом, в открытой свадебной карете, мягко покачиваясь на поблекших от времени атласных подушках, следовал атаман Григорьев.

За атаманом шли победоносные войска.

Оркестр играл сначала «Интернационал», но по мере возраставшего народного энтузиазма быстро перешел на «Польку-птичку» и, не уставая, дул во весь дух в свои тромбоны и валторны.

За армией бегом бежала Молдаванка, смазчики, грузчики, корреспонденты развенчанного Финкеля, всякая коричневая рвань.

У памятника Екатерине церемониальный марш кончился.

Мишка-Япончик круто повернул коня и гаркнул, как гаркают все освободители.

Дисциплина была железная. Ни выстрела, ни вздоха».

Григорьевцы развили бурную деятельность. Для начала кого следует расстреляли, а затем приступили к горячо любимым ими экономическим преобразованиям.

На всякого рода недвижимости — от циркового балагана на Привозе до общественного туалета в самой плохонькой пивной — расклеены предупреждающие воззвания:

ГРАЖДАНЕ ГОРОДА ОДЕССЫ!

Если хотите спасти родной город и жизнь вашу и ваших семейств, несите наличные деньги все сколько кто имеет, в кассу Русско-азиатского банка сегодня же. Минута чрезвычайно грозная. Завтра уже будет поздно. Подомовых комиссаров просим производить сбор [среди] жильцов обязательно наличными деньгами в размере не менее тысячной платы за квартиры.

Комиссия по самообложению

Но бесшабашному комбригу этого показалось мало, на следующий день одесситы были вновь ошарашены:

ПРИКАЗ

Согласно постановления пленума Совета рабочих депутатов объявляется учет имущества с целью изъятия у имущих классов излишков продовольствия, обуви, платья, белья, денег, драгоценностей и всего прочего, необходимого всему трудовому народу, рабочим и крестьянам в тылу и на фронте. Все это проводится в рамках дня Мирного восстания.

ИНСТРУКЦИЯ ПО ПРОВЕДЕНИЮ ДНЯ МИРНОГО ВОССТАНИЯ

Порядок производства осмотра.

1. Комиссия производит осмотр квартир в определенной ей территории.

2. Осмотр распространяется на все без исключения квартиры.

Список вещей, подлежащих конфискации и берущихся на учет

а) Обувь. Сапоги отбираются, ботинки оставляются только те, которые находятся на ногах владельцев...

б) Белье. Дозволяется иметь не более одной рубахи, одних кальсон, носков — две пары, чулков — две пары, носовых платков — три штуки.

в) Платье. Одежда мужская и женская оставляется та, что надета на контролируемых, но не более чем по одному костюму или платью.

г) Продукты. Все продукты отбираются, за исключением необходимых в течение трех дней.

д) Деньги и ценности. Все ценности, золото, серебро, иностранная монета полностью изымаются. Деньги оставляются у владельца не свыше 1000 рублей на каждого контролируемого, причем отсутствующие члены семьи в расчет не берутся.

е) Мануфактура. Какая бы то ни была — отбирается, за исключением раскроенной и находящейся в работе.

ж) Пишущие и швейные машины. Отбираются, если принадлежат владельцу, не работающему на них, и не служат средством к существованию владельца.

з) Автомобили, мотоциклы, дамские и мужские велосипеды, экипажи, сбруя отбираются, если не служат средством к существованию владельца.

и) Все виды топлива и смазочные масла отбираются.

Обнаруженные крупные склады продовольствия оставляются на месте, причем у них устанавливаются часовые...

Батяка только затылок чесал, читая распоряжения Григорьева:

— С размахом подходит.

8 апреля Председатель Совета Народных Комиссаров Украинской республики Христиан Раковский в телеграмме Антонову-Овсеенко просил передать всем частям Красной Армии, принимавшим участие в освобождении Одессы, горячие поздравления от имени Украинского советского правительства и от себя лично. Заканчивая телеграмму, он предлагал наградить части и их командиров, особенно отличившихся в последних боях, а также руководителей операций: «Одновременно с ними представить к почетной награде красные части и их командиров, разгромивших противника под Мариуполем».

Комбрига Григорьева наградили орденом Красного Знамени за № 3, а Махно — № 4. Вручать орден батянке прибыл сам Климент Ворошилов. Махно принял награду — тяжелый красный кругляш со словами:

— Я воюю не за ордена, а за победу революции, так как я крестьянин, и сейчас наша цель отстоять, уберечь победу революции от белогвардейцев.

Чтобы сломить сопротивление противника и развить инициативу, главком 16 апреля отдал приказ

командующему Украинским фронтом Антонову-Овсеенко оказать энергичную поддержку 3-й бригаде Нестора Махно. Однако этот приказ не был выполнен. П. Дыбенко увлекся наступлением на Крым, оставив на таком важном участке фронта, как Таганрог — Ростов, одну махновскую бригаду. Буквально через день ее передали в состав 2-й Украинской армии, которую затем перевели в состав Южного фронта. Бригаду предлагалось передислоцировать на другое направление. Это, однако, нарушало соглашение Махно с советским военным командованием.

В конце зимы — начале весны к Махно потянулись его приятели-террористы. В последних числах февраля из Москвы прибыла старая знакомая Нестора Мария Никифорова, которая на каждом углу кричала о преследованиях большевиками столичных анархистов. (Московскую власть она ненавидела патологически.) Для многих гуляйпольцев ее сетования оставались совершенно непонятными.

«Конечно, — вспоминал Алексей Чубенко, — речи Маруси гуляйпольских крестьян и крестьянок откровенно раздражали, и многие из них протестовали, говоря, что они ждали что-нибудь дельное, а она им рассказывает «сказки про белого бычка». Махно в таких случаях поддерживал крестьян и сгонял Никифорову с импровизированной трибуны. Он не желал ссориться с большевиками и не подавал никакого повода к этому.

В апреле в Гуляйполе приехал Петр Аршинов, единственный анархист, которого Махно искренне уважал и чьи советы беспрекословно принимал. Ар-

шинов стал редактором газеты повстанцев «Путь к свободе». Газету предполагалось издавать большим тиражом и распространять не только среди махновцев и гуляйпольского населения, но и в различных губерниях Украины и России.

Спустя три недели в распоряжение повстанческого штаба прибыли и представители конфедерации анархистских союзов «Набат» — Иосиф Эмигрант (Гутман), Черняк, Уралов и Венгеров, доставившие батьке четверть вагона литературы, а также письма от московских и питерских анархистов. Они рассчитывали подвести повстанческое движение под «чистую анархистскую теорию» и тем самым усилить свое влияние на Махно. Об этом много говорилось и на заседаниях подпольной «набатовской» конференции, прошедшей в марте в Харькове.

На районных съездах крестьян и повстанцев Махно зондировал почву на своей территории, которую окрестили «свободным районом», искал поддержку и одобрение своим планам и действиям. Очередной, третий по счету, районный съезд решили провести 10 апреля — сразу после кровопролитных боев под Мариуполем. Начдив Дыбенко, руководствуясь, видимо, директивой сверху и опасаясь, что махновцы, увлекшись революционной риторикой, наговорят лишнего против большевиков, приказал Махно «немедленно принять меры к недопущению подобных явлений» и пригрозил серьезными наказаниями в случае невыполнения его распоряжения.

В ответ на подобные предостережения Военно-революционный совет махновской бригады обнародовал обширное письмо-заявление, в котором обви-

нил большевиков в узурпации власти. Заканчивался этот документ обращением к Дыбенко:

«Имеете ли вы, один человек, право объявлять более чем миллион народа контрреволюционерами, который своими мозолистыми руками сбросил цепи рабства и теперь сам, по своему усмотрению строит новую жизнь? Нет! Если вы истинный революционер, вы должны помогать ему в борьбе с угнетателями, в строительстве новой свободной жизни...»

В конечном итоге махновцы проигнорировали угрозы Дыбенко, и съезд в Гуляйполе состоялся.

Идеи, содержащиеся в обращении к начдиву 1-й Заднепровской, получили развитие в выступлениях делегатов съезда, представлявших уже 72 волости Александровского, Мариупольского, Бердянского и Павлоградского уездов Екатеринославской губернии. Поднимавшиеся на трибуну делегаты в коротких, страстных речах клеймили диктатуру одной партии и призывали к бойкоту резолюции прошедшего в марте III Всеукраинского съезда Советов («новые паны нам на шею»), настойчиво требовали пересмотреть принципы большевистской аграрной и продовольственной политики и не препятствовать свободной торговле между городом и селом.

— И сами не торгуют, и другим не дают, а население с голоду пухнет, — в сердцах воскликнул один из делегатов-крестьян.

Участники съезда единодушно проголосовали и «за немедленное удаление» с занимаемых постов всех назначенных на военные и гражданские ответственные должности лиц, и немедленную ликвидацию так называемой системы назначенства. Махнов-

цы настоятельно потребовали полной свободы печати, слова, собраний для всех политических партий, неприкосновенности личности работников «левых революционных организаций».

В резолюции III съезда, которую подписали его почетный председатель Нестор Махно, Феодосий Щусь, Алексей Чубенко и другие видные махновцы, нашли отражение призывы к прекращению дискриминации и травли идейных противников большевизма, к приостановлению социализации (то есть обобществления) земли, заводов и фабрик.

Выполняя решение съезда, военно-революционный комитет Гуляйпольского района постановил провести очередную мобилизацию крестьян в бригаду батьки Махно.

Большевистское военное руководство всегда с недоверием относилось к Махно. В апреле — мае 1919 года поток писем и телеграмм, сообщавших об усилившихся, особенно после районного съезда, «антисоветских выпадах Махно и готовящейся им измене» (так говорилось в оперативных сводках ЧК), значительно увеличился. Чувствовалось, что атмосфера накалялась, взаимоотношения с большевиками обострялись, и это могло привести к разрыву договора с советским командованием.

19 апреля 1919 года член Реввоенсовета Южного фронта Г. Я. Сокольников направил Х. Г. Раковскому телеграмму, копию которой адресовал В. И. Ленину. В ней говорилось: «Бригада Махно не только сама небоеспособна, но разлагает также соседние части 9-й дивизии. Вам, вероятно, известно, что Махно

ведет решительную открытую борьбу против коммунистов среди крестьян и красноармейцев, начиная созывом крестьянских съездов, кончая срыванием красноармейских значков. Юзовские рабочие негодуют и стонут от грабежа махновских банд. В связи со сдачей Мариуполя, поражением, бегством бригады Махно не сочтете ли теперь подходящим убрать Махно, престиж которого пошатнулся, и тем начать оздоровление участка Южного фронта, у армий которого, с одной стороны, положение Донецкого бассейна не может считаться прочным, с другой стороны, продвижение к Ростову существенно тормозится».

Политотдел Реввоенсовета Украинского фронта в своем донесении от 2 мая 1919 года сообщал: «Борьба с анархистскими и левоэсеровскими течениями затрудняется тем обстоятельством, что со стороны коммунистов выступает почти вся молодежь, не имеющая соответствующей политической подготовки. Крестьянство, пополняющее бригаду (махновскую. — *В. Т.*), большей частью не организовано. Левые эсеры и анархисты запугивают крестьянство коммунной и комбедами. Отношения между комбедами, политическим и командным составом натянутые, что объясняется, с одной стороны, анархистскими настроениями командного состава, с другой — неподготовленностью наших политработников».

Гражданская война ведется — и это общепринято — без всяких правил. Войскам противоборствующих сторон регулярно «приходится прибегать» к мерам конфискации и волей-неволей нарушать общепринятые отношения к гражданскому населению.

Преуспел в этом и рядовой и командный состав

Заднепровской дивизии, в том числе и бригады Махно. Учиняя постоянные реквизиции, как комбриг батька вроде бы делал нужное дело для своего соединения, но масштабы изъятий были настолько велики и бесконтрольны, что фактически превращались в открытые грабежи. Справедливости ради отметим, не только Махно, но и Дыбенко, и Григорьев, и другие командиры самолично останавливали эшелоны с хлебом, идущие с Юга в центр страны, считая своими трофеями все, что попадало в районы их боевых действий.

Инструктор-контролер Яков Сельцовский докладывал в штаб 2-й Украинской армии, лично ее командующему Анатолию Скачко, что заготовки сельхозпродуктов в Александровском уезде тормозит бригада Махно: еще 30 марта в Пологах повстанцы отбили у продармейцев пятьдесят вагонов сахара и два вагона картофеля; 13 апреля на станции Стульнево — семь вагонов муки, пятнадцать вагонов фуража; 17-го — семнадцать вагонов муки и пшеницы, на станции Токмак — еще пятнадцать вагонов соломы. Возмущенный Раковский телеграфировал Антонову-Овсенко: «В то время как в Донецком бассейне идет бунт рабочих и мы не знаем, что делать, откуда нагрести несколько вагонов хлеба, чтобы утолить их голод, Махно и Дыбенко захватывают все, что направляется в голодные районы. Махно и Дыбенко перехватили всего 90 вагонов (мука, солома, пшеница) для Донбасса и делают из этого подарки для Москвы. Чтобы положить конец этой башибузукской политике, буду вынужден объявить Дыбенко и Махно врагами пролетариата, невзирая на последствия».

Захватив Мариуполь, махновцы обнаружили в порту пятнадцать миллионов пудов угля, приготовленного для французских кораблей, стоявших на рейде. Махно распорядился грузить его в вагоны и вывозить в Гуляйполе. Когда к нему прибыла французская делегация и выразила протест, заявив, что уголь куплен у местных предпринимателей, батька в ответ бросил резко:

— Это военная добыча, и она принадлежит революционным повстанцам.

Французы, не оставляя надежды все-таки договориться с Махно, попросили прислать на французский корабль для переговоров своих представителей. Батька согласился и направил группу штабных работников во главе с Чубенко. Французы, рассыпавшись в любезностях, предложили обменять уголь на оружие и боеприпасы и намекнули, что согласны оказывать махновцам любую помощь, если те оставят в покое французское тыловое ведомство. Делегация отказалась обсуждать эти вопросы, а Махно, узнав о предложении французского командования, заметил:

— Будем на всякий случай иметь в виду этот вариант, чтобы в случае необходимости обменять сырье на оружие. Подумаем.

Уголь повстанцы все же перевезли в Гуляйполе.

Утром 29 апреля Махно приехал в Волноваху с тридцатью шестью анархистами. Его встречал комендант, предложивший обсудить текущие вопросы за обеденным столом и откусать «чем Бог послал». Во время обильного ужина зашел разговор о красном терроре; хозяева наперебой начали рассказывать о репрессиях ЧК и арестах анархистов. Изрядно подвы-

пивший Махно отдал приказ арестовать всех комиссаров. Командиры расположенных в местечке повстанческих соединений не замедлили явиться в штаб и дали согласие на арест своих комиссаров:

— Уж надоели они, батька, право! Честное слово! Берите их и не отпускайте.

Комиссаров арестовали.

Командующий Украинским фронтом решил сам разобраться в непростой ситуации и отправил в Гуляйполе телеграмму, извещая о своем намерении. Махно тут же ответил: «На вашу телеграмму за № 775 сообщаю, что знаю вас как честного и независимого революционера. Я уполномочен от имени повстанческо-революционных войск 3-й Заднепровской бригады и всех революционных войск Гуляйпольского района, гордо держащих знамя восстания, просить вас приехать к нам, чтобы посмотреть на наш маленький свободно-революционный район Гуляйполе — «Петроград».

Вечером того же дня В. А. Антонов-Овсеенко, в сопровождении хорошо вооруженной охраны, прибыл в Гуляйполе. Лихая тройка промчала прибывших от станции к Гуляйполю. Под звуки оркестра, игравшего «Интернационал», перед строем молодцеватых, с обветренными лицами повстанцев навстречу комфронта вышел, по его воспоминаниям, «малорослый, моложавый, темноглазый, в папахе набекрень» человек. Остановившись в паре шагов, отдал честь:

— Комбриг батька Махно. На фронте держимся успешно. Идет бой за Мариуполь. От имени революционного повстанчества Екатеринослава приветствую вождя украинских советских войск.

Короткое рукопожатие. Махно представил командующему членов Гуляйпольского исполкома и своего штаба.

Прошли в здание местной гостиницы, где расположились основные оперативные службы 3-й бригады. Разговор батька начал не с военных вопросов. Сидевшие за столом члены Гуляйпольского исполкома наперебой рассказывали о большой культурно-просветительной работе в районе и уезде. В селе работают три образцово поставленные школы, имеются детские сады и коммуны. Махно заботится о раненых, число которых превышает тысячу человек. В Гуляйполе организовано десять госпиталей, но нет ни одного врача и не хватает медикаментов и перевязочных средств.

После часового заседания в тесной и душной комнате Антонов-Овсеенко и Махно обошли госпитали, которые размещались в бывших барских особняках. Везде порядок и чистота. Но отсутствие квалифицированного медперсонала сказывалось: многих раненых уносили в сторону местного погоста. Командующий обещал помочь, чем сможет. Оставшись наедине с батькой, Антонов-Овсеенко попытался вызвать его на откровенность.

Разговор пошел о большевистских планах помочь советской Венгрии и мировой революции, о «прорыве в Европу» и об опасности наступления Деникина. Много говорили о необходимости создания «перед лицом контрреволюционной угрозы единого железного фронта социальной революции», о том, что надо оберегать повстанческие воинские части от политиканствующих проходимцев, не обострять из-за мелких недоразумений отношений с уездными

губернскими властями, распустить Военно-революционный совет (батька сразу уклонился от этой темы), принять общую систему Советской власти и «насторожиться против белогвардейской — петлюроденикинской — внутренней агентуры». Откровенно и прямо Антонов-Овсеенко высказался о «подозрительных и тайных» сношениях Махно с Григорьевым.

Махно поддакивал, горячо заверял, что целиком согласен с большинством из этих указаний, резко опровергал слухи об антисоветских замыслах своего штаба, о контрреволюционном сговоре с командиром 2-й Заднепровской бригады.

В заключение крепкое рукопожатие, прямой взгляд — глаза в глаза.

— Пока я, Махно, руковожу повстанцами, антисоветских действий не будет, а будет беспощадная борьба с белогвардейцами. Не сомневайтесь, слово свое сдержу.

— Верю.

Спокойно и «в деловом порядке» принял батька извещение о возможном переформировании войск его участка в дивизию под командованием Чикова с оставлением его, Махно, комбригом. Обязался он провести и энергичную чистку ненадежных элементов, исполнять распоряжения советского командования в управлении воинскими частями.

Вечером состоялся многолюдный митинг, на котором выступили командующий фронтом, Махно и неутомимая Маруся Никифорова. Призвав «всеми силами навалиться» на общего врага — «буржуйских генералов», ораторы предостерегли повстанцев от опасности, идущей извне движения, — скрытых и

«перекрасившихся» контрреволюционеров. Внимательно присматриваясь к выступающему батьке, Антонов-Овсеенко отметил про себя: «Голос Махно не сильный и слегка сиплый, говор мягкий, в общем, не большой оратор, но как его слушают».

Чтобы услышать его, люди приходили за десятки километров. Говорил он не слишком гладко, короткими фразами, часто завершая их излюбленным «и только...»: «Расстреляю — и только» или: «Наступать! И только». Если же требовалось изложить перед собравшимися идейное обоснование того или иного поступка, Махно уступал трибуну «теоретикам». Но все же люди охотнее всего слушали самого батьку. Он призывал к свободной крестьянской жизни, заявляя, что именно село и есть оплот свободы и независимости и что надо вообще всем «переселяться из городов — очагов зла», в деревни. И жить там, избавившись от гнета государства. «Ибо всегда государство норовит все присвоить и все подмять под себя, навязать народу цепи подчинения. А потому — долой властное государство!»

Антонов-Овсеенко уехал от Махно довольным и спокойным. Уже у себя в штабном вагоне, отослав из купе ординарца, он долго корпел над сообщением в Харьков и на следующий день направил из Полог Раковскому телеграмму:

Пробыл у Махно весь день. Махно, его бригада, и весь район — большая боевая сила. Никакого заговора нет. Сам Махно не допустил бы. Район вполне можно организовать, прекрасный материал, но нужно оставить за нами, а не за Южным фронтом. При надлежащей работе станет несокрушимой крепостью. Карательные меры — безумие. Надо немедленно прекратить начавшуюся газетную травлю махновцев.

Махно тоже остался довольным этой встречей, радовался, что ловко провел командующего. 1 мая он телеграфировал на фронт под Мариуполем Виктору Белашу:

Ко мне прибыл командующий Украинским фронтом Антонов-Овсеенко по поводу ареста комиссаров. Он, как маленький ребенок, чуть не плачет и говорит, что «если вы не освободите арестованных, то можете арестовать и меня, иначе я от вас не уеду».

Командующий Украинским фронтом после поездки к Махно успокоился настолько, что 2 мая 1919 года составил тому же Раковскому объемистое донесение:

Непосредственным ознакомлением убедился и утверждаю, что:

Сам Махно, главные его боевые работники и полки проникнуты желанием сломить контрреволюционное казачество и офицерство.

Махно и Маруся Никифорова ведут агитацию за создание «единого революционного фронта» против контрреволюции. Выборное начало в частях изживает.

К агитации против Советской власти не причастен. Против погромной агитации выступает в печати. Марусю Никифорову к военному делу не допускает, находя, что ее место — дела «милосердия».

Махно и его штаб живут крайне скромно: бандитизма не замечено.

Силы Махно — четыре полка до шести тысяч штыков, до двадцати пулеметов, пять трехдюймовых, два сорокадвухлинейных, два сорокапятки линейных орудия, один бронепоезд, патронов очень мало, обмундирование крайне скудно, половина людей босые. Состав частей — все бывшие солдаты. Кадр великолепный — в Гуляйполе еще с войны все возвращались не меньше как унтер-офицера-

ми; материал прекрасный, но нуждающийся в большой обработке. Для пополнения убыли в частях Махно съездом 72 волостей объявлена «добровольная мобилизация» (точнее — добровольный набор).

Вблизи Махно вертятся (больше в тылу) несколько прохвостов, творящих *временами некоторые пакости*; благодаря усиливающемуся дисциплинированию частей Махно из них дезертируют бандитские элементы, пакостничающие в тылу.

Наши политработники в частях Махно слабы, трусливы и не могут противостоять указанным вредным элементам. Нападки на Махно озлобляют местное население и его части.

Закончил Антонов-Овсеенко свое донесение следующими выводами:

- 1) Махно против нас не выступит;
- 2) политическая работа наша и возможна, и необходима во всем районе; травля Махно должна быть прекращена;
- 3) район может дать громадные силы против казачества, но только если мы им овладеем;
- 4) надо пустить лучших работников для военно-организационной работы в этот район.

Антонов-Овсеенко передал в «Правду» привезенное из Гуляйполя коллективное письмо повстанцев:

Помещенная в номере от 25 апреля в «Известиях» Харьковского Совета статья под названием «Долой махновщину», отчасти касающаяся боеспособности повстанцев батки Махно, является самым извращенным вымыслом, совершенно не соответствует настоящему положению. Повстанцы, наравне с красноармейцами дерущиеся против белых банд, в отношении снабжения находятся в несравненно худших условиях. Отступление от линии Мариуполь — Волноваха произошло по причине отступления

российских красных войск, имеющих на нашем левом фланге, в связи с чем мы вынуждены были перебросить часть своих сил для прикрытия отступающих частей, вследствие чего произошло отступление и оставление линии занимаемого нами фронта. Кроме этого белые, чувствуя грозную силу повстанцев, бросили сюда свои лучшие силы под командованием известного партизана генерала Шкуро. Сообщая об этом, полевой (повстанческий. — В. Т.) штаб считает нужным заявить, что в то время, когда повстанцы, беззаветно преданные делу революции, дерутся с белыми бандами, по месяцам не имея отдыха, в их тылу кто-то, по неизвестным для нас причинам, распространяет гнусную клевету по их адресу. Такое отношение к революционерам, отдавшим жизнь за дело народа, само по себе доказывает чью-то грязную провокационную работу.

Командующий Украинским фронтом приложил к повстанческому посланию и записку от себя:

Статья (в харьковских «Известиях». — В. Т.) полна фактической неправды и носит прямо провокационный характер. Подробные выпады крайне вредят нашей борьбе с контрреволюционным казачеством и добровольцами. В этой борьбе Махно и его бригада проявили и проявляют величайшую революционную доблесть, и они заслуживают не ругани официозов, а братской признательности всех революционных рабочих и крестьян.

Отдельные темные личности, прикрывающиеся именем Махно, не могут заслонить героического облика революционных полков и их вождя, неукротимо ведущего борьбу с проклятым врагом. В это ответственное время Красная Армия вправе требовать от работников печати побольше вдумчивости, тактичности и осторожности в суждениях о воинских частях.

Настаивая на прекращении антимахновской пропаганды в прессе, Антонов-Овсеенко бил, что называется, в точку.

В тот же день поздно вечером Махно был вызван к телеграфу политотделом Заднепровской дивизии. На вопрос об аресте комиссаров батька дерзко и даже с некоторой угрозой и недовольством в голосе ответил:

— Арест политкомиссаров был произведен по приказанию моему. Сейчас они работают на местах. Этот вопрос выяснен и улажен с комфронта Антоновым лично. Но заявляю, если подлая ложь в большевистских газетах наподобие харьковских «Известий», выпустивших статью под заглавием «Долой махновщину», будет повторяться, то я не буду арестовывать, а разгоню их к чертям как ненужных и вредных элементов для общего дела и буду продолжать дело так, как это требует долг революционера и окружающих нас рабочих и крестьянских масс.

Вечером 6 мая, когда Махно находился в Мариуполе, ему доложили, что утром на следующий день в Гуляйполе приезжает чрезвычайный уполномоченный Совета Обороны С. С. Каменев и он, Махно, должен туда прибыть. Батька всю ночь промучился в догадках. «Не могу взять в толк, — говорил он в беседе с Белашом, — зачем он приезжает? На днях в Бердянске и Пологах я разогнал ЧК, присвоил пять составов зерна, шедших на Москву по договору с представителями Проддонснаба. Как думаешь, не потому ли Каменев приехал? Глупым пахнет. Ну, да будь что будет, поеду».

Каменев же приехал, чтобы решить продовольственные вопросы и обеспечить пропуск хлебных эшелонов в города Донецкого бассейна и Центра Российской республики. Он, как и всякий советский

чиновник, пребывавал в полной уверенности, что на Махно можно воздействовать административно-командными методами. Узнав от представителей советских органов Александровска о том, что батька держится самостоятельно и никого не слушает, он с раздражением заявил:

— Тогда эта самая Советская власть к черту годится, если ей Махно не подчиняется. Сегодня мы не можем справиться с Махно, завтра — с Григорьевым. Нет, это все пустяки, они подчинятся.

Перед отъездом Каменев получил телеграмму от Ленина:

С войсками Махно временно, пока не взят Ростов, надо быть дипломатичным, послать туда Антонова лично и возложить на Антонова лично ответственность за войска Махно.

Послание Ленина запоздало, Антонов-Овсеенко у Махно уже побывал. Каменев решил ни о чем (до своего возвращения от батьки) Москву не извещать.

Московскую делегацию встречали на перроне Гуляйпольского вокзала Маруся Никифорова и несколько махновских командиров. Сам Махно остался ждать гостей в своей резиденции.

Когда автомобили, в которых кроме Каменева находились еще и прибывшие с ним Ворошилов и Муралов, въехали на центральную улицу Гуляйполя, почетный караул повстанцев потряс воздух громко-голосым «ура».

«Махно, — записал в своем дневнике Каменев, — приземистый мужчина, блондин, бритый, синие, острые глаза. Взгляд вниз, слегка наклоняя голову к груди, с выражением, будто сейчас все

бросит и уйдет. Одет в бурку, папаху, при сабле и револьвере. Его начальник штаба (Озеров) типичный запорожец: физиономия, одеяние, шрамы, вооружение — картина украинского казачества XVIII века».

На импровизированном, но многолюдном митинге первым выступил Махно. Устремив взгляд куда-то в сторону, скороговоркой произнес благодарность Красной Армии, пришедшей на помощь крестьянам Екатеринославщины. Затем на трибуну поднялся Каменев. От имени Советского правительства и российских рабочих и крестьян он приветствовал «доблестных повстанцев», выразил уверенность в том, что «славные бойцы товарища Махно вместе с Красной Армией пойдут против врага трудящихся и будут бороться в ее рядах до полного торжества дела рабочих и крестьян». Пытался взойти на трибуну и Климент Ворошилов, но, успев принять перед этим стаканчик-другой первача, красный командир не мог связно произнести ни единого слова. По рядам повстанцев пробежал смешок, Ворошилова спешно стащили с трибуны и отправили отоспаться. Новый оратор — молодой человек в потертой студенческой тужурке и очках, с нечесаной бородой и нездоровым блеском глаз — страстно призывал громить государственные институты насилия, которые ничего, кроме горя, народу не принесут. Московский гость от подобной речи морщился, но не пытался противоречить.

Каменев поразился повстанческому войску, облику бойцов, собравшихся на митинг: «Махно и его единомышленников слушали вооруженные винтовками парубки и пожилые, один стоял в строю

босой, в рваных штанах, офицерской гимнастерке и австрийской фуражке, другой в великолепных сапогах, замазанных грязью и навозом донельзя, богатых шароварах, рваной рубаше и офицерской папахе. Лица строгие, спокойные, вдумчивые, зверские челюсти, тупые глаза, безлобые, обезьяньи черепа, острые вздернутые носы, закрученные усики, недельная щетина, рты с подушечками у губ». Вокруг войска толпилось крестьянство, не менее пестро одетое и разноликое. «Нужна была мощная репинская кисть, — вспоминал очевидец, — чтобы изобразить на полотне эти ярко-красочные, нелепые, дикие фигуры. Большинство из махновцев одеты в вязаные и сетчатые, белые и цветные фуфайки, на ногах болтались необычайной ширины шаровары с красными поясами вокруг талии, концы которых опускались почти до земли. Вооружены все «до зубов». Помимо шашек и револьверов, у многих за поясами торчали ручные гранаты, а пулеметные ленты, очевидно, как щегольство, висели по поясам или висели через плечо». Настоящая Запорожская Сечь.

Объехали места недавних боев. Махно показал дерево, где сам повесил белого полковника.

— Как у вас с антисемитизмом? — поинтересовался Каменев.

— Вспышки бывают, мы с ними жестоко боремся. Вот, неделю назад, на одной из станций вижу какие-то плакаты расклеены. Подъезжаю поближе, читаю: «Бей жидов, спасай революцию, да здравствует батька Махно!» Явно провокационного, погромного характера воззвание. Вызываю коменданта (хороший вроде парень, сами его назначали), требую

объяснений. Он ухмыляется. Хвастает, что вполне согласен с тем, что сказано в плакатах. Ах ты, сучий сын, сучий потрох, думаю, ну погоди! Вытаскиваю револьвер и молча стреляю в него, пока не кончатся патроны в барабане. Вот так.

Батька перевел дух и протянул сложенный листок:

— Вот и воззвание выпустили.

Каменев развернул серую бумагу.

В ряды партийных бойцов (анархистов. — *В. Т.*) прокрадываться отрицательные, преступные элементы, для которых великая, тяжелая борьба сделалась громоотводом на пути к издевательствам, насилию и личной наживе, с одной стороны, и сознательной, явной услуге контрреволюции — с другой.

Еврейская беднота стала истекать кровью от грязных рук сознательных и бессознательных контрреволюционеров.

На светлом ярком фоне революции появились темные, несмываемые пятна запекшейся крови бедных мучеников евреев. Величественная драма революционного повстанческого движения омрачена бездумной, дикой вакханалией антисемитизма, священная идея революционной борьбы поругана, оплевана чудовищным кошмаром зверского издевательства над еврейской беднотой, влачащей жалкое, рабское, нечеловеческое существование.

Ваш революционный долг — закричать громко, во всеуслышание, против еврейских погромов, против избивания и вырезывания мирных еврейских жителей.

Товарищи повстанцы!

В настоящий момент, когда на русскую народную революцию, начавшуюся с рабоче-крестьянских низов, обрушился интернациональный враг — буржуазия, империалисты и бюрократы всех стран и оттенков [он, враг] сеет в рядах трудящихся масс национальную травлю, для того чтобы подорвать революцию и пошатнуть главный фун-

дамент классовой борьбы — солидарность и единение всех трудящихся, вы должны, как один, выступить против всех сознательных и бессознательных контрреволюционеров...

Ваш революционный долг — пресечь в корне всякую травлю и беспощадно расправляться со всеми прямыми и косвенными виновниками еврейских погромов.

Все лица, сеющие национальную травлю, точно так же, как и те бандиты, которые вырезают мирных еврейских обывателей, являются главными врагами трудящихся и революции. Они должны быть сметены с лица земли самым беспощадным образом.

Товарищи повстанцы! Очистите ваши ряды от бандитов, грабителей и погромного элемента!

Махно, Веретельников

— Всерьез подходите, — заметил Каменев.

Нестор Иванович в ответ только гордо пожал плечами: знай, мол, наших.

После посещения Гуляйпольского Совета Махно пригласил гостей к себе домой отобедать. Один из сопровождающих Каменева так записал о пребывании в гостях у батьки: «Обстановка вроде квартиры земского врача. Подавала обед старушка-крестьянка. Хозяйничала жена Махно — его личный секретарь, красивая, молодая украинка. Прогулялись по двору. В соседнем доме на террасе сидела еврейская семья и распивала чай. Махно с удовлетворением показал на эту идиллию расовой терпимости, говоря:

— Вот как я всех евреев вырезаваю».

«В настоящее время, — писала газета «Известия», — семья Махно ютится в тесной хате старшего брата. Махно мог бы реквизировать лучший дом в богатом Гуляйполе для своей семьи. Но он этого

не делает, не желая, чтобы кто-нибудь имел право сказать, что он воспользовался властью для своих выгод».

Часам к четырем был созван сход главнейших сотрудников Махно для совещания с экспедицией Каменева. Когда все уселись, Махно, оглядывая холодным синим взглядом присутствующих, громко крикнул: «Кто там в шапке, долой шапку!» При малейшем шуме производившему его угрожал: «Выве-ду!»

Каменев начал свой доклад с приветствия и поздравления с успехами на фронте. В выражениях, поначалу осторожных, затем все более резких, Каменев указал на ряд фактов, дезорганизирующих продовольственное, транспортное и военное снабжение, отметил самочинную мобилизацию, произведенную в Гуляйпольском районе военным советом Махно. В докладе говорилось об отсутствии в районе комбедов, о спекуляции (под ней понималась свобода торговли и товарообмена) и преследовании коммунистов, «которые не меньше вас, товарищи, — подчеркнул Каменев, — являются защитниками трудового народа и беднейшего крестьянства».

Послышались возгласы:

— Хотите крестьян разорить, а потом любить?

— Ишь, какие умные!

А заместитель председателя Гуляйпольского Совета Каган, глядя на Каменева в упор, выдавил из себя:

— Зачем вы организовали эту постыдную травлю нашего революционного движения и наших дей-

ствий? Ведь это настолько мелко и звучит так гадостно, что вы, сами того не понимая, теряете собственный авторитет!

Батьке с трудом удалось успокоить недовольных.

Московский гость продолжил свою речь. На этот раз ему удалось так доходчиво разъяснить ближайшие задачи Советской власти и так увлечь аудиторию, что, когда он дошел до темы о роли ВЧК в революции, раздались лишь несколько не слишком громких вздохов. Выступавший в качестве «содокладчика» Махно согласился с тем, что в основном Каменев прав, «особенно в утверждении о поддержке повстанцами Советов и политике сотрудничества с большевиками».

— Но никакого дела нельзя сделать, — тем не менее подчеркнул Махно, — пока свирепствуют чрезвычайные комиссии и комиссары-назначенцы. Сами мы рады принять любого революционера, но крестьянская масса не желает, да и не жалуется приезжих.

Доброжелательный и деловой прием, устроенный московской делегации, успокоил чрезвычайного уполномоченного Совета Обороны. Вернувшись из Гуляйполя в Екатеринослав, Каменев отметил: «После личного посещения Гуляйполя и беседы с товарищем Махно и его сотрудниками я считаю своим долгом во всеуслышание заявить, что все слухи о сепаратистских и антисоветских планах бригады повстанцев товарища Махно ни на чем не основаны. В лице Махно я увидел честного и отважного борца, который в тяжелых условиях, лишенный самого необходимого, собирает силы и муже-

ственно борется с белогвардейцами и иностранными завоевателями. За их отвагу, за их борьбу на фронте приветствую их».

Воодушевленный успешными переговорами с Махно, Каменев рассчитывал в том же духе решить вопрос с Григорьевым. 8 мая в час дня он вызвал его к прямому проводу, чтобы договориться о месте и времени встречи. Целый день уточнялось местонахождение штаба Григорьева, и как гром среди ясного неба прозвучало известие: начдив 6-й дивизии (реорганизованной из 2-й Заднепровской бригады) поднял мятеж, отказавшись выполнить приказ — вести подчиненные ему части на помощь Венгерской революции.

Сообщая о мятеже, Каменев телеграфировал Ленину:

Дорога Екатеринослав — Знаменка — Киев отрезана бандитами Григорьева. Мои сведения и сообщения из Киева дают полную картину восстания Григорьева. Из Пятихатки сообщают, что семнадцать эшелонов движутся в направлении на Екатеринослав. Григорьев, вчера отложивший свидание со мной в Знаменке, сегодня отказывается разговаривать; он пытается сноситься с Махно. После личного свидания с Махно и посещения Гуляйполя полагаю, что Махно не решится сейчас же поддержать Григорьева, но почва для выступления там вполне подготовлена. Махно не выпускает ни угля, ни хлеба и, вероятно, не будет выпускать, хотя лично мне обещал все и клялся в верности. Мобилизация рабочих и крестьян в Екатеринославе, Бахмуте, Мариуполе, Александровске идет полным ходом. Нет денег, нет оружия. Сейчас выезжаю в Киев с твердым намерением привести сюда войска и оружие.

В ночь на 9 мая и в Гуляйполе получили телеграмму за подписью Каменева:

Комбригу Махно. Изменник Григорьев предал фронт, не исполнив боевого приказа идти на фронт. Он повернул оружие. Пришел решительный момент — или вы пойдете с рабочими и крестьянами всей России, или на днях откроете фронт врагам. Колебаниям нет места. Немедленно сообщите расположение ваших войск и выпустите воззвание против Григорьева, сообщив мне копию. Верю в честь революционеров ваших — Аршинова, Веретельникова и других.

По сути, из этой телеграммы батяка и узнал об антибольшевистском выступлении Н. Григорьева.

Поводом к мятежу Григорьева послужил приказ, отданный 6-й дивизии выступить из района Елисаветграда в Бессарабию на Румынский фронт для оказания помощи Венгерской советской республике. Отказавшись выполнять приказ, Григорьев выпустил 7 мая «Универсал» к украинскому народу, в котором сформулировал основные принципы своей программы, сведя ее к основным трем пунктам:

— Власть Советов народа Украины без коммунистов;

— Украина для украинцев;

— Свободная торговля хлебом.

Особое внимание в «Универсале» уделялось крестьянству. Григорьев называл его «царем земли», «народом измученным», кормильцем мира, которому навязывают коммунизм, чрезвычайки, продразверстку, «коммунистов с московской обжорки».

«Народ украинский... — атаман не скупился на патетику, — ты трудишься день и ночь, ты светишь

лучиной, ты ходишь в лаптях... но те, что обещают тебе светлое будущее, эксплуатируют тебя, с тобой воюют с оружием в руках, забирают твой хлеб... ты царь земли и кормилец мира, но ты же раб благодаря простоте и доброте своей. Обернись...»

Благодаря внезапности удара мятежники, насчитывавшие в своих рядах более двадцати тысяч бойцов, выбили части Красной Армии из ряда населенных пунктов, в том числе и из таких крупных, как Екатеринослав, Николаев, Херсон, Александров, Кременчуг, Елисаветград.

Советским командованием были созданы ударные оперативные группы во главе с К. Е. Ворошиловым и А. Я. Пархоменко. Им ставилась задача в кратчайший срок ликвидировать мятеж. В район действий Григорьева стягивались пехотные и кавалерийские части, артиллерийские дивизионы, бронепоезда.

За Махно опасался не только Каменев, но и давший батьке накануне григорьевского мятежа великолепную характеристику Антонов-Овсеенко. В момент выступления Григорьева командующий Украинским фронтом находился в Одессе. 9 мая в два часа дня, когда поступили первые сообщения об успехах григорьевцев, он срочно направил Раковскому шифровку, в которой сообщал, что не может нести ответственность за Махно, выведенного из его подчинения, и за его непредсказуемые действия.

Поднимая антибольшевистское восстание, Григорьев надеялся на поддержку других атаманов и батек, которых развелось на украинских просторах великое множество, и конечно же в первую очередь на

Нестора Махно. Однако при этом он не учел ряда важнейших обстоятельств.

Махно был много наслышан о Григорьеве, отчасти даже завидовал ему, его успехам, считал его баловнем судьбы, случайно примкнувшим к революционному движению. Махновская контрразведка докладывала о Григорьеве разное. Говорили, что он учился в Тверском и Тифлисском военных училищах. Участвовал в русско-японской войне рядовым и за боевые заслуги был произведен в прапорщики, получил Георгиевский крест. Якобы награжден золотым оружием, имеет четыре ранения. За усовершенствование пулемета получил от правительства денежную премию и право на поселение в Александровске. Воевал в первую мировую войну, окончил ее в чине штабс-капитана. Затем служил у Петлюры и в конце концов, что-то не поделив с атаманом, перешел на сторону Советской власти. Став комбригом той же Заднепровской дивизии Дыбенко, что и Махно, Григорьев быстро завоевал популярность и прославился в боях за Николаев, Херсон и Одессу.

Когда в двадцатых числах апреля Григорьев получил под свое командование дивизию, это, по слухам, несколько покорило Махно. Удачливый начдив вызывал раздражение не только у батьки, но и у его ближайшего окружения. Григорьев вполне сходил в понимании Махно за стопроцентного врага — во-первых, бывший царский офицер, во-вторых, бывший петлюровец. Кроме того, батька был убежден, что он связан с деникинцами.

Накануне мятежа Махно, почувствовав, что Никифор Григорьев что-то затевает, послал к нему

своих штабных работников — Козельского и Колесниченко, которые пытались выведать, что все-таки атаман задумал.

Уполномоченный ЦК КП(б) Украины Я. Б. Гамарник, изучавший незадолго перед мятежом положение дел в частях Григорьева и Махно, констатировал: «У командира 6-й дивизии Григорьева на фоне бригады Махно ситуация гораздо лучше, и необходимо в первую очередь держать под контролем батьку, а не атамана». Советское руководство отреагировало на это сообщение мгновенно и очень своеобразно: командование и Реввоенсовет 2-й Украинской армии снабдили бригаду Махно итальянскими винтовками, патроны к которым самостоятельно раздобыть довольно сложно. Повстанцы оказались в прямой зависимости от красных начснабов.

Воспользовавшись мятежом Григорьева, Махно решился самостоятельно реорганизовать бригаду, этот вопрос волновал повстанческий штаб уже давно.

На 12 мая Махно назначил в Мариуполе совещание своих командиров. В повестку дня штаб вынес три вопроса: 1) текущий момент и григорьевщина; 2) перезаключение договора с Советским правительством; 3) реорганизация 3-й Заднепровской бригады имени батьки Махно.

На совещании Нестор Иванович выяснил отношение командного состава и рядовых бойцов своей бригады к происшедшим событиям. Многие из них были готовы с оружием в руках поддержать взбунтовавшегося атамана. Но Махно имел свое, далеко не совпадающее с этими настроениями мнение. Вы-

ступая перед командным составом бригады, он первым делом зачитал поступившую от Григорьева телеграмму:

Секретно, батьке Махно

От комиссаров, чрезвычайек не было житья, коммунисты диктаторствовали, мои войска не выдержали и сами начали бить чрезвычайки и гнать комиссаров. Все мои заявления кончались присылкой комиссаров, когда их набралось 42 души, когда они меня измучили, — я их просто выгнал вон. Они меня тогда объявили вне закона. Вот я, незаконный атаман, гоняю их вон из пределов Украины.

Пока на фронтах мой верх, ко мне присоединилось несколько полков и эскадронов неприятельской кавалерии. Не пора ли вам, батька Махно, сказать свое веское слово тем, которые вместо власти народа проводят диктатуру отдельной партии.

Отложив в сторону бумагу с текстом телеграммы и вперив взгляд в сидящего в первом ряду повстанца, батька продолжил:

— Народ не стерпел и начал протестовать. Григорьев восстал против большевистской власти и уже занял Екатеринослав, где до его прихода взбунтовался 57-й Черноморский полк, штурмом взявший тюрьму и освободивший узников ее и выгнавший из города штаб 2-й армии Скачко. Гарнизон почти полностью перешел на сторону восставших. Правда, Григорьев не выждал время, поторопился и его восстание явится лишним пролитием крови. Бунтом может воспользоваться белогвардейщина, которая постарается перейти в контрнаступление, — это нехорошо, однако неизбежно.

Но кто виноват в григорьевщине, кто, я спра-

шиваю? Кто подготовил почву для бунта? Больше-
вистские комиссары, ЧК, вот кто! Они отлично это
понимают и стараются нас усыпить тем, что Григо-
рьев изменник революции, бандит и белогвардеец.

Махно выдержал паузу и, переведя дух, закон-
чил свою мысль:

— Большевистское правительство Украины опе-
кает трудящихся. Оно наложило свою руку на все
богатство страны и распоряжается им, как соб-
ственностью государства. Партийная власть — это
вновь вернувшийся на вашу шею привилегирован-
ный дворянский класс — тиранит народ. Они изде-
ваются над крестьянами, узурпируют права рабо-
чих, не дают свободно дышать повстанчеству. Изде-
вательства над ними и григорьевцами большевистс-
кого командования, тирания ЧК анархистских и
эсеровских организаций — все это говорит за воз-
врат к прошлой деспотии. Народ не стерпел и на-
чал протестовать.

Вооруженное выступление Григорьева преждев-
ременно, — повторил еще раз батька, — и недостой-
но революционера. Однако мы еще с вами не знаем
настоящей его политической физиономии и отно-
шения к Деникину. Поэтому прошу воздержаться от
вынесения против него резолюции и предлагаю вы-
делить делегацию для поездки к нему, чтобы озна-
комиться с ним на месте.

Махно не осудил Григорьева, но и не поддержал
его, следуя своей теории быть «третьей и независи-
мой силой». Командиры повстанческих полков без
всяких дискуссий и колебаний приняли сторону сво-
его комбрига и решили не торопиться.

Без долгих препирательств утвердили решение

о реорганизации 3-й Заднепровской бригады в 1-ю Украинскую повстанческую дивизию имени батьки Махно. В ее состав вошли три бригады: 1-я (десять тысяч бойцов) под командованием В. Куриленко, 2-я (тринадцать тысяч) — В. Белаша, 3-я (пять тысяч бойцов) под началом П. Петренко (Платонова). На последнем заседании Нестор Махно зачитал декларацию о создании повстанческой армии.

События на фронте и в тылу развивались своим чередом.

Поздно вечером 12 мая Председатель Совнаркома Украины Раковский телеграфировал в Москву:

Надежда Григорьева на поддержку со стороны Махно оказалась несостоятельной. Армия Махно состоит, главным образом, из крестьян, которые боролись с донскими казаками. Они очень хорошо понимают, что помогать Григорьеву значило бы открыть фронт и дать возможность казакам расправиться с ними.

Двадцать тысяч махновских бойцов-повстанцев — серьезная сила, да и у страха глаза велики. К тому же среди красноармейцев ходили слухи, что в распоряжении Григорьева, кроме нескольких десятков тысяч штыков, еще и пять тысяч сабель, шестнадцать бронепоездов и тридцать орудий.

13 мая Махно пишет письмо Каменеву: «В Александровске местная власть распространяет слухи, что на Александровск идут три отряда повстанцев Махно и приказано быть готовыми к взрыву мостов для противодействия. Заявляю, что ни одна часть моих войск не снята с фронта, ни одного повстан-

ца мною не направлено ни на Александровск, ни на другой пункт Советской республики. Наоборот, повстанцы ведут успешное наступление на деникинском фронте и находятся в трех верстах от Кутейникова. Заявляю, что распространяемые александровскими властями слухи о движении повстанцев на Александровск есть чистейшая провокация, преследующая темную цель дезорганизации фронта и тыла. Примите срочные меры к прекращению подобной провокации, иначе фронту грозят неисчислимы бедствия, ответственность за которые падет всецело на руководящие органы власти. Честь и достоинство революционера заставляют нас оставаться верными народу и революции и не могут заставить нас ослабить фронт, где белогвардейцы стремятся прорваться и поработить народ. До тех пор пока мы не победим общего врага в лице белого Дона, пока определенно и твердо не ощутим завоеванную своими руками и штыками свободу, мы останемся на своем фронте, борясь за свободу народа, но ни в коем случае не за власть, не за подлость политических шарлатанов. Батька Махно, адъютант Лютый».

В тот же день уполномоченный Совета Обороны получил из Гуляйполя еще одну депешу — от «идейного анархиста» И. Гроссмана-Рощина. В ней подчеркивалось: «Злостная, черная рука сеет ложь. Товарищ Махно не только держит фронт, но и успешно наступает. Реакционеры упорно говорят о связи Махно и Григорьева. Это ложь гнусная и хитро задуманная. Сообщение о расстреле политических комиссаров во главе с Колосовым есть отвратительная ложь. Все на своем посту. Вчера были взяты

важные пункты: Кутейниково, Моспино, которое снова сдано врагу из-за отсутствия патронов и снарядов. Немедленно высылайте патроны, высылайте вагон плоской бумаги для газет и воззваний. Вышлите 16 миллионов рублей. Неполучение денег, бумаги, патронов явится серьезным препятствием в борьбе с контрреволюцией».

В дни григорьевщины особенно опасался непредсказуемого поведения Махно Екатеринославский губком КП(б) Украины. По городу прокатилась волна арестов ряда видных анархистов и левых эсеров, за «неблагонадежными» большевики установили тайное наблюдение, были закрыты периодические издания «умеренно социалистической» направленности. А в Александровске состоялось секретное совещание с участием начальника 1-й Заднепровской дивизии П. Е. Дыбенко, начподива Заднепровской-1 А. М. Коллонтай (жены Дыбенко), представителей Екатеринославской организации большевиков В. К. Аверина и Я. А. Яковлева, председателя Александровской ЧК И. Т. Леппика и председателя местного исполкома Т. В. Михеловича. Дыбенко заверил встревоженных присутствующих:

— Я приму все экстраординарные меры, вплоть до применения оружия, для того чтобы преградить путь Махно, если тот разорвет наше с ним соглашение и двинется на Екатеринослав.

(Махно сразу же узнал не только об этом совещании, но и о том, что и кто на нем говорил. Об этом ему сообщил начштаба Крымской дивизии Петровский, в недалеком прошлом анархо-синдикалист.)

15 мая делегация махновцев во главе с Алексеем Чубенко направилась к Григорьеву с целью выяснить общую обстановку и узнать истинные цели взбунтовавшегося атамана. Дыбенко поддержал эту идею Махно и не только дал возможность делегации перейти линию фронта, но и предоставил ей свой автомобиль.

Чубенко хотел лично переговорить с одним из ближайших соратников Григорьева, бывшим анархистом Максютой. Но находившийся в Нижнеднепровске командующий группой советских войск А. Я. Пархоменко не разрешил адъютанту Махно встретиться с григорьевским командиром, пригрозив, что в противном случае прикажет расстрелять делегацию. За Екатеринослав в это время шли ожесточенные бои, город три раза переходил из рук в руки: от григорьевцев к красным, затем снова к григорьевцам и в очередной раз — 15 мая — к красным. В ходе последнего штурма губернского центра Пархоменко лично застрелил попавшего в плен Максюту и пригрозил остальным бунтовщикам подобной расправой. Однако 16 мая в Екатеринославской тюрьме, переполненной пленными григорьевцами и уголовниками, произошло восстание, поддержанное крестьянами ближайших волостей. Не ожидавшие такого поворота событий, советские части в спешном порядке покинули город. Силам Красной Армии вновь пришлось предпринять штурм. Лишь поздней ночью того же дня удалось выбить противника за городскую черту. Каждый десятый пленный мятежник расстреливался на месте, раненых крестьян добивали штыками, топили в Днепре.

Более дальновидный С. С. Каменев, желавший

поставить все точки над «і» в отношениях между Махно и Григорьевым, решил устроить встречу посланцев батьки с мятежниками и через своего секретаря дал приказание Пархоменко пропустить махновцев и даже разрешить им проводить митинги среди григорьевцев. Но к тому времени, когда пришло это распоряжение, «делегация Чубенко» уехала из Нижнеднепровска. 17 мая делегация вернулась в Гуляйполе и доложила батьке, что они доехали лишь до Пятихаток, где увидели следы григорьевского мятежа — сто пятьдесят один расстрелянный местный житель, преимущественно евреи. Особое возмущение григорьевский антисемитизм вызвал у «набатовцев», большинство которых сами были евреями. Махно разделял их возмущение кровавыми погромами атамана. 18 мая появилось воззвание штаба Махно «Кто такой Григорьев?», в котором атаман обвинялся во всех грехах — в контрреволюции, мародерстве, антисемитизме и прочем. В тот же день вышел первый номер газеты «Путь к свободе», где Махно в статье «Новый Петлюра» охарактеризовал Григорьева как «подлого национального волка, который пытается столкнуть народ на преступный и гибельный для революции путь национальной травли и вражды».

Один из немногих, кто понимал, к чему могут привести нападки на батьку, был Дыбенко. Чтобы успокоить Махно, 14 мая, находясь в Харькове, Дыбенко дал интервью корреспонденту газеты «Коммунист». Начальник Заднепровской дивизии высоко отозвался о Несторе Ивановиче:

— Никто не может утверждать о причастности Махно к григорьевщине. Наоборот, честный револю-

ционер, каким он является, несмотря на свой анархизм, Махно верен рабочему движению и свято выполняет свой долг в войне против белогвардейских банд. Всякие обвинения Махно — гнусная провокация против борца за права угнетенного народа.

Красные теснили мятежников: 18 мая Григорьев оставил близлежащие к Екатеринославу села, 19-го с боем сдал Кременчуг, 21-го — Черкассы. Его бойцы разбежались, запуганные чекистами крестьяне отказывались снабжать хлебом, фуражом и лошадьми. В ответ атаман приказывал расстреливать любого, кто осмеливался противоречить или не выполнить приказ. Новые жертвы, новые потоки крови...

А тем временем на Южном фронте развернулись активные действия против деникинцев. Бригада Махно во взаимодействии с частями 8-й и 13-й армий Южного фронта 14 мая начала наступление в Донбассе. На следующий день 8-я армия заняла Луганск, войска 13-й и 2-й Украинских армий глубоко вклинились в территорию Донецкого бассейна, а махновцы, благодаря умелому маневру, освободили крупный железнодорожный узел — станцию Кутейниково и вышли в тыл белым. Деникин ответил не менее мощным ударом: оперативно перебросив с участка 9-й Советской армии в район боевых действий Терскую конную дивизию из корпуса генерала Шкуро, он 19 мая начал общее наступление своих войск. Основной удар пришелся на стык бригады Махно и 9-й дивизии 13-й армии. В первый же день конница Шкуро прорвала фронт красных и углубилась в их тыл на сорок — пятьдесят километров.

Политика двойных стандартов, проводимая советским командованием по отношению к Махно, —

стремление использовать махновские части для борьбы против белогвардейцев на Юге и одновременно постоянные подозрения в том, что батька перейдет в стан врагов, — привела к военной катастрофе: повстанцы к моменту решающих боев со Шкуро оказались с одними итальянскими винтовками, к которым к тому же почти не было патронов. Все это ослабило махновскую бригаду и явилось причиной больших потерь личного состава.

Против Шкуро Махно смог перебросить 9-й полк, сформированный из живущих на юге греков, и 12-й кавалерийский полк, укомплектованный лишь наполовину. 21 мая эти части вступили в бой у села Большая Янисоль, пытаясь не дать белым переправиться через реку Мокрые Ялы. Жестокая рубка продолжалась два дня. От двух махновских полков живых осталось не более четырехсот бойцов, белогвардейцев, однако, остановить не удалось. Закрывать новую «дыру» в обороне оказалось нечем. Пришлось в авральном порядке бросить в прорыв только что сформированный в Гуляйполе крестьянский полк численностью две тысячи бойцов. Подавляющее их большинство, впервые принявшие участие в боевых действиях, погибли от белогвардейских штыков в первых же стычках. А прибывшие из Харькова и Новомосковска отряды анархистов (общей численностью полторы тысячи человек под командованием Чередняка и Шубы) не торопились выступать на фронт, мотивируя отказ нежеланием расплыть свои силы. Батька повторил приказ, анархисты помитинговали, но ни одно подразделение не двинулось с места. Разгневанный Махно приказал разоружить «отказников». Срочно прискакавший в штаб батьки

«набатовец» Марк Мрачный упросил комбрига вернуть оружие, клятвенно заверив, что не сегодня-завтра анархисты займут указанные им позиции.

Удивительный случай произошел с Махно 23 мая.

Направляясь на автомобиле в расположение своих частей — фронт проходил в районе Светодохова, — Нестор Иванович встретил идущего по обочине дороги солдата в английской форме. Это был попавший в плен к деникинцам боец разбитого накануне 9-го (греческого) полка. Он сообщил, что ему поручено передать батьке послание от генерала Шкуро. Махно небрежным жестом принял конверт. Собравшиеся возле автомобиля командиры, не сводя глаз с комбрига, нетерпеливо ждали. Махно, любивший еще с Бутырок читать письма вслух, то бледнея, то краснея, сжимая крепкими пальцами лист бумаги, читал:

Будучи, как и вы, простым русским человеком, быстро выдвинувшимся из неизвестности, генерал Шкуро всегда с восхищением следит за Вашим быстрым возвышением, рекомендуя Вас как незаурядного русского самородка. Но, к сожалению, Вы пошли по ложному пути, будучи вовлечены в кампанию с советским движением, губящим Россию во главе какого-то несбыточного интернационализма. Это всегда страшно огорчало генерала Шкуро. Но вот на днях он с радостью узнал, что Вы одумались и с доблестным атаманом Григорьевым объявили лозунг: бей жидов, коммунистов, комиссаров, чрезвычайки! Да иначе и не могло быть: как талантливый русский человек, Вы должны были рано или поздно понять свою ошибку.

Генерал Шкуро находит, что с принятием Вами этих лозунгов нам не из-за чего будет воевать. Если Вы признаете тоже, что наши политические платформы близко сходятся, то Вы должны признать, что нам воевать действи-

тельно не из-за чего. Генерал Шкуро предлагает Вам войти в переговоры, гарантируя Вас и Ваших уполномоченных от всяких репрессий. Имя генерала Шкуро достаточно известно, и Вы можете ему верить.

Начальник штаба Шифмер-Маркевич

Прочитав письмо, Махно воскликнул:

— Буржуазия ни перед чем не останавливается и меня, бывшего каторжника, хочет произвести в генералы. Нет, этого никогда не будет.

И тут же, не выдержав, вспылил:

— Ах, подлецы, так, по-вашему, я бью жидов, коммунистов и комиссаров во имя демократии?

Договорить батьке не дали, стихийно начавшийся митинг был прерван неожиданным артиллерийским обстрелом и атакой белогвардейской конницы. Махно приказал шоферу выводить машину из-под обстрела. Но шины задних колес оказались пробиты осколками разорвавшегося снаряда, шофер не удержал руль, и автомобиль съехал в придорожную канаву. Все застыли в оцепенении, вражеские всадники приближались. Не растерялся лишь Махно. Выскочив из машины, он приказал занять круговую оборону. Пока охрана и ординарцы отстреливались отседающих казаков (благо, что на автомобиле всегда устанавливался пулемет), шофер заменил камеру, и вскоре все уже находились в расположении своих. А в это время деникинцы под Светодуховом окружили почти полторы тысячи махновцев.

Посылая во все стороны молнии пулеметных очередей, принимая в упор на штыки и пули волны конных наступающих, расстреливая последние патроны, бойцы умирали десятками, сотнями... Так почти полностью белые уничтожили гуляй-

польский полк во главе с его командиром Веретельниковым.

К вечеру 23 мая прорыв на махновском участке фронта достиг тридцати километров. Понурые бойцы махновской бригады отступали. К итальянским винтовкам не хватало патронов, приходилось отбиваться штыками и прикладами. Раненых не успевали увозить в тыл, их оставляли на попечение сердобольных крестьян, прекрасно понимая, что большинству уготована участь погибнуть либо от белогвардейской пули, либо из-за полного отсутствия лекарств и врачебной помощи.

Глава 4

ВНЕ ЗАКОНА: С КЕМ ТЫ, БАТЬКА МАХНО?

То исполненный неодолимого соблазна, то полный ужаса и отвращения, синоним совершенной гармонии и братского единения, символ погрома и братоубийственной борьбы, торжество свободы и справедливости, разгул разнузданных страстей и произвола — стоит анархизм великой волнующей загадкой, и именем его равно зовут величайшие подвиг человеколюбия и взрывы темных низменных страстей.

А. Боровой

К

онец весны 1919 года... Сумасшедший вихрь смерти: кровь, кровь, кровь без конца...

Повстанцы отступали, белогвардейцы, тоже не считаясь с потерями, рвались вперед. А в это время большевистское правительство Украины разрабатывало планы борьбы (!) с Мах-

но. 25 мая на заседание Совета рабоче-крестьянской обороны Украины, которое проходило на харьковской квартире Х. Г. Раковского, собралось гораздо больше людей, чем обычно. Кроме хозяина, за столом разместились В. А. Антонов-Овсеенко, А. С. Бубнов, А. М. Жарко, А. А. Иоффе, Г. И. Петровский, Н. И. Подвойский и вызванный в Харьков специально для участия в работе Совета П. Е. Дыбенко.

В одиннадцать часов вечера началось обсуждение самого важного для собравшихся вопроса: махновщина и ее ликвидация. Даже доклад Дыбенко о борьбе с григорьевскими бандами члены Совета отложили. После того как все высказались и в резких тонах охарактеризовали Махно, «как врага Советской власти не менее опасного, чем Деникин и интервенты», собрание проголосовало за решение: «Ликвидировать Махно в крайний срок, предложить ЦК всех советских партий (коммунистов и украинских эсеров-коммунистов) срочно принять политические меры к ликвидации махновщины, предложить командованию вооруженных сил УССР в течение суток разработать военный план ликвидации Махно, предложить ЦК в прифронтовой полосе организовать из своих отрядов полк, который должен быть немедленно брошен в район действий Махно, обратиться к Реввоенсовету Южного фронта через Реввоенсовет Республики для координации действий по ликвидации повстанчества. Это постановление довести до сведения Реввоенсовета Республики по телефону». Руководителем операции назначили Климента Ворошилова (тот, узнав об этом, поперхнулся: на роль «спасителя отечества и

революции» он никогда не претендовал), его заместителем — давнего недруга батьки — Александра Пархоменко.

В Харьков поступила телеграмма от командующего 2-й Украинской армией Скачко:

Если командование Южного фронта и РВС Республики считает, что сейчас наступил момент решительной политики в отношении Махно, то приказ об отмене переформирования бригады Махно в дивизию будет первым шагом такой политики, но, раз начавшись, такая политика приведет к вооруженному столкновению с Махно.

Предполагая вооруженную стычку, следует помнить, что вся 2-я Украинская армия только и состоит сейчас из бригады Махно, что украинские части из других армий, которые все поголовно вышли из повстанческих отрядов, не пойдут против Махно, что для его ликвидации необходимо иметь не менее двух хорошо вооруженных, полных численных русских дивизий. Если такие реальные силы есть в запасе Южного фронта, то тогда можно начинать реальную политику с Махно.

Удивительно, но факт, еще неделю назад этот же командарм-2 Скачко, говоря о причинах усиливающихся трений с Махно, предупреждал:

— Мелкие местные чрезвычайки ведут усиленную кампанию против махновцев, и в то время, когда те проливают кровь, в тылу их ловят и преследуют за одну только принадлежность к махновским войскам. Так дальше продолжаться не может: работа местных чрезвычайек определенно проваливает фронт и сводит на нет все военно-оперативные успехи, создавая такую контрреволюцию, какой ни Деникин, ни Краснов создать не могут.

Удивительная гибкость — исполнительный «флюгер» поворачивался туда, куда дул политический ветер.

Тем временем положение на фронте ухудшалось. Красная Армия под ударами белогвардейских войск (которые численно уступали противнику) откатывалась на север, не пытаясь даже закрепиться на удобных рубежах. Во всем винули «стрелочника» Махно. Командующий Южным фронтом В. М. Гиттис потребовал отменить решение о развертывании бригады Махно в дивизию и избрании батьки ее начальником. Это требование еще больше подогрело страсти и вызвало волну недовольства.

Тогда же батьке доложили, что Дыбенко настроен решительно против Махно и даже якобы заявил: «Одному бандиту намял бока (то есть Григорьеву), другой не ползет».

Для выяснения ситуации к Махно отправили якобы для согласования оперативных вопросов комбрига Е. Брашнев. «Мне хотелось, чтобы Махно почувствовал общность нашего дела, — вспоминал Брашнев, не посвященный в планы высшего командования и политических кругов, — расшевелить в нем струну товарищеской солидарности. Общий враг, одна задача, единая судьба. Я развернул карту и стал показывать комбригу нашу дислокацию, обстановку и предложения. Махно небрежно, вполоборота, клюнул в мою длинным острым носом. Прямые, как у псаломщика, волосы упали на лоб. Щуплая семинаристская фигура выражала полное неглиже, презрительное отношение к нашим затруднениям...»

Каждый усматривал в действиях батьки то, что хотел видеть. Да и чужая душа — потемки, кто скажет, о чем размышлял Махно в те нелегкие для него дни.

29 мая штаб 1-й повстанческой дивизии имени батьки Махно и представители рядового состава направили командованию Красной Армии срочную телеграмму, в которой заявили: все одиннадцать повстанческих полков просят Махно, который с первых дней повстанчества является его душой, остаться на командном посту и никого другого не примут.

Свое обращение повстанцы-махновцы заканчивали такими словами: «Веря в торжество социальной революции, абсолютную преданность ей как со стороны ответственных вождей Советской республики в лице Ленина, Луначарского, Каменева, так и со стороны вождей революционного повстанчества, товарища Махно и других, которые, в общем, являются сынами революции, штаб 1-й повстанческой Украинской дивизии категорически заявляет, что все возможные недоразумения, создаваемые обыкновенно неверной информацией агентов власти, безусловно могут и должны быть устранены товарищеским путем».

К своему посланию приложили протокол заседания штаба повстанческой дивизии:

1) Настойчиво предложить Махно выполнять и дальше свои обязанности и полномочия;

2) Превратить махновские части в самостоятельную повстанческую армию, руководство которой поручить Нестору Махно.

И дополнение к нему:

Штаб первой повстанческой Украинской дивизии категорически заверяет, что все возможные недоразумения, которые создаются, конечно, неточной информацией агентов власти, безусловно могут и должны ликвидироваться товарищеским путем.

1 июня «Правда» опубликовала сообщение, в котором черным по белому значилось: «В ответ на запрещение Махно формировать дивизию тот отказывается от всякого рода работы в армии, передает дело своему помощнику и пойдет на работу в народные низы».

«Правдисты» поторопились: батька оставался на своем посту.

Через три дня появилась новая краткая информация о том, что командование армией Махно в связи с уходом последнего принял К. Е. Ворошилов. И опять неувязка. Большевистская пропаганда торопила события.

Накал страстей захватил и Реввоенсовет Советской Республики и его председателя Л. Д. Троцкого, который опубликовал в газете «В пути» статью под броским заглавием «Долой махновщину!» (ее затем перепечатали многие украинские газеты). В ней он охарактеризовал армию Махно как худший вид партизанщины, которая объединяет своих сторонников не вокруг какой-либо программы или идейного знамени, а вокруг одного лица — Нестора Махно. Троцкий провел прямую параллель между Махно и Григорьевым, напомнив, что такая же личная армия существовала в свое время и у атамана Григорьева и он легко смог убедить ее выступить против большевиков. «Поскреби махновца, — утверждал Троцкий, — найдешь григорьевца».

Статья заканчивалась программным (или, правильнее сказать, погромным) призывом: «С этим анархо-кулацким развратом пора кончать — кончать твердо, раз и навсегда, так, чтобы никому больше повадно не было».

Батька ответил письмом в редакцию газеты (кстати — ненапечатанным):

Я и мой фронт останутся неизменно верными рабоче-крестьянской революции, но не институтам насилия в лице ваших чрезвычайок, творящих произвол над трудовым населением. Буду по-прежнему с товарищами-повстанцами гнать деникинские банды, стараясь в то же время, чтобы освобождаемый нами тыл покрывался свободными рабоче-крестьянскими соединениями, имеющими всю полноту власти у самих себя; и в этом отношении такие органы принуждения и насилия, как чрезвычайки и комиссары, проводящие партийную диктатуру — насилие, встретят в нас энергичных противников.

На обороте листа приписал:

«Партия коммунистов-большевиков является врагом труда».

Если верить Махно, то поводом к такой ничем не прикрытой атаке на возглавляемое им движение послужил телефонный разговор с Львом Троцким, произошедший накануне. В разговоре председатель РВС Республики потребовал закрыть махновскими войсками дополнительный участок протяженностью в сто верст от Славянска до Гришина. На все просьбы помочь подкреплениями, снаряжением, продовольствием и медикаментами Троцкий отвечал отказом, мотивируя тем, что у частей Красной Армии дела еще хуже, пригрозив в случае невыполнения приказа применить суровые (вплоть до использования вооруженной силы) наказания. Батька попытался объяснить, что бойцы валяются от усталости с ног, что из-за отсутствия даже обыкновенных бинтов приходится пристреливать своих же раненых, на мучения которых невозможно смотреть, что число тифозных больных

все увеличивается, что повстанцы доедают последний сухарь и делят последние патроны, но Троцкий оставался непреклонным и требовал выполнять приказ. Рассвирепевший батька прокричал:

— А пошел ты, мухомор волосатый, к такой-то матери!

Естественно, что после подобного заявления его собеседник бросил телефонную трубку. Махно и Троцкий стали смертельными врагами. Этот факт неоднократно подчеркивался в донесениях ЧК прифронтной полосы и оперативных сводках.

Статья Троцкого вызвала возмущение и среди личного состава махновских войск, которые самоотверженно пытались остановить деникинское наступление, гибли сотнями, не получая никакой помощи со стороны большевистского центра.

Чтобы как-то разрядить обстановку и успокоить нараставшее волнение, Раковский направил в штаб бригады довольно лаконичную телеграмму:

Никто не отрицает храбрости повстанцев и красноармейцев из отрядов товарища Махно. Однако дисциплина сильно страдает, и советская печать отзывается на те бесчисленные жалобы, которые слышатся отовсюду.

Чтобы спасти положение на фронте, Махно решил пополнить свои войска путем мобилизации (меры очень непопулярной в крестьянской среде, но неизбежной в условиях широкомасштабных военных действий). Однако Аршинов сумел доказать ему, что эти действия подорвут веру крестьянства в батьку, и добился его согласия на проведение экстренного съезда Гуляйпольского района, созыв которого наметили на середину июня.

Это решение Реввоенсовет и правительство УССР восприняли как подготовку Махно к открытому выступлению против Советской власти. Поздней ночью 3 июня неутомный Троцкий направил Раковскому срочную телеграмму, изложив в ней подробные рекомендации на случай неприемлемого для большевиков развития ситуации.

Махновцы созывают съезд нескольких уездов Гуляйполя с целью борьбы против коммунистической Советской власти. Ясно, что в данных условиях съезд является открытой подготовкой мятежа в полосе фронта. Помимо мер военного характера, относительно коих уже сделаны соответствующие распоряжения, необходимы были бы меры политического характера, которые я предлагаю вниманию ЦК Коммунистической партии Украины. Первое — поднять в прессе и на собраниях широкую агитацию против анархо-кулацкой контрреволюции в лице махновщины. Второе — издать и широко распространить правительственное сообщение, которое явилось бы грозным предостережением инициаторам съезда, прямым запрещением самого съезда, как противоречащего в своих целях советской конституции. Третье — немедленно предоставить в распоряжение Реввоенсовета 2-й Украинской армии, на который возложена военная ликвидация махновщины, максимальное количество опытных и энергичных партийных работников, из чего вытекает, что действовать надо без всякого промедления. Прошу ЦК не отказать в сообщении, какие меры он считает возможными и нужными применить со своей стороны.

Махно объявили врагом революции практически на следующий день после принятия ВЦИК декрета «Об объединении Советских Республик России, Украины, Латвии, Литвы, Белоруссии для борьбы

с мировым империализмом». (Согласно этому документу объединению подлежали вооруженные силы и военное командование, Советы народного хозяйства, железнодорожный транспорт, финансы, комиссариаты труда.) Само собой разумеется, что в такой жесткой централизованной структуре для Махно места не оставалось. На основании приказа Реввоенсовета РСФСР от 4 июня упразднялся Украинский фронт. 2-я Украинская армия вместе с частями, прибывшими из Советской России, преобразовывалась в 14-ю армию в составе Южного фронта, а из частей 1-й и 3-й Украинских армий создавалась 12-я армия, передававшаяся Западному фронту.

Приняв командование вновь сформированной 14-й армией, Ворошилов издал приказ под № 1, в котором заявил, что не допустит проведения ни махновского, ни какого-либо другого съезда в районе дислокации вверенных ему войск. Приказом командарма запрещалось изменять местонахождение воинских соединений и частей и переход красноармейцев в повстанческую бригаду Махно. Нарушение приказа каралось по всей строгости военного времени. Решительные действия нового командарма поддержал председатель Реввоенсовета Республики Троцкий, в тот же день разразившийся приказом № 105, предусматривавшим строгое наказание за невыполнение распоряжений Климента Ворошилова.

Не отставал от Троцкого и Ворошилова и командующий Южным фронтом В. М. Гиттис. «Неся ответственность за определенный участок фронта 2-й армии, — сообщал он в Народный комиссариат

по военным и морским делам Украины, — Махно своими заявлениями определенно вносит полную дезорганизацию и предоставляет частям [право] действовать по усмотрению, что равносильно оставлению фронта. Махно подлежит аресту и суду ревтрибунала, по сему Реввоенсовету 2-й армии предписывается принять немедленно все меры для предупреждения возможности Махно избежать соответствующей кары».

Реввоенсовет Республики выпускал один приказ за другим, пытаясь создать вокруг Махно плотную ограду из бюрократических колеб, с расчетом, что всякая попытка их преодолеть будет рассматриваться как мятеж против Советской власти.

Приказ РВСР № 1824 гласил:

Означенный съезд целиком направлен против Советской власти на Украине и против организации Южного фронта, в состав которого входит бригада Махно. Результатом съезда может быть только новый безобразный мятеж в духе григорьевского и открытие фронта белогвардейцам, перед которыми бригада Махно неизменно отступает в силу неспособности, преступности и предательства своих командиров.

Приказу вторило распоряжение Совета рабоче-крестьянской обороны УССР:

Признать выборы делегатов на съезд и сам съезд незаконными. Все, кто отказывается подчиниться, признаются врагами рабоче-крестьянской революции и подлежат суду военно-революционного трибунала.

Интересно, что в данном распоряжении слово «махновщина» вообще не употреблялось. Вся вина возлагалась на левых эсеров, анархистов и предста-

вителей других «мелкобуржуазных» партий, которые помогают «белогвардейцам, открывая фронт», и «допускают новую григорьевщину».

Итог подвел опять же неутомимый Троцкий. Оказавшись в начале июня в Харькове, он, выступая на пленуме местного городского Совета, откровенно заявил: «Махновщина, если она служит интересам социализма, она терпима и даже необходима. Когда пролетариат нуждается в победе, нет средств, недопустимых для достижения этой победы. Нам нужна в настоящее время армия для победы. Махновцы не способствуют этой победе — они должны быть свалены в мусорный ящик истории».

Удивительный симбиоз демагогии и моральной нечистоплотности!

Телеграф передал, что Реввоенсовет Южного фронта расценивает действия и заявления Махно как преступные, в связи с чем он подлежит аресту и суду ревтрибунала. Поэтому РВС 2-й Украинской армии (еще не переформированной до конца) приказывалось немедленно принять меры к тому, чтобы батяня не избежал кары.

6 июня на станции Цареконстантиновка Махно провел совещание своих командиров, на котором обсудил вопрос об объявлении его вне закона. Левые эсеры, настроенные более агрессивно, требовали выступить против большевиков немедленно. Командиры крестьянских частей подняли шум, опасаясь, что борьба с большевиками будет способствовать развитию военного успеха Деникина. Пытаясь их успокоить, левые эсеры доказывали, что в намерения белой армии входит наступление не в сторону Приднепровья, а по направлению к

Самаре — для возможного соединения с Колчаком и объединения сил для совместного похода на Москву. Однако Махно не поддержал такие планы. Он попросил время для обдумывания ситуации. На этом и сошлись.

В этот непростой для Махно час его решили покинуть верные друзья — анархисты. Аршинов и ряд близких его сподвижников заявили, что они намерены заняться агитационно-пропагандистской работой в разных регионах страны с целью поведать России и всему миру о Махно и махновщине. Для этого батька ассигновал им достаточно крупные суммы денег. (Через полгода Аршинов вернется.)

Тогда же в Большом Токмаке собралось около шестидесяти анархистов-террористов во главе с Марусей Никифоровой, которые после бурного ночного совещания приняли решение продолжить борьбу за анархистские идеалы новыми способами. Они потребовали от Махно довольно крупную сумму, мотивируя ее размеры предстоящими немалыми затратами на покупку оружия, динамита, литературы и прочего. Раздосадованный батька разразился руганью, между ним и Никифоровой вспыхнула ссора (впрочем, явление уже привычное), чуть не перешедшая в перестрелку. Однако Нестор Иванович быстро отошел и распорядился выдать семьсот тысяч рублей. Разделив деньги, террористы создали три боевые группы и на следующий день отправились в путь. Двадцать человек во главе с Никифоровой выехали в Крым, откуда рассчитывали добраться до Ростова, чтобы совершить покушение на Деникина. Вторая группа проникла в Харьков для взрыва зда-

ния чрезвычайки. Еще несколько боевиков взяли на себя задачу уничтожить ставку адмирала Колчака в далекой Сибири.

...Больше Марусю Никифорову батька не встречал. До сих пор нет достоверных данных о том, где и как закончила свой жизненный путь лихая анархистка-террористка. По одним сведениям, ее расстреляли белые летом 1919 года в Крыму, по другим, она была схвачена деникинской контрразведкой, предстала перед военно-полевым судом в Симферополе и приговорена к смертной казни через повешение. Еще по одной — весьма распространенной — версии Никифорова не погибла, а была перевербована органами ВЧК и работала затем резидентом иностранного отдела ОГПУ во Франции.

Пока Махно раздумывал, Троцкий раскручивал маховик противостояния. По его приказу создается Чрезвычайный военно-революционный трибунал под председательством члена Совнаркома Украины, также старого недоброжелателя Махно, Г. Л. Пятакова, которому предписывалось «каленным железом» беспощадно выжечь «язву провокации григорьевщины и махновщины». 8 июня издается новый приказ Троцкого. Одним росчерком пера председатель РВС Республики переложил на махновцев всю ответственность за прорыв линии фронта Деникиным, называл повстанцев главными виновниками последних неудач войск Южного фронта в районе Донбасса. Он обвинил Махно, в частности, в том, что тот предательски обнажил правый фланг фронта, чем вызвал тяжелые потери в красноармейских частях и подразделениях.

В ответ на эти нападки, подавленный большими

потерями в своей бригаде, Махно 9 июня направил по шести адресам — в штаб 14-й армии и лично командарму К. Е. Ворошилову, председателю РВСР Л. Д. Троцкому, Председателю Совнаркома Украины Х. Г. Раковскому, В. И. Ленину, Л. Б. Каменеву и Г. Е. Зиновьеву — телеграмму, в которой объяснял, почему он выходит из Красной Армии и перестает подчиняться приказам Реввоенсовета. Телеграмма — горькие раздумья человека, к которым не плохо бы прислушаться повнимательней.

Сейчас я считаю обязанным себя дать нижеследующие объяснения своему заявлению. Несмотря на то, что неизменно вел ожесточенную борьбу с белогвардейскими бандами Деникина, проповедуя народу лишь любовь к свободе и самодеятельности, несмотря на глубоко товарищескую встречу и прощание со мной ответственных представителей Советской республики, сначала товарища Антонова и затем товарищей Каменева и Ворошилова, в последнее время официальная советская, а также партийная пресса коммунистов-большевиков распространила обо мне ложные сведения, недостойные революционера, тяжелые для меня.

Меня выставляют бандитом и сообщником Григорьева и заговорщиком против Советской власти и Республики в смысле восстановления капиталистических порядков. Я отдаю себе полный отчет в отношении ко мне центральной государственной власти. Я абсолютно убежден в том, что центральная государственная власть считает все повстанчество в целом несовместимым с государственным строительством в том его смысле, в каком это строительство проводится современной государственной властью. Одновременно с этим центральная власть считает повстанчество связанным со мною, и существующее недружелюбие и вражда центральной власти к повстанчеству переносится главным образом на

меня. Примером тому многочисленные статьи советской и партийной прессы. Отмеченное мною враждебное, а в последнее время наступательное поведение центральной власти по отношению к повстанчеству, по моему глубокому убеждению, с роковой неизбежностью ведет к кровавым событиям внутри трудового народа, созданию среди трудящихся особого внутреннего фронта, обе враждующие стороны которого будут состоять только из трудящихся и революционеров. Я считаю это величайшим и никогда не прощаемым преступлением перед трудовым народом и его сознательной революцией и считаю обязанным сделать все возможное для предотвращения этого зла. Как революционер-анархист я в течение тринадцати лет боролся за идеалы социалистов-революционеров и за эти идеалы борюсь и сейчас. Наиболее точным и верным способом для предотвращения надвигающегося преступления я считаю уход мой с занимаемого мной поста. Думаю, что с моим уходом центральная государственная власть перестанет заподозривать революционное повстанчество в заговорах против Советской республики и отнесется к нему со всей серьезностью, как живому деятельному детищу социальной массовой революции на Украине, а не как подозрительному стану, с которым торговались из-за каждого патрона, который часто просто саботировался военным снаряжением и обмундированием, благодаря чему во всех отношениях повстанческий фронт нес ненужные и при ином отношении к нему центральной власти легко устранимые поражения на фронте. Настоятельно прошу снова освободить меня от занимаемого мною поста начдива повстанческой советской дивизии и прислать специалиста для принятия от меня всех отчетов.

Начдивизии батька Махно

12 июня на станции Синельниково появились члены Чрезвычайного военно-революционного три-

бунала и в первые же часы своего пребывания там арестовали несколько десятков махновцев, преимущественно штабных работников. Подошедшие вслед за чрезвычайкой части 14-й армии разоружили махновские отряды.

Через шесть дней харьковская газета «Коммунар» под рубрикой «Суд революции» опубликовала сообщение: «Расстрел штаба Махно». В нем отмечалось, что чрезвычайный трибунал Донецкого бассейна расстрелял семерых махновских командиров и инструкторов по созыву Гуляйпольского съезда — Бурдыгу, Коробку, Михалева-Павленко, Олейникова, Добролюбова, Костина, Полунина. Им было вменено в вину разложение повстанческих войск, в результате которого деникинцы прорвали фронт на участке бригады Махно, а также развал всего Южного фронта.

Получив известие о расстреле своих ближайших соратников (с некоторыми из них Махно еще мальчишкой бегал по пыльным улицам Гуляйполя), батяка не спал всю ночь, клятвенно пообещав отомстить.

А Ворошилов тем временем сообщал по прямому проводу Троцкому:

— Махновщина разбита Шкуро вдребезги. Отдельные махнята вопят о защите и покорности Советской власти. Момент ликвидации этого гнойника самый удобный. Наша беда — отсутствие регулярных частей, которыми нужно занять махновский фронт и ликвидировать остаток банды. Полное отсутствие снаряжения, вооружения и продовольствия в 14-й армии лишает возможности сколачивать на месте из рабочих надежные батальоны. Состояние фронта требует экстремальных мер. Нужно хоть одну регуляр-

ную дивизию для быстрого очищения всего Донбасса. В противном случае необходимо гнать в армию больше снаряжения, вооружения, комсостав и политработников. Нажимайте на все педали. Здесь нужны быстрота и натиск.

То есть командарм 14-й просил у Троцкого того же, чего месяцем ранее добивался Махно, — резервов, боеприпасов, хлеба.

Итак, выступления батьки Махно, подобного григорьевскому мятежу, не произошло. «Правда» опубликовала небольшую заметку под названием «Махно испугался». В ней говорилось, что батька, испугавшись задуманного выступления против Советской власти, решил оставить командование дивизией. Тут же были слова о «полном разложении махновской армии», о стихийно появляющихся мелких отрядах во главе с новыми «батьками» и атаманами.

На самом деле все обстояло сложнее.

Батька решил на время затаиться, уехать в какое-нибудь тихое селение, подальше от линии фронта, собраться с мыслями и силами. Перед отъездом, в кругу близких друзей, Махно рассуждал о произошедшем.

— Нет, мы все-таки правы, — рассекая ладонью воздух, убеждал он хмуро слушавших его Белаша и Куриленко, а заодно и самого себя. — Повстанчеству мы открыли новую блестящую страницу в истории, не поддались на искусную провокацию. Вопреки желанию Троцкого, ух, попадись мне этот черт чернявый, — толкнуть нас в объятия Деникина, —

мы выдержали экзамен блестяще. Окруженные трибуналами, которые нас расстреливают, не имея патронов и снарядов, мы не отступаем, а, наоборот — продвигаемся вперед. Однако так продолжаться не должно. Мы обязаны решить судьбу повстанчества, ибо немислимо умирать на фронте, когда в тылу нас расстреливают.

На следующий день, 16 июня, Махно перебрался подальше от расположения штаба 14-й армии и чрезвычайки Пятакова — в село Кичкас. Гул орудий до этих мест не долетал, Нестор Иванович отсыпался и удил с местными мальчишками пескарей на отмелях.

На досуге Махно вспомнил и о П. А. Кропоткине. С оказией отправил в подмосковный Дмитров письмо, а вместе с ним газеты и листовки махновцев, а также два пуда съестных припасов. Кропоткин, несмотря на многочисленные просьбы анархистов, не дал разрешения использовать свое имя ни одной из организаций, действовавших в то время в России, считая, что анархистское движение наводнено «авантюристами последнего рода», и отказал Махно в просьбе сотрудничать в повстанческих печатных изданиях, в том числе и в газете «Путь к свободе». Но зла на него за это Нестор Иванович не таил.

Но долго скрываться Нестору не удалось, уже через несколько дней о его местопребывании стало известно Дыбенко. Бесстрашный начдив в сопровождении небольшого отряда отправился «в гости» к своему бывшему комбригу. Накануне приезда батька срочно вызвал к себе Щуся, Чубенко и Пузанкова: он всерьез опасался за свою жизнь и пре-

дупредил своих соратников о том, что может произойти самое худшее. Однако Дыбенко вел с Махно себя довольно мирно. Объяснялось все просто: он помнил о данном батюке четыре месяца назад честном слове и приехал сообщить ему, что тот объявлен вне закона. Дыбенко предупредил: если Махно тотчас же не покинет Кичкас, то он вынужден будет послать против батюки вверенные ему войска. Махно не возражал и после короткого раздумья пообещал выполнить это приказание. И лишь когда начдив уехал, батюка в порыве ярости приказал расстрелять оставленных в Кичкасе для связи (и для слежки за махновцами) двух адъютантов Дыбенко — Медведева и Антонова.

Однако уйти из Кичкаса Махно заставили лишь белогвардейцы, в очередной раз прорвавшие фронт красных и стремительно наступавшие по всем направлениям. Он выехал сначала на остров Хортицу, а затем на станцию Канцеровку, где стал собирать бежавших из советских частей красноармейцев.

После перехода Махно на нелегальное положение командующий Украинским фронтом Антонов-Овсеенко подготовил докладную записку в ЦК КП(б) Украины, копию которой отправил лично Ленину.

Записка эта — ценное признание видного советского военачальника:

Махно с конца марта передан Южному фронту. Убежденный анархист, лично честный парень, за спиной которого совершалась всякая пакость, мог быть великолепно использован нами, если б мы имели недостающий нам аппарат. Утвержденный бригадным командиром 3-й бригады Заднепровской дивизии, отданной под начало Дыбенко, Махно постепенно преобразовал свои части.

Комитеты в частях были уничтожены, введены политкомы, но они оказались слабоваты, командного состава не было, поставить правильно снабжения не могли по общим причинам, а части Махно оставались в преходящем состоянии (в процессе организации. — В. Т.). Но некоторые из них дрались с казаками превосходно, и нет сомнения, еще долго бы отстаивали свой район, если бы у них были патроны (к итальянским винтовкам, которыми многие из них были вооружены, патронов им не дали, хотя они и были переданы 2-й армии). Попустительства с моей стороны и следа нет. Есть лишь стремление использовать наличные силы, способные драться против нашего врага.

Подобную же характеристику Махно и его частей подтверждал и представитель Наркоминдела РСФСР на Украине Д. Ю. Гопнер в докладной записке к наркому Г. В. Чичерину от 20 июля 1919 года. В частности, он указывал на «авантюру» вокруг Нестора Махно и несвоевременное объявление войны «партизанщине» как на важную причину оставления Красной Армией Донбасса. Гопнер напоминал, что в ответ на попытку гуляйпольских анархистов созвать свой очередной съезд большевики открыто объявили войну батьке под предлогом подготовки им восстания против Советской власти. После этого последовала антиповстанческая кампания в печати, выставившая махновцев как банду пьяных громил, не признающих дисциплины и приказов, как рассадник антисемитизма.

Гопнер писал, что в махновской армии немало подонков и бандитов, но что «махновцы даже значительно беднее этими элементами, чем наши так называемые «регулярные» украинские красноармейские части». «Вспомним, — продолжал Гоп-

нер, — какой громадный фронт держался партизанами Махно, вспомним многочисленные отзывы беспристрастных работников-коммунистов о том, с каким самоотвержением махновцы дрались по всему фронту, и в частности против казаков. Мариуполь и Волноваха три или четыре раза брались ими. Лучшие махновские отряды с отчаянием отстаивали эту линию, выполняя все боевые приказы, отступая перед давлением противника лишь шаг за шагом, пока не были почти полностью истреблены. И это тогда, когда Деникин, не встречая сопротивления разбежавшихся частей Красной Армии, продвигался к Харькову, когда нередко командный состав красных частей и подразделений и даже красные комиссары массами переходили на сторону белых. Махновская армия, специально лишаемая необходимых боеприпасов и подкрепления, оставалась единственной сражающейся единицей, не считая особых коммунистических отрядов-смертников, также в одиночестве отстаивавших свои позиции».

Д. Ю. Гопнер указывал на харьковских, екатеринославских и александровских коммунистов, как на инициаторов кампании травли батьки, отмечал их уязвленное самолюбие. Но те действительно имели веские причины враждебно относиться к Махно, поскольку до своего союза с Красной Армией он жестоко «потрепал нервы» и кое-что другое Советской власти и коммунистам Екатеринославщины, защищая крестьянские интересы, уничтожая заградительные, чекистские и продовольственные отряды, организуя грабежи советских запасов в своем районе. Большевики искали случая разделаться с гу-

ляйпольской вольницей, хотя бы даже и руками донских и кубанских казаков и Добровольческой армии.

Приведенные здесь признания комфронта и одного из ведущих работников Наркомата по иностранным делам начисто перечеркивает обвинения Махно со стороны Троцкого в том, что он якобы умышленно открыл фронт деникинцам на стокилометровом участке. Даже потерпев поражение от белогвардейцев, махновцы продолжали еще месяц сражаться с противником. «Махно еще держался, — констатировало командование Украинским фронтом, — когда бежала соседняя 9-я дивизия, а затем и вся 13-я армия...» К тому же надо вспомнить, что батяка не колеблясь отклонил предложение Шкуро перейти на сторону белых. Свою роль сыграло другое — двойная игра советского военного командования и властей. С одной стороны, в борьбе с белогвардейцами Советская власть стремилась использовать всех, кто мог хотя бы кратковременно стать ее союзником, с другой стороны — она боялась усиления их независимости и при каждом удобном случае предпринимала шаги к тому, чтобы от них избавиться (что произошло также и с Филиппом Мироновым, и Борисом Думенко, известными казачьими вожаками, сражавшимися за дело Советской власти в рядах Красной Армии, а затем казненных ею).

В том же сообщении штаба Украинского фронта отмечалось: «Причины разгрома Южного фронта отнюдь не в украинской «партизанщине», ...прежде всего тут повинен аппарат фронта, не умевший сохранить их (повстанческих частей. — *В. Т.*) боеспо-

собность и закрепить их революционную дисциплину».

21 июня 1919 года член РВС Украинского фронта А. С. Бубнов на заседании ВЦИК наиболее точно объяснил успех деникинцев на махновском участке.

— Генерал Деникин, — отметил он, — великолепно организовал свою армию, а еще лучше поставил разведку. Ему хорошо, до мельчайших подробностей, известно состояние и бригады «батьки Махно», и всех остальных соединений на этом участке, которое фактически и привело к катастрофе. Поэтому, создав в районе действий этой бригады ударный кулак, он сделал удар именно по этой бригаде, деморализовав ее и вынудив бежать, и в результате зашел в тыл нашим частям на этом участке фронта.

А Нестор Махно тем временем сделал свой окончательный выбор: ему ничего другого не оставалось, как по достоинству ответить объявившей его вне закона стороне.

12 июля он отдал приказ своему отряду (пятьсот штыков и триста сабель) наступать на Елисаветград, который в то время находился под контролем красноармейских частей. Среди бойцов молниеносно разнеслись слова батьки о том, что они идут туда вызволять из советской тюрьмы арестованных анархистов. Это подняло дух махновских хлопцев. Когда они подошли к городу, батька приказал разобрать линию железной дороги, идущую с юга, чтобы тем самым обезопасить себя от бронепоездов красных. Махно рассчитывал на внезапность нападения, а потому и на успех. Все поначалу складыва-

лось, как было задумано. Однако, заняв несколько кварталов, махновцы, не привыкшие воевать в крупных населенных пунктах, как всегда, замедлили наступление. Этим воспользовались отступившие на южные окраины города красные части и, перегруппировавшись, при поддержке подоспевшей конницы, выбили их из города.

Махно, правда, по-своему объяснял случившуюся неудачу: тем, что елисаветградцы приняли его отряд за григорьевцев, отличавшихся, как известно, особой жестокостью к мирным жителям и пленным, и поэтому, как один, вставшие на защиту города.

«Расспросив у крестьян о всех подходах к городу, — рассказывал позднее о боях под Елисаветградом сам Махно, — мы на рассвете повели на него наступление. Быстро и легко заняли первую половину города без ранений и потерь с нашей стороны. Когда же начали наступать на вторую половину города, то сразу почувствовали решительный протест и мужество тех, кто выступил против нас. С одной стороны била по нам отступающая (красная. — *В. Т.*) пехота, с другой — с чердаков, окон и подвалов домов стреляли по нам жители города и кричали друг другу: «Не сдавайтесь, — наступают банды Григорьева, они нас всех перебьют». Как только мне донесли об этом, я приказал сейчас же оттянуть части».

Батька отступил на несколько верст к деревне Компанеевке. От местных крестьян он узнал, что в соседнем селе Сасовке расположился со своим

штабом сам атаман Григорьев. Махно сразу же послал к нему делегацию во главе с Фомой Кожиным. Часа через два возле избы, где разместился Нестор Иванович со своим штабом, остановился автомобиль. Приехали Григорьев, его начальник штаба Бондарь и два их адъютанта. Никифор Григорьев — низкорослый, не выше самого Махно, коренастый, с упрямым крутым затылком. Одет в тужурку военного покроя и гражданские брюки навыпуск, в сапогах. Весь в ремнях, увешан оружием: пистолет системы «парабеллум» в кобуре на поясе, другой привязан к поясу ремешком и заткнут за голенище сапога, через плечо ремень, удерживающий тяжелый маузер. Излишне разговорчив и хвастлив, хотя чувствуется, что властен и сам себе на уме.

Столпившись у автомобиля, повстанцы слушали прибывшего атамана.

— Господа, — выдохнул водочным перегаром Григорьев, — я как занял Одессу, откуда-то сразу появился жидовский ревком. Пришли в мой штаб, меня не застали, стали требовать, чтобы мы подчинились ревкому, чтобы хлопцы перестали жидов колошматить. А сами знаете, люди в походе изорвались, изголодались, обносились, а в городе жидов-спекулянтов много, так я и сказал, чтобы их подчистили маленько: за что воюем? Я взял город, стало быть, он мой, а тут и ревком из подполья вылез и стал мне на пути, говорят о подчинении. Когда наступал, так со мной ни одного ревкомовца рядом не видели, а теперь ишь задумали хозяйничать, некрещенные! Я ревком, того, и к ногтю, как мои хлопцы кажут. Арестовал: все жида, а один дурак

русский. Посмотрел на них — парикмахеры, сапожники, портные — грязные такие, ну и того, к ногтю их своею собственной рукой. Подошел к русскому и думаю: зачем убивать, ведь своя кровь, православная. Глядь, а у него, проклятого, и креста-то на шее нема, — я и его шлепнул со своего маузера. Председатель ревкома коммунист Богун и комиссар порта Малицкий скрылись, успели, а то бы и им на орехи досталось.

— А у вас жидов нет?

Ему кто-то ответил, что есть.

Атаман расправил плечи, выпрямился и выпалил в толпу:

— Так будем бить!

Повстанцы от неожиданности попятнулись.

Григорьев широко улыбнулся, показав слушателям два ряда крепких, пожелтевших от курева зубов, и громко захохотал.

Махновцы переглядывались, тайком крестясь (что-то звериное проглядывало в облике атамана), и шептались:

— Вот так атаман, недаром говорили — «жидоед».

Чтобы рассеять неприятное впечатление, Махно спросил:

— Это ваш «универсал»?

Григорьев в ответ кивнул головой.

— Я немного с ним не согласен. Давайте обсудим и поговорим еще кое о чем. И зайдем в штаб.

Почти сутки совещались хозяева и гости, то расходясь по разным хатам, то время от времени сходясь вместе. На повестке дня стояло два вопроса: объединяться или нет. Если да, то против кого будут

воевать. Григорьев заявил, что будет бить коммунистов и петлюровцев («мы уже видели, знаем, кто они такие»), а в отношении деникинцев, против которых хочет воевать Махно, он еще не определился: «их еще не видели — коль они бьют жидов-коммунистов, это очень хорошо, а что они за Учредительное собрание — это еще лучше, потому что только оно имеет право на Украину».

...Собрав свой командный состав, Махно вынес на обсуждение вопрос о соединении с Григорьевым. Предложение объединиться поддержали четыре человека. За то, чтобы Григорьева тут же, «как врага революции», расстрелять и не соединяться с его бойцами, проголосовали семь командиров. Тогда слово взял батька. Не повышая голоса, кратко изложил свою позицию:

— Расстрелять атамана можно в любой момент — хоть сегодня, хоть завтра, — самое главное нужно влить в повстанческую армию его отряды, а для этого необходимо соединиться с григорьевцами и хорошенько к ним присмотреться, прошупать их.

После разъяснения Махно своей точки зрения за его предложение проголосовало девять командиров и двое воздержались.

На том и порешили. Естественно, о неприязни большинства махновских командиров к Григорьеву при вынесении окончательного вердикта промолчали. После соединения с частями Григорьева возникла необходимость создать командование вооруженными силами. Командующим назначили атамана Григорьева, председателем Реввоенсовета — Махно, начальником штаба — брата батьки Григория.

Махно внимательно наблюдал за своим новым союзником, его контрразведка докладывала о каждом шаге, каждой встрече атамана, каждом сказанном им слове.

Через несколько дней после этого «исторического решения» к батьке привели двоих задержанных. Оба были в крестьянской одежде. Но по их выправке и манере держаться Махно сразу же понял, что они не те, за кого себя выдают. Гости попросили председателя повстанческого реввоенсовета остаться с ними наедине. Осторожный Нестор Иванович приказал обыскать задержанных. Оружия у них не оказалось, успокоенный Махно велел охране и всем находившимся в комнате выйти. Лишь когда за последним махновцем закрылась дверь, один из незнакомцев вполголоса произнес:

— Господин атаман! Мы офицеры ставки Добровольческой армии, посланные к вам для связи. У нас письмо начальника штаба армии генерал-лейтенанта Романовского. Неделю назад вам были посланы полтора миллиона рублей, но известий об их получении мы до сих пор не имеем.

Ничего не понимающий Махно развернул слегка помятый лист. В левом верхнем углу каллиграфическим почерком было выведено: «Атаману Григорьеву».

Все встало на свои места. Слухи о связях Григорьева с деникинцами подтвердились.

Махно нервно кусал губы и вдруг, резко вскочив, выхватил револьвер и начал беспорядочно стрелять в офицеров. Когда взбудораженные стрельбой махновцы ворвались в комнату, офицеры корчились в предсмертной агонии.

Немного успокоившись, батька внимательно прочитал письмо. Из него следовало, что Григорьев не первый день связан со ставкой Деникина и получает оттуда оперативные распоряжения. В доставленном деникинскими связными послании речь шла о том, что григорьевцам надлежало активизировать свои действия в тылах Красной Армии в направлении движения конницы Шкуро, и в частности перерезать железнодорожные пути, ведущие на Одессу и Николаев.

Секретное заседание махновской верхушки прошло скоротечно, решение немедленно предать гласности двурушничество атамана и ликвидировать его было принято единогласно. Как ни странно, колебался лишь один Махно. Он доказывал, что еще не настало время, что следует повременить, пока численность объединенной армии повстанцев возрастет, и вообще, надо повнимательнее ко всему присмотреться, ибо подобную шутку могли разыграть и чекисты, чтобы дискредитировать Григорьева и убрать его руками махновцев. С батькой, после короткого размышления, повстанцы согласились.

Неожиданно для многих Махно принял довольно странное решение — оставил армию на Григорьева, а сам с небольшим отрядом отправился в Песчаный Брод. Истинную цель поездки в это село, затерявшееся среди украинских степей на берегу тихой речки Черный Ташлык, знали только самые приближенные к батьке люди. Это местечко — родина его жены, гуляйпольской учительницы Галины Кузьменко, где она скрывалась во время деникинского прорыва.

Галина Андреевна Кузьменко сыграла важную

роль в жизни Нестора и пользовалась заслуженным авторитетом среди махновцев, которые между собой называли ее «матушкой Галиной».

Родилась она в 1894 году в семье небогатого крестьянина. В 1910 году окончила шесть классов женской гимназии. Деревенская жизнь тяготила бывшую гимназистку, и она решила уйти послушницей в Красногорский женский монастырь на Полтавщине, приняв новое имя — Анфиса. Из монастыря Галина Кузьменко бежала с бароном Юрием Корфом в его имение Синицы Уманского уезда. Но родители титулованного жениха разрушили планы молодых, свадьба не состоялась. Галина вернулась в монастырь. Однако разыгравшийся скандал вынудил игуменью отправить молодую монахиню после четырехмесячного пребывания в обители к родителям. Осенью 1911 года Галина поступила в Добровеличковскую женскую семинарию, которую окончила с золотой медалью. В 1916-м по распределению Херсонской губернской земской управы ее направили на работу учительницей Гуляйпольской двухклассной школы. Здесь в 1918-м ее и встретил Нестор. Среднего роста, стройная, она, по словам знавших ее, ни в чем не уступала европейским красавицам. Ее властный характер, сила воли, независимость в суждениях и красота сразу же привлекли внимание батьки. И сам Нестор, с его легендарным прошлым и неукротимой жадой изменить существующую жизнь, создать что-нибудь наподобие легендарной казачьей вольницы, представлялся Галине Кузьменко неординарной личностью.

Знакомство Нестора и Галины, которая стала ему не только верной женой, но и боевым соратни-

ком, делившей все тяготы военной жизни, обросло множеством легенд. Справедливости ради следует отметить, что Махно, женившись на Галине, поставил точку на всех своих прежних похождениях, хотя большевистская и белогвардейская пресса изображала его как человека «наиболее развращенного, потерявшего всякий культурный облик».

...Почти месяц Махно и его ближайшие сподвижники присматривались к атаману, стараясь внимательно отследить его тайные связи. Решение о ликвидации Григорьева батька принял 24 июля. Что подтолкнуло его, сказать трудно. Иногда поступки Махно объяснялись простой сменой настроения.

Кровавая развязка произошла 27 июля в селе Сентово близ Александрии Херсонской губернии.

Неизвестно кто, махновцы или григорьевцы, разграбили местный кооператив. Крестьяне сошлись на сход и потребовали Григорьева. Он не замедлил явиться и сказал им, что во всем виноваты махновцы.

Старики послали за батькой.

Вскоре Махно в сопровождении Чубенко, Каретникова, Лепетченко, Колесника и Трояна прибыл на сход. Перед крестьянами, однако, выступил Чубенко, а батька сидел в стороне, внимательно наблюдая за реакцией Григорьева.

Чубенко, уставив взгляд на атамана, не мудрствуя, заявил:

— Атаман Григорьев слишком много позволяет себе и своим хлопцам, сваливает все с больной головы на здоровую, и вообще он подлец и наймит денкинцев.

Григорьев, сидевший недалеко от Махно, вспыл и, как говорится, завелся с пол-оборота:

— Батько, Чубенко за свои слова отвечает сам или за него отвечает Реввоенсовет?

Махно пожал плечами:

— Пусть заканчивает, а потом у него и спросим.

Григорьев, не дослушав, кинулся к Чубенко, выхватывая на ходу маузер. Но, увидев выросших будто бы из-под земли Лепетченко и Трояна и наставленные на него их револьверы, остановился и предложил перейти в помещение.

В сопровождении трех телохранителей вместе с Чубенко, Каретниковым, Лепетченко и Трояном он вошел в дом, где помещался сельсовет. За ними последовали Махно, Чалый и Колесник. По селу уже разнесся слух о ссоре батьки и атамана, и к зданию начали стягиваться махновцы.

Григорьев стоял по одну сторону стола, а Чубенко с Лютым — по другую.

Атаман, перемежая слова отборными ругательствами и стуча кулаком по столу, обратился к Чубенко:

— Требую объяснения, на основании чего ты наговорил всех этих глупостей крестьянам?

Чубенко припомнил Григорьеву все: и как тот поощрял зажиточных мужичков, когда платил им за взятый фураж и хлеб, и как разгонял жалобщиков от бедных, у которых его люди силой отнимали последнее, и как подарил одному помещику пулемет, винтовки и два ящика патронов, а также шестьдесят пар суконных брюк, тогда как махновские бойцы испытывали нужду в патронах, ходили раздетыми и разутыми. Припомнил атаману, как тот расстрелял двоих махновцев за то, что они выкопали в огороде

местного священника ведро картофеля, и тут же поощрял своих бандитов, грабивших еврейские дома, что как союзник Деникина отказался наступать на Плетеный Ташлык, где махновская разведка встретила казачьи разъезды Шкуро.

Григорьев все отрицал.

Чубенко бросил ему в лицо:

— Так ты не признаешь, что действуешь заодно с золотопогонниками? А кто послал к тебе связных и к кому приезжали те два офицера, которых батька отправил на тот свет?

Григорьев, наклонившись над столом, неожиданно выхватил маузер, но Чубенко оказался проворней. Из своего «библея» он выстрелил первым.

Атаман схватился за простреленный бок.

— Ах, батька, батька, — только и произнес он. И тут же, стремительно оттолкнув своих телохранителей, бросился к выходу.

Махно, не двигаясь с места, крикнул:

— Бей атамана!

Чубенко, Каретников, Чалый, Лепетченко, стреляя в бегущего перед ними Григорьева, выбежали следом на улицу. Пробежав метров пятнадцать, тот споткнулся и упал. Выскочивший из-за угла соседней хаты махновец Качан выпустил в распростертого атамана почти в упор весь барабан своего револьвера.

Стоявшие толпой испуганные крестьяне при первых же выстрелах бросились врассыпную. В домах закрывались ставни, подпирались ворота, старухи крестились на иконы:

— Господи, пронеси и помилуй.

А в помещении сельсовета борьба продолжалась.

Дюжий грузин, телохранитель Григорьева, пытался застрелить Махно. Стоявший рядом Колесник резко ударил снизу по руке стрелявшего, и пуля ушла в потолок. Завязалась борьба, Колесник и грузин катались по полу, каждый старался «оседлать» противника. Григорьевский ординарец оказался сильнее, он подмял Колесника и обхватил пальцами его шею. Нестор бегал вокруг дерущихся, не подпуская к ним двух других телохранителей, и одновременно пытался достать грузина из пистолета. Но, стреляя, Махно попадал и в Колесника, к счастью для последнего только касательно. Подоспевший на выручку батьке Каретников несколькими выстрелами поставил точку, все трое григорьевцев остались лежать бездыханными.

Окровавленный Колесник, сбросив с себя тело противника, тяжело вздохнул, сплюнул кровавую слюну и сквозь зубы процедил в сторону батьки:

— Дурак, ...твою мать!

— Ишь ты, герой, — ощерился Нестор, — да если бы не я, он тебя удушил бы тут же.

Пристрелили махновцы и казначея Григорьева, лишь начальнику штаба Бондарю удалось уйти.

После самосуда над атаманом войско его распалось. Часть поступила под командование Махно, некоторые разбрелись по другим, более мелким, отрядам, а один полк перешел на сторону красных — с ним батьке еще предстояло встретиться.

Расстрел махновцами Григорьева вызвал огромный резонанс как среди красных, так и среди белогвардейцев. Чтобы об этом узнали все, Махно позаботился лично. По его приказу повстанцы срочно заняли ближайшую железнодорожную станцию, вы-

бив оттуда красный гарнизон, и по местному телеграфу во все концы Украины дали лаконичное сообщение:

Всем... Всем... Всем... Копия — Москва, Кремль.

Нами убит известный атаман Григорьев.

Подпись: Махно. Начальник оперативной части Чучко

По повстанческим частям батька распространил воззвание:

Считаю убийство атамана Григорьева идейными представителями повстанцев необходимым и нужным фактом истории, ибо политика, действия и намерения его — контрреволюционны. Что доказывают еврейские погромы и вооружение кулаков. Считаю создание повстанческой армии необходимым для того, чтобы забрать у Григорьева всех честных партизан, борющихся за революционную идею, но по темноте своей идущих слепо за ним. Имеем надежду, что после этого не будет кому санкционировать еврейские погромы, а будет — честно повставать против контрреволюции как Деникина и других, так и против большевиков-коммунистов, насильно вводящих диктатуру... Исторические последствия за этот расстрел Махно считает своим революционным долгом взять на себя.

Через день во всех повстанческих частях и соединениях был зачитан приказ № 1:

Всем командирам по пехоте: бригадам, полкам, батальонам, ротам, взводам и отделениям. По кавалерии: полкам, эскадронам и взводам. По артиллерии: дивизионам, батареям, полубатареям. Всем без исключения революционным повстанцам.

1. Задачей нашей революционной армии и каждого повстанца, в нее вступившего, является честная борьба за полное освобождение трудящихся Украины от всякого порабощения. Поэтому каждый повстанец обязан помнить и

следить за тем, что среди нас не может быть места лицам, стремящимся за спиной революционных повстанцев к личной наживе, к разбою или ограблению мирного еврейского населения.

2. Каждый революционер-повстанец должен помнить, что как его личные, так и всенародные враги являются лица богатого буржуазного класса, независимо, русские они, евреи, украинцы и т. д. Врагами трудового народа являются также те, кто охраняет буржуазную несправедливость порабощения, то есть советские комиссары, члены карательных отрядов, чрезвычайные комиссары, разъезжающие по городам и селам и истязующие трудовой народ, не желающий подчиняться их продовольственной диктатуре.

Представителей таких карательных отрядов, ЧК и других органов народного порабощения и угнетения, каждый повстанец обязан задерживать и препровождать в штаб армии, а при сопротивлении расстреливать на месте. За насилие же над мирными тружениками, и к какой бы национальности они ни принадлежали, виновных постигнет позорная смерть, недостойная революционера-повстанца.

3. Всякие самочинные реквизиции и конфискации, а также замена у крестьян лошадей и бричек без бумаги начальника снабжения воспрещается под страхом суровой ответственности. Каждому повстанцу надлежит помнить, что самовольная реквизиция привлекает в ряды повстанческой армии самых хулиганистых, стремящихся лишь к личной наживе, дает им возможность, под именем революционера-повстанца, творить подлые дела, позорящие наше революционно-освободительное движение.

Призываю всех повстанцев-партизан самим следить за порядком и честью истинно революционной повстанческой армии, борясь со всякими несправедливостями, как в своей среде, так и в среде защищаемого нами трудового народа. Не может быть несправедливости в нашей среде. Не может быть обид среди нас ни одному сыну или дочери трудового народа, за который боремся. И всякий, кто это

допустит, покроет себя позором и навлечет на себя кару народной революционной армии.

4. В интересах революции и... борьбы за наши идеалы необходима во всех частях самая серьезная товарищеская дисциплина. Необходимо полное уважение и послушание в военном деле вами избранных себе командиров. Этого требует вся серьезность выпавшего на вас великого дела, которое мы с честью доведем до конца и которое при отсутствии между нами дисциплины мы погубим. А потому вмещаю в обязанность всем командирам частей вести совместно с повстанцами строжайшую в своей среде и своем деле дисциплину.

5. Пьянство считается преступлением. Еще большим преступлением считается показываться повстанцам революционной армии в нетрезвом виде на улице.

6. При переездах из одного села в другое каждый повстанец должен быть в полной боевой готовности. Отношение к мирному населению в селах и пути должно быть, прежде всего, вежливое, товарищеское. Помните, товарищи командиры и повстанцы, что мы дети великого трудового народа, каждый труженик и труженица являются нашим братом и сестрой. Дело, за которое мы боремся, — великое дело, требующее от нас неутомимости, великодушия, братской любви и революционной чести. Поэтому призываю всех повстанцев-революционеров быть истинным другом народа и верным сыном революции. В этом сила и залог победы.

*Командующий Революционной повстанческой
армией Украины батька Махно*

Одним из первых известие о гибели атамана-мятежника получил Климент Ворошилов, который еще 29 мая чуть ли не всенародно объявил, что тому, кто доставит Григорьева живым или мертвым, будет выплачено сто тысяч рублей. Разумеется, он не собирался выплачивать батьке обещанную сумму, да

тот и не претендовал на его «щедрое» вознаграждение.

Известие о расправе Махно с мятежным атаманом немного смягчило отношение к нему со стороны Троцкого (чего Нестор и не ожидал). 4 августа, находясь на станции Лубны, председатель Реввоенсовета Советской Республики опубликовал в своей газете «В пути» очередной пропагандистский шедевр — статью «Махно и другие».

Обрисовав ситуацию, сложившуюся на фронтах, Троцкий выразил надежду, что, осознав пагубность григорьевщины, Махно поймет, в конце концов, гибельность самой махновщины. Он писал: «Среди повстанческих атаманов и батек есть люди двух категорий, есть бандиты, проходимцы, продажные карьеристы, но есть честные люди, не сведшие концов с концами. Григорьев вредил Красной Армии из-за карьеризма, жадности, продажности, но и он (Махно. — *В. Т.*) причинил ужасный вред, ибо действовал по ложной анархо-повстанческой системе. И сейчас махновщина продолжает оставаться ядом, отравляющим отсталые части Украинской армии. Убийством Григорьева Махно, может быть, успокоил свою совесть, но своих преступлений перед Рабочей и Крестьянской Украиной Махно еще этим не искупил. Если Махно и некоторые другие партизаны действительно хотят свернуть с пути григорьевщины, возродиться, встать на защиту революции — у них для этого один путь: открыто заявить, что они раз и навсегда отказываются от дезорганизации, атаманства, своеволия и предоставляют свои силы, как дисциплинированные солдаты, целиком и всецело в распоряжение Рабочей и Крестьянской власти на Украине».

Тогда же «Правда» поместила на своих страницах статью «Махновщина и григорьевщина», автор которой «ненавязчиво» сообщил, что ее «герои» — атаман Григорьев и батька Махно — сошли с арены политической борьбы, навсегда оставив после себя тяжелое наследство, его необходимо «выжигать каленым железом».

Корреспондент «Правды», очевидно, выдавал желаемое за действительное. Крестьянский батька отнюдь не собирался уходить с политической арены, а вынашивал далеко идущие планы восстановления повстанческой армии, ее былой силы и влияния на ситуацию на юге Украины. Знал ли Махно или нет, но он стоял в преддверии своего звездного часа.

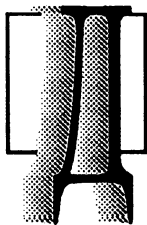
Глава 5

ВНЕ ЗАКОНА: ОДИН ПРОТИВ ВСЕХ

И приступили фарисеи и саддукеи и, искушая Его, просили показать им знамение с неба. Он же сказал им в ответ: вечером вы говорите: «будет ведро, потому что небо красно»; и поутру: «сегодня ненастье, потому что небо багрово».

Лицемеры! различать лице небо вы умеете, а знамений времен не можете?

Евангелие от Матфея,
16: 1—4

еникинские войска стремительно продвигались в глубь страны: 25 июня они взяли Харьков, 28-го — Екатеринослав, 30-го — Царицын. 3 июля главнокомандующий вооруженными силами Юга России издал приказ о всеобщем наступлении на Москву. Белогвардейцы опрокинули фронт красных войск от Донбасса до Черного моря. Револю-

ционная стихия разбилась под ураганным натиском маневренных и быстрых конных дивизионов белой армии, и этот ураган проломил позиции большевиков и их союзников-повстанцев.

Казалось, что движение будет безостановочно нарастать и в конце концов пройдет парадами по Красной и Дворцовой площадям.

Красноармейские части, потрепанные и деморализованные в непрерывных боях, откатывались на север. Едва ли не единственной, сплоченной силой, активно противостоявшей в тот период белогвардейцам, оставались отряды Махно. И на их долю тоже досталось немало: сотни могил были разбросаны по степям. Но авторитет батьки, как крестьянского предводителя, реальность его армии делали свое дело — к нему подалось крестьянство как к своему последнему защитнику.

Когда в начале лета 1919 года Махно был объявлен вне закона, многие из его сторонников покинули ряды Красной Армии и разошлись по своим селам, не порывая, однако, связи между собой, а также с довольно многочисленным отрядом, оставшимся верным батьке и укrywшимся в чаще Дибривского леса вблизи села Большая Михайловка. Эти места были знакомы махновцам еще со времен борьбы против немецких оккупантов и гетманщины. Здесь находились их оборудованные базы, тайные склады оружия и боеприпасов. Отсюда командование отряда — сподвижники батьки Щусь, Иващенко, братья Петренко — поддерживало связь с Махно и внимательно следило за развитием обстановки в близлежащих населенных пунктах. После уборки урожая крестьяне устремились в повстанческие отряды,

где, объединившись, рассчитывали противостоять белогвардейцам. Практически ежедневно устраивались засады на дорогах и налеты на мелкие гарнизоны деникинцев, обстреливались их заставы и патрули, нарушалась связь, совершались нападения на обозы и вестовых.

В свою очередь командование белых не покидала мысль ликвидировать махновцев и обезопасить свой тыл. 16 августа четыре батальона деникинцев под командованием полковника Дроси, при поддержке трех артиллерийских батарей, попытались блокировать дибривский отряд и уничтожить его. Махновцев не удалось захватить врасплох, после жестокого боя они отступили в соседний, Гавриловский лес. Белые, подтянув подкрепления, на следующий день развернули новое наступление на повстанцев.

В неразберихе боя вблизи полковника Дроси оказался незнакомый офицер в поношенной кожаной куртке с красовавшимися на плечах погонами прапорщика. Подбадривая солдат, он приказал подкатить пулемет, из которого в стороне деникинец вел огонь по махновцам, говоря, что у него лучше получится. Но опознанный ординарцем полковника, Иван Петренко — а это был он — сам пал под пулеметной очередью.

Так погиб один из ближайших помощников Махно при попытке применить свой излюбленный и безумно дерзкий прием, заключавшийся в том, чтобы, переодевшись офицером, незаметно проникнуть в боевые порядки противника и, завладев пулеметом, уничтожить противника с близкой дистанции.

В итоге боя деникинцы захватили восемь повстанцев, которых тут же расстреляли. Основная масса махновцев, рассыпавшись на мелкие группы, по три — пять человек, разбрелась по деревням и хуторам.

Намереваясь до конца искоренить махновщину, екатеринославский губернатор Щетинин с большим карательным отрядом прошел по селам Гавриловка, Андреевка, Малая Михайловка и другим, расположенным по периметру Дибривского лесного массива. Созывая сходы, он требовал выдавать бунтовщиков, спрятанное оружие и боеприпасы, грозя в случае невыполнения суровыми репрессиями. Там же на сходах зачитывался указ о мобилизации в деникинскую армию. Вздернув для острастки троих подозреваемых в связях с повстанцами крестьян и еще десятка три перепоров шомполами, каратели вернулись в Екатеринослав.

В распоряжении губернатора находились агенты государственной стражи, которые скрывались в местах операций повстанцев и не только наблюдали за развитием махновского движения, но и знали в лицо активных крестьянских руководителей. Вот эти-то агенты не ради своего обогащения, а испытав на себе и своих близких всю беспощадность повстанческих расправ, заработали на совесть, помогая раз и навсегда покончить со смутьянами.

Благодаря им у Щетинина имелись точные данные о подлинном размахе повстанчества. Но и екатеринославский губернатор понимал, что удовлетворить крестьян в тогдашних их желаниях, шедших вразрез с интересами белогвардейцев, у него не было возможности. Поэтому он остановился на пла-

не уничтожения активных повстанческих элементов, рассчитывая, таким образом, дать крестьянам наглядный урок возмездия и заставить их подчиниться властям.

Борьба с махновщиной осложнялась еще и тем, что в результате операций белогвардейской конницы, рассеявшей повстанческие силы, почти в каждом селе осели бывшие махновцы, припрятавшие оружие и выжидавшие лишь подходящего случая снова пустить его в дело. Все это не только не способствовало приведению крестьянства к покорности, но, наоборот, вело к вспышкам разрозненных партизанских выступлений. В силу этого почти каждое село и каждую деревню деникинцам приходилось завоевывать силой, а повстанцев вытеснять в плавни или леса, что роковым образом затягивало борьбу с ними...

17 августа части Красной Армии, которыми командовали бывшие махновцы Калашников, Дерменжи и Буданов, перешли на сторону повстанческой армии. Воссоединение произошло в районе станции Помощной. Батяка приветствовал вернувшихся короткой речью, а потом пригласил командиров выпить и закусить, обсудить планы на ближайшее будущее. Во время скромной трапезы вспоминали погибших, решали, кому что поручить, распределяли обязанности.

Войско батяки, пополнившись также и за счет присоединившихся григорьевцев, мелких партизанских отрядов и красноармейских частей, представляло собой к середине августа 1919 года внушительную и грозную силу. К батяке прибыли и члены секретариата «Набата». Они все время следили за его дей-

ствиями, присылали время от времени своих агитаторов, литературу, зондировали почву, ненавязчиво напоминая Махно, что он все-таки анархист и не должен отходить от канонов «бакунинско-кропоткинское» учения.

Особенно интересовался личностью Махно видный анархист-теоретик Всеволод Михайлович Волин (Эйхенбаум). Он послал к нему своего соратника, находившегося в Елисаветграде Иосифа Эмигранта (Гутмана). Последний сообщал Волину, что сомневаться в личной честности Махно он не имеет оснований, но, по его мнению, батька человек не сильный и не отличается самостоятельностью характера, легко поддается чужому и порой дурному влиянию. К тому же, по его словам, в махновской организации и в самом штабе повстанцев есть «отрицательные личности». Их Махно терпел в ущерб себе.

Посланцы Волина при встречах с Махно попрекали его тем, что в его армии процветает махровский антисемитизм. Батька хотя и не соглашался с подобными мнениями, но, ссылаясь на занятость и отсутствие времени, предложил анархистам вести пропагандистскую работу среди повстанцев, основную массу которых составляли безграмотные крестьяне. Волин не упустил этого случая и вскоре отправился к Махно.

Справедливости ради стоит отметить: повстанческая армия Махно была интернациональным объединением, поскольку в ней воевали представители практически всех национальностей, населявших южные районы Украины. Этот фактор во многом определял махновскую национальную политику.

Нестор Иванович был далек от национализма и антисемитизма, хотя последний ему многие приписывали. Другое дело, что под черными знаменами махновцев собирались не только идейные радикалы-анархисты, но и откровенные уголовники.

Армия Махно была довольно пестрой по своему составу. Здесь были и студенты-анархисты, и эсеры, и умеренные социалисты, и даже несколько большевиков (Полонский, Миркин и др.). Имелся и всякий безыдейный сброд, примыкавший то к Махно, то к Деникину, то к красным, а то и объединявшиеся в вообще никого не признававшие вооруженные отряды исключительно с целью пострелять и помародерствовать. К армии пристало и немалое число уголовных преступников, выпущенных или бежавших из тюрем. Но при всем этом главное ядро боевых частей всегда составляли крестьяне, среди которых Махно пользовался необычайной популярностью.

Махно удерживал район Помощная — Елисаветград — Вознесенск. Как и раньше, он принимал под свои анархистские знамена всех желающих. Так, узнав об окружении деникинцами и петлюровцами на юго-западе Украины 45, 47 и 58-й дивизий Красной Армии, он не медля форсированным маршем двинулся в этот район. Неожиданным ударом, деблокировав окруженных, махновцы спасли от верной гибели почти двадцать тысяч бойцов. Многие из них пополнили ряды повстанцев, остальных отпустили с миром, правда расстреляв на всякий случай десятка полтора комиссаров. А среди местного населения повстанцы распространили прокламацию, где было сказано:

Главный наш враг, товарищи крестьяне, — Деникин. Коммунисты все-таки революционеры... С ними мы сумеем почитаться потом. А теперь все должно быть направлено против Деникина.

Против красноармейских частей, не оказывавших сопротивления, махновцы не воевали, но к советским работникам, чекистам и продовольственным работникам относились без всякого снисхождения. Вблизи станции Помощной повстанцы взорвали эшелон, в котором из Одессы эвакуировались советские работники. Три дня пришлось расчищать загроможденные разбитыми вагонами пути. Махновцы пытались сорвать восстановительные работы, непрерывно обстреливая станцию шрапнелью и атакуя позиции красных. Благодаря подошедшим резервам, железнодорожникам и красноармейцам удалось освободить путь, в сторону махновцев двинулся бронепоезд. Батяка приказал пустить навстречу паровоз с двумя вагонами, загруженными песком. С трудом его удалось направить под откос, предотвратив столкновение. Раздосадованные неудачей, махновцы снова предприняли атаку, но встреченные шквальным пулеметным огнем и контратакой откатились назад.

От Помощной Махно отступил к деревне Песчаный Брод. Его преследовал красноармейский отряд во главе с В. П. Затонским, тем самым, который в свое время по распоряжению Ленина и Свердлова оформил для Нестора липовые документы. Разогнав тамошний ревком, Махно двинулся в соседнюю деревню Добровеличковку. Не сумев перехватить батяку в Песчаном Броде, Затонский приказал расстрелять его тестя — А. Кузьменко. В ответ батяка «пустил

в расход» шестнадцать пленных красных командиров. Поздно ночью махновцы в Добровеличковке были разбужены выстрелами и громкими криками, доносившимися с окраины села. Оказалось, на сторону повстанцев перешла вся конница из отряда Затонского.

«Откровенно говоря, — вспоминал Затонский, — мы далеко не были убеждены в том... что нас свои же не перережут или не поведут к Махно».

От полного разгрома отряд Затонского спасли бывшие григорьевцы, тот самый полк, который отказался перейти к Махно и занял сторону Советской власти. Бывшие григорьевцы отчаянно отбивались, дав красным возможность вывести из Песчаного Брода своих раненых.

30 августа под ударами белогвардейцев пал Киев, а поток красноармейцев в войско Махно увеличился. На следующий день батька торжественно объявил о воссоединении всех революционных повстанческих сил. Выступая перед построившимися шеренгами измотанных в последних боях и отступлениях красноармейцев, стоя на тачанке и срываясь на крик, Махно держал речь:

— Ваши командиры и политкомы все продали Деникину. Единственный, кто может вас вывести на верный путь, — это я — Махно! Все к оружию! Будем вместе бить золотопогонников!

В первый день осени в Добровеличковке под председательством Махно состоялось собрание командиров с повесткой дня о переформировании повстанческих вооруженных сил. Им присвоили гром-

кое название — Революционная повстанческая армия Украины (махновцев). Собрание избрало Реввоенсовет во главе с Лашенко и утвердило его состав — Махно, Волин, Удовиченко, Калашников, Чубенко, Дерменжи, Павловский, Белаш, Хохотва и другие. РВС состоял из двух отделов — военно-контрольного и культурно-просветительного, руководили ими соответственно Волин и Хохотва. Штаб армии возглавил Нестор Махно, его заместителем стал Виктор Белаш.

Армия состояла из четырех корпусов — 1-го Донского (командир Калашников), 2-го Азовского (Удовиченко), 3-го Екатеринославского (Гавриленко), 4-го Крымского (Павловский), общей численностью сорок тысяч бойцов, в том числе десять тысяч конных. Она имела на вооружении почти тысячу пулеметов разных систем, более двадцати орудий, сотни пулеметных тачанок и подвод. Обоз насчитывал восемь тысяч тачанок и бричек — под пехотой, две тысячи — под штабами, связью и лазаретами, одну тысячу подвод для нужд артиллерии и пятьсот бричек для перевозки продовольствия и различного имущества. Однако вскоре штаб распорядился уменьшить обоз и за счет его увеличить численность кавалерии; часть обозных перевели в пехоту и артиллерию.

Штаб армии состоял из двух отделов — оперативного и административного. Первый отвечал за разработку планов и проведение военных операций; второй — за организацию и жизнеобеспечение частей и подразделений. При штабе имелась инспекция в составе инспекторов: кавалерии — Дороша, артиллерии — Мороза, артиллерийского снабжения —

Данилова, продовольственного снабжения — Серегина, телеграфа и живой связи — Дерменжи и подрывных команд — Чубенко. Между РВС и штабом существовало достаточно строгое разграничение оперативных функций. Реввоенсовет имел право контролировать действия штаба в том случае, если армия терпела поражения. Однако штаб не посвящал Реввоенсовет в оперативные планы, находившиеся в стадии разработки и согласования.

Нестор Махно предпочитал без крайней необходимости не вмешиваться в оперативные планы штаба. Здесь все или почти все вопросы решал Виктор Белаш, человек, без сомнения, обладавший даром штабной работы и координации действий военных структур. Сам Махно взял на себя задачи стратегического характера. Он же организовал контрразведку и разведку, в которой состояло пятьсот конных бойцов при десяти «максимах» на тачанках, а также организовал свою охрану, вооруженную ручными пулеметами «люис». Батяка лично руководил карательной политикой, поэтому уделял большое внимание охране. Однако будем справедливыми: будучи довольно жестким по натуре, он тем не менее так направлял контрразведку, что почти каждый смертный приговор контролировался секретариатом «Набата» и Союзом гуляйпольской группы анархистов.

Но вскоре ситуация на фронте заставила Нестора Ивановича более активно заняться делами в штабе армии.

Бои с белогвардейцами продолжались. Повстанческая армия нанесла деникинцам несколько чувствительных поражений, отбила бронепоезд «Непо-

бедимый» и вынудила оставить Елисаветград. Но успех оказался временным, махновцы не смогли удержать отвоеванных позиций, они отступали.

Они отходили медленно, двигаясь скрытно, постоянно меняя направление. В редкие схватки вступали только цепи головных отрядов, понесшую большие потери конницу старались беречь.

Окруженный со всех сторон белогвардейцами, Махно решил прорываться на северо-запад к Умани. Но и проделав этот рейд, он вновь оказался в неприятельском кольце: с фронта и флангов теснили деникинцы, с тыла поджимал старый «союзник» и одновременно враг — головной атаман Симон Петлюра. Постоянно не уверенный в своих силах, Петлюра предложил батьке организовать общий фронт против Деникина. Махно сразу же ухватился за эту идею.

Во-первых, он надеялся самим фактом переговоров столкнуть Петлюру с Деникиным и хотя бы частично ослабить натиск белых на его измотанное и обремененное огромным обозом раненых войско.

Во-вторых, он все же рассчитывал в дальнейшем устранить Петлюру, присоединив затем к себе его бойцов.

И наконец, возникала реальная возможность как-то решить извечную проблему нехватки патронов и снарядов.

На переговоры с Петлюрой от штаба Махно послали Шпоту, нарочито картинной внешности украинца, к тому же говорившего на чистейшем литературном украинском языке.

После обмена делегациями 20 сентября в Жмеринке удалось заключить договор между Украинс-

кой народной республикой, которую представляли Ю. Тютюнник и С. Петлюра, и махновцами — в лице В. Волина и А. Чубенко. Договор предусматривал совместную борьбу с белогвардейцами и при достижении победы выделение Махно территории для установления «свободного советского строя». Петлюра пошел на это с большим трудом, оговорив запрет на ведение в его войсках и на подконтрольной ему территории пропаганды анархистских идей.

Чтобы развязать себе руки для маневренной войны, Махно передал в петлюровские госпитали свыше трех тысяч раненых и больных бойцов, в большинстве бывших красноармейцев, которых петлюровцы затем насильственно угнали в Галицию, где их интернировали.

Петлюра же после долгих препирательств выделил махновской армии 125 тысяч патронов, еще 575 тысяч предложил продать за пятьдесят тысяч рублей золотом. Махно, собрав деньги по всей армии, смог получить необходимый боезапас. Повстанцы добывали патроны и другим способом: выменивали их у местного населения на соль. Мобилизованным и добровольцам предлагалось приносить с собой все, что они имели из вооружения, — винтовку, револьвер, шашку или патроны.

Но батька не был бы батькой, если б не вел двойной игры. Одновременно с переговорами Махно издал — успел в тех-то на редкость непростых условиях! — прокламацию «Кто такой Петлюра?». В ней, согласно штампам тогдашней примитивной пропаганды, утверждалось, что «головной атаман» является «врагом трудового народа» и хочет «устано-

вить порядок, угодный буржуазии...». Это — прекрасный образчик «революционной пропаганды»: для своих одно, для других — иное. «Чужим» — петлюровцам — обещали все что угодно, своих же предупреждали: погодите... скоро мы их... сами понимаете... И Нестор Махно, и все остальные в армии видели, что нейтралитет этот — фикция, однако важно выиграть время.

Спустя неделю после подписания договора новые союзники запланировали в Умани встречу — между Петлюрой и Махно. Петлюра, как и условились, прибыл за пять дней до назначенного срока, а вместо батьки — Махно со своим штабом «застрял» на одном из железнодорожных переездов — в Умани появилась довольно многочисленная группа террористов. Кому она подчиняется и кто за ней стоит, об этом не знал никто, даже петлюровская контрразведка. Террористы готовили покушение на Петлюру, но неудачно. За несколько часов до начала намеченной акции дом, в котором они остановились, петлюровцы окружили плотным кольцом, подтянув для остротки даже парочку орудий. В результате двухчасового боя из окружения удалось вырваться лишь нескольким террористам, остальные погибли. Узнав о происшедшем кровопролитии, Махно приказал возвращаться в расположение своих войск, а поезд с Петлюрой отбыл на хорошо укрепленную станцию Христиановку.

Через день деникинские войска выбили петлюровцев из Умани.

Махновцы оказались зажатыми между петлюровцами и белогвардейцами. Несмотря на соглашение, Петлюра не оказал Махно никакой военной помо-

щи, за исключением предоставления боеприпасов, но, напротив, вел за спиной союзников переговоры со штабом Деникина — на всякий случай.

Один из непосредственных участников тех событий, деникинский генерал Я. А. Слащев, вспоминал: «Петлюра действовал вяло и нерешительно. Оставался один Махно, не мирившийся ни с какой властью и воевавший со всеми по очереди. Единственно, в чем ему надо отдать справедливость, — это в умении быстро формировать и держать в руках свои части, вводя даже довольно суровую дисциплину. Поэтому столкновения с ним носили всегда серьезный характер, а его подвижность, энергия и умение вести операции давали ему целый ряд побед над встречающимися армиями.

Это умение вести операции, не укладывавшееся (никак не соответствующее. — *В. Т.*) с тем образованием, которое получил Махно, даже создало легенду о полковнике германского генерального штаба Клейсте, будто бы состоявшем при нем и руководившем его операциями, а Махно, по этой версии, дополнял его военные знания своей несокрушимой волей и знаниями местного населения».

Фактом остается только то, что Махно умело проводил военные операции, проявляя недюжинные организаторские способности, обладал способностью влиять на значительные массы населения, поддерживавшего его и пополнявшего его армию. Следовательно, Махно являлся серьезным противником и заслуживал особого внимания со стороны белых.

Южнее Умани Махно построил все четыре своих корпуса в своеобразное каре — на сорок верст в ши-

рину и глубину, при этом каждый из них был повернут к деникинцам фронтом, и начал продвижение на восток.

25 сентября у села Крутенького завязался ожесточенный бой, который махновцы выиграли. Они не преследовали деникинцев, а имитировали отступление на запад. Но ночью махновцы резко развернулись на восток и неожиданно всей своей мощью ударили по основным силам Деникина, расположившимся у местечка Перегоновка.

Белые не ожидали удара и начали стремительно откатываться на восток. На двадцать пять верст все пространство между реками Ятрань и Синюха покрылось трупами деникинских офицеров. Лишь небольшая их часть бежала в сторону спасительного леса, даже не пытаясь отстреливаться от преследовавших неумолимых повстанцев. На пути новая водная преграда — приток Синюхи, речка не широкая, но достаточно глубокая. Конники повстанцев успели захватить противоположный берег, тачанки развернулись своими пулеметами к отступающему в панике противнику, которого загоняли в реку маневренные отряды махновцев. Еще минута, раздается команда: «Огонь», и шквальный огонь десятками косит добровольцев... Офицеров не стало. Одни пали зарубленные шашками повстанческих конников, другие, бросаясь в реку, тонули под градом пуль. Но и махновцы многих недосчитали в своих рядах.

Бой за село Перегоновку продолжался больше шести часов, обе стороны понесли тяжелый урон — по некоторым подсчетам, убитых и раненых было почти двенадцать тысяч человек. Особенно пореде-

ли отборные белогвардейские части — 1-й Симферопольский, 2-й Феодосийский, 5-й Литовский и Керь-Еникальский полки. Их потери доходили до восьмидесяти процентов численности, а конница генералов Попова, Назарова и Амбуладзе потеряла до шести тысяч убитыми. Более пяти тысяч белогвардейцев в основном из числа мобилизованных сдались в плен.

К вечеру 27 сентября махновцы отошли от места боя на сто верст.

Днем спустя состоялось совместное заседание Реввоенсовета и штаба армии, на котором махновцы приняли решение пробиваться на Екатеринославщину. Армия была разделена на три колонны, которые должны были двигаться на расстоянии тридцати — пятидесяти верст друг от друга. Правой колонне предстояло пройти с боями 315 верст, центральной — 350, левой — 320. Холодным утром 1 октября махновское войско выступило в поход.

Успешные боевые операции махновцев вызвали большой переполох в белогвардейских штабах. Пытаясь приуменьшить тяжесть понесенного поражения, командующий Добровольческой армией В. З. Май-Маевский в конце сентября заявил:

— Выступление Махно — это эпизод, который никакого существенного влияния на ход военных операций дать не может. Высшим командованием Добровольческой армии приняты меры к ликвидации этого выступления. Раненый зверь всегда идет издыхать в свое логовище, осталось его только добить. Разбойное выступление махновских банд находится накануне полной ликвидации. Ни о каком сопротивлении собранных им отрядов не может быть

и речи. Все банды рассеяны и истреблены. Весь левый берег Днепра от них совершенно очищен. На днях должно восстановиться железнодорожное сообщение с Крымом.

Но предсказания генерала не сбылись. Махно успешно продвигался намеченным маршрутом, сметая по пути белогвардейские заслоны.

Совершая рейд по деникинским тылам, повстанцы умело применяли испытанные ими ранее приемы партизанской войны. Так, при встрече с крупными отрядами противника Махно сразу же в бой не вступал. Навстречу белым из ближайшего селения высылались старики с хлебом-солью, и деникинцы обычно спокойно располагались на постой. А ночью по условному сигналу махновцы атаковали ничего не подозревающих белогвардейцев. Махно, понимая, что подобными действиями он навлекает угрозу жесткой расправы мирного населения, стремился уничтожить противника полностью, порой даже не брать пленных. Но в отдельных случаях батяка приказывал отпускать захваченных офицеров. Ушедший от махновцев белогвардеец, по рассуждению Махно, чтобы скрыть позор поражения, никогда не станет рассказывать правду, а наговорит «с три короба» о том, что повстанцев многие тысячи, чем будет способствовать распространению паники и страха в стане противника.

Меньше чем за неделю махновская армия прошла трехсотверстный путь от Умани до Александровска. В три часа ночи 5 октября повстанцы лихой атакой заняли Хортицу, перебив до эскадрона белой кавалерии, а спустя час захватили Кичкасский мост, который охранял отряд гимназистов. Гимнази-

сты не оказали сопротивления, и повстанцы распустили их по домам. На рассвете армия Махно вступила в Александровск.

Приказом Реввоенсовета комендантом Александровска был назначен махновский командир Иван Рыбалка. Начальник штаба Белаш выпустил воззвание, призывающее население приступить к мирным занятиям. На центральной площади города Махно собрал митинг. Выступая перед двумя тысячами горожан, батька, подкрепляя речь энергичной жестикуляцией, заявил, что он является «творцом третьей рабоче-крестьянской революции, призванной освободить народ от всякой власти и насилия». Своим первым распоряжением Махно приказал взорвать ненавистную ему тюрьму. На месте разрушенного централа разровняли площадку. Взорвали и памятник Александру III в Большом Токмаке. Куски монумента жители растащили по домам, рассчитывая найти им применение в хозяйстве. Батька разрешил хождение всех денежных знаков, какие только существовали на территории бывшей Российской империи, пригрозил железной рукой пресечь грабежи, собственноручно расстреляв для острастки нескольких мародеров прямо у разграбленного ими магазина.

7 октября махновцы взяли родное Гуляйполе, которое на радостях перекрестили в Махноград. Нестор Иванович праздновал победу. Он предоставил повстанцам недельный отпуск, чтобы они, как он сам выразился, «перевели дух». Сам батька гулял на крестьянских свадьбах, дарил молодым дорогие подарки, принимал делегации из соседних сел, милостиво разрешал мелким отрядам вливаться в свою ар-

мию. С крестьянами он по-прежнему поддерживал дружеские отношения, оставался внимательным к ним, к их нуждам и жил, в общем, той же простой жизнью, что и они.

Долго ходили рассказы о случае, происшедшем на свадьбе махновского бойца Максима Коростыленко. Когда после застолья батька вышел во двор освежиться, то увидел огромного пса, самого злого во всем селе. Подвыпивший Махно приблизился к собаке, хозяйка в испуге закричала: «Нестор Иванович! Не подходите близко к Серому, он вас разорвет!» Но батька решительно направился к собачьей будке. Перестала играть гармошка, гости замерли, ожидая, что будет дальше. Пес, неистово лаявший и рвавшийся с цепи, вдруг замолчал и, виляя хвостом, улегся у ног подошедшего к нему Махно, мирно положив морду на передние лапы. Батька отвязал его и, взяв на руки, понес в хату. Все происшедшее страшно удивило присутствующих. Собака смиренно лежала возле батьки, пока он, сильно напившись, не прогнал ее во двор.

Почти неделю «расслаблялись» махновские хлопцы, рекой лился самогон, звенели по селам украинские напевы...

К середине октября в руках махновцев оказались Бердянск, Мариуполь, Никополь и другие населенные пункты. Перегруппировав отряды, Махно захватил важные железнодорожные узлы — станции Синельниково и Лозовую, где белогвардейцы устроили склады боеприпасов и продовольствия. В двадцатых числах махновской армии удалось полностью очис-

тить от деникинцев Александровский, Мелитопольский и Бердянский уезды. Учитывая отсутствие значительных сил противника с юга и юго-востока, Махно отдал приказ выйти на линию Екатеринослав — Синельниково — Чаплино — Гришино — Волноваха — Мариуполь и, используя условия местности (с запада — Днепр, с юга — Азовско-Черноморское побережье), укрепить тыл.

Успехи повстанцев побуждали «набатовцев» проводить более активную пропаганду идеи установления «вольного советского строя» на подконтрольной Махно территории. Используя момент, Волин при очередных перевыборах оказался во главе Революционного военного совета — высшего органа в повстанческой армии. Совет существовал в махновской армии с начала 1919 года (был образован на съезде в Александровске). Согласно положению об этом органе, совету был обязан подчиняться и Нестор Махно. Многие командиры, которые ревниво следили за взаимоотношениями батьки и «набатовцев», с негодованием восприняли избрание Волина. В повстанческой армии сложилась даже оппозиция Реввоенсовету в лице Щуся, Каретникова, Тарановского, Чубенко, Лепетченко и других представителей командного состава. Отношения между двумя группировками обострились, дело могло обернуться вооруженным столкновением. Разыгратья такому повороту событий не дал сам батька.

Махно старался не ссориться со своими боевыми командирами, ибо хорошо понимал, что именно от них во многом зависит боеспособность частей его армии и те успехи, которых она достигла.

Виктор Белаш, один из близких к Нестору Ивановичу людей, так описывал махновский комсостав:

В большинстве своем это были опытные, храбрые и хитрые бойцы, имевшие огромное и заслуженное влияние на товарищей, подчинившие их своей отваге и боевой хитрости, за которыми бойцы шли с уверенностью и любовью... Командиры махновских частей для решения поставленных целей жертвовали саму свою жизнь, увлекая своих бойцов в бой.

Пытаясь объяснить фантастические боевые успехи повстанцев, уже упоминавшийся генерал Май-Маевский в интервью корреспонденту газеты «Южный край» от 15 октября 1919 года говорил:

Банды Махно довольно хорошо вооружены, имеются несомненные данные о связях этих банд с германским генеральным штабом (в артиллерии Махно имеются германские офицеры) и «головным атаманом» Петлюрой. Во всех настроениях в тылу видна также рука большевиков, целью которых является распыление фронта Добровольческой армии путем отвлечения сил на внутренний фронт.

В описываемый период Махно внимательно следил за ходом наступления деникинских войск. А конница А. Г. Шкуро уже подходила к Курску. Махно понимал, что чем дальше продвинутся белые и чем ожесточенней будут их бои с частями Красной Армии, тем успешней он сам может вести боевые действия в тылу Деникина. Казалось, надвигающуюся на Москву волну казачьей конницы ничто не может остановить. Но, несмотря на достигнутые успехи на фронте, тыл деникинцев оставлял желать лучшего. Многочисленные партизанские отряды разрушали

связь, громили коммуникации, отбивали обозы, разгоняли местную власть и вели бои с небольшими гарнизонами.

Чтобы запугать повстанцев и сочувствующее им население, штаб командующего Доброй армии выпустил в октябре обращение к населению. В нем было сказано:

Тяжелым подвигом и жертвами лучших сыновей своих продвигается вперед Добровольческая армия в Москву, для освобождения России. Освобожденные от насильников-большевиков города, села и деревни, которые сейчас же получают возможность спокойно жить и работать, получают продукты. Но главная задача Добровольческой армии — скорее освободить несчастных братьев-крестьян, рабочих и горожан, вот уже два года страдающих от горя, холода, голода и насилий на севере России и в Московском районе. Чтобы достигнуть скорее этой цели, приходится раньше думать о фронте, а потом о тыле. Мы, славу Богу, почти все обуты и одеты и сыты, а там страдания и смерть от голода женщин и детей.

Добровольческая армия обращается ко всему русскому населению с призывом. Помогите нам в тылу! Не забывайте, что чем дальше разруха, тем больше несчастья всем.

В тылу появились различные банды разбойников, шайки дезертиров, не желающих драться, а только грабящих народ. Они мешают работать и думают только о себе. Они убивают и насилюют жителей, грабят ваше добро.

Они будут уничтожены по приказанию главнокомандующего вооруженными силами на Юге России генерала Деникина.

Но в заботах о верных сынах Добровольческая армия посылает вам, русские люди, крестьяне, рабочие и горожане, это предупреждение, чтобы при расправе с разбойниками вы не пострадали. Не собирайтесь кучами и

толпою ни на дорогах, ни на станциях, ни в деревнях, ни в поле, потому что наши аэропланы будут бросать бомбы в толпу. Не допускайте в своих деревнях восставших против Добровольческой армии, разбойников и дезертиров, так как бомбами будут разрушены и сожжены все дома и места, где соберутся толпы народа и разбойничьи банды Махно, подобно тому, как уже разрушено нами Гуляйполе.

Сами охраняйте себя и не идите под расстрел. Добровольческая армия вас открыто и честно об этом предупреждает.

Но предупреждения и угрозы белогвардейцев не возымели действия.

Дерзость махновцев доходила до того, что их конные отряды стали появляться вблизи деникинской ставки — Таганрога, что вызвало большой переполох в стане противника. Для борьбы с повстанцами Деникин вынужден был перебросить с фронта свои отборные силы — корпус генерала Слащева и часть конницы Шкуро. Но Деникин явно недооценил силу повстанческого движения и личность его вожака — Нестора Махно. Отдавая приказ Слащеву ликвидировать махновщину, он ограничился лишь краткой фразой:

— Чтобы я больше не слышал даже имени Махно!

Однако справиться с поднаторевшим в военных делах неугомонным батькой оказалось не так-то просто.

Весь октябрь шли ожесточенные бои, но ни та, ни другая сторона не могла взять верх. Большие потери понесли и корпус Слащева, и махновские отряды. Последние потеряли почти половину своих коней, двести тачанок, в том числе и тачанку са-

мого батьки Махно. Сотни повстанцев погибли, госпитали и лазареты переполнялись ранеными, которых распределяли по селам в надежде, что там поправка пойдет быстрее, тем более что медикаментов и врачей катастрофически не хватало. 18 октября под Овидиополем тяжелое ранение получил брат Нестора Махно Григорий. И до этого не знавший пощады к белым офицерам, батька теперь ожесточился еще больше. Порой его насильно уводили с поля боя.

Много хлопот доставляли махновцам и белогвардейские бронепоезда. В течение прошедших двух лет гражданской войны повстанцы часто действовали вдоль железных дорог, с которых они получали основную добычу — оружие, продовольствие, одежду, деньги и прочее. Теперь же количество грузовых перевозок значительно сократилось, зато возросло число «бронированных чудищ», поливавших наступающие цепи махновцев смертельным свинцовым дождем, поражая метким артиллерийским огнем, разносившим в щепки их тачанки. Уезды Донецкого бассейна с их густой сетью железных дорог стали особенно опасными для армии Махно, и батька был вынужден отойти южнее в степь. Но со временем повстанцы приноровились к борьбе с бронепоездами, им даже удалось захватить несколько этих грозных броневых крепостей и использовать их орудия и пулеметы против самих белогвардейцев.

В войске батьки Махно помимо серьезной подготовки к боевым операциям царил еще какой-то дух соперничества в лихости, смелости, бесшабашности между бойцами и целыми подразделениями, что де-

лало его армию весьма боеспособной единицей. Очень часто махновцы вели боевые действия вопреки здравому смыслу и логике. Проявляя безрассудную храбрость, пехота шла на пулеметы. Артиллеристы подтягивали орудия вплотную к позиции противника и вели огонь прямой наводкой. Кавалерия атаковала позиции противника, как правило, с ходу. Коннице Махно вообще уделял много внимания, хотя по-прежнему в его армии преобладала пехота — сказывалась и нехватка коней. Батяка извлек урок из сокрушительного поражения, нанесенного ему Шкуро во время майского наступления белогвардейцев, и начал создавать в своей армии этот грозный в безлесных степных районах род войск. Еще 22 сентября 1919 года Махно, находясь в селе Текуча и налюбовавшись на захваченных у противника казачьих коней, даже отдал специальный приказ об обучении повстанцев кавалерийскому делу. Как уже говорилось, незаменимым оружием маневренной войны на степных просторах стали тачанки. В ходе кавалерийских атак они на бешеной скорости врзались в ряды противника, разя его пулеметным огнем, а в походных условиях служили хорошим средством для перевозки пехоты на дальние расстояния, увеличивая мобильность армейских частей. Служить в махновской коннице считалось престижным. Самым большим наказанием для кавалериста в повстанческой армии считалось «спешивание», то есть перевод в пехоту.

Высокую оценку махновской кавалерии давало и деникинское командование. Начальник штаба 4-й дивизии Слащевского сводного корпуса полковник Дубего откровенно признавал: «Операции против

Махно были чрезвычайно трудными. Особенно хорошо действовала конница Махно, бывшая в первое время почти неуловимой, часто нападала на наши обозы, появлялась в тылу и т. п. Вообще же махновские войска отличались от большевиков своей исключительной боеспособностью и стойкостью».

Но наряду с военными делами батьке приходилось заниматься и множеством гражданских проблем. 15 октября 1919 года с жалобой к Нестору Ивановичу обратились местные железнодорожники. Их положение было просто аховое: денег ни за проезд, ни за провозку грузов никто не платил. А если железнодорожники что-то и получали, то все тут же обесценивалось. Все — и красные, и белые, и петлюровцы, и махновцы — требовали немедленного предоставления паровозов и подвижного состава. А в случае задержек с выполнением приказов грозили расправой, случалось, расстреливали на месте.

Прочитав жалобу, Махно буркнул:

— Повстанцы разъезжают на тачанках, им ваши железные дороги не нужны. Пусть же, кто катается в поездах, тот и расплачивается с вами. И только.

Но, успокоившись, тут же составил воззвание в одно предложение:

К ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКАМ

В целях скорейшего движения в освобожденном нами районе, а также исходя из принципа устройства свободной жизни самими рабочими, крестьянскими организациями и объединениями, предлагаю товарищам железнодорожным рабочим и служащим энергично соорганизовываться и наладить самим движение, устанавливая

для вознаграждения за свой труд достаточную плату с пассажиров и грузов, кроме военных, организуя самим свою кассу на товарищеских и справедливых началах и входя в самые тесные сношения с рабочими организациями, крестьянскими обществами и повстанческими частями.

Командующий Революционной повстанческой армией

Батько Махно

По сути дела, Махно ратовал за своего рода хозяйственный расчет и призывал рабочих к самостоятельности в управлении производством.

Пассивность рабочих в организации производства и налаживании своей жизни сильно раздражала батьку. На Александровском уездном съезде крестьян и рабочих, проходившем с 28 октября по 3 ноября 1919 года, подавляющее большинство делегатов (220 из 250) составляли крестьяне. Три десятка рабочих делегатов на съезде возглавляли меньшевики. В своем выступлении батька резко обрушился на рабочих местных предприятий и железнодорожников.

Один из участников съезда записал в дневнике:

Речь Махно заключала в себе почти площадную брань по адресу рабочих, как политических шарлатанов, сволочей, прохвостов, паразитов и тунеядцев, друзей Деникина, с упоминанием фамилий присутствующих делегатов рабочих организаций.

На вопрос одного делегата, относятся ли «эти выпады только к отдельным лицам или тем, кого они представляют», последовал «новый поток резких выражений» с намеком на то, что рабочим предстоит ответить за их труд на армию Деникина.

Под аплодисменты, обращенные к батьке, шум и улюлюканье меньшевики покинули зал съезда.

Конечно, рабочий вопрос не был главным на этом съезде: делегаты решали проблемы укрепления повстанческой армии. Единогласно была принята резолюция о проведении мобилизации мужского населения уезда в возрасте от 19 до 39 лет и беспрепятственном приеме в повстанческие ряды добровольцев.

На одном из последних заседаний съезда был зачитан протокол «собрания граждан Никопольской волости»:

Собрание, обсудив разыгравшиеся на Украине события повстанческого движения против угнетателей — добровольческой деникинской армии, которая проводит террор, убийства, грабежи, насилия над жителями и поджоги их домов и даже целых сел, и желая прийти на помощь повстанческому движению для изгнания насильников из Украины и добытия народу земли и воли и полного порядка, — постановило: объявить добровольную мобилизацию немедленно Никопольской волости мужскому населению в возрасте от 18 до 25 лет, которым немедленно выступить на фронт повстанцев, а от 25 до 45 лет оставить дома и поручить им самообрану в селах. В связи с этим организовать волостную комиссию для оказания всякой помощи неимущим мобилизованным, ушедшим на фронт. Командировать трех человек для получения указания и командировки человека из штаба повстанческой армии для формирования полка на месте. Просить также штаб о выдаче оружия для самообраны...

Рассмотрели делегаты и проект декларации, подготовленный культурно-просветительным отделом РВС Революционной повстанческой армии Украины (авторами ее считались Аршинов и Волин), в которой была сформулирована и обоснована идея «вольных советов».

В декларации подчеркивалось, что «трудящиеся Украины стоят перед событием исторической важности» — началом великой третьей социальной революции, которая окончательно должна раскрепостить граждан от угнетения власти и капитала, как частного, так и государственного. Армия Махно называлась авангардом, передовым отрядом в этой борьбе. Вольный советский строй предусматривал отказ от налогов, которые платило государству крестьянство. Крестьяне, естественно, были крайне заинтересованы в таком повороте дел, для них выгоднее было везти зерно и фураж на рынок, чем даром отдавать продотрядам или в город.

Центральное место в декларации отводилось самому болезненному для сельского жителя вопросу — земельному. Махновцы считали, что его можно решить только при условии отмены советского Декрета о национализации земли и передачи в руки тех, кто ее обрабатывает с безусловным запрещением купли-продажи.

Единогласно делегаты съезда одобрили решение о наступлении повстанческой армии на Екатеринослав.

Махновцы двигались к Екатеринославу по железной дороге, проселочными дорогами и объездами. Деникинские власти знали о наступлении и, ожидая нападения со стороны екатеринославского предместья Нижнеднепровска, сосредоточили свои наиболее боеспособные войска на этом направлении. Но произошло неожиданное.

В воскресенье, 26 октября, с раннего утра в Екатеринослав на один из больших базаров города —

Троцкий — из окрестных деревень потянулись вереницы крестьянских телег, груженных капустой, свеклой, луком, картошкой. Началась бойкая продажа овощей по самым низким ценам. Известие об этом вмиг облетело весь город. На рынке собралось множество горожан, стремившихся пополнить свои скудные припасы на зиму, и солдат, приглядывающих, чем бы поживиться на дармовщинку. Причем большинство из них были невооруженными. Офицеры остались в казармах или на квартирах — все-таки «выходной».

И тут произошло невероятное. По условному сигналу возчики побросали с телег и возов плетеные корзины и мешки с товаром, выхватили из-под сена припрятанные винтовки и открыли ураганный огонь по деникинцам. Началась паника, которая быстро перенеслась на близлежащие улицы и переулки. Стрельба... взрывы... крики... стоны раненых — все смешалось... Никто не мог понять, где свои, где чужие.

Махновский отряд, затаившийся в ближайшем перелеске, галопом бросился к городу. Штурмом взят мост. Белые вытеснены со станции и выбиты с вокзала. Бой переместился в город. Однако белогвардейцы быстро оправались от неожиданного удара и перешли в контратаку, уже к полудню вытеснив противника за городскую черту. Махновцы не желали отступать и предприняли серию новых атак, однако — безуспешно. Бой затих только ночью. Щусь, который руководил штурмом, приказал отвести отряды на безопасное расстояние и готовиться к новому наступлению. 27 октября орудия с обеих сторон молчали. Белогвардейцы укрепляли оборону, объ-

вили мобилизацию всех мужчин, способных носить оружие. Для отражения махновских атак и ввиду недостаточности резервов пришлось вооружать и бросать в бой первых встречных, попавшихся на улице людей. Власти рассчитывали и на помощь извне — со стороны Слащева и Шкуро.

28 октября махновцы возобновили наступление, удары наносились со всех сторон. Не считаясь с потерями, повстанцы упорно продвигались к центру города. Деникинцы не выдержали натиска и бежали, а мобилизованные горожане — старики и гимназисты — сами складывали оружие. Прямо на улицах Екатеринослава, еще под огнем противника, махновцы «обменивали» у екатеринославцев свои лохмотья на цивильное платье, шубы, пальто, шапки и обувь. Ворота тюрьмы разнесли динамитом и без всякого разбора выпустили заключенных.

Однако белые, отступив, не думали отдавать город противнику. На помощь им уже спешили, бросив обозы, полки Слащева. К вечеру после жестокого боя город вновь перешел в руки деникинцев. Махновцы, отойдя от Екатеринослава на тридцать верст, ожидали подкреплений, идущих со стороны Александровска.

Между тем из Гуляйпольского района подтягивались не резервы, а главные силы повстанческой армии, оставившие под натиском кавалерии Шкуро Бердянск. Под угрозой захвата белыми оказался и Александровск. В сложившейся обстановке махновский штаб принял решение: оставить в городе арьергард армии, основные же войска, обоз и раненых вывести и двигаться в сторону Екатеринослава. Уходил Махно с достоинством, во главе пулеметного

полка. Четыре белых коня были впряжены в его тачанку, на которой были укреплены четыре горящих факела и черное знамя. Замыкали скорбную процессию раненые. «В сырой, пасмурный день, — вспоминал очевидец этой картины, — позади всех, толпой в количестве трех тысяч человек двигались босиком, в халатах, в одном белье, закутанные в простыни и тряпки, больные и раненые повстанцы».

А на тумбах и заборах уездного центра белели бумажные четырехугольники — последнее махновское воззвание:

ГРАЖДАНЕ!

Буржуазия все хихикает, видя наши неудачи на некоторых фронтах. Я скажу свое последнее слово: напрасно буржуазия злорадствует, напрасно надеется на наше поражение и торжество юнкерского белого Дона и Кубани. Временная неудача наша на этом участке — есть гибель буржуазии. Для этого приняты мною меры. От рук оставшихся здесь начальников на обороне города Александровска товарища Калашникова и его помощника товарища Каретника (Каретникова. — *В. Т.*) должна постигнуть гибель всей буржуазии и всех ее приспешников.

Смерть буржуазии!

Смерть всем приспешникам ее!

Да здравствует освобождение трудящихся!

Да здравствует социальная революция!

город Александровск. Командующий Армией

Батько Махно
4 ноября 1919 года

Воззвание распространили по всему городу и в большинстве волостей, а на следующий день опубликовали в повстанческой газете «Путь к свободе».

Махно не блефовал, в своем обращении к «гражданам» он не только изложил идею безмотивного террора в отношении так называемой «местной буржуазии» — присовокупляя к ней кадетов, меньшевиков и правых эсеров, но и обозначил свои возможные действия. В махновской контрразведке составлялись списки александровских «тузов», которых предполагалось немедленно ликвидировать.

В одну ночь по списку арестовали до восьмидесяти человек. Начальник корпусной контрразведки Калашников и его заместитель Каретников обратились к начальнику штаба повстанческой армии Белашу с просьбой санкционировать расстрел. В помещении контрразведки разгорелся спор: одни выступали «за», другие «против» применения смертной казни. Неожиданно от батьки прибыл вестовой с приказом «расстрел отменить и освободить всех под честное слово», что они никогда не будут участвовать в белом движении ни лично, ни материально и сделают все возможное, чтобы не допустить репрессий по отношению к жителям города со стороны белогвардейцев. К чести освобожденных, надо сказать — слово они свое сдержали. Александровск — чуть ли не единственный город на Украине, где не произошло расправ над мирным населением.

Из крупных населенных пунктов в руках махновцев оставались только Никополь и Мелитополь. Чтобы как-то сбить атакующий порыв конницы Шкуро, батька отдал распоряжение начальнику своей контрразведки Левке Задову достать «хоть из-под земли» двадцать — тридцать бочек спирта и оставить их в одном из покинутых повстанцами сел на самом вид-

ном месте, строго-настрого запретив местному населению прикасаться к ним. Расчет был на то, что казаки перепьются и прекратят преследование махновцев. Уловка удалась, и шкуровцы на несколько дней оставили повстанцев в покое. Воспользовавшись передышкой, Махно переправил свои части и обоз через Днепр и взорвал за собой мосты.

Объединившись с отрядами, отступившими из Екатеринослава, махновцы вновь блокировали губернский центр. Штурм был назначен на 5 ноября, в рядах атакующих насчитывалось свыше трехсот кавалеристов и более пяти тысяч пехоты. Бои за город продолжались четыре дня, и только 9 ноября Екатеринослав полностью перешел в руки махновцев. Но белые продолжали обстреливать городские кварталы с противоположного берега Днепра. Артиллеристы, нащупывая расставленные на улицах повстанческие батареи, били не только по таким обреченным целям, как вокзал, но и по всей территории города, в особенности по Соборной площади, на которой стояли махновские орудия. Были человеческие жертвы и на улицах, и в разрушенных снарядами домах, но «обстрелянные» обыватели в конце концов привыкли ходить по улицам под орудийным огнем и лишь посматривали вверх на дымки рвущейся шрапнели. Не прекращалась бойкая торговля на базарах и в лавках. Только начинавшийся время от времени ураганный огонь загонял людей в подвалы и нижние этажи зданий.

Первые дни — до начала новой серии масштабных боев — в губернском центре царило относительное спокойствие. На параде, устроенном по случаю взятия города, батяка Махно произнес свою, так

сказать, программную речь, возвестившую горожанам, что отныне прекращаются всякие грабежи и что с любыми жалобами они могут обращаться лично к нему.

После батьки, как всегда, выступил Волин. Убедительность доводов, которыми подкреплял свои идеи старый теоретик анархизма, искусное построение речи и необычайный ее пафос, равный по силе, может быть, только пафосу выступлений Троцкого, — все это тем не менее проходило как-то мимо внимания слушателей, все еще остававшихся замороженными не слишком складной речью Махно.

И батька это понимал и чувствовал. Он стоял у всех на виду, спокойный и чуть самоуверенный, и лишь одними глазами, своим колючим пронзительным взглядом, лениво скользя по толпе. Чуть заметная улыбка, вернее, складка, блуждающая на губах Махно, выражала не то удовлетворение, не то презрение, а может быть, и то и другое вместе. Много и долго говорили другие, говорили все о том же — что власть — зло, что анархия — мать порядка, что все люди равны и так далее.

Наконец начался парад. Мимо трибуны, на которой стояли Махно и его штабные, мимо толп зрителей длинной вереницей тянулись громыхающие тяжелые тачанки, запряженные великолепными конями, отобранными у немецких колонистов. На каждой из пулеметных тачанок по десятку бойцов, вооруженных винтовками и карабинами. Немало среди них и женщин, пожелавших сопровождать своих мужей в опасном походе и ...пограбить город. Прошла лихая кавалерия со своим командиром, хладнокровным и дерзким командиром (Ф. Щусем) во главе.

Прогарцевали несколько амазонок в черных, развевающихся по крупу лошадей вуалях: это анархистки-интеллигентки, примкнувшие к армии махновцев.

Не спеша Махно повернулся, чтобы сойти с трибуны и сесть на тачанку. Со спины его прикрывали могучие фигуры ординарцев Кийко и Петриченко. Бричка тронулась в сторону городской гостиницы «Рояль», где квартировал батька.

Прошло две-три недели, население успело к махновцами привыкнуть, и, несмотря на то что добровольцы с завидной настойчивостью продолжали каждый день осыпать город снарядами, жизнь вошла в почти нормальную колею.

Одним из первых шагов Махно в сфере городской политики было то, что он предложил екатеринославским жителям «самоорганизоваться».

— Мы — военное командование, наше дело — бить кадетов и юнкеров, а гражданскую власть, раз уж без власти обойтись не можете, создавайте себе сами.

В газете «Путь к свободе» Волин опубликовал очередную программную статью. «Дядя Волин», как за глаза называли его повстанцы, призвал махновцев и население поспешить действовать, ибо укрепление государства и власти (подразумевалась, конечно, Советская власть) станет непреодолимым препятствием к «материализации» идеи создания безвластного общества, свободного от пут государства.

Батька добился уменьшения числа погромов и грабежей. Даже центральная «Правда», сообщая о взятии повстанцами губернского центра, отметила,

что порядок и охрана города при Махно поставлены образцово.

14 ноября «Правда» снова обратилась к теме махновщины. Газета писала: «Отряды Махно представляют собой внушительную силу. О них говорят как о непобедимой армии. Отрядом Махно заняты Гуляй-поле, Александровск, Синельниково, Мариуполь и другие». Большевицкая газета, как всегда, торопилась и слегка искажала события. В руках у махновцев оставался только Екатеринослав. Но Советской власти надо было успокоить население, создать впечатление, что на Юге России белогвардейцы терпят поражение.

А Махно между тем сделал попытку претворить идею анархии на практике. Батя объявил Екатеринослав «вольным безвластным городом», одновременно наложив на его жителей 50-миллионную контрибуцию.

По приказу Махно из всех банков была изъята денежная наличность: и советские деньги, аннулированные денкинцами, и донские деньги, аннулированные Советской властью, и украинские карбованцы Петлюры и Скоропадского, остававшиеся нейтральными при всякой власти. Махно не аннулировал никаких денег и брал контрибуцию как советскими, так и донскими. Впрочем, Реввоенсовет повстанческой армии предпочитал оставлять у себя донские дензнаки, тогда как беднейшему населению раздавались исключительно советские деньги. Эти раздачи производились с широким размахом. Было предварительно объявлено, что беднейшие слои горожан могут обращаться в «штаб повстанческой армии имени батяки Махно» за материальной помо-

стью. Требовалось только принести с собой документ, удостоверяющий личность просителя, чтобы можно было судить о его общественном положении. Нужда среди городских жителей была ужасной, несмотря на сравнительную дешевизну продуктов — фунт белого хлеба стоил всего пять-шесть рублей, при добровольцах — три-четыре рубля, и немудрено, что с раннего утра у здания на проспекте, где расположился махновский штаб, толпились тысячные очереди в ожидании «выдачи». Впускали по одному. Один из членов Реввоенсовета, анархист-интеллигент, просматривал документы просителя, задавал вопросы, чтобы выяснить степень нужды, назначал размер пособия и записывал в канцелярскую книгу фамилию гражданина и выданную сумму денег. Сидевший за другим столом кассир доставал из лежащих на полу мешков деньги и отдавал, не требуя никаких расписок.

Пособия, если проситель или просительница представляли веские доводы, достигали иногда довольно значительных по тому времени размеров — до тысячи рублей. На такие деньги целая рабочая семья могла безбедно просуществовать больше месяца. Выдача пособий бедноте — всего было распределено свыше пяти миллионов рублей — проводилась махновцами до последнего дня их пребывания в Екатеринославе. Таким же путем оказывалась помощь детским приютам; им было выдано больше миллиона рублей деньгами и кроме того продуктами — мукой, салом и колбасой. Надо отдать должное махновцам: после хозяйничанья денкинцев приютские дети неплохо «подкормились», — Нестор Иванович прекрасно помнил свое полуголодное детство.

Оригинальные деньги были выпущены махновским Реввоенсоветом. На лицевой стороне денежных знаков было напечатано: «Анархия — мать порядка», а на обратной стороне — разудалое четверостишие:

Ой, жінко, веселись,
У Махна гроші завелись,
Хто цих грошей не братиме,
Того Махно дратиме!

Что можно перевести примерно так:

Ой, бабы, веселись,
У Махно деньги завелись,
Кто не будет денег брать,
Того Махно станет драть!

Скопив изрядное количество дензнаков в результате проведенных конфискаций, контрибуций и эмиссий, махновский РВС «поделился» ими не только с малоимущим населением, но и с анархистами из «Набата». Последний направил своих представителей в ряд городов Украины — Одессу, Киев, Елисаветград, Харьков — и на полученные средства буквально наводнил их анархистскими брошюрами, листовками, газетами. Лидеры «Набата» не скрывали, что в их руках скопились крупные денежные суммы, полученные от Махно, и благодаря этому они сумели довольно широко поставить издательское дело. Даже несмотря на быстрое падение курса советских и других денег, касса анархистов почти не пострадала, так как один из «набатовцев» — Иосиф Эмигрант — оказался талантливым и незаменимым финансистом, даже в сложных усло-

виях гражданской войны успешно совершавшим валютные операции.

В Екатеринославе, как и в других занятых городах, Махно запрещал создавать какие бы то ни было органы власти, обязывая население признавать только его личную власть и власть назначаемых им комендантов (мирное население не спешило «самоорганизовываться»). При этом махновцы в целом терпимо относились к любым политическим партиям, включая большевиков. Не мешали они и работе профессиональных союзов. В Екатеринославе в это время свободно действовали профсоюзы фармацевтов, химиков, табачников, строителей, приказчиков, швейников и т. д., некоторые из них находились под большевистским влиянием.

Все пять недель, пока город находился под властью махновцев, свободно издавались газеты различных направлений: орган правых эсеров «Народовластие», левых эсеров «Знамя восстания», большевиков — «Звезда», «Молот» и другие. «Звезда», например, вела острую полемику с анархистами и едко высмеивала «безвластную власть», водворяющую «безвластие силой оружия», одной рукой раздающая беднякам деньги, а другой — отнимающую у них последнюю одежку. Характерно, что подобный тон большевистской газеты вызывал в махновских изданиях очень сдержанную, примирительную реакцию. Анархисты больше оправдывались, чем нападали, доказывая, что их военная власть — только временное явление, вызванное исключительными обстоятельствами.

Любопытно, что «Набат» и махновский Реввоенсовет настолько были уверены в своем безраздель-

ном влиянии на повстанцев, что в одном из воззваний по поводу свободы печати и организаций даже заявили следующее:

Всем без исключения социалистическим политическим партиям, организациям и течениям предоставляется полная свобода распространения своих взглядов, идей, учений, как устно, так и печатно. Никакие ограничения свободы социалистического слова и социалистической печати недопустимы, и никакие преследования в этом направлении не должны иметь место. Предоставляя всем политическим партиям и организациям полную свободу распространения своих идей, армия повстанцев-махновцев в то же время предупреждает все партии, что подготовка, организация и навязывание ими трудовому народу политической власти, ничего общего не имеющей со свободой распространения своих идей, революционным повстанчеством ни в коем случае допущены не будут.

Помимо отказа любой из партий в праве на создание каких бы то ни было структур политической власти, в примечании к воззванию содержалось еще одно ограничение в духе военного времени, заключавшееся в том, что «сообщения военного характера допускаются к опубликованию лишь при условии получения их из редакции главного органа революционных повстанцев «Путь к свободе».

Возможно, что лояльное отношение Махно и секретариата «Набата» к деятельности соперничающих с анархистами партий объяснялось тем, что в повстанческой армии уделялось значительное внимание культурно-просветительной работе, и она, весьма разнообразная, велась даже в условиях боевых действий. Во время постоя в населенных пунктах устраивались митинги, на которых часто высту-

пал сам Махно, давались спектакли, читались лекции, распространялись анархистские газеты и листовки.

Надо отметить одну характерную черту махновской анархической вольницы. Почти все повстанцы, и батька в том числе, когда для этого имелись условия, весьма заботились о своей внешности. С момента захвата Екатеринослава многие из них облачились в реквизированные в городских ломбардах и у зажиточных горожан шубы и сразу же получили прозвища «шубников», так как не снимали добытую одежду до полного износа независимо от времени года. Особой популярностью пользовались венгерки, ярко расшитые спереди и сзади цветной строчкой. Сохранились многие свидетельства, красочно описывающие внешний вид махновцев. Вот одно из них: «Пестрые наряды... Папахи с разноцветными верхами... Шубы, поддевки, штатские пальтишки; разнохарактерные галифе из гардин и диванной обивки; одеяла и женские юбки, накинутые на плечи в защиту от стужи... Некоторые в чудесных офицерских сапогах и рваных шинелишках; другие босиком и в бобровых шубах. Попадалась и английская обмундировка, захваченная где-то на Юге в отбитых у белых складах». Захватив однажды брошенную белогвардейцами радиостанцию, батька из какого-то детского озорства приказал отправить радиограмму в британскую военную миссию с благодарностью за бесплатное обмундирование для повстанцев.

Но все эти демократические свободы и анархистские вольности существовали на фоне массовых репрессий, чинимых махновцами. Ни дня не обходи-

лось без расстрелов. Одними из первых в Екатеринославе 5 декабря расстреляли пятерых большевиков, служивших в махновской армии, в том числе и командира Крымского повстанческого полка Полонского, обвиненного в попытке убийства батьки. Удручающе подавленное состояние вызвал у обывателей расстрел начальницы гимназии Степановой, шестидесятилетней старой женщины, уличенной будто бы в связях с добровольцами и деникинской разведкой.

Достаточно было доноса о том, что тот или иной человек укрывает у себя добровольца — родственника, близкого или совсем незнакомого, — и этот человек уже не возвращался из контрразведки, его труп находили на берегу реки, на дне заброшенного карьера или у ограды местного кладбища. Репрессиям подвергались не только бывшие деникинские офицеры, их близкие родственники и люди, заподозренные в сношениях с ними, бывшие полицейские и стражники, но и просто обыватели, слабо разбирающиеся в политических тонкостях и по неосторожности сделавшие не то, что следовало, например, вывесившие вместо черного анархистского флага российский триколор или желто-блакитный петлюровский стяг. Допросами и ночными расстрелами в контрразведке руководили Левка Задов и сам Махно, который, как было всем известно, любил «пускать в расход» собственноручно.

«Маленький, худой, с женоподобным лицом, с черными локонами волос, падавшими на плечи, Махно производил жуткое впечатление благодаря пронзительным глазам с неподвижным взглядом маньяка и жестокой складке вокруг рта на истощенном

бледном лице. Возраст его трудно определить по виду: не то — 25, не то — 45 лет» — так записал в своем дневнике один из екатеринославцев.

Действительно, взгляд его редко кто мог выдержать спокойно, а одна сестра милосердия, которую арестовали за хранение офицерских погон в память о службе в госпитале в период мировой войны, побывавшая у него на допросе, заболела таким нервным расстройством, что ее родные в течение нескольких недель опасались за ее рассудок. По словам медсестры, самое страшное, когда Махно в конце допроса стал любезничать, нервно перебрасывая из руки в руку револьвер.

Иногда на батьку находило какое-то близкое к помешательству состояние, он выходил из себя, рвал на себе волосы, неистовствовал или, напротив, подпирал ладонью небритый подбородок и, покачивая взлохмаченной головой, бубнил:

— Эх, вы... темнота! Есть лишь одна сила революции — это мы, махновцы.

Но ни на час батька не забывал о том, что враг еще не разгромлен и гражданская война продолжается.

Причины военных успехов Махно оставались непонятными командованию белых. Среди офицеров деникинской армии ползли слухи, что их продажная контрразведка поддерживает Махно, снабжая его секретными сведениями, подсказывает наиболее слабые и уязвимые места для нанесения ударов. Екатеринославского губернатора Щетинина, который в разгар побед Добрармии сдал махновцам город, обвиняли в полной военной бездарности. В ставке деникинской армии обсуждались возможные варианты

дальнейших боевых действий, стягивали маршевые роты, артиллерийские дивизионы и кавалерийские эскадроны.

Между махновскими и деникинскими войсками продолжалась своего рода позиционная война, приносившая значительные разрушения городу. Белые, не имея достаточно сил, в течение всего ноября не пытались отвоевать Екатеринослав. Махновцы же, вместо того чтобы использовать свое численное преимущество и развить успех, ограничились тем, что усилили стоящие вдоль днепровского берега и у железнодорожного моста артиллерийские батареи и ежедневно вели беспорядочный артиллерийский обстрел позиций белых — «будили панычей», как они это называли. Деникинцы отвечали огнем на огонь.

Еще в начале ноября махновцам удалось захватить важнейшие базы снабжения деникинской армии в Синельникове, Лозовой, Бердянске и Мариуполе. Теперь недостатка в оружии и боеприпасах они не испытывали. «Оружия, особенно пулеметов, у махновцев громадное количество, — свидетельствовал очевидец, — на тачанках везли целые горы винтовок, которые при проезде через села раздавали крестьянам. Редкий повстанец не щеголял отбитой у офицера саблей или тесаком». В этот период на вооружении махновского войска появились английские винтовки и карабины системы «ли-метфорд» 1892 года и «ли-энфилд» 1902 года, французские винтовки системы «лебель» 1915 года. Среди трофеев особенно ценились американские винтовки «спрингфилд» 1903 года, так как их калибр соответствовал калибру винтовки Мосина.

В конце ноября — начале декабря военное счастье изменило Махно, ситуация складывалась неудачно для его армии. Корпус Слащева все сильнее теснил повстанческое войско в ближайших к губернскому центру волостях. Вести позиционную войну махновцы не умели, и удача посещала их лишь тогда, когда они прибегали к методам «малой войны» — к стремительным скоротечным наступлениям и таким же быстрым отходам. Понимая, что для его войска наступает трудное время, батька созвал в Екатеринославе в первых числах декабря совещание комсостава, на котором обрисовал ситуацию и просил обдумать непростые вопросы дальнейших действий. Однако работу совещания пришлось свернуть.

К началу декабря деникинскому командованию удалось сосредоточить против повстанцев части 3-го армейского корпуса общей численностью девять тысяч штыков, несколько артиллерийских батарей, полторы тысячи сабель, два бронепоезда — «Генерал Мамонтов» и «Иван Грозный».

Предыдущие боевые столкновения позволили изучить особенности тактики Махно. Батька вовсе не боялся окружения и даже как бы сам на него напрашивался, нападая при этом своими свободными от окружения и второстепенными отрядами конницы на тылы противника. Одновременно Махно намечал один из отрядов окружающего его врага и, навалившись на него всеми силами, прокладывая себе дорогу из сжимающего его кольца.

Этот способ боя тем более удавался, что его силы численно почти никогда не уступали стремящемуся окружить его противнику, так что в выбранном ме-

сте прорыва Махно всегда оказывался в подавляющем превосходстве. К тому же резервы противника при протяженных фронтах гражданской войны, да еще при плохой связи, как правило, опаздывали.

Если же противник действовал вяло и нерешительно, то Махно наносил сокрушающие быстрые удары, нацеливая основной кулак своих войск на какой-либо населенный пункт или коммуникационный узел, одновременно нападая на вражеские тылы своей неуловимой партизанской конницей и добиваясь полного уничтожения деморализованного неприятеля.

На рассвете 8 декабря белые предприняли общий штурм Екатеринослава 1-м Кавказским полком — с востока, через Днепровский мост, и тремя сводными бригадами 3-го армейского корпуса — вдоль правого берега Днепра. Первыми ворвались в город 80-й Кабардинский пехотный полк, части 13-й пехотной дивизии и Чеченской конной дивизии.

Ближе к полудню, не сумев удержаться под натиском белых, Махно оставил Екатеринослав. Потери были значительны: два бронепоезда, три автоброневика, четыре орудия. Три тысячи человек попали в плен.

Однако под Екатеринославом батяка потерпел хотя и тяжелое, но частное поражение, ибо основные силы его армии в бою участия не принимали. А вот моральный и материальный урон ощущался весьма тяжело — были потеряны железная дорога и город, а с ними — престиж, удобство и быстрота движения, склады и т. д. Но большая часть войск осталась цела и могла быть собрана для дальнейших

действий и возвращения Екатеринослава. На это Махно и решил направить свою энергию.

Через пять дней, которых хватило, чтобы обдумать причины своих последних неудач, батька вновь обратился ко всем командирам и рядовым повстанцам-революционерам, призывая крепить боевую мощь армии. Вот текст его воззвания:

Будучи вашим верным другом, неизменно несущим совместно с вами долгие годы знамя революции, я спрашиваю вас: замечаете ли вы, что творится в нашей армии, столь долгое время борющейся за лучшие идеалы революции. Видите ли вы, что армия разлагается, что чем дальше будет царить халатность командиров к своему делу, повстанцев к тому, на что они призваны, тем скорее армия себя разложит, умрет. Революция погибнет. И обратное: чем серьезней отнесутся и повстанцы, и их командиры к надвигающейся опасности и для армии, и для революции, тем быстрее армия придет в себя, опомнится и поймет, что гибель ее зависит не от того, что она остановится и даст должный отпор движущемуся по следам ее противнику, а от того, что она не задумываясь рассеивается на группы, покидая друг друга, позорно отступает. Она остановится, призадумается, выполнит то, что от нее требует революция.

Во имя этого я еще раз обращаюсь к вам всем, дорогие товарищи-повстанцы, обращаюсь к каждому в отдельности и ко всей армии в целом: дело еще не проиграно, еще 80 процентов выигрыша на нашей стороне, и стоит только отдаться всем, от повстанцев до командиров, отдаться честно этому великому народному делу, противник будет тут же уничтожен, как и всегда он в таких решительных минутах уничтожался. Во имя этого я требую от каждого командира и повстанца одного: или мы с вами совместно будем бороться до конца с врагами народа, для чего требуется искренность и честь каждого повстанца к борьбе, или я навсегда уйду от вас: отвечайте и отвечайте не только словом, но и делом...

Вы оглянитесь вокруг, вы увидите сотни и тысячи больных и раненых повстанцев, вы услышите их стоны и проклятия тем, кто бросает их. А кто их бросает, не те ли, кто бросает фронт и, позорно скрываясь по деревьям, продает эту армию.

Нет. Это должно быть пресечено в корне, и пресечь должны сами повстанцы и их командиры. Нет и не должно быть места безответственности в рядах повстанцев. За всякое неправильное отступление, за всякую измену повстанцы должны беспощадно карать виновников. Все должны быть у своих мест, все против врага — иначе я не с вами.

Под обращением, распространенным в сотнях экземпляров, стояла подпись: «Ваш неизменный друг и товарищ батька Махно».

Но опасность угрожала с другой стороны...

В районе Дмухайловских хуторов части 45-й дивизии И. Э. Якира встретились с махновскими войсками — 1-м и 2-м Новомосковскими полками, которыми командовал лихой анархист по кличке Дьявол (он же Михеев, в недалеком прошлом — тульский рабочий).

В канун Нового, 1920 года состоялось общее собрание бойцов этих полков, на повестку дня которого был вынесен вопрос об их дальнейшей судьбе: присоединиться к красным регулярным частям и сформировать 3-й Красный полк 1-й бригады или же остаться партизанами? Повстанцы решили «встать в ряды Красной Армии». «Дьявол» не препятствовал воле своих подчиненных. Он лишь обратился с просьбой не преследовать тех, кто решил либо покинуть повстанческую армию и вернуться к своим семьям, либо, оставаясь преданным батьке, продолжить борьбу под черным знаменем.

Сам же бывший командир махновских соединений поспешил покинуть дивизию. Однако красный комбриг Н. В. Голубенко арестовал его и под охраной отправил в штаб 45-й дивизии. Якир приказал расстрелять Дьявола, мотивируя свое решение тем, что рано или поздно «махровый бандит», как выразился начдив, снова примкнет к Махно. Эти действия начальника и военкома 45-й дивизии вызвали резко отрицательную реакцию бывших махновцев, и многие из тех, кто еще вечером просил зачислить себя в ряды красноармейцев, утром поспешили их покинуть.

4 января в 45-ю дивизию поступил совершенно секретный приказ по 14-й армии за № 01, который гласил:

Во время движения принять все меры к поголовному разоружению населения и уничтожению банд Махно...

Всем начдивам вести беспощадную борьбу с партизанщиной.

Подобная суровость объяснялась «двуличностью Махно», якобы готовым заключить союз с кем угодно — хоть с Петлюрой, хоть с Деникиным. Газета 14-й армии «Красная звезда» писала: «Партизанщина, которая противостоит Красной Армии, как бы она ни называлась — Шубовщиной, Махновщиной или иначе, будет беспощадно раздавлена и уничтожена. Слишком дорогой ценой мы платим за наши победы, чтобы позволить себе снова бесконечную канитель с батьками и атаманами, которые погубили Советскую власть в прошлом году, губят ее и в этом».

А в махновских войсках распространился слух, что Махно, громя белогвардейские тылы и уничтожая их живую силу, спас революцию от Деникина: «Золотопогонники чуть не вошли в Москву, и если

бы не повстанцы, то над революционной Россией уже давно развеялся бы трехцветный самодержавный флаг».

Даже в Добровольческой армии ходили слухи, что, если Махно соединится с красными частями, тогда войне наступит конец.

5 января 1920 года после двухчасового боя с белыми в Александровск вошла 133-я кавбригада Красной Армии. Командовал красной конницей Ф. Я. Левинзон. Тем же днем со стороны правого берега Днепра по льду в город вошли части Махно. Самая большая городская гостиница тут же была занята под махновский штаб и вокруг выставлена усиленная охрана. На стенах домов появились объявления о назначении начальником гарнизона города Ф. Щуся. В Александровске возникло двоевластие и сложилась довольно напряженная обстановка. Махно в ответ на все протесты красного командования заявлял, что Александровск входит в сферу его влияния и он не признает никакой власти, кроме народной. В пригороде батяка разместил пехотные части, а кавалерию и обоз ввел в город и расположил так, чтобы иметь возможность в любой момент организовать оборону.

В первый же день, как только махновцы прибыли в Александровск, они взяли под свой контроль спиртоводочный завод. Его администрация выдавала спирт (в том числе и красным частям, госпиталям и больницам) по запискам махновского штаба. В то же время в каждом квартале видели махновца-агитатора с четвертью водки.

— Выпьем, братишка, за наше освобождение, — так по-простецки обращались к красноармейцам повстанцы.

Водку Махно считал лучшим аргументом в своей агитации.

Командование 45-й дивизии решило пойти на переговоры с Махно, дабы узнать его дальнейшие планы. Приняв красных командиров Левинзона, Кривокурова, Нягу, Генина, Липанова и других, Махно прямо заявил, что все вопросы представители командования дивизии могут обсудить с его помощниками Каретниковым и Белашом, после чего решение примет Реввоенсовет, а сам батька исполнит его волю.

Три часа безуспешно велись переговоры. «На политические темы, — заявил Левинзону Каретников, — мы с вами говорить не будем. Об этом сговориться наш Реввоенсовет с вашим Реввоенсоветом. Со стратегической стороны мы готовы занять определенный участок, ибо враг у нас один». Левинзон только развел руками, и вскоре красные командиры покинули махновский штаб.

Несколько часов спустя в расположение 45-й Советской дивизии доставили срочную депешу от начштаба 133-й бригады, в которой кратко сообщалось о результатах переговоров и предлагалось неожиданным ударом ликвидировать махновскую верхушку. Но Якир отклонил это предложение, приказав ждать команды сверху и произвести разведку численности махновских отрядов. Было выяснено, что они насчитывали примерно тысячу пятьсот кавалеристов и около шести тысяч пехоты. Об этом срочно сообщили командарму — Уборевичу.

Политработники 133-й бригады вели переговоры с некоторыми членами махновского Реввоенсовета, сомневающимися в том, что партизанскими методами можно окончательно завоевать победу революции.

В результате удалось добиться раскола среди махновских штабистов.

Буквально через два дня среди рядовых повстанцев неожиданно появилось отпечатанное на гектографе воззвание, в котором говорилось:

Пришел конец одиночной борьбы с реакцией, пришел конец партизанщине. Перед нами стальная стена Красной Армии, на долю которой выпадает еще ликвидация остатков рассеявшейся по всем направлениям Добровольческой армии. Велика эта задача Красной Армии, товарищи повстанцы! Ей надо освободить еще весь юг, окончательно уничтожить на Украине контрреволюцию. Вашей задачей сейчас является влиться в Красную Армию. Прийти на помощь товарищам красноармейцам в нашей общей борьбе с капиталом. Усилить фронт — помочь трудящимся победить контрреволюцию. В ряды Красной Армии, на последний и решительный бой!..

Махновцы в задумчивости чесали затылки:

— Куда ни кинь, всюду клин! Подписать «мировую» с Советской властью? А где гарантия, что не поступят так же, как с Дьяволом? Было среди повстанцев и немало таких, за кем тянулся уголовный «хвост», да и было прекрасно всем известно, что и тех, кто думал иначе, чем они, большевики недолюбливали. И оставаться в повстанческих отрядах большого резона не было — не сегодня-завтра произойдет столкновение с красноармейцами.

А повстанческая пресса, сама того не подозревая, лила воду на советскую мельницу, даже в самые последние дни все еще питала иллюзии о возможном союзе с большевиками и красноармейскими частями. «Екатеринославский набат» поместил статью П. Аршинова «Повстанчество и Красная Армия», в

которой твердилось об идентичности состава повстанческой и Красной армий, и потому «они протянут друг другу руки, так как трудовых крестьян и рабочих в них большинство».

Рассуждениям анархистов-интеллигентов мало кто верил.

Однако даже батька, казалось, поддался общим упадническим настроениям.

Все ожидали развязки.

8 января нарочный Реввоенсовета 14-й армии доставил в повстанческий штаб пакет:

Согласно полученным указаниям центра, Реввоенсовет 14-й армии приказывает начальнику всех вооруженных отрядов Махно немедленно по получении сего приказа выступить со всеми вооруженными силами на польский фронт.

Штаб 14-й армии указал даже маршрут следования: Александровск — Черкассы — Борисполь — Чернигов — Гомель. В конечном пункте повстанческим частям предписывалось «сосредоточиться и поступить в распоряжение РВС 12-й армии». (Эта армия в тот момент противостояла польским войскам, готовившимся к нападению на Советскую Россию.)

Особенно возмутила батьку последняя строка: «О получении приказа и отданных распоряжениях донести к двенадцати часам 9 января».

— Ишь, холуя нашли, — в сердцах ворчал Махно, складывая листок пополам.

Узнав об этом приказе, Якир попытался предостеречь командарма, говоря, что Махно никогда не согласится выполнить подобное распоряжение, и

высказал опасение, что совладать с повстанцами, все еще имевшими значительные силы, достаточно трудно. Уборевич ответил комдиву коротко:

— Приказ этот является известным политическим маневром, и не более того. Приказ вы заранее используйте для агитации, что махновцы должны не только свои хаты защищать, но и, как вся рабоче-крестьянская армия, бороться на других, не менее важных фронтах. Если они этого не пожелают сделать, значит, они враги и изменники.

Все было рассчитано точно: если махновцы откажутся выполнить распоряжение красного командования, то в глазах всей Красной Армии и широких масс населения их авторитет упадет. Ведь цель белополяков — уничтожение Советской власти и подавление русской революции, и не кем иным, как контрреволюционерами, махновцев считать будет нельзя.

Приказ противоречил самому духу махновщины, которая провозглашала защиту крестьянства в южном степном регионе Украины. А практической угрозы Украине со стороны Польши в то время еще не ощущалось, — военные действия велись в Белоруссии, и батька совершенно спокойно мог отклонить все выдвинутые требования. Добавим, что он в это время не был связан какими-либо обязательствами, а его части не являлись структурными единицами Красной Армии.

В итоге жарких споров в штабе и Реввоенсовете повстанческой армии (особенно горячился Нестор Иванович) было выдвинуто контрпредложение — о подписании военного договора между Махно и советским командованием и предоставлении независимости Екатеринославской и Таврической губерниям.

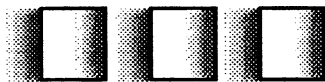
В красноармейские части махновцы послали своих агитаторов. Батка, показывая пример, выехал в батальон китайцев, где несколько часов подряд объяснял бойцам суть идей «анархо-коммунизма кропоткинско-бакунинского толка». И, чудо, батальон в полном составе выразил согласие перейти к повстанцам. Но распропагандировать всю 45-ю красную дивизию не удалось.

9 января Всеукраинский революционный комитет принял постановление об объявлении Махно и его ближайшего окружения вне закона, «как дезертиров и предателей». Этим же постановлением указывалось, что «все поддерживающие и укрывающие этих изменников украинского народа лица будут беспощадно истреблены». Гражданское население же призвали «всячески поддерживать Красную Армию в деле уничтожения предателей махновцев».

Перед 133-й бригадой была поставлена задача: арестовать Махно и его штабистов и разоружить повстанческие отряды. Бригада усиливалась за счет частей 41-й дивизии. Среди местного населения политработниками пущен слух, что бригада Левинсона переводится на правый берег Днепра и ее заменяют новыми частями, а потому, мол, махновцам не следует беспокоиться. Однако «стреляного воробья» — Махно на такой «мякине» не проведешь, — за годы гражданской войны он многое повидал и всегда был готов к разным неожиданностям. По его приказу ночью накануне объявленной передислокации 133-й бригады штаб и кавалерия незаметно покинули Александровск, а в пехотных полках (расположенных в близлежащих селах) рано утром объявили тревогу. Обоз вывести не успели, ездовым и немногочисленной ох-

ране пришлось принять неравный бой и с большими потерями прорываться из города к своим. Потери были ощутимы: красным досталось более двухсот подвод, трофейная английская артиллерийская батарея, три десятка пулеметов, стрелковое оружие, боеприпасы, три сундука с серебряными вещами и много другого добра. В плен попали десятки раненых. Их расстреливали, даже не спрашивая имени-отчества. Так «безымянными» погибли Григорий Махно и А. Лепетченко.

Отряды Махно отступали, остервенело отбиваясь от авангарда преследующей его 41-й дивизии. Ко всем бедам добавился тиф, который косил повстанческие ряды не хуже пулеметных очередей. 19 января заболел тифом и сам Махно. По заметно поредевшему махновскому войску пронесся слух, что он при смерти. Авторитет Нестора Ивановича и вера в него бойцов были настолько велики, что эта весть повергла в панику его некогда грозную армию. Спасая свои жизни, повстанцы разбежались кто куда, посчитав, что с их армией покончено.

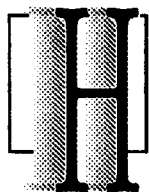

Глава 6

ПО КОНЯМ, ХЛОПЦЫ!

Настроение почти неизбежное у порядочных людей, руководящих гражданской войной: сознание своего бессилия, фаталистическое отношение к злу, безотчетное от всего отвращение и тяжкая душевная усталость.

М. Алданов

о батька Махно не умер, в сопровождении десятка верных кавалеристов он добрался до хутора Белый, что в пяти верстах от Гуляйполя, и там свалился в бреду, поручив свою судьбу воле Провидения. Скорее всего, именно счастливый случай спас Нестора Ивановича от верной смерти — из десятерых его сопровождающих пятерых отнесли на погост. Через месяц, немного поправившись, батька уже слал гонцов во все волости Александровского уезда. Он требовал, угрожал, льстил, но настойчиво гнул

свою линию: повстанчество не погибло, оно пережило очередной кризис и теперь возрождается вновь. Вскоре в хутор стали стекаться отряды махновцев. Батка не мог простить красным своего разгрома, гибели родного брата и, еще не до конца собрав повстанческие силы, отдал приказ не избегать боя с красноармейскими частями и гарнизонами.

Весь февраль и март не совсем еще окрепший Махно провел в разъездах от одного села к другому своего бывшего «свободного района», постоянно вступая в стычки с небольшими отрядами красноармейцев, продотрядников, чекистов и местной милиции, которые не давали спокойно жить повстанцам.

Об этих днях остались воспоминания одного из махновцев, в описываемое время исполнявшего должность начальника контрразведки Льва Голика, который умудрялся в перерывах между боями, отступлениями, преследованиями и попойками вести дневник. Записи позволяют восстановить события февраля — мая 1920 года (они происходили в основном на территории Екатеринославской губернии) буквально по дням. (Записи приводятся в изложении, но стиль и многие речевые обороты дневника сохранены.)

2 февраля махновцы атаковали расположившийся в селе Успеновка заградительный отряд. Не ожидавшие нападения чекисты в панике разбежались, бросив пять пулеметов, до десятка тачанок, лошадей, упряжь и много другого добра. Даже мороз не заставил заградотрядовцев выйти из ближайшего перелеска. На следующее утро местные

крестьяне привезли в село собранные ими трупы замерзших.

4 февраля повстанцы штурмом взяли Гуляйполе, стрелковая бригада и артиллерийская батарея 42-й советской дивизии перешли на сторону батьки. 5-го числа хоронили жертвы январских боев. Всего насчитали более трехсот погибших. На импровизированном митинге говорили все: от Нестора до последнего возчика. Махновцы требовали одного — мести.

6 февраля во главе уже большого отряда Махно вступил в Светодухов, где, выступая перед местными жителями, призвал начать с Советской властью такую же решительную борьбу, как когда-то против Скоропадского и германской армии. *7 февраля* вернулись в родное Гуляйполе.

8 февраля 522-й полк Красной Армии, подошедший со станции Пологи, выбил махновцев из Гуляйполя, в котором они расположились на кратковременный отдых. Повстанцы, несмотря на все усилия батьки организовать оборону, не выдержали даже первой атаки и поспешно отступили. Махно пытался остановить бегущих, но безуспешно. Пришлось ему последовать за своими хлопцами.

9 и 10 февраля махновцы простояли в деревне Варваровке, куда стекались одиночки и мелкие группы разгромленных накануне повстанческих отрядов. Крестьяне сами выставили охрану и проводили разведку, но красные не подошли.

С 11 по 13 февраля отряд продвигался вдоль железнодорожной ветки в сторону Гуляйполя. Недалеко от станции Гайчур повстанцы пустили под откос состав порожняка. В селе Воздвиженском зарубили

двух большевистских агитаторов, организовавших ревком. В местечке Рождественском разгромили здание сельсовета и захватили врасплох десять красноармейцев-продотрядников. «Раздели, но не тронули», — подчеркнул Л. Голик.

14-го числа в ряды повстанцев влилось тридцать человек.

15 февраля. Прибыло десять повстанцев из Орехова. Отряд вновь растет.

С 16 по 17 февраля махновцы стояли в деревне Крейцевой, ожидали из Полог конную разведку.

18 февраля Голик записал: «Под вечер прибыла агентура и доложила, что в Пологах находится снабжение 42-й дивизии. Мы решили сделать налет».

19 февраля, вечером. На рассвете в Пологах отбили на платформах 12 орудий, ударили с пулеметов на полк, стоящий по крестьянским хатам. Отняли десять пулеметов. Все складывалось хорошо, но на станции встретились старые знакомые. «Махно напился, а тем временем подошел бронепоезд и ударил картечью. Мы бежали, захватив все пулеметы и замки с орудий. Вечером прибыли в Гусарку, где к нам пристало двадцать хлопцев. Ночью въехали в Конские Раздоры и обезоружили сорок красноармейцев: несколько присоединились, остальных распустили.

20 февраля. Получив сведения о том, что в Воскресенске красные на днях расстреляли двенадцать махновцев и сожгли две хаты, батька приказал двинуться в сторону села. На полдороге неожиданно встретили старого приятеля Махно Дерменжи, которому удалось удрать из чекистских застенков и со-

брать вокруг себя пятнадцать верных хлопцев. Не задумываясь ни на минуту, Дерменжи (бывший матрос легендарного броненосца «Потемкин») присоединился к повстанческому отряду. Отряд подрастает, имеет семьдесят кавалеристов при десяти пулеметных тачанках.

Вновь прибывшие сообщили, что в Цареконстантиновке много арестованных, они ждут не дождутся, когда их вызволят из неволи. Но батька непреклонен: он настаивает на необходимости отбить Гуляйполе, чтобы поднять дух своего войска. Он дважды посылал туда разведку и, установив, что в Гуляйполе находится примерно триста — пятьсот красноармейцев, решил в ночь на 21 февраля совершить налет на местный гарнизон.

Под покровом ночи повстанцы заняли окраину села, бесшумно сняли караулы, а затем двинулись к центру. Окружив дома, где располагались красноармейцы, махновцы по приказу батьки подняли невероятный шум и открыли ружейный огонь по окнам и дверям. Почти весь гарнизон — пятьсот красноармейцев — попал в плен, только единицам удалось уйти из-под обстрела. Повстанцам достались два пулемета и на станции вагон снарядов. Внезапность помогла махновцам одержать, практически без потерь, важную победу.

Победа принесла свои духовные плоды: у каждого повстанца появилось сознание того, что даже небольшая группа людей, малая численно, но сильная духом, вдохновленная великой идеей, может делать большие дела. Батька приказал раздать каждому ря-

довому повстанцу по пятьсот рублей, а командному составу — по тысяче рублей.

После взятия родного села Махно с женой в сопровождении небольшой охраны торжественно въехал на центральную площадь. Они побывали у знакомых и собирались уже отметить победу, как вдруг в избу вбежал запыхавшийся вестовой, который сообщил, что со стороны Полог движется колонна красной конницы. Махно выскочил из-за стола и, приказав не ввязываться в бой, на своей тачанке во главе отряда двинулся в степь. Однако противник, решив не упускать махновцев, двинулся следом. Батьке не оставалось ничего другого, как приказать арьергарду, которым командовал его брат Савелий, задержать красных и прикрыть отход основных сил.

Махно несколько дней не знал, чем закончилась стычка между повстанцами и красными конниками. Когда до Махно дошло известие, что арьергард сильно потрепан, его брат погиб, а в Гуляйполе расстреливают пленных повстанцев, он решил во что бы то ни стало вернуться.

Вновь обратимся к страницам дневника Голика:

22 февраля. Через Успенки поехали в Дибривки, где встретили Петра Петренко (Платонова), брата погибшего под белогвардейскими пулеметами Ивана Петренко. Бледный, больной, слабый, заросший рыжей бородой, он плакал, обнимая нас, и сам зарубил двух пленных продармейцев.

23 февраля. Вечером повстанцы остановились в Гавриловке, где захватили одного красного инжене-

ра и двух красноармейцев. Их тут же зарубили. Махно, Буданов и Попов (члены штаба) митинговали, собрав на площади возле местного храма почти всех жителей и саморучно расклеивали листовки с призывом вступать в ряды партизан.

Весь день 24-го прошел в пути от одного хутора к другому. У крестьян отбирали фураж, хлеб, сало. Меняли лошадей — больных и уставших на здоровых.

25 февраля. Утром с шумом и гиканьем ворвались в Большой Янисоль, где зарубили одного продкомиссара и трех красноармейцев. Ударили в набат и провели митинг. Поехали в Майорское, а потом в Святодуховку. Захватили одного большевика — организатора ревкома. Петренко, не забывший ударов красноармейской нагайки, его зарубил.

26 февраля. В Святодуховке провели митинг, после которого Махно напился и, сдуру, разбрасывал крестьянам деньги, а в штабе дрался с Каретниковым. Хотел расстрелять Попова за то, что тот ухаживал за Галиной (Кузьменко. — В. Т.). Батьку связали и уложили в тачанку. В десять часов утра 27-го выехали в Туркеновку. По пути встретились с красными разъездами и, обстреляв их из пулеметов, ушли в Шагарово. Махно протрезвел и настаивал ехать в Гуляйполе.

27 февраля. Махновцы остановились в местечке Бешауп. Местные крестьяне рассказали, что в Гуляйполе большевики производят массовые аресты. Махно, неожиданно для всех, торжествовал:

— А, стервы, не хотели воевать, так и мы на выручку не пойдем. Пусть сволочей расстреливают.

28—29 февраля. Повстанцы стояли в Воздвиженс-

кой и непрерывно митинговали. Здесь на днях 6-й красный полк расстрелял восемь махновцев, взял заложников и вышел на Гуляйполе. 20 человек сразу записались в отряд.

1 марта в 9 часов утра махновцы вошли в деревню Варваровку. По пути на станцию остановили поезд, в котором обезоружили красноармейскую роту. Командиров расстреляли, а тридцать добровольцев приняли в отряд. Под вечер лихой кавалерийской атакой и благодаря умело скоординированным действиям пехоты вновь овладели Гуляйполем, выбили полк из села, однако спасти уже никого не удалось. В отместку батька приказал расстрелять пленных красноармейцев — 75 бойцов и командира полка Федюхина, тяжело раненного в бою, — а всем повстанцам выдать денежное вознаграждение: рядовым бойцам по тысяче рублей, а командирам — по полторы тысячи, раздав, таким образом, более двух миллионов рублей. Большие суммы выделил Махно и на закупку лошадей, упряжи, овса, хлеба. С крестьянами он предпочитал по возможности жить мирно. Вечером отряд двинулся в Новоселовку.

2 марта. Целый день махновцы отдыхали: чистили оружие, кормили коней, ремонтировали тачанки, считали и делили между собой остатки патронов. Состоялось общее собрание командиров. Постановили: столкновений с противником не избегать, всеми средствами стремиться вернуть в отряд бывших повстанцев, осевших по своим деревням и хуторам.

3 марта. Утром отряд выступил в направлении Федоровки. Там махновцы зарубили присланного

из Екатеринослава председателя ревкома и двинулись в Конские Раздоры. На разъезде Магедово взорвали полотно железной дороги и перерубили провода, разбили телеграфный аппарат и пустили на Пологи паровоз. Железные дороги иногда разрушались без всякой на то необходимости, так как сам процесс разрушения представлял интересную забаву для махновцев. Запрягаются волы либо человек пятьдесят повстанцев, взявшись за руки, тянут на себя приподнятые на аршин вверх рельсы. Рельсы начинали стягиваться чуть ли не на пять верст, вырывая шпалы и опрокидывая все встречавшееся на пути.

4 марта. С утра в занятых махновцами Конских Раздорах поднялась паника. Красные наступали со стороны Полог, поддерживаемые артиллерийским огнем бронепоезда. Пьяный С. Каретников на площади стрелял из пулемета по своим и этим создавал панику. Повстанцам показалось, что красные обошли их с тыла. Они стремительно откатывались из села. Неожиданно среди бегущих показался Махно. Он, отстегав нагайкой «лихого» пулеметчика, остановил бойцов, а затем увлек их в контратаку. Подоспевшая махновская артиллерия (два орудия) открыли ураганный огонь по бронепоезду, «который, сдрейфив, удрал, а повстанцы пересекли железную дорогу и вечером вернулись в Гагаровку».

5 марта. Весь день батька пил и дурил, бесстыдно ругаясь на всю улицу. Орал как сумасшедший. Наконец, сел на коня верхом и поскакал на Гуляйполе. «Благодаря морозу и гололедице упал в грязь». *6-го числа* весь день отсыпался и, охая, залечивал многочисленные ссадины и ушибы.

7 марта. Стояли в Гуляйполе. Еще не до конца протрезвевший батька ходил с бойцами по знакомым и под гармошку танцевал. Крестьяне хохотали, а Махно злился и из револьвера стрелял по бывшим повстанцам, разбежавшимся по домам и нежелающим идти воевать. Со своими штабистами батька на лошадях объезжал своих бывших сподвижников, уговаривал, грозил, «ругался по-матерному». Встречая их на улице, наезжал конем, избивал плеткой. Двум он разбил головы, а одного загнал в реку на лед. Тот провалился, а потом выкарабкался и, обмерзший, бежал до Бочанов (восточной окраины Гуляйполя). На улице махновцы поймали бывшего повстанца Корастылева, жестоко избили, а вечером расстреляли за то, что выдал красным три станковых пулемета. Махно приказал собрать митинг, но крестьяне не явились, а бывшие повстанцы, напуганные расправой и не желающие воевать с красными, попрятались кто куда.

8 марта. Махно придумал новую забаву — регистрацию всех, кто раньше служил в его войске, пригрозив отступникам в случае отказа вернуться на службу суровыми карами. Однако из этой затеи ничего не вышло, еще ночью из Гуляйполя бежали все, кто опасался за свою жизнь и не хотел встречаться с батькой.

9 марта отряд вошел в Шагарово и спокойно простоял там два дня.

11-го вечером отмечали день памяти Т. Г. Шевченко.

12 марта. Прибыли в Успеновку. У крестьян оказалось много самогона — все ходили навеселе. Пили много, скандалили мало. Выпивший, батька очень

говорлив, — твердил, что он «очарован чистотою повстанческого движения». Вечером приехал Тарановский (в то время начальник штаба) с двадцатью вооруженными пологовцами. Они рассказали, что в Пологах красные арестовали всех бывших махновцев, берут заложников, расстреливают. Вечером на подходе к Успеновке показалась кавалерия. Махновский разъезд, выехав навстречу, обстрелял неизвестных. Со стороны всадников не раздалось ни одного выстрела. Их окружили и предложили сложить оружие. Оказалось, что эти 23 человека — красные, присланные из Таганрога мобилизовывать лошадей. Их обезоружили и отпустили.

13 марта. Стояли в Успеновке. Ночью пьяный махновец бросил в окно дома своей возлюбленной ручную гранату, которая взорвалась, но, к счастью, никого не покалечила. На допросе доморощенный «террорист» объяснял:

— А почему она пошла спать с другим?

Повстанца, несмотря на попытки Махно заступиться за бойца, расстреляли.

14 марта. Повстанцы вошли в Большую Михайловку, где расстреляли коммуниста и бывшего махновца, которые, организовав банду, промышляли грабежами. Под вечер выехали в Гавриловку, в которой простояли до утра следующего дня.

15 марта. Отряд направился в сторону местечка Комарь. По дороге сожгли немецкую колонию Мариенталь за то, что колонисты убили махновского разведчика. Расстреляли тридцать мужчин и забрали их лошадей. В Комаре греки выдали колониста, бежавшего из Мариенталья. Он молил о пощаде, но Махно собственноручно его расстрелял. Накануне в

местечке квартировал 22-й советский карательный полк, творивший суд и расправу. В Комаре он расстрелял семь бывших махновцев, в Богатыре — десять и сжег две хаты, в Константине — двенадцать человек и спалил хату.

16 марта. Налет на станцию Андриановку, где пленили 3-ю роту 22-го полка. Бой продолжался не более получаса: все решила лихая кавалерийская атака, каратели даже не успели развернуться в цепь. За день до этого красные здесь расстреляли пятнадцать бывших махновцев и сожгли пять дворов. Крестьяне напуганы. Когда повстанцы освободили станцию, они воспрянули духом и учинили расправу над пленными — ста двадцатью рядовыми и командирами.

Крестьяне били их кольями, кололи вилами, расстреливали по одному и группами. Махновцы не отставали: пленных, догола раздетых и со связанными назад руками, расстреливали из пулеметов Каретников, Калашников и Попов. Сам батька участия в расправе не принимал: неудачно соскочив с коня, подвернул ногу и теперь, накачиваясь самогоном, старался унять боль.

Вечером повстанцы перебрались в Богатырь. Проезжая через мост, Махно чуть не свалился в реку: испугавшись, лошадь прыгнула в воду, увлекая за собой всю тройку. Галина выскочила, потащив за собой не протрезвевшего батьку. Кучер выплыл, лошадь погибла, тачанка потонула.

17 марта. В селе Богатырь повстанцы митинговали и, оставив для организации повстанческих отрядов Огаркова, двинулись в Большой Янисоль.

18 марта к батьке явились рядовые повстанцы

и местные жители, которых возмущало поведение ряда командиров, особенно Лашкевича. Махно тут же создал комиссию и потребовал от Лашкевича подробного отчета. Выяснилось, что у махновского командира из четырех с половиной миллионов рублей, выделенных штабом на хозяйственные нужды, осталось лишь сто пять тысяч, остальные ушли на вечеринки, застолья, богатые подарки маркитанткам и т. п. Повстанцы говорят, что деньги, которые «добыты жизнью, здоровьем и кровью многих из них, так легко, так бессовестно расходуются их командирами и что теперь с такими вожаками они не пойдут воевать, а пойдут сначала перебить всех тех, кто за спиной честных партизан нажился и теперь роскошествует, а потом уже двинутся на фронт».

19-го числа казнокрада арестовали. Когда его допрашивали, он откровенно признался:

— Я виноват, судите.

Совещание штаба вынесло смертный приговор. В центре села собрались люди. Лашкевичу связали руки и вывели на площадь расстреливать. Адьютант Махно Василевский, объявив приговор, прицелился и взвел курок. Осечка. Второй раз — и тоже осечка. Лашкевич бросился бежать. Стоявшие тут же повстанцы дали по нему залп, еще один. Он бежит. Догнал его все тот же Гаврик Василевский. Двумя выстрелами сбил его с ног, третьим — добил. Перед смертью Лашкевич произнес: «Зато пожил...»

В селе Времеевке расстреляли махновца, который, обогатившись в ходе последних боев в Екатеринославе, сидел дома и не желал возвращаться в отряд.

Селяне остались довольными. Кто-то из них сказал:

— Видно, что тут есть закон. Вот чужого все-таки не трогай...

23 марта. С боем взяли Всесвятское. Бой прошел быстро, как бредовое явление.

24 марта. Совершили налет на село Павловское, где разгромили 2-ю роту 22-го карательного полка. Расстреляли всех плененных командиров и четверых махновцев, отказавшихся вернуться в отряд. Рядовых, несмотря на просьбы местного населения выдать красноармейцев им, распустили по домам, пригрозив во второй раз не попадаться. Ночью все же кое-кого местные поймали и перекололи вилами. Рассерженный батька пригрозил сжечь село.

29 марта — 1 апреля. С боем прошли Владимировку, Константиновскую. Новые стычки и новые расстрелы. Махновцы убили начальника милиции, державшего под арестом местных крестьян, не желавших сдавать по продразверстке хлеб.

2 апреля. Без боя заняли Марьевку. Расстреляли председателя ревкома и трех продармейцев, а также одного бывшего повстанца, ставшего милиционером. Простояли в деревне до 8 апреля и митинговали. В отряд никто не вступил, Махно кричал и слал на головы селян проклятья.

12 апреля. Стояли в Константине. Фома Кожин остался формировать отряд в Марьевке, а Москалевский (Золотой Зуб, как его прозвали белогвардейцы) кружил с разъездами вокруг села Еленовки.

14 апреля. Столкнулись с продотрядом, везшим на пяти подводах отобранное по разверстке зерно. Про-

дармейцев порубали, зерно поделили с бывшими хозяевами. Лошадей и оружие забрали себе.

Всю последующую неделю не выходили из боев с отрядами красных кавалеристов, то преследовали, то сами отступали. Батька от бессонных ночей и тревожных дум осунулся и почернел, стал неразговорчив и подозрителен. Отхлестал нагайкой Попова, когда тот пытался ему что-то втолковать.

День 22 апреля оказался довольно изнурительным, с утра в рассыпном строю прошли с боем пятнадцать верст. Вечером отряд занял по фронту почти две версты, и все бойцы, как по команде, легли пластом, лишь только коснувшись земли. Махно бродил по этому сонному царству, желая найти хотя бы одну бодрствующую душу. Все, что было тут живого, беззаботно растянулось и храпело на весь свет.

Утром 23-го уже шагали вперед, свежий утренний ветер шипучим вином плескался в легких. В мускулах — железо, в желудках — клецки с салом (закусили на ближайшем хуторе), патронташи набиты патронами. Двигались сосредоточенно. Отряд сжался, подобрал крылья, сгустил строй: короткий фронт, большая глубина. Отряд полз, как тигр на добычу, осторожно, озираясь кругом, ощетинаясь железом во все стороны, готовясь принять врага отовсюду. И тотчас же с обеих сторон, из-за боковых скатов плато выскочили черные линии конницы. Махновцы встретили противника пулеметным огнем. Кавалерии как не бывало, она «скатилась разорванной лентой назад под откосы...»

Бой у села Большая Янисоль. Махновцы «изрубили» взвод ненавистного 22-го полка и двух жителей,

передававших красным сведения. Трупы хоронить запретили, однако захваченных коней раздали местным хуторянам. В отряд вступили человек десять добровольцев. Батька им рад, хотя и не уверен, что они окажутся добрыми служаками: за годы войны эти добровольцы послужили уже и у красных, и у петлюровцев, и у белых.

25 апреля с боем взяли Мартиновку, где в полном составе сложил оружие 377-й стрелковый полк. Командиров и комиссаров расстреляли. Часть пленных перешла в махновский отряд. Нестор Иванович, выступая на митинге, пытался втолковать им смысл анархизма и преимущества «вольных советских районов», но слушатели в недоумении лишь «чесали затылки».

Прервем сухую событийную канву дневников батькиного сподвижника. За его страницами остался ряд важных событий, не остановить взгляд на которых нельзя.

Весной 1920 года пошатнулась вера в Махно среди «набатовцев». На своей конференции, которая состоялась в феврале в Харькове, они заявили, что наряду «с признанием махновщины достаточно здоровым движением, способным по субъективным и объективным причинам выполнить задачи третьей социально-безвластной революции, сам Махно, по причине оторванности его от анархистов и анархистских организаций и в связи с сильным моральным падением, признан негодным руководить этим движением».

В то же время, прекрасно понимая, что они не

смогут без батьки повести за собой крестьянство, и не имея другого достойного кандидата в вожди повстанцев, «набатовцы» в конечном счете решили:

Ближайшей тактической задачей должно стать завоевание при помощи повстанчества небольшой территории, в пределах которой должны начаться эксперименты строительства бесклассового общества, что, собственно, является лучшим результатом еще не потерпевшей поражение третьей революции. В силу всех вышеуказанных задач сама по себе вытекает необходимость трансформации повстанчества в нечто целое, в полное соответствие с теоретической и фактической моделью махновщины, то есть постараться как можно крепче связать махновщину с «набатовским» движением, чтобы ни тени различия, ни тени обособленности, несогласованности в общих задачах и целях не проявлялось. Стараться в самом Махно воспитать самого активного исполнителя воли конфедерации и таким образом изжить в нем те отрицательные черты, которые могут служить помехой в деле осуществления всех намеченных задач.

Махно не знал, что «набатовцы» задумали заменить его кем-нибудь другим, более стоворчивым и послушным. У него по горло своих насущных проблем. Но «набатовцев» он не сторонился, наоборот, зазывал их к себе в отряд, рассчитывая с помощью анархистов-теоретиков привлечь в свои ряды десятки и сотни новых волонтеров. И «набатовцы» не преминули воспользоваться приглашением, лелея надежду в кратчайшие сроки осуществить задуманное. Главным вдохновителем этого плана стал Барон, лелеявший скрытую мечту сместить батьку и самому возглавить вооруженное движение. Для этого он вместе с другими «набатовцами» — Алым, Тепером

(Гордеевым) — перебрался из Харькова в махновский штаб, рассчитывая осуществить «внутренний переворот».

Конец марта ознаменовался и серьезным кризисом белого движения: его «белые» знамена еще больше «окрасились» в красный цвет: за короткий срок число «невинно убиенных» в геометрической прогрессии превысило количество жертв чисто военных столкновений. Обычным делом были еврейские погромы, безжалостное уничтожение пленных, раненых и инакомыслящих. Все попытки белого командования навести порядок ни к чему не приводили. Добровольцы не только игнорировали распоряжения главнокомандующего о недопустимости расстрела пленных, мародерства и прочего, но и именовали его за глаза «бабой». Но если офицеры-добровольцы просто грабили, иногда выдавая эти акции за «добровольные пожертвования» освободительному движению, то грабежи со стороны казаков (которые фактически не подчинялись Деникину напрямую) перерастали во что-то непостижимое разумом и необъяснимое.

«Изнасилование принимает массовый характер, становится неотъемлемой основной частью погромной программы, отодвигающей как бы на второй план все остальные части, за исключением разве грабежа, — так вспоминали современники. — Насиловали и малолетних, и беременных, и старух, и больных; делалось это, как правило, демонстративно и сопровождалось садистскими истязаниями и убийствами. Количество изнасилованных исчислялось тысячами, порой их число доходило до половины всех местечковых женщин. Насильниками двигал

страх, подобный тому, что испытывают завоеватели в непонятной для них стране; то ощущение собственного бессилия, для определения которого требуются садистские формы самоутверждения».

Неудачи на фронте, полный развал тыла, казнокрадство, массовое дезертирство — все это побудило А. И. Деникина решиться на собственную отставку.

4 апреля 1920 года на свет появился приказ № 2899:

1) Генерал-лейтенант барон Врангель назначен Главнокомандующим Вооруженными Силами на юге России.

2) Всем, честно шедшим со мной в тяжелой борьбе, низкий поклон. Господи, дай победу армии спасти Россию.

Генерал-лейтенант Деникин

Английский крейсер унес его в безвозвратную эмиграцию, а гражданская война на залитых кровью российских просторах вступала в завершающую стадию, не менее беспощадную, чем все прежние.

25 апреля 1920 года против Советской Республики начала военные действия Польша. Польские армейские группировки наносили основной удар по Украине, вместе с ними действовали и заметно поредевшие петлюровские части.

Вскоре среди махновцев пронесся слух, что в связи с началом советско-польской кампании на Юго-Западный фронт перебрасывается 1-я Конная армия и путь ее пройдет по территории, контролируемой повстанцами. Это не сулило батьке ничего хорошего, поскольку бойцы-буденновцы — головорезы похлеще самых отъявленных махновцев.

Ожидания не обманули. Через Гуляйпольский район проходила 14-я кавалерийская дивизия, которой командовал старый «приятель» батьки — А. Я. Пархоменко.

28 апреля красные атаковали махновские заставы вблизи Гуляйполя. После допроса пленных Пархоменко удалось установить, что в селе разместилось около двух тысяч повстанцев при трех орудиях и пятидесяти пулеметах на тачанках. С утра следующего дня начдив двинул на Гуляйполе свои основные силы: один полк атаковал село с востока, два других начали стремительно обходить с юга, чтобы отрезать махновцам отход на юго-запад. Сначала на подступах, а затем и в самом Гуляйполе развернулось настоящее сражение. Батька, под огнем противника, метался на коне от одной позиции к другой, подбадривая своих бойцов, распределяя между обороняющимися скудные резервы и запасы патронов. Вокруг падали убитые и раненые, а Махно, казалось, был заговорен от пуль и снарядных осколков, он лишь зло смеялся, грозя нагайкой в сторону противника. Только когда на помощь Пархоменко подошли части 4-й кавалерийской дивизии и несколько артиллерийских батарей, Махно счел за лучшее отступить, дабы сохранить людей и не позволить полностью окружить и ликвидировать свои отряды. Красноармейцы пытались преследовать повстанцев, но, натолкнувшись в районе Новопавловки на засаду и потеряв несколько десятков человек, отошли в занятое Гуляйполе.

Лихие буденновцы, одержав победу (как они считали) над повстанцами, преждевременно решили, что махновщина фактически ликвидирована, а

мелкими отрядами займутся чекисты и местная милиция.

6 мая в екатеринославской газете «Известия» появилась статья под заголовком «Махно взят в плен». Специальный корреспондент из Александровска сообщал: «По сведениям, поступившим из 1-й Конной армии, в Гуляйполе наши части наткнулись на Махно. Произошел бой, в результате которого Махно бежал через Новоуспеновку в Большую Михайловку, где его встретила кавалерийская дивизия. Махно удалось от нее уйти, но затем он наткнулся на другую кавалерийскую дивизию, которая захватила в плен самого Махно и его отряд в пятьсот сабель, одно орудие и тачанки».

Далее было помещено официальное подтверждение о пленении Махно: «Разговором военных властей по прямому проводу с начальником тыла Александровского района официально подтверждается известие о пленении Махно». Публикация заканчивалась оптимистическим выводом о том, что с арестом батьки и его штаба будет положен конец его разрушительной деятельности в тылу Красной Армии и тогда «легче вздохнут уставшие от анархо-бандитизма рабочие и крестьяне Украины». Так, Махно был зачислен в разряд поверженных врагов Советской власти.

Это сообщение — не первая и не последняя дезинформация о пленении или гибели Нестора Махно. Еще не раз, пытаясь выдать желаемое за действительное, ссылаясь на «самые достоверные источники», фронтовые корреспонденты напишут о «бесславном конце демонического батьки» и о полном разгроме его войска.

Все они слишком торопились...

Батька заявил о себе уже в середине мая, когда на Украине было объявлено о создании комитетов «незаможных селян» (комнезамов) — украинского варианта российских комбедов — организаций, призванных внести раскол в деревне и привлечь на сторону Советской власти основную массу крестьянства. Комитетам предполагалось оказывать всяческое государственное содействие — в наделении хлебом, скотом, семенами, инвентарем, за счет реквизиций у более богатых односельчан, а также оружием для организации отрядов самообороны.

Гражданская война теперь разгорелась уже не просто между белыми и красными, но и между жителями одной волости или даже одного села. Махно, прекрасно понимая, к чему может привести такое разделение украинской деревни, на одном из митингов бросил фразу:

— Рекомендую немедленно упразднить комитеты незаможных селян, ибо это грязь.

Он оказался прав. Новой крови полилось в три потока. «Незаможники» грабили селян побогаче, те им мстили, а кровь всегда влекла за собой новые жертвы: в Рязской волости Константиноградского уезда Полтавской губернии местные комнезамы реквизировали у зажиточных семенное зерно, в ответ на это селяне ночью вырезали тридцать «незаможников», оставшиеся в живых на другую ночь перебили пятьдесят своих односельчан.

...В каком-то страшном бреду металась в то время деревня. Большевиствующие атаманы и атаманствующие большевики, поножовщина, трескотня пулеметов, самогон, кровь, огонь, тачанки, воо-

руженные люди на взмыленных конях, изуродованные трупы на дорогах, свежие могилы на погостах.

Ночи, полные тревоги и ожиданий. Каждую ночь чей-то повелительный стук в ставни...

— Эй, хозяин, спишь, открывай!

— Эй, хозяин, давай хлеб, давай самогон!

— Выгоняй подводы!

— Лошади, лошади где?

Революционная смута набирала еще большие обороты, и страшный Кровавый Молох требовал все новых жертв.

Несмотря на торжественные заявления советской пропаганды, столкновения повстанцев с красными частями не прекращались. Наоборот, пламя пожара разгоралось все сильнее.

1 мая махновцы заняли Святодуховку, пленив расположившуюся на отдых роту красноармейцев: командиров расстреляли, рядовых отпустили. Через день провели налет на станцию Гайчур, где оружие сложил почти батальон красных. Махновцам пришлось хоронить пятнадцать своих товарищей, расстрелянных чекистами накануне. Красный террор вынуждал бывших повстанцев возвращаться в махновские отряды. Совет революционных повстанцев (махновцев) обрстал новыми силами. Практически в каждом уезде крестьяне, недовольные продовольственной разверсткой, земельными законами, гонениями, смутными перспективами, отсеявшись, начинали организовывать отряды, которые вливались в махновскую армию.

3 мая произошел новый бой — на станции Цареконстантиновка. Махновцы налетели так неожидан-

но, что красные не успели даже подняться по тревоге. Три тысячи полуодетых красноармейцев побросали оружие. Штабные бежали на бронепоезде. Повстанцам досталось более двух тысяч винтовок, тридцать два пулемета, пять исправных трехдюймовых орудий, снаряды, патроны, лошади, брички, продовольствие.

Махно сражался против Советской власти не только оружием, но и силой печатного слова. Культурно-просветительный отдел повстанческой армии выпустил ряд прокламаций с такими обращениями: «К товарищам красноармейцам фронта и тыла!», «К работникам сохи и молота!», «Слушай, бедняк», «Слово махновцев трудовому казачеству Дона и Кубани!», «К молодым людям», в которых разъяснялись принципы анархизма и задачи махновского движения, настойчиво повторялся призыв не подчиняться «узурпировавшим власть большевикам». Многие воззвания писались лично Махно, а потом обсуждались на заседании его штаба. Правила повстанческие тексты «набатовцы», в этом деле они были непревзойденные мастера. Десятки помощников, в основном из числа молодежи, распространяли воззвания и листовки по городам и селам Украины и Юга России.

12 мая со стороны Полог красный стрелковый полк атаковал махновцев, расположившихся в селе Басань. Повстанцам удалось фланговыми ударами заставить красных отступить, бросив четыре орудия и пулемет. Махновская кавалерия настигла красных у станции Пологи, завязался новый бой. Два часа спустя Пологи оказались в руках повстанцев. Не останавливаясь, махновцы двинулись в сторону Гуляй-

поля, откуда выбили стрелковую бригаду 42-й дивизии. Почти восемьсот красноармейцев перешли на сторону повстанцев. Батяка не скрывал радости и потирал руки:

— Всех примем, нам все подойдут.

13 мая отряды батяки подошли к Новоуспеновке, где расположился штаб 6-й красной кавалерийской дивизии. В пяти-шести верстах, на ближайших хуторах, развернулись части 11-й кавдивизии. Начало боя сулило махновцам успех. Повстанческая пехота проникла в село, захватила пленных, обоз, штабной архив и пять бричек денег — армейскую кассу. Но дальше дело застопорилось, повстанцы, вместо того чтобы развить успех, бросились к обозу. Тем временем красные кавбригады охватили село со всех сторон и перешли в атаку. Махновцы поспешили отступить, бросив свой обоз, лазарет, орудия и пулеметы. Красные, преследуя противника, не отставали ни на шаг. Потери махновцев были огромны: больше двух с половиной тысяч убитых и раненых. От полного разгрома спасла ночь, красная кавалерия не рискнула продолжать преследование в темноте, опасаясь наткнуться на засаду.

Потери не обескуражили Махно. Он рассчитывал в короткий срок пополнить свое войско. И не ошибся. Буквально через несколько дней численность его отрядов достигла почти тысячи штыков и пятисот сабель.

Весь май и июнь батяка колесил по югу Украины, не давая покоя ни Советской власти, ни красноармейским гарнизонам. Всего махновцы совершили три рейда. Эти рейды были своего рода магнитами по разным причинам, притягивающим сотни

людей в повстанческую армию. Ее численность росла с каждым днем. Если в середине мая она составляла всего пятьсот сабель и около семисот штыков, то через три недели в ее рядах насчитывалось уже почти пять тысяч бойцов.

Маршруты первого и самого длительного похода — с 15 мая по 8 июня — пролегали по территории Павлоградского, Новомосковского и Бахмутского уездов: Старый Керменчик — Новоандреевка — Благодатное — Елизаветовка — Марьинка — Селидово — Гродовка — Новониколаевка — Михайловка — Александровка — Доброволье — Самойловка — Сергеевка — Васильевка — Знаменовка — Зайцево — Троицкое — Павловка — Рождественское — Хвалибоговка — Гуляйполе — Большая Михайловка. И везде бои, бои, бои... Победы и поражения, лихие атаки и поспешные отступления, богатые трофеи и гибель товарищей... Всего махновцы преодолели пятьсот шестьдесят верст.

Особенно запомнился ночной бой у Марьинки, где повстанцы вновь оказались на краю полного разгрома.

Махновцы неслышно подошли к селу и расположились в лощинке, ожидая сигнала к атаке. Дикий протяжный свист прорезал тишину.

— Ура-а! — И вот уже сотни конников мчатся во весь опор к околице села, за ними махновские тачанки.

В ответ впереди засверкал огонь неприятельского пулемета, за ним ударил второй, третий...

Тачанки запрыгали по каким-то кочкам.

— Ждали... Ждали! Ударили в лоб! — пронеслось в мозгу Махно.

Визгливо заржали раненные кони. Шедшие впереди тачанки наскочили на расставленные изгородью повозки. Послышался треск ломаемых бричек, снова резкое конское ржание, перебиваемое пулеметными очередями и винтовочными залпами.

Желтые вспышки огня окружили махновцев со всех сторон.

Крики:

— Хлопцы!

— Бей! Круши!

На гребнях между балок на фоне серого звездного неба замаячили черные силуэты коней и всадников, размахивавших саблями.

— Батьку ранило! Хлопцы, окружают!

Вихрем пронеслась махновская конница, сшиблась с лавой, скатившейся с гребня между балок.

Послышался стук сабель, криканье, крики, стоны...

Схватка была упорной, но численное превосходство противника заставило повстанцев повернуть назад к исходным позициям...

Когда развиднелось, за железнодорожным полотном сбились в кучу оставшиеся в живых махновцы: из семи сотен уцелело не больше двухсот да десятка два тачанок.

Батька, раненный в ногу, кривясь от боли, бил кулаком по грядке тачанки и орал на Левку Задова:

— Какая, к черту, разведка! Почему не перепроверил? Заелись! Успокоились! Постреляю подлецов, и только!

Левка Задов молчал, уставившись в одну точку, — гибель бойцов он переживал не меньше Махно.

Очередное поражение послужило хорошим уроком повстанцам: они стали осмотрительней, просчитывали каждый свой шаг, и боевая удача вновь стала улыбаться им. Они нападали на гарнизоны, громили мелкие отряды красных, утверждали свои порядки в оставленных противником селах и деревнях.

О том, насколько остро стоял вопрос о борьбе с махновцами, свидетельствовали последствия успешного рейда повстанцев по населенным пунктам Новомосковского уезда и налета на сам уездный центр. Тогдашний председатель Екатеринославского губпарткома Э. И. Квиринг вынужден был обратиться в ЦК КП(б) Украины с письмом, озаглавив его «О махновщине».

Недавний налет на Новомосковск банды Махно и неудачное преследование заставляют нас снова поставить вопрос о Махно.

Можно с полной уверенностью сказать, что, если борьба с Махно будет продолжаться таким же способом, как до сих пор, толка не будет.

Случайные, из разных мест надерганные части ничего не сделают.

Губком... уже сообщал Юго-Западному фронту и ЦК, что, по нашему мнению, для борьбы с Махно нужно выделить большую часть (дивизию), придав к ней несколько полков кавалерии. Этот отряд должен иметь свой полевой штаб и командира вроде Дыбенко. Против идеального партизана Махно нужно выставить равносильного ему командира. 13-я армия безусловно не может справиться с Махно.

Ведь смешно, что Махно совершает такие круги, как последний, и, что особенно плохо, территориально обозначен. Как появился Махно в Новомосковском уезде, ко-

мандир наш губвоенком — новенький, выскочил Махно в Александровский уезд — командир опять новый. И все это не случайно. Нет настоящей борьбы и командования, а есть бесплодная трата сил.

Если все части, действующие против Махно, свести в крупную часть, спаяв ее, махновщина живо потерпела бы крушение. Итак: нужна специальная крупная антимахновская часть с отдельным командованием на правах отдельной группы с подчинением всех воинских сил на территории распространения махновщины.

Торопите это дело. Иначе неизбежна чехарда.

Но обращение Квиринга, содержащее в себе, по сути дела, общий набросок оперативного плана борьбы с Махно, «товарищи из ЦК» оставили без внимания. Раздосадованный Квиринг решил обратиться в Москву, но в столице и своих забот хватало (да и «виднее» оттуда, что и как делать), и партийному руководителю Екатеринославской губернии предложили решать проблемы своими силами.

Лишь председатель ВЧК Феликс Дзержинский, в тот период одновременно занимавший пост начальника тыла Юго-Западного фронта и находившийся в Харькове, ответил Квирингу короткой телеграммой:

Их (махновцев) нужно истреблять, как диких зверей.

Слова «железного Феликса» не расходились с делом, чекисты внедрялись в повстанческую армию, одной из целей их было физическое уничтожение Махно и его ближайшего окружения. Но махновской контрразведке удавалось раскрывать террористов еще до того, как они успевали что-либо сделать. Так, в декабре 1919 года был расстрелян Павловс-

кий (завербованный чекистом Кушнером), летом 1920-го ликвидированы агенты ЧК Глущенко и Костюхин.

Объясняя причины неудач, глава ВЧК писал в Москву:

Громадная помеха в борьбе — отсутствие чекистов-украинцев. С Махно мне не везет.

В ход были пущены проверенные средства — клевета и террор.

Для дискредитации батьки большевистские власти не жалели черных красок и на все лады честили махновских «братков», на успехи повстанцев отвечали ужесточением репрессий. Так, 5 июня 1920 года Махно разгромил в Знаменке Павлоградского уезда 3-й запасной латышский батальон, который «собирал» в этом селе хлеб и фураж. Партизаны захватили два орудия, четыреста снарядов, сорок тысяч патронов и четыре пулемета. Со стороны красных последовала суровая расправа. На жителей Знаменки была наложена контрибуция в размере трех тысяч рублей на каждый двор, на зажиточных хозяев — по десять тысяч. В ультимативной форме было предъявлено требование выдать местных махновцев.

После двухчасового ожидания красноармейцы открыли по селу ураганный артиллерийский огонь, сожгли тридцать домов, расстреляли десять жителей, взяли 301 заложника в возрасте от 15 до 75 лет, отобрали скот, лошадей, зерно.

Когда во время своего второго рейда махновцы 10 июня в очередной раз захватили Гуляйполе, красное командование, чтобы преградить путь повстанцам в Донецкий бассейн, стянуло в Александровс-

кий уезд крупные военные силы: два пехотных полка, полубатарею, батальон ВОХР, несколько батальонов железнодорожной охраны, три бронепоезда. Все эти части были сведены в ударную группу под командованием Блюмберга, известного на Украине своими карательными акциями и получившего прозвище Стальной. Но батька предпочел не ввязываться в бой и через два дня, оставив родное село, ушел со своими бойцами в сторону Дибровского леса, а далее — на запад.

На всем пути от Гуляйполя до Зенькова махновцам попадались красные части ВОХР (внутренняя охрана республики), предназначавшиеся для тыловой службы. Имея в своем распоряжении бронепоезда, они охраняли железнодорожные узлы, а также небольшие населенные пункты, частично выполняли обязанности продовольственных и карательных отрядов. Встречались и специальные отряды ЧК, карательные роты и полки, отряды местных формирований. Но махновской армии, к этому времени насчитывавшей до двенадцати тысяч штыков и трех тысяч сабель, имевшей около шестидесяти пулеметов и шестнадцать орудий, конечно, они не могли противостоять. Часто при первой же встрече красноармейцы переходили на сторону махновцев.

По приказу батьки на всем пройденном пути в сельских пунктах оставляли организаторов из резерва командного состава — отрядами в пятьдесят — шестьдесят штыков при нескольких пулеметах. Им ставилась задача объединять вокруг себя местный повстанческий актив, пропагандировать идеи анархо-коммунизма, «идеалы третьей социальной революции, разрушения институтов насилия и произво-

ла». Вновь создаваемые махновские отряды либо вливались затем в основной состав армии, либо оставались в своих «районах ответственности», где выполняли роль и местных гарнизонов, и местной исполнительной власти. Ими же создавались опорные базы — продовольственные, вооружения, которые использовались повстанцами при переходах из одного уезда в другой. Силами местных повстанческих формирований также велась разведка. Сведения о дислокации и передвижениях красных частей противника регулярно доставлялись в махновский штаб.

Во время третьего рейда, продолжавшегося неделю, серьезных успехов махновцы не достигли. Бои с тыловыми и резервными частями Красной Армии и ВОХР велись с переменным успехом. Бывали случаи, когда большие группы красноармейцев при нападении повстанцев без боя сдавались в плен, пополняя ряды махновцев, и так же легко переходили обратно к красным в следующем же бою. Махно был настолько раздражен этим, что однажды после боя у деревни Голубовки недалеко от Кременчуга, захватив в плен 75 красноармейцев местного гарнизона, перешедших сначала к нему, а затем опять во 2-й маневренный отряд ударной группы Блюмберга, заявил:

— Вам все равно, где служить, у меня или у красных! Расстрелять... всех!

В записной книжке начштаба махновцев Виктора Белаша сохранились записи, относящиеся в основном ко второй половине июня 1920 года. Они позволяют восстановить отдельные события махновских рейдов.

12 июня. При въезде в Новоуспеновку повстанцами замечен большой обоз, направлявшийся в село Туркеновку. Выслана разведка, которую противник обстрелял. Батка приказал в бой не ввязываться, и обоз ушел

13 июня. Соединились в Большой Михайловке с отрядом Каленника (более трехсот сабель). С околицы, со стороны застав сообщили о наступающем противнике. Столкновение неизбежно.

А день яркий и горячий, какая-то дымка в воздухе, словно паутина, белое безоблачное небо. И в этом мареве далеко видны на зеленых квадратах полей цепочки махновских разъездов. Вот основные силы развернули цепь, беглый огонь все ураганнее... Горизонт гудит монотонным гулом, который медленно перекачивается с одного фланга наступающей цепи к другому. Ружейная трескотня, пулеметная «строчка», орудийные выстрелы, конское ржанье, победные крики, предсмертные стоны и проклятья — невообразимое сочетание звуков...

14 июня. Бой с частями Красной Армии. Повстанцы, попав под сильный перекрестный огонь броневиков, вынуждены отступить и занять оборону. Пока пехота вела вялую перестрелку с красными и отвлекала внимание, махновская конница по приказу батки пошла в обход левым флангом. Противник сбит, бежит, оставив до сорока пленных, два орудия и снаряды, одну кухню.

15 июня в пять часов утра красные начали новое наступление. Рассыпав пехоту в цепь, которая заняла расстояние по фронту верст десять, они беглым огнем из четырех орудий обстреливали позиции повстанцев. Не успели произвести и десяти залпов, как

махновская пехота ударила в лоб, кавалерия совершила фланговый обход. Красные отошли на станцию Гайчур. Повстанцы захватили почти пятьдесят пленных, один пулемет и патроны.

16 июня. По дороге из села Майорска кто-то обстрелял махновский разъезд. Развернувшись в полумесяц, повстанцы погнали стреляющих, принимая их за красных. За селом Керменчик догнали одну тачанку и пять всадников. Одного из кавалеристов удалось зарубить, лишь когда он расстрелял все патроны. Скрутив остальных, повстанцы в недоумении развели руками: оказалось, что это махновцы.

21 июня повстанцы захватили обоз 3-го артиллерийского дивизиона, в том числе полторы тысячи снарядов, и пленили сто двадцать красноармейцев. Все они вступили добровольцами в повстанческую армию.

22 июня. Махновцы отбили обоз 13-й Красной Армии. В плен попали до тысячи рядовых и командиров, взято много винтовок, до 40 подвод патронов, тридцать пулеметов, масса медикаментов, продовольствие.

24 июня. Повстанцы остановились в селе Темировке. Противник численностью до четырех с половиной тысяч пехоты (520, 521 и 522-й стрелковые полки) под прикрытием артиллерийского огня перешел в атаку. Но махновцы, не принимая боя, отошли.

25 июня. Ночью разгромлен 522-й полк, численностью до тысячи штыков, большинство красноармейцев пополнили махновскую армию. Контратаки красных успеха не принесли.

О накале июньских боев свидетельствовали донесения помощника по политической части командира 82-й отдельной бригады ВОХР Курило:

Командир 430-го батальона товарищ Серехан, находясь в цепи, в бою 29 июня отдавал приказания. Батальон, окруженный кавалерией противника, расстреливал последнего в упор, перейдя в контратаку, во время которой бой почти перешел в рукопашную схватку. Комбат товарищ Серехан зарублен махновскими кавалеристами. Политком товарищ Галкин взят в плен. Жители села Алексеевки указали, что он комиссар и выступал на митингах. После чего товарищ Галкин выведен из строя и зарублен.

Обстоятельства боя 429-го батальона 29 июня таковы. Батальон, направлявшийся на село Новопавловку согласно оперативному приказу, наткнулся на банду, занявшую балку Ореховую. Завязался бой, причем в первой же атаке комбат товарищ Волошин героически погиб. Командование принял товарищ Цветков. Бой продолжался почти три с половиной часа. В плену зарублен товарищ Цветков, товарищ Агапова, вдова бывшего комбата Агапова — красная сестра, комроты товарищ Сухих и другие товарищи.

Махновцы, как передают, выражали удивление по поводу упорства, проявленного в бою, так как перед яростными контратаками они дрогнули, и лишь прибытие самого Махно к месту боя подняло их настроение. Под самим Махно убита лошадь, погиб его адъютант.

По оперативным сводкам, всего за две недели в июне красные потеряли до двух тысяч убитыми и ранеными. Повстанцам достались пять орудий и 2300 снарядов к ним, 93 пулемета, два миллиона патронов, 3100 винтовок и карабинов, обоз 46-й дивизии, парк 3-го артиллерийского дивизиона, лазарет 13-й армии.

...В начале июня 1920 года главнокомандующий русской армией барон П. Н. Врангель, перегруппировав силы, предпринял наступление в Северной Таврии. Красная Армия, неся большие потери в живой силе, бросая на произвол судьбы сотни раненых, откатывалась на север. Белые стремительно продвигались по двум основным направлениям — в сторону центральных губерний России и на северо-запад, на территорию Украины, рассчитывая соединиться с белополяками.

Ухудшение обстановки на Южном фронте поставило Махно в трудное положение. Врангелевцы, выбив советские войска из Северной Таврии, вступили в южные уезды Екатеринославщины. 25 июня они заняли Бердянск, Мелитополь и Федоровку, отбросив красные части от Крымского полуострова в общей сложности на 150 верст, стали угрожать махновской территории.

Бесспорно, Врангель, как и до него Деникин, считал Махно своим противником не только из-за того, что боролся за «единую и неделимую Русь», но и потому, что махновщина была для него синонимом революции и, естественно, всеобщего российского бардака. Однако барон был расчетливым политиком и опытным военным, он прекрасно понимал, что без союзников, даже временных, ему не обойтись, а искать последних лучше всего в среде повстанцев, партизан, не подчиняющихся никакой власти, но способных пойти на определенные компромиссы. А поскольку в рядах воинствующих анархистов и сочувствующих им насчитывался не один десяток тысяч вооруженных бойцов, то легко можно было предположить, чем

обернется военная ситуация на Юге России, если махновцы окажут поддержку одной из противоборствующих сторон.

После недолгих раздумий Врангель решился пойти на установление прямой связи с батькой.

9 июля на заседание командного состава Революционной повстанческой армии, проходившее в селе Времеевке Мариупольского уезда, прибыл посланец от Врангеля с письмом для Махно. Молодецватый и подтянутый офицер назвался Иваном Михайловым, добавив, что служит адъютантом у генерала Слащева. Скрипнув зубами при упоминании этой фамилии, Махно вслух прочитал короткое послание:

Атаману повстанческих войск Махно

Русская армия идет исключительно против коммунистов с целью помочь народу избавиться от коммуны и комиссаров и закрепить за трудовым крестьянством земли государственные, помещичьи и другие частновладельческие. Последнее уже проводится в жизнь.

Русские солдаты и офицеры борются за народ и его благополучие. Каждый, кто идет за народ, должен идти рука об руку с ним. Поэтому теперь усильте работу по борьбе с коммунистами, нападая на их тыл, разрушая транспорт и всемерно содействуя нам в окончательном разгроме войск Троцкого (Бронштейна). Главное командование будет посильно помогать Вам вооружением, снаряжением, а также специалистами. Пошлите своего доверенного в штаб со сведениями, что Вам особенно необходимо, и для согласования боевых действий.

Ниже текста письма стояла подпись начальника штаба главнокомандующего русской армией генерал-лейтенанта П. В. Шатилова и число — «18 июня 1920 года». Посланцу барона пришлось довольно

долго поколесить по югу Украины, прежде чем он смог передать письмо. Послание свидетельствовало о том, что белые достаточно хорошо изучили Махно и состав его войска. На первом месте в письме стоял земельный вопрос, при решении которого Врангель обещал учесть интересы крестьян. Зная, что Махно провозглашает своей главной и единственной целью борьбу за народные интересы, Врангель вторит ему. Помня, что Лев Троцкий останется кровным врагом батьки, главнокомандующий назвал Красную Армию «войском Троцкого». Махновцы всегда нуждались в вооружении и боеприпасах. И это учел черный барон, предлагая батьке «посильную помощь» и в том и в другом. Причем белые генералы уже не помышляли подчинить себе армию Махно, а предлагали лишь согласовывать возможные военные действия против большевиков в общих чертах, предоставляя право махновскому штабу самому решать все тактико-оперативные вопросы.

К письму была приложена листовка, одна из тех, которые белые в изобилии сбрасывали с аэропланов:

СЛУШАЙТЕ, РУССКИЕ ЛЮДИ!

За что мы боремся?

За поруганную веру и оскорбленные святыни.

За освобождение русского народа от ига коммунистов, бродяг и каторжников, вконец разоривших святую Русь.

За прекращение междоусобной брани.

За то, чтобы крестьянин, приобретая в собственность обрабатываемую землю, занялся мирным трудом.

За то, чтобы истинная свобода и право царили на Руси.

За то, чтобы русский народ сам выбирал себе хозяина.

Помогите мне, русские люди, спасти Родину!

Генерал Врангель

Предложение очень заманчиво, но батька не пошел ни на какие компромиссы.

— Единственный ответ, который мы можем дать на подобные гнусные письма, — заявил Нестор членам повстанческого Реввоенсовета, — это постановить одно: какой бы делегат ни был прислан от Врангеля и вообще справа, он должен быть казнен нами и никаких ответов не может быть дано.

Михайлова (на поверку оказавшегося бывшим махновцем, перебежавшим на сторону белых еще год назад) тут же судили и публично повесили, прикрепив на груди листок бумаги, на котором рукой батьки выведено: «Присланный делегат к махновцам справа будет беспощадно караться. Никаких союзов с белыми махновцы не имели, не имеют и впредь не будут иметь. Смерть белогвардейским палачам и их прислужникам. И только».

Письмо решили опубликовать в махновской газете, снабдив его соответствующими комментариями «набатовцев». Тех покорила фраза «армия Троцкого (Бронштейна)» и они вдоволь порассуждали об антисемитизме белогвардейцев и их предводителей — Врангеля и Слащева.

Когда слухи о расправе над врангелевским офицером дошли до белогвардейского штаба, генерал Слащев, пообещав при первом же удобном случае вздернуть батьку вверх ногами на первой березе, прибегнул к обманному приему. В ход были пущены

воззвания и прокламации, подписанные перебежавшими к белым командирами «партизанского отряда батьки» — Яценко, Володиным, Савченко, Гришиным и другими, которые теперь призывали рядовых повстанцев объединиться с Врангелем против Соудеппи.

Содержание их обращений до предела примитивно. Вот один из этих текстов:

Славные повстанцы Украины!

Я, командир партизанского отряда имени Батьки Махно, призываю вас в свои партизанские ряды, чтобы ударить всей силой и атакой на тех кровопийцев-коммунистов, которые расстреливают наших товарищей-партизан.

Сметем с нашей земли коммунистический комиссариат самодержавия.

Деникина нет, есть Русская армия (так называлась армия Врангеля. — *В. Т.*), которой подадим руку, и сомкнем ряды, станем любить друг друга и освободим истерзанную Русь святую от комиссарского царства и создадим власть по воле народа.

Да здравствует Русь святая и русский народ.

Командир партизанского отряда
имени Батьки Махно *Яценко*

Другой бывший командир — Володин призывал, «не жалея ни добра, ни даже своей жизни, помочь нам (врангелевцам. — *В. Т.*) освободить родную землю от насильников, помочь доблестной Русской армии в ее борьбе с захватчиками власти». И заканчивал свое обращение лозунгами: «Да здравствует великая русская и неустрашимая армия во главе со своим вождем генералом Врангелем. Да здравствуют отряды во главе с атаманом батькой Махно».

Гришин, еще один перебежчик, назойливо уговаривал:

Н. И. Махно. 1909 г.

Повстанцы советуются с батькой Махно (на переднем плане). 1919 г.

В. Антони (слева),
организатор Гуляйпольской
группы анархистов

Один из лозунгов махновцев

В. ф. Белаш,
начальник штаба махновцев

В. Шаровский. 1919 г.

А. Лепетченко. 1919 г.

Л. Зиньковский (Задов)

Дибровский отряд Ф. Щуся

Н. Махно среди командиров повстанцев. 1919 г.

Н. И. Махно. 1920 г.

В госпитале. Н. И. Махно –
второй слева в верхнем ряду.
1920 г.

Н. И. Махно

Н. И. Махно с дочерью

«Все, как один, вступайте в повстанческие отряды и в Русскую армию, которую я видел, и убедился, что она несет освобождение от большевиков, свободу, покой и, главное, порядок».

На сторону Врангеля переметнулись, кроме упомянутых махновских командиров, еще Чалый, Прохан, Хмара, Голик (дневник которого цитировался выше) и другие, менее известные. Они формировали свои отряды для борьбы с красными. Оружие им поставлял, как и обещал, Врангель.

В определенной степени этой затее — обману общественного мнения — хорошую услугу оказала и советская пресса, печатавшая на своих страницах статьи, посвященные якобы состоявшемуся тайному сговору между белогвардейцами и махновской верхушкой. Так, бойкий журналист газеты «Коммунист» (орган ЦК КП(б)У) писал в своей статье «Врангель и Махно» следующее:

Превратившись в грабителей чистой воды, несмотря на различие своего социального происхождения, Махно и Врангель заключат между собой союз, образуют одну бандитскую шайку... Пролетарская революция раздавит обоих бандитов сразу, как она раздавила бы их поодиночке.

А на улицах Таганрога горожане могли видеть расклеенные повсюду приказы о всеобщей мобилизации и сдаче всего оружия, подписанные «генерал-лейтенантом батькой Махно». В других южных городах афишные тумбы пестрели воззваниями, под которыми выделялась набранная жирным шрифтом общая подпись «генералы Деникин, Врангель и Махно».

В этих сложных условиях Махно стремился еще больше укрепить свою армию. Этого он рассчиты-

вал добиться, совершив очередной рейд по большевистским тылам, — рейды, как показала предыдущая практика, давали хорошее пополнение отрядов новыми бойцами. В течение июля и августа отряды Махно действовали в соседних с Екатеринославской губерниях — в районах Миргорода, Конограда и других небольших украинских городков. Махновцы разрушали железнодорожные пути, захватывали эшелоны с военным имуществом, пускали под откос поезда, портили линии связи, нападали на воинские части и продотряды. В Зенькове на Полтавщине повстанцы взяли в городских складах тысячу пудов муки, шестьсот пудов крупы, две тысячи пудов зерна, соль, сахар, спички, керосин. Большую часть этих продуктов батяка приказал раздать крестьянам окрестных деревень и местным жителям.

И всюду махновцы вершили свой суд — расстреливали советских и партийных работников, комиссаров и красных командиров, чекистов и милиционеров. Красные не оставались в долгу, тоже казня без суда и следствия, захватывая заложников, подозреваемых в связях с махновцами, их родственников и близких.

О жестокости гражданской войны сказано и написано много. И ей, этой жестокости, давно уже перестали удивляться. Война, вызванная расколом в обществе, поделила людей, нередко близких друг другу, на своих и чужих, противоборствующие стороны не видели иного средства разрешения конфликта, как полное уничтожение противника. Все решала сила. А к жестокости повстанцев, в чьи головы так настойчиво вдалбливались идеи

анархии, отрицавших любую власть над собой, еще примешивалась и подсознательная звериная дикость, вырвавшаяся наружу, когда исчез страх перед возможным наказанием за содеянные преступления.

В бою у села Макеевка махновцы пленили двадцать бойцов продотряда, оказавших сопротивление и прославившихся в округе своей жестокостью. Их приговорили к расстрелу. Когда выводили за село, встретили самого Махно. Его внимание привлек подросток довольно жалкого вида. Нестор Иванович заинтересовался, кто такие, куда ведут. Он подозвал юного пленника:

- Кто таков?
- Шолохов, Мишка...
- Годков-то сколько?
- Пятнадцать...

Махно еще что-то спросил, немного подумал, укоризненно покачал головой и повернулся к охране:

— Отпустить его, пусть подрастает и осознает, что делает. А нет, в другой раз повесим... Отпустить... и только.

Махно даже и подозревать не мог, что спас от верной смерти будущего классика советской литературы и Нобелевского лауреата.

О батьке и его хлопцах складывались легенды, выраставшие из многочисленных слухов и домыслов, из бойких, но часто явно бывших не в ладах с

реальностью газетных репортажей. И все же ужасов той стихии, пугачевщины, которую развязала в людях махновщина (как, впрочем, и противоборствующая сторона), бывало в ту трагическую пору немало. Корреспондент московских «Известий» П. Подашевский так описывал свою поездку по подконтрольной махновцам территории:

Картина этих путешествий почти всегда одна и та же. Идет ночью пассажирский поезд, вдруг перед ним вырастает баррикада или просто разобраны рельсы. Поезд стал в лучшем случае без крушения. Моментально на него налетает банда, человек в шестьдесят — сто, самое большее — человек в двести. Все вооружены, как принято теперь глупо выражаться, «до зубов». Здесь и пулеметы. Иногда завязывается перестрелка, но, в общем, без труда бандиты становятся хозяевами поезда. Прежде всего они высаживают пассажиров, начинается «проверка документов». Раздается команда: «Комиссары, коммунисты, красноармейцы и жида, выходи вперед!» С ними начинается тут же расправа, над ними издеваются, бьют их, калечат и затем полуживых расстреливают. Это часть «политическая», а дальше идет уже неприкрашенный грабеж. Взяли все, что под силу унести, и ушли. И все это каждую ночь и настолько систематически и планомерно, что в дни моего здесь пребывания обсуждался вопрос об официальном прекращении ночного движения поездов.

Что здесь не только грабеж, но и «политика», доказывается легко. Нападение на товарные поезда, казалось бы, [должно] больше соответствовать нуждам этих хулиганов: тут и людей меньше, и товаров больше. Но нет, товарные поезда проходят благополучно. И везде жестокость дикарей. Недавно при нападении на поезд перебили всех женщин и даже детей, потому что, по сведению бандитов, это был «коммунистический поезд».

Как уже говорилось, не оставалась в долгу и Советская власть. На жестокость она отвечала тем же. Предсовнаркома Украины Христиан Раковский в газете «Коммунист» откровенно и грозно предупреждал:

1. Все главари банд и все, участвующие в бандах, объявляются вне закона. Каждый захваченный бандит будет расстрелян на месте как враг рабоче-крестьянской власти.

2. Близкие родственники бандитов берутся заложниками и отправляются в концентрационные лагеря, имущество бандитов и их ближайших родственников конфискуется в пользу местной деревенской бедноты.

3. Деревни, оказывающие содействие бандитам и дающие им продовольствие, лошадей, подводы и пополнение, подвергаются военной блокаде.

4. Карамы являются: контрибуция продуктами продовольствия, денежная контрибуция, конфискация имущества кулаков, обстрел селений и их полное уничтожение.

5. Центр тяжести всех кар переносится на кулацкие слои деревни.

6. Ссылка на то, что деревни силой вынуждали давать бандитам снабжение или пополнение, приниматься не будет.

28 августа в бою в районе села Петровское в тридцати верстах от Изюма на Харьковщине Махно и один из его командиров — Куриленко получили серьезные ранения. У батьки пуля прошла ниже колена. Пять дней возили махновцы своих командиров от села к селу, пытаясь найти хорошего врача. И лишь 3 сентября в Старобельске (который, кстати, махновцам пришлось брать штурмом) местный

хирург прооперировал раненых, пообещав, что, несмотря на запущенность ран, больные будут жить, но, по всей видимости, останутся на всю жизнь хромыми и вряд ли скоро смогут сесть на коней.

Неудачи в боях и очередное ранение Махно дали повод председателю повстанческого Реввоенсовета Барону сделать попытку взять военную и политическую власть в армии в свои руки.

Арон Барон и его соратники по «Набату» требовали контроля за проведением военных действий повстанцев, согласования с ними планов операций. Это вызвало недовольство у самого Махно и у его ближайшего окружения, а также у рядовых повстанцев, которые воспринимали «набатовцев» не иначе как «наших панов» и с непониманием и недоверием относились к демагогии анархистствующих теоретиков.

Поняв, что переступил черту дозволенного, Барон решил покинуть Махно, иначе ему грозила бы, как многим другим претендентам на роль вожака повстанцев, смерть. Устраиваясь поудобнее в повозке, Арон, презрительно глядя на стоявших в нескольких шагах махновцев, сквозь зубы выдавил из себя:

— Лучше сгинуть в советской тюрьме, чем прозябать в этой пресловутой повстанческой обстановке. И батька, и люди его никуда не годятся. С такими только дров наломать, больше ничего...

Договорить он не успел. Увидев, как повстанцы нервно сдергивают с плеч винтовки, дабы по заслугам воздать оскорбляющему их гостю, Барон резко рванул поводья и погнал лошадь галопом. Вслед по-

слышался свист и грязные ругательства, кто-то запустил вдогонку пустой бутылкой. Махно наблюдал сцену эту из окна импровизированного лазарета и чему-то улыбался.

Вернувшись в Харьков, Барон на проходившей с 3 по 8 сентября 1920 года III Всеукраинской конференции «Набата» подверг батьку уничтожающей критике. Делегаты поддержали его основную мысль о том, что Махно перестал быть, по сути, анархистом и что свои «личные капризы» он не всегда умеет подчинять общим интересам. Известие об этом не очень огорчило батьку, да и думать ему приходилось о более реальных проблемах.

Но все же Махно нашел время откликнуться в повстанческой газете «Путь к свободе». Его ответ был следующим:

Махновщина не есть анархия. Махновская армия не состоит из анархистов и не является анархистской армией.

Анархистский идеал «всеобщего счастья и равенства» не может быть добыт усилиями какой бы то ни было армии, даже если бы она целиком состояла из одних анархистов. Революционная армия в лучшем случае годится для разрушения старого, в деле же строительства, созидания и творчества любая армия, естественно опирающаяся на силу и приказы, совершенно бессильна и вредна. Не анархистская армия, не отдельные герои-одиночки, не группы, не конфедерация анархистов создадут для рабочих и крестьян свободную жизнь, а только труженики сами сознательными усилиями могут устроить свое счастье без властей и хозяев.

Под махновщиной разумеется то повстанческое движение, которое два года проходит под руководством Махно.

В махновских рядах объединились добровольцы крестья-

яне и рабочие, восставшие с оружием в руках для борьбы с притеснителями.

Это движение за все время своего существования не колебалось, оставаясь неизменно непримиримым как против буржуазии, кулаков и помещиков, так и против чиновников различных правительств гетманской и петлюровской, деникинской и коммунистических властей.

Ближайшие задачи махновцев — добиться свободного советского строя, без партийной диктатуры, без власти чиновников. Каждый махновец — потенциальный анархист и по окончании войны и возвращении домой в родную деревню — строитель будущего.

Пока батька залечивал рану, события развивались своим чередом. Белые захватили Александровск, Синельниково, вновь отбили Бердянск, ряд других населенных пунктов. Их силы крепили, красные отступали. Начали таять силы повстанческой армии Нестора Махно, крестьяне уходили в родные деревни, надо было помочь своим семьям справиться с урожаем. И хотя все обещали вернуться к батьке, он как-то мало на это надеялся, отдавая себе отчет в том, что первое же неудачное столкновение с войсками Врангеля послужит им поводом для отказа вернуться в махновский стан. «Зачем проливать свою кровь с черным бароном, от которого и большевики-то удирают сломя голову?» — примерно так рассуждали в крестьянских хатах, но оружие тщательно смазывали и прятали в тайных схоронах.

— Авось сгодится. Кто знает, как все обернется. А винтовка или пулемет... они же хлеба не просят, пусть лежат.

В один из ненастных сентябрьских дней Махно (в то время он находился в Старобельске) вызвал к себе в лазарет члена РВС повстанческой армии И. Тепера (Гордеева). Батяка настоятельно потребовал, чтобы штабисты приложили все усилия к тому, дабы склонить вышестоящие советские организации к заключению мирного соглашения. Предложение Махно сводилось к выделению ему боевого участка, на территории которого должна была вестись борьба с Врангелем. Никакие политические вопросы в случае его подписания включать не предполагалось.

И. Тепер отметил для себя, что Махно колеблется, пытается прощупать, о чем думают в его штабе, какие мысли бродят в головах повстанцев?

Чтобы выяснить настроения, Махно дал указание Теперу выпустить номер газеты «Голос махновца» с передовой, посвященной примирению с Советской властью. Такая статья была набрана, но корректура случайно попала в руки члена штаба Дмитрия Попова, который тут же побежал к Махно и добился от него запрещения выпуска номера. Батяка не раскрыл перед Поповым всех карт, даже словом не обмолвился, что инициатором написания статьи выступил он сам. Махно еще раз вызвал Тепера и, выслав из комнаты всех посторонних, тихо сказал:

— Думаю, что еще рано говорить о соглашении. Пожалуй, мы поторопились. Может быть, нам придется еще побиться сразу на два фронта. Подождем.

Только неделю спустя, когда врангелевские разъезды показались вблизи позиций махновцев и поступили сообщения о новых неудачах красных ча-

стей, Махно решил обратиться к большевистским властям с заявлением, что он прекращает боевые действия против красных войск и предлагает объединить силы для борьбы с Врангелем. 27 сентября начальник штаба повстанческой армии Виктор Белаш связался по телеграфу с Харьковом и передал предложение Махно начальнику особого отдела Южного фронта В. Н. Манцеву.

Предложение было принято. 29 сентября Политбюро ЦК КП(б) Украины решило начать переговоры с Махно, предварительно обусловив, что красноармейские отряды не вливаются в повстанческую армию, а входят с ней по мере надобности в оперативные контакты, что махновцы несут ответственность за каждый выявленный случай хулиганства или разбоя с их стороны.

Всю ночь Махно ждал из Харькова решения ЦК и, когда в два часа ночи получил положительный ответ, тут же продиктовал приказ: «Всякие враждебные действия против частей Красной Армии должны быть прекращены, равно против каких бы то ни было советских учреждений и их работников». И, собрав у себя в комнате всех членов штаба, сказал: «Каждая часть Революционной повстанческой армии Украины должна всегда быть при полной боевой готовности и зорко следить за всяким передвижением частей Красной Армии».

На следующий день Реввоенсовет повстанческой армии обратился к РВС Южного фронта с просьбой прекратить против махновцев любые военные действия. 2 октября командующий Южным фронтом М. В. Фрунзе отдал такое распоряжение командующему войсками внутренней службы фронта

Р. П. Эйдеману. На этот же день было назначено и подписание соглашения.

Перед Махно и его штабом встала непростая задача — объяснить тысячам рядовых повстанцев необходимость такого шага.

Во всех частях и отрядах махновской армии зачитывали обращение батьки:

Тяжелый час настал на родной Украине. Обрато на измученную родину надвигаются грозные тучи. С запада идет ненавистный каждому украинцу исторический враг — польская шляхта. С юга неудержимо врзается все глубже и глубже в сердце Украины душитель народа немецкий барон Врангель. Зарвавшиеся было коммунисты и комиссары получили снова хороший урок. Пришлось им признать, что без украинского народа и вольного повстанчества они что-нибудь сделать бессильны. С другой стороны, Совет Революционно-повстанческой армии Украины (махновцев) пришел к заключению, что, оставаясь в настоящее время безучастным зрителем, украинские повстанцы помогли бы воцарению на Украине либо исторического врага польского пана, либо опять царской власти, возглавляемой германским бароном. Как одно, так и другое смерти подобно для селянства Украины. Учитывая вышесказанное, Совет Революционно-повстанческой армии Украины (махновцев) принял решение временно до разгрома заседающих внешних врагов и царских наймитов идти в союзе и рука об руку с советской Красной Армией.

Нестору Ивановичу вторил начальник культ-просветотдела махновцев Петр Аршинов, на примерах из истории Великой французской революции разьяснявший, что они, анархисты-коммунисты, не желают «девятого термидора», что как «сыны революции» прекращают борьбу с советским правитель-

ством», «бросив все силы на борьбу с мировой буржуазией, идущей, чтобы задушить и большевиков и более революционное махновское движение».

Далеко не все махновские командиры были готовы заключить союз с Советской властью. Ушла на Дон группа Фомина — пятьсот штыков и двести сабель. Около трехсот повстанцев (в основном бывших красноармейцев) из 2-й группы П. Петренко (Платонова) при пятнадцати пулеметах бежали в Богучар на Верхний Дон. Кто-то подался в Тамбовскую губернию, кто-то к петлюровцам, кто-то под Луганск. В целом к 15 октября повстанческая армия сократилась на двенадцать тысяч бойцов. Один из покинувших Махно командиров оставил нацарапанную на куске газеты корявым почерком записку:

Мы не хотим мира с большевиками, которые способны обмануть. Мы не желаем проливать свою кровь на врангелевском фронте лишь потому, что нашими плодами воспользуются большевики. Мы не признаем их революционерами и боремся с ними как с государственниками, властителями и законниками. Желаем вам успеха в деле разгрома Врангеля и умоляем — не кладите пальцы в рот большевикам — откусят!

И пожалуй, они в чем-то были правы — если махновское руководство воспринимало соглашение с большевиками всерьез, то для Троцкого и других советских руководителей союз с батькой был лишь «тайной дипломатией», военной хитростью. В политической борьбе все средства хороши — примерно так рассуждали вожди большевиков, — все пойдет в дело: и заговор, и временный союз со вчерашним врагом, и заведомый обман — цель оправдывает средства.

Весь день 2 октября продолжались споры между членами махновской и советской делегаций вокруг четвертого пункта проекта соглашения, который предусматривал в районе действий махновской армии организацию местным населением вольных органов экономического и политического самоуправления, их автономию и федеративную связь с государственными органами Советской России. Ни одна из сторон не желала уступить. В конце концов, злополучный пункт вообще убрали из текста. Лишь поздно вечером военно-политическое соглашение между РВС Южного фронта и правительством УССР, с одной стороны, и Революционным военным советом повстанческой армии — с другой, было подписано.

Советская пресса не замедлила откликнуться на подписание договора. В середине октября в газетах появилась статья Троцкого «Что означает переход Махно на сторону Советской власти», которая затем вышла отдельной брошюрой. В ней председатель Реввоенсовета Республики попытался сгладить острые углы прежних взаимоотношений, заявив, что Махно вел свою «марафонскую борьбу» против власти коммунистов... по «недомыслию». С присущим ему высокомерием Троцкий напомнил, как части Красной Армии, не оставаясь в долгу перед повстанцами, наносили им «крепкие удары». «Сам Махно, — писал он, — был, кажется, не раз ранен и по настоящий день еще не оправился от ран». Говоря об армии махновцев, Троцкий не упустил случая уменьшить ее силу и боеспособность: «На самом деле махновцы представляют собой очень небольшой отряд. Но в борьбе против бесчисленных врагов ра-

бочий класс дорожит даже небольшой помощью. Нужно только, чтобы союзник, который ее предлагает, был действительно честным и надежным союзником».

20 октября в газете «Коммунист» появилась статья под таким же, как и четыре месяца назад, названием — «Махно и Врангель». В частности, в ней говорилось:

Как известно, французская печать много говорила о союзе Махно и Врангеля. Советская печать также опубликовала в свое время документы, свидетельствующие о формальном союзе Врангеля и Махно. В настоящее время выясняется неправильность этой информации. Несомненно, Махно оказывал фактическое содействие Врангелю, как и польской шляхте, поскольку он одновременно с ними сражался против Красной Армии. Но формального союза между ними не было. Все документы, говорившие о формальном союзе, были подделаны Врангелем. Некий крымский бандит, назвавший себя атаманом Володиным, выступил под руководством врангелевского штаба в качестве атамана, подчиненного Махно. На самом деле никакой связи между ними никогда не было.

После подписания соглашения с махновцами Украинский ЦИК обратился ко всем судебным и другим гражданским и военным учреждениям на территории Советской Украины со следующим указанием:

- 1) Приостановить всякие судебные, административные или другие преследования против лиц, арестованных за участие в действиях махновско-анархистских организаций.

- 2) Всех... лиц, находящихся под арестом, заявивших о своем отказе прибегать к вооруженной силе против Укра-

инской Социалистической Советской Республики, немедленно освободить и восстановить во всех их правах.

3) Все лица, принадлежащие к махновско-анархистским организациям, отказавшиеся от вооруженной борьбы с Советской властью, пользуются наравне со всеми рабочими и крестьянами всеми политическими и гражданскими правами.

Тогда же на свободу вышел старый соратник Махно В. Волин. Батяка сразу же включил его в делегацию по ведению переговоров с Советской стороной.

После подписания соглашения Фрунзе дал махновцам несколько дней на то, чтобы собраться с силами, навести порядок в своих рядах, переориентировать личный состав на борьбу с новым врагом. Внимательно наблюдая за махновцами и не усмотрев в их действиях никакого подвоха или хитростей, командующий Южным фронтом сообщил в Москву, что решил привлечь Махно к боевым действиям против Врангеля.

Несмотря на потепление взаимоотношений, тем не менее между Нестором Махно и его штабными работниками, с одной стороны, и командованием Красной Армии — с другой, сохранялось взаимное недоверие.

Подобные настроения проскальзывали в большевистской печати. Уже после заключения октябрьского соглашения с Махно газета «Известия» писала:

Махно своим «пособничеством», с его идейной разнузданностью развратил местную деревню, растлил ее душу. Разбой стал нормальной жизнью, бытовым явлением. День-деньской местный мужичок деловито занимается своим хозяйством, пашет, косит, а ночью, вместо того

чтобы спать, идет людей резать. Все до крайности просто, словно он сидит и галушки ест. Устроить крушение поезда, перестрелять десяток пассажиров, это даже не преступление в его глазах, это — «каждый ведет свое хозяйство по-своему».

18 октября махновская кавалерия атаковала части конного корпуса генерала Морозова, дислоцировавшиеся в районе Гуляйполя. Ожесточенный бой разгорелся на окраине села, которая неоднократно переходила из рук в руки. Врангелевцы контратаковали противника и, используя два танка и эскадрилью из восьми аэропланов, наголову разбили 2-й и 4-й пехотные полки повстанцев. Махновцы потеряли почти две тысячи человек и отступили на пять верст к северу от села. Раненый (в который уже раз!) батяка передал командование армией С. Каретникову, который попросил у штаба Южного фронта четыре-пять дней «для соединения боевых групп с резервными частями, для пополнения боевыми припасами и получения мелкой (то есть мелкокалиберной. — *В. Т.*) артиллерии», обещая отбить у белых «столицу Махновии». Но той же ночью противник без боя оставил ее Гуляйполе.

После того как Гуляйполе было окончательно освобождено от Врангеля, Махно, вместе со своими ближайшими соратниками, переехал туда из Старобельска, сделав «малую родину», как и раньше, своим центром. Повстанцы несколько дней праздновали победу.

21 октября Фрунзе отдал приказ частям Махно начать наступление на Александровском направле-

нии. В ночь на 22 октября махновцы совместно с 23-й красной дивизией двинулись в сторону Александровска. 23-го город был освобожден. Повстанцы добились больших успехов: тяжелые потери понес 4-й Дроздовский полк. Уже на следующий день Фрунзе издал новый приказ, согласно которому армиям фронта предписывалось занять исходные позиции для наступления в Северной Таврии. Махновцам Фрунзе поставил задачу: «двигаться в направлении Орехов, Большой Токмак, Мелитополь и далее, громить тылы противника (штабы, связь, железные дороги). Разрушить железную дорогу на участке Мелитополь — станция Сальково и по возможности не позднее 29 октября овладеть крымскими перешейками».

Махно не спешил выполнять приказ. Его отряды, несмотря на успешное наступление, понесли серьезные потери, и батька ждал подкрепления. В волостях Александровского и Бердянского уездов формировались маршевые роты, оружие поступало, согласно распоряжению комфронта, со складов Красной Армии. 28 октября из штаба Южного фронта последовал приказ приступить к немедленному выполнению поставленной задачи, «ибо, оставаясь и дальше в Гуляйполе, они (махновцы. — *В. Т.*) тем самым самоустранились от боевых действий по ликвидации Врангеля».

Ночью 28 октября части 42-й Советской дивизии заняли Большой Токмак. На следующее утро махновцы, обойдя этот населенный пункт с запада, взяли штурмом позиции противника, захватив более двухсот пленных, четыре орудия и пять пулеметов. У колонии Гейдельберг повстанцы полностью разгроми-

ли Самурайский полк 6-й пехотной дивизии врангелевцев.

Развивая наступление, части Красной Армии совместно с махновцами 30 октября овладели Мелитополем, а 31-го — крупной станцией Акимовкой, захватив богатые трофеи — сотни винтовок, патроны, снаряды, амуницию. Особенно радовались повстанцы обнаруженным там вагонам с сапогами, так как близилась зима, а многие оказались буквально разутыми. В боях с врангелевцами в Северной Таврии войска Махно показали себя ничем не хуже красноармейцев. Немало их полегло по балкам и на степной равнине, сотни получили ранения.

Несмотря на стремительное наступление Красной Армии, белогвардейцам удалось отступить на Крымский полуостров и закрепиться там, создав ряд мощных рубежей обороны.

Тогда же, в двадцатых числах октября, штаб Махно посетил член Реввоенсовета Южного фронта Бела Кун. Он прибыл в Гуляйполе, чтобы решить вопрос о возвращении в армию дезертировавших к Махно красноармейцев. Батька на это не пошел, но пообещал, что «с этого часа, с этой минуты ни один красноармеец, бежавший из части в повстанческую армию, зачислен не будет».

Вновь пересеклись пути Нестора Махно и Льва Каменева. Во главе поезда Московского Совета (он занимал пост его председателя) Каменев в октябре 1920 года объехал войска Южного фронта, познакомился с состоянием 6-й и 1-й Конных армий, побывал в Херсоне, Николаеве, Очакове. Вернувшись после восемнадцатидневной поездки по южным губерниям России и Украине в Москву, Каменев дал

интервью корреспонденту газеты «Известия». В конце беседы он сказал:

Вас, конечно, интересует вопрос о Махно. Освобождение от засилья бандитов и атаманов в украинском крестьянстве, втягивание масс в непосредственную хозяйственную и организационную работу — все это, несомненно, сказалось и на том, что обычно называют махновщиной. В махновских рядах тоже началось расслоение, и в этом именно нужно искать причину того, что Махно предложил свои услуги Советской власти. Должен засвидетельствовать, что по отзывам командования Махно до сих пор принятые на себя обязательства выполняет лояльно. Дальнейшее будет зависеть от его собственного поведения. Сам Махно ранен и лежит в Гуляйполе, где его посетил Бела Кун.

Осенью 1920 года батька считал необходимым — и все делал для этого, — чтобы мирные отношения с Советской властью продлились как можно дольше. В этом он видел залог спасения повстанческого движения, которое нуждалось по крайней мере в нескольких месяцах спокойствия. Он старался не дать хотя бы малейшего повода для возникновения конфликта. Так, узнав, что глава махновской делегации на переговорах с правительством Украины и РВС Южного фронта в Харькове (октябрь 1920 года) Дмитрий Попов (левый эсер, бежавший из Москвы после восстания 6 июля 1918 года) ведет себя вызывающе, позволяет антисоветские выпады, устанавливает контакты с уголовными элементами и устраивает чуть ли не ежедневные попойки и дебоши, Махно тотчас же написал и направил ему с нарочным письмо, в котором писал:

...Возложенная на вас работа политического и военного представительства является крайне ответственной, и вы, будучи в Харькове, должны отдать ей все время, стараясь принести максимум пользы нашему движению со всех его сторон: военной, политической и культурно-просветительной. Совершенно недопустимо вторично слышать о вашем нерадивом отношении к делу, порученном вам армией. Я надеюсь, что следующие сообщения о вашей работе будут иные, более отрадные для всех нас. Помните правило — «делу время и потехе час». Отныне вы с товарищем Будановым являетесь уполномоченными представителями как по военному, так и по политическому делу. В помощь вам дается Ольга Таратута (Махно высоко ценит ее как теоретика и практика анархизма. — *В. Т.*), с которой всегда советуйтесь по политическим вопросам, поскольку она будет в Харькове. Она является нашим представителем и в Москве.

Два слова о нашей тактике: будьте во всем энергичны, настойчивы, но в то же время будьте осторожными, чуткими и тонкими политиками. Приготовьте доклад о нашей работе за последнее время и перешлите его с товарищем Волиным, Клейном и другими отъезжающими в Харьков.

Через неделю на Совете Революционной повстанческой армии были зачитаны тексты доклада Попова, который в это время сам еще находился в Харькове, и выступлений Буданова и Кириленко. Перед членами делегации тогда стояла задача добиться подписания советской стороной уже упомянутого четвертого пункта соглашения о выделении территории для установления на ней «вольного советского строя». Кроме этого поручения, представители Махно при РВС Южного фронта должны были договориться с советским командованием о выделении средств на содержание Полевой (Крымской) повстанческой армии, которая в то время вела ожес-

точные бои с белыми. На этом же заседании совет поставил на вид «представителям повстанческих войск при Южном фронте, в особенности товарищу Попову, вести себя корректно и безупречно относиться к своему делу».

Налетов на интендантские склады красных маховцы в то время не совершали. Единичные случаи захвата обозов сурово (вплоть до расстрелов на месте) пресекались командованием повстанческой армии, не желавшим разрывать отношения с Советской властью.

Осенью же 1920 года окончательно сложилась организационная структура руководящих органов маховской армии, определены их права и обязанности, которые в основном оставались неизменными до конца ее существования (менялся только их персональный и количественный состав). Высшим органом, по определению Махно, являлся Совет армии, состоявший из трех отделов — оперативного, организационного и культурно-просветительного. Последний в свою очередь включал в себя два подотдела — организационный и пропагандистский.

По положению, утвержденному тогда же Советом армии (над ним потрудились Махно, Галина Кузьменко и Петр Аршинов), культпросветотдел должен был вести «широкую культурно-политическую и организационную работу среди крестьянства, рабочих и повстанческой армии». Главным направлением этой работы, как считал Махно, являлась организация крестьянства и повстанцев «на почве

трудового безвластного строительства жизни», создание экономических союзов деревенской и городской бедноты с целью «приучить и тех и других к самостоятельному ведению своей жизни», установление «революционной связи между крестьянством и городским пролетариатом в целях непосредственного продуктообмена через кооперативы и товарищескую взаимопомощь». Все это, по мнению Махно, «обязательно приведет к утверждению безвластного социального общежития». Подобные примитивные и аморфные анархо-коммунистические утопии и пытались внедрить в жизнь и быт повстанцев, всех жителей в Гуляйполе.

Приказом Махно среди личного состава Гуляйпольского гарнизона была развернута систематическая политическая работа. Культурно-просветительный отдел подготовил «обязательную программу курсов политграмотности» в махновских войсках и приступил к ее реализации. Повстанцы (многие — нехотя) изучали на занятиях политическую экономию, историю, теорию и практику анархизма и социализма, историю Великой французской революции (по Кропоткину), историю революционного повстанчества в русской революции и другие предметы. Батяка старался не отставать и поспевал везде: его видели и в учебных классах, и на стрельбище, и в конюшне, и в госпитале, где он подбадривал раненых.

Культурно-просветительному отделу махновского Реввоенсовета удалось решительно изменить в Гуляйполе систему школьного обучения и, как не без самодовольства вспоминали об этом анархисты из Реввоенсовета, «отделить школу от государства»,

сделать ее ни от кого не зависимой. Все начальные школы и три гуляйпольские гимназии перешли на содержание населения. Вместе с учителями школьная комиссия, набранная из представителей крестьян, рабочих, железнодорожников и учащихся, занималась учебно-организационными, а также хозяйственными вопросами. Махно не вмешивался в эти проблемы. Он считал, что каждый должен заниматься своим делом и отвечать за него: он — воевать, учителя — учить.

Больным — и в переносном, и в прямом смысле слова — было медицинское обслуживание. Здравоохранение (в его современном понимании) в повстанческой армии полностью отсутствовало. Больные и раненые, особенно из местных жителей, отправлялись на выздоровление в родные места, отлеживались в отдаленных селах и на хуторах. Те же, кто не имел родных и знакомых, обычно перевозились на тачанках вместе со всяким скарбом, а иногда и на задках орудий или на зарядных ящиках, и были предоставлены сами себе, так как на всю армию имелось лишь несколько мобилизованных докторов. Да и они при практически полном отсутствии медикаментов мало чем могли помочь нуждающимся в лечении. В этих условиях даже легкое ранение или болезнь могли привести (и часто приводили) к гибели повстанцев. Особенно значительные потери несли махновцы осенью и в начале зимы, когда вспыхивали эпидемии тифа, гриппа и т. д.

На распространение разного рода болезней сказывалось и нерегулярное питание, так как, по воспоминаниям одного современника, «братки» (так махновцы обычно называли друг друга) жили, что

называется, на «подножном корму», то есть, приходя в то или иное село, размещались на постой по крестьянским хатам и питались «чем Бог послал».

Но, с другой стороны, повстанцы особой нехватки пищевого довольствия не ощущали. Разумеется, не обходилось без грабежей и бессмысленной порчи крестьянских запасов. При этом всяческие злоупотребления и изъятие большего, чем требовалось, количества продуктов могло привести к строгому наказанию. В благодарность за помощь и гостеприимство Нестор Иванович делился с крестьянами захваченными у белых товарами, мануфактурой, углем и т. п. Раздача обычно осуществлялась по справедливости, причем подобным образом махновцы делали население того или иного села как бы своими соучастниками и сторонниками, и оно уже никак не могло не оказывать им содействие в будущем, боясь мести Красной Армии или белогвардейцев.

Настоящим бичом было пьянство. Махновцы топили в самогоне невеселые думы о своей грядущей безрадостной судьбе. Слаб оказался и сам батька, однако пил он только в относительно спокойной обстановке и жестоко преследовал повстанцев за, так сказать, «несвоевременное пьянство», когда противник был рядом, грозя наступлением или окружением повстанческих отрядов. Пьяные дебоши, кровь и насилие развращали население, приучали равнодушно взирать на жестокости, лишали чувства протеста против них. Совершаемые на глазах взрослых, а часто и детей пытки и зверские расправы приводили к тому, что крестьянские ребятишки начинали играть не просто в войну, а в допросы и расстрелы. В

результате таких «игр» нескольких крестьянских детей нашли замученными насмерть, а одного даже повешенным.

Но на душе у махновцев «скребли кошки».

О настроении махновцев в тот период красноречиво говорит запись в дневнике одного из них, судя по тексту, работника культотдела повстанческой армии. Датирована она 3 ноября 1920 года:

Скучно и грустно. Терзает и не дает покоя мысль — «а что дальше будет?». Белогвардейщина будет раздавлена, и что дальше будет с повстанческой армией. В комсоставе чувствуется усталость. Сам Махно дышит усталостью, нет никакой намеченной цели в армии и определенного плана, а также нет культурных работников... Боюсь, что коммунисты объявят нас вне закона и тогда начнется снова пролитие трудовой крови. Эти головотяпы не могут понять, что у них разлагается Красная Армия и перейдет на нашу сторону. Но весь наш трагизм состоит в отсутствии культурных сил. Махно тоже воздерживается от работы. Я чувствую, что он устал.

Любопытными представляются и чисто внешние характеристики, данные Нестору Махно современниками в ту пору.

Гуляйпольская учительница М. Сухогорская описывала Махно так:

С виду он был неказист: небольшого роста, узкоплечий, с русыми, под горшок стриженными (после перенесенного тифа батька не отпускал их до плеч. — *В. Т.*), гладкими волосами и каким-то плоским, немножко обезьяньим лицом. Ему можно было дать лет около тридцати, одет он в солдатскую форму, с боку у него болталась сабля. В общем, он напоминал мне тогда полицейского урядника. Махно не производил бы никакого впечатления, если бы не его взгляд. Сначала я думала, что только мне

делается страшно, когда он взглянет на меня своими серыми, холодными, стальными, прямо-таки какими-то гипнотизирующими глазами, но потом оказалось, что самые заядлые разбойники-махновцы не выносили этого взгляда и начинали дрожать мелкой дрожью.

А вот другой вариант:

Небольшого роста, с землисто-желтым, нечисто выбритым лицом, с впалыми щеками, с черными волосами, падающими длинными прядями на плечах, в суконной черной пиджачной паре, бараньей шапке и высоких сапогах — Махно напоминал переодетого монастырского служку, добровольно заморившего себя постом. По первому впечатлению, это больной туберкулезом человек, но никак не грозный и жестокий атаман, вокруг имени которого сплелись кровавые легенды. И только небольшие, темно-карие глаза, с необыкновенным по упорству и остроте взглядом, не меняющие выражения ни при редкой улыбке, ни при отдаче самых жесточайших приказаний, — глаза, как бы все знающие и раз и навсегда покончившие со всеми сомнениями, — вызывают безотчетное содрогание у каждого, кому приходилось с ним встречаться, и придают совсем иной характер его внешности и тшедушной фигуре, в действительности крайне выносливой и стойкой. Махно — человек воли, импульса, страсти, которые бешено кипят в нем, которые он старается сдерживать железным усилием под холодной и жестокой маской.

Сколько людей, столько и свидетельств. Каждый видел Махно по-своему. Но в одном все едины — в описании его вызывающего ужас демонического взгляда.

Для участия в боевых действиях против Врангеля Махно направил повстанческую (или, как ее еще называли, Крымскую) армию численностью две —

две с половиной тысячи бойцов во главе с командующим С. Н. Каретниковым и начальником штаба П. Гавриленко. Кавалерией командовал А. С. Марченко, доверенное лицо Махно. Пулеметным полком — бесстрашный Фома Кожин. Так называемая тыловая группа, которая подчинялась непосредственно Махно и начальнику штаба Белашу, находилась в Гуляй-поле. Ряд махновских отрядов дислоцировался в районе Бердянска, Мариуполя, Новомосковска. Усиленно формировали и оснащали всем необходимым новые части Удовиченко и другие старые махновские командиры.

5 ноября комюжфронта Фрунзе передал махновские части в подчинение командующего 6-й армией А. И. Корка. Повстанцы получили приказ ударить в тыл сильно укрепленных позиций врангелевцев на Перекопском перешейке и затем развивать наступление в направлении Симферополя. В отличие от других командующих фронтами и армиями, в состав которых входили ранее махновцы, Фрунзе больше им доверял, не боялся снабжать боеприпасами. Он отдал распоряжение обеспечить повстанцев патронами и средствами связи. Фрунзе прекрасно оценил мощь махновских подразделений, их огромный опыт и военную сноровку. Но в то же время чехарда с оперативным переподчинением махновской повстанческой армии позволяет предполагать, что командующий Южным фронтом предвидел большие потери личного состава своих войск и искал «союзникам» самые опасные места.

В ночь на 8 ноября махновцы в составе ударной

группы 6-й армии при одиннадцатиградусном морозе вошли в Сиваш, кипящий от разрывов неприятельских снарядов, и форсировали семикилометровую водную преграду. Более полутора тысяч повстанцев приняли участие в захвате Литовского полуострова. Первыми на удерживаемый врагом берег гнилого моря ступили лихие кавалеристы Марченко, за ними — пулеметный полк. В сивашских водах осталось лежать много махновцев, еще больше было ранено. Получил серьезное ранение комполка пулеметчиков Фома Кожин. Бойцы на руках вытащили своего командира из ледяной купели и через пару часов он, весь в бинтах, продолжал отдавать распоряжения.

9 ноября врангелевское командование предприняло последнюю попытку переломить оперативную ситуацию. Конный корпус генерала Барбовича общей численностью до четырех с половиной тысяч сабель при тридцати орудиях, ста пятидесяти пулеметах и пятнадцати бронемашинах обрушился на фланг 15-й красной дивизии, вместе с которой дрались махновская армия.

Кавалерийская лава раскинулась вширь версты на полторы, двигалась стремя в стремя и не в один ряд.

— Тысячи четыре... А может, и больше.

Это проговорил Каретников. Он что-то обмозговывал, на что-то решался. Лавина могла не только опрокинуть пехоту... Видно, как левый фланг 15-й дивизии, прижатый к Сивашу, уже стал осаживать, беспорядочно отступая. Разогнав пехоту, кавалерия белых с налету могла смести и махновскую конницу. А ей, как и всем, уже некуда отходить: вода в Сиваше поднялась.

— Матвей, — крикнул Каретников в сторону ординарца, — живо к Кожину. Скажи Фоме — все тачанки махом вперед и развернуть по белым. Швыдко!

Бойченко, ординарец, с версту летел с такой скоростью, что конь был весь в мыле.

Фома Кожин, видно, и сам правильно оценил обстановку, приготовился, ждал только приказа. Поднявшись во весь рост на тачанке, гаркнул, в три приема, свое страшное:

— Хлопцы!

— Р-робы грязь!

— Батько с нами!

Выгнувшись дугой, навстречу лавине врангелевской конницы помчались двести махновских тачанок. Вот они проскакали мимо отступающей пехоты. Каретников что-то кричал ей вслед, отчаянно жестикулируя руками, но ветер уносил обрывки фраз куда-то в сторону.

Уже лишь сотня метров отделяла тачанки и ревущую лаву кавалеристов. Земля гулко дрожала от топота сотен коней.

Кожин привстал и поднял правую руку. Тотчас, повинувшись командирскому условному знаку, тачанки одна за другой описали полукруг и, развернувшись, остановились. Плотный убийственный ливень свинца обрушился на белую кавалерию. Наткнувшись на огненную преграду, всадники сбились с ритма движения, и заглохло...

Оставив на месте горы трупов, остатки врангелевской конницы повернули вспять. Теперь было видно, как, настигнутые пулями, валяются на скаку лошади, сбрасывая, подминая под своей

тяжестью всадников, как скатываются наземь кавалеристы...

Генерал Барбович опустил бинокль: разгром полный, его гордости, гордости всей армии — конного корпуса больше не существовало.

13 ноября конники Каретникова заняли Симферополь, а 15-го вошли вместе с частями 1-й Конной армии в Евпаторию.

Через несколько часов конники махновцев уже гарцевали по набережным Севастополя, а в сторону Турции уходили последние корабли с русскими беженцами.

Полевая (Крымская) армия потеряла около шести тысяч бойцов убитыми и ранеными, три раза почти полностью сменив личный состав.

Полевая армия (три кавалерийских полка — тысяча пятьсот сабель, два пулеметных полка — один при двухсот пятидесяти «максимах», другой — при двухстах «льюисах», триста тачанок с пехотой, тридцать четыре орудия) стала нести гарнизонную службу, выделив для решения оперативных задач группу Марченко.

Махновцы не думали, что Врангель так быстро будет разгромлен. Батька надеялся выиграть время для того, чтобы осуществить свою идею создания вольных трудовых советов, при помощи которых он рассчитывал привлечь на свою сторону новых последователей.

Когда в Гуляйполе стало известно о победах на Южном фронте, и в частности о том, что отряд Марченко продвигается в сторону Керчи, адъютант Махно Гаврюша Василевский воскликнул:

— Конец соглашению! Ручаюсь чем угодно, хоть

собственной жизнью, что через неделю большевики будут громить нас.

Хоть было и тревожно на душе, но батька решил достойно отметить победу.

22 ноября на здании Народного дома станции Пологи красовалась афиша с объявлением о том, что культпросветом пехотного полка повстанцев Украины (махновцев) будет дан праздничный концерт, на котором силами местных артистов разыграют сцены из «Запорожца за Дунаем», «Бувальщины», «Жизни махновцев» и «Дивертисмент» в постановке Льва Грозного, а также устроен «американский аукцион».

Вечером в зрительном зале дым стоял коромыслом. Не успел подняться занавес, как неожиданно раздался оглушительный крик:

— Давайте свет, давайте дорогу!

Все зрители в недоумении и в испуге повскакали с мест, оставившись на входную дверь.

По залу пронесся шепот:

— Батька идет.

Музыка заиграла «Яблочко», и появился Нестор Махно, слегка опираясь на костыль (не оправился еще от последнего ранения), а за ним его охрана с ручными пулеметами «льюис» в руках, револьверами и гранатами за поясами. Вид — устрашающий.

После первого акта один из работников «культпросвета» открыл аукцион: продавался простой женский платок и фунт конфет. Деньги собирали махновские маркитантки, они ловко лавировали между рядами, уворачиваясь от цепких рук и не обращая внимания на скабрзные шутки и окрики повстанцев.

Потом на сцене появился один из охранников Махно с бутылью самогона в руках и со словами «Продается чистая николаевская» стал выкрикивать цену. Торговля пошла быстрее. (Через пару дней главный режиссер махновского театра Лев Грозный загонит на местной толкучке на метры, как мануфактуру, используемый в представлениях занавес городского театра.)

Собранные во время театральных представлений и аукциона деньги пошли в пользу раненых и больных бойцов.

Реввоенсовет Южного фронта внимательно следил за действиями Махно и его тыловой группой. Несмотря на то что каждая воинская часть была на счету, Фрунзе держал в резерве пехотную дивизию, «ввиду возможных осложнений с Гуляйполем». (А гуляйпольская группа насчитывала не более пятисот боеспособных бойцов и примерно столько же раненых.)

В разговоре по прямому проводу с Каменевым 13 ноября Фрунзе заявил:

— В последних боях повстанческая армия вела себя неважно и явно стремилась уклониться от задач, связанных с риском больших потерь.

Заведомая ложь. Махновцы не прятались за чужими спинами. Дело в другом. Фрунзе не мог простить повстанцам отказа участвовать в массовых расправах над пленными врангелевскими офицерами, военными чиновниками, солдатами, работниками учреждений Добрармии и представителями интеллигенции. Только за две последние недели ноября их погибло

в Крыму почти сто тысяч. Поверив обещаниям Советской власти сохранить им жизнь, они сдались на милость победителей. Участь их оказалась ужасной: «классового врага» топили в море, расстреливали из пулеметов, кололи штыками, рубили на скаку шашками.

Победа над Врангелем развязала Советской власти руки в отношениях с махновцами. 14 ноября состоялось заседание ЦК КП(б) Украины совместно с членами ЦК РКП(б) Л. Д. Троцким и Л. П. Серебряковым. Рассматривался всего-навсего один вопрос — о Махно и повстанческом движении.

Не отставала и советская печать, опубликовавшая ряд статей, в которых красочно расписывались «бесчинства контрреволюционных банд, работающих под Махно». Газета «Всероссийская кочегарка» в передовице отмечала, что «под видом «махновцев» начинают выступать отъявленные бандиты, дезертиры, шкурники, шпионы и прочие. Они ведут активную антисоветскую агитацию, прибегают к вооруженным нападениям и выступлениям, преследуют сторонников Советской власти и т. д. Ясно, что истинный «махновец», в силу заключенного соглашения, не может идти по этому пути. Ясно, что именем «махновца» пользуются враги пролетарской революции». С одной стороны, власти пытались создать впечатление, что они отделяют бандитов от махновцев, а с другой — не скрывали, что в разряд уголовников они могут занести кого угодно.

После ликвидации врангелевщины повстанческая армия Махно передавалась в оперативное подчинение командующего 4-й армией В. С. Лазаревича с

последующей переброской вместе с 9-й стрелковой дивизией на Кавказ.

20 ноября Фрунзе подписал соответствующий приказ, а 23-го предложил командарму повстанцев «бацьке Нестору Махно немедленно приступить к переформированию своих отрядов в регулярные части Красной Армии».

В соответствии с этим распоряжением все части повстанческой армии, находящиеся на территории Крымского полуострова, немедленно переходили в состав 4-й армии, а отряды махновцев, дислоцировавшиеся в Гуляйполе, подлежали реформированию и включению в запасные части.

Сейчас трудно сказать, успел ли получить Фрунзе разведдонесение из Гуляйполя, датированное 23 ноября, в котором говорилось:

Махно формирует армию для разоружения Красной Армии, находящейся в Крыму. В районе Гуляйполя полное безвластие, производятся грабежи, убийства, насилия и пьянство. Махновцы, находящиеся в Пологах, поставили себе задание — разоружать и раздевать красноармейцев. Среди махновцев много находится служивших в Красной Армии. Махновские агитаторы всюду ведут агитацию среди красноармейских частей о переходе из Красной Армии к Махно.

Армия Махно насчитывает до 9000 человек, около 2500 сабель. Производится мобилизация старых партизан.

Сообщение информатора не соответствовало действительности. Махно, несмотря на весь свой природный талант военачальника, на удачливость и бесшабашность, вряд ли бы решился на такую авантюру, как попытка противостоять армиям Южного фронта. Силы были слишком неравные,

да и сказывалась чудовищная усталость, охватившая его повстанцев. Махновский штаб стремился к одному — подписать с Советской властью все тот же четвертый пункт соглашения. В осуществлении последнего на практике батька и его ближайшие соратники видели залог своих будущих успехов и эволюции повстанческого движения в сторону анархической вольной республики. Уповая на эту очевидную иллюзию, махновцы сами рыли себе яму.

Вообще, по словам начштаба Виктора Белаша, повстанческая армия прямо-таки «кишела» советскими агентами. В середине ноября по распоряжению Ф. Я. Мартынова, руководителя особой группы на Украине, из Харькова в Гуляйполе было направлено более пятидесяти агентов, перед которыми ставилась задача — сеять панику и разлагать повстанчество изнутри. Планировалась и физическая ликвидация самого батьки и его штабных. Однако махновская контрразведка, схватив семь чекистов, сработала оперативно. Арестованных допросили и тут же зарубили шашками. В своих воспоминаниях П. Аршинов пишет о девяти, посланных в Гуляйполе контрразведкой 42-й дивизии для наблюдения за Махно, членами его штаба и Реввоенсовета повстанческой армии. Их также арестовали через день после прибытия в махновское расположение, расстреляли на окраине села. Большевицкая сторона никак не отреагировала на гибель своих людей: время еще не настало.

23 ноября в Гуляйполе прибыл Мартыненко — представитель ЦК КП(б) Украины и командования Южного фронта при повстанческой армии, видимо

для последней рекогносцировки. На квартире Махно собрались командиры. Мартыненко говорил о государственности, власти и анархии, о последних событиях в Турции, где в это время разворачивалось освободительное движение под руководством Мустафы Кемаля (Ататюрка), об автономии Гуляйпольского района.

— Если ваше правительство будет настолько щедро, — обратился к оратору член РВС повстанческой армии Рывкин, — и подпишет четвертый пункт, я полагаю, наши части выступят в Турцию на помощь тамошним революционерам.

— Москва согласна подписать. Окончательное решение зависит теперь от украинского правительства, которое на днях все оформит. Не сомневайтесь. Все будет сделано, как договорились.

Мартыненко никто не поверил: разведка и контрразведка у Махно работали напряженно и в руках армейского штаба оказалось немало доказательств обратному.

Поздно ночью представитель ЦК уехал в Большую Михайловку, а совещание у Махно продолжалось. Обсуждали один вопрос — о возможных действиях Советской власти. Настроение у всех было тревожным, батяка мерил комнату шагами, пытаясь сосредоточиться на одном — просчитать действия Фрунзе и возможные собственные ответные меры и их последствия.

24 ноября был получен еще один приказ Фрунзе, в котором в ультимативной форме выдвигалось требование о немедленном и безоговорочном подчинении. «До 26 ноября, — отмечалось в приказе, — я буду ждать ответа на вышеизложенный приказ. В слу-

чае неполучения такового, что представляется наиболее вероятным в связи с поступившими на сегодняшний день донесениями о начавшихся передвижениях махновских отрядов и ряда новых нападений на наши части, красные полки фронта, покончившие с Врангелем, заговорят с махновскими молодцами другим языком».

Столкновение Махно с командованием Южного фронта считалось уже неизбежным. Фрунзе призвал красноармейцев покончить с махновщиной в три счета. «Всем частям действовать смело, решительно и беспощадно, — отмечал командующий. — В кратчайший срок все бандитские части должны быть уничтожены, а все оружие из рук кулаков изъято и сдано в государственные склады».

В этот же день советская печать сообщала:

Из беседы с командиром 3-го махновского полка выяснилось, что махновцы намерены вести войну против Советской власти. То же самое подтверждает командир «батьковской сотни». Войск в Гуляйполе до одной тысячи сабель и три тысячи пехоты при трех орудиях, остальные находятся в ближайших селах.

Предвидя скорое развертывание боевых действий против частей Красной Армии, Махно запретил выдачу тысячи пудов хлеба для 42-й дивизии по запросу советского командования у гуляйпольцев.

25 ноября Совет революционных повстанцев Украины (махновцев), не дожидаясь согласованного с Советской властью решения, утвердил «Общее положение о вольном совете». Этот документ был призван разъяснить массам повстанцев и крестьян глав-

ную цель борьбы махновцев — введение «вольных советов» и намечал начальные меры к ее осуществлению.

В «Общем положении» крестьянские и рабочие Советы провозглашались органами экономического и общественного самоуправления трудящихся. Назывались они «вольными» потому, что не должны утверждаться и подчиняться государственной и партийной власти. Советы не имели никакой власти над крестьянами, избиравшими его, скорее наоборот — они должны были стать последовательным исполнителем их воли, организуя свою работу в соответствии с постановлениями и наказами избирателей. В Советы могли избираться лишь трудящиеся, как мужчины, так и женщины, возраст избирателей и избранных определял сход в каждом конкретном случае. Тут же давалось разъяснение: кого можно считать трудящимися. В деревне — это те, кто не занимается эксплуатацией и не пользуется наемным трудом деревенской бедноты. В городе — всякий рабочий, зарабатывающий на жизнь себе и своей семье «трудом своих мозолистых рук».

В Советы не могли быть избраны бывшие чиновники, а также представители советской администрации, в том числе и коммунисты, так как эти органы должны быть обязательно беспартийными. Членов Совета предполагалось переизбирать каждые шесть — восемь или двенадцать месяцев.

Однако все планы махновцев остались лишь на бумаге, развернувшиеся события внесли свои коррективы.

В отличие от других командующих, которые в годы гражданской войны пытались ликвидировать махновщину, Фрунзе действовал более быстро, решительно и последовательно. Он не терял ни дня. 26 ноября личному составу частей и соединений Южного фронта, готовившихся к переброске в другие районы страны, был зачитан приказ, которым командование объявило Махно и всех его повстанцев врагами Советской Республики и революции и приказало приступить к их разоружению, а в случае сопротивления — к ликвидации. Ставилась задача «всю территорию УССР в кратчайший срок очистить от остатков бандитских шаек и тем обеспечить возможность мирного строительства».

Для ликвидации махновщины было привлечено две трети сил 1-й и 2-й Конных армий, 4, 6 и 13-й общевойсковых армий, внутренних войск и других частей и соединений, участвовавших в боевых действиях против Врангеля. Всего это составило 86 батальонов и 224 эскадрона общей численностью около 58,5 тысячи бойцов и командиров.

Махно и его движению объявлялась война не на жизнь, а на смерть.

В ночь на 26 ноября красные части блокировали отряд Каретникова, в ожесточенном бою большая часть повстанцев погибла, пленных — героев Крыма, в том числе самого Каретникова и начальника штаба Гавриленко, расстреляли на месте. Лишь немногим удалось вырваться.

...В ту ночь не спали и в штабе Махно. О том, что нападение красных произойдет, не сомневался

уже никто, ждали только, когда это наступит. Махно еще строил планы — говорил о возможном переходе на свою сторону частей Красной Армии, о походе на Харьков, где рассчитывал покончить с ненавистным советским правительством Украины, и другие.

Ранним утром поступило донесение, что красные части подходят к Гуляйполю со всех сторон. Вскоре послышались гул орудий и пулеметная стрельба. В штабе засуетились, наспех одевались, хватали оружие и выбегали на улицу. Канонада, точно раскаты грома, становилась сильнее, приближаясь к Гуляйполю со стороны станции Пологи. Повстанцев охватила паника, началось бегство из села. Улицы загромодили неповоротливые обозы. На большой скорости, едва не переворачиваясь на поворотах, неслись за село пулеметные тачанки.

Поступили сообщения конной разведки. Они были неутешительны. Кольцо вокруг Гуляйполя неуклонно сжималось. Но Махно, выработавший особые приемы борьбы с регулярными частями и многократно испытывавший их в бою, и на этот раз сумел вырваться из окружения, выведя и большую часть своего войска.

Произошло это так.

Одна из красноармейских конных частей, наступавшая со стороны Туркеновки, опасаясь окружения, начала отходить, образовав тем самым в кольце широкую брешь. Сначала Махно принял отход за обманный маневр с целью завлечь его в засаду. Некоторое время колебался, но, взвесив все, решился на прорыв. Во главе кавалерийского отряда в триста сабель он бросился на отступающих. Перебив из них

больше половины, махновцы не останавливаясь двинулись дальше. Вслед за кавалерией в прорыв устремились тачанки, пехота, артиллерия, обоз. Попытки красных контратаками ликвидировать прорыв не принесли успеха. Повстанцы яростно отстреливались, не подпуская противника на расстояние штыковой атаки. Но обоз махновцам все же пришлось бросить. Вскоре их основные силы скрылись в лесном массиве.

Неудачей закончились попытки ликвидировать махновцев и в других местах — в Мелитополе, Бердянске. Повстанцы, извещенные о приближении красных, уходили из мест дислокации в степь либо рассыпались на мелкие группы и прятались по селам и хуторам.

Лишь в некоторых крупных городах чекистам удалось ликвидировать анархистские организации. В Харькове арестовали В. Волина, Давида Когана, Арона Барона, Марка Мрачного, Лия Готмана, Цейлиха, Ольгу Таратуту, Черкеса, Доленко. В Киеве — Аккермана, Гофмана и Консе. Взяли чекисты и представителей Махно на осенних переговорах о сотрудничестве с Советской властью секретаря штаба Попова, членов РВС повстанческой армии Буданова, Хохотву, а также адъютанта батьки Середу, командиров полков Зинченко, Колесниченко, Кусенко, Чарина и других.

Вывавшись из западни, Махно стал лагерем в двадцати пяти верстах от Гуляйполя. Связь с Полевой (Крымской) армией была прервана, ее судьба — неизвестна. До 10 ноября эта связь между Гуляйполем и махновскими войсками в Крыму осуществлялась конными курьерами. Затем информация от

крымской группы поступала по телеграфу, но 15 ноября он замолчал. С тех пор ни Махно, ни его штаб не знали, что происходит с Каретниковым и его отрядом. На них батька очень рассчитывал, как и на поддержку со стороны крестьян, предполагая, что они пополнят ряды его несколько потрепанного в последних боях войска. На заседании Совета Революционной повстанческой армии, проходившем 29 ноября в селе Константиновке, на котором решался вопрос о дальнейших действиях, Махно дал указание:

— Временно, по мере возможности, уклоняться от столкновений с крупными силами противника и заняться энергично организацией армии и объединением разрозненных и разбросанных по территории юга Украины повстанческих отрядов, а также стараться связаться с отрядом Удовиченко и ждать возвращения крымской группы Каретникова.

На душе батьки было смутно, а на ум приходили слова Петра Кропоткина: «Опасность, которой подвергается революция, когда над ней господствует выборное правительство, так очевидна, что целая школа революционеров совершенно отказалась от этой идеи. Они понимают, что восставший народ не может путем выборов провозгласить правительство, которое не являлось бы представителем прошлого и не мешало народу совершить тот грандиозный экономический, политический и нравственный переворот, который мы называем социальной революцией.

Та партия, которая свергнет правительство, захочет сама занять его место. Она захватит власть в свои руки и будет действовать революционным пу-

тем. Она примет все необходимые меры, чтобы обеспечить успех восстания, разрушить старые институты и организует защиту территории. Всем, кто не захочет признать ее власть, — гильотина; всем, будь они из народа или буржуазии, которые откажутся подчиняться ее приказам, изданным с целью регулировать ход революции, — тоже гильотина!

Мы, анархисты, произнесли окончательный приговор над диктатурой как одного лица, так и одной какой-либо партии, в сущности говоря, это одно и то же. Мы знаем, что одно лицо или одна группа не могут дать должного направления социальной революции. Мы знаем, что революция и правительство несовместимы; что одно должно убить другое, какова бы ни была форма правления; диктатура, королевство или парламент. Мы знаем, что наша сила заключается в следующей формуле: «Только свободная инициатива масс может создать что-либо ценное и прочное, а всякая власть стремится убить эту инициативу...»

Махно хорошо понимал, что ему придется, и очень скоро, воевать, и он продумывал, как будет действовать дальше.

Тактика Махно оставалась следующей: он делал стремительный бросок, по необходимости громил какую-либо бригаду или полк, захватывал обозы, боеприпасы и продовольствие и сразу же уходил, стараясь запутать следы.

Охрана — высылка застав, дозоров. Распоряжения отдавались через дежурного по штабу. Кроме того,

штаб армии имел свою армейскую конную разведку, которая вела поиск в направлении главных магистралей, откуда ожидался подход частей Красной Армии. Разведка отходила от расположения главных сил на десять — пятнадцать верст и собирала сведения у местных крестьян. В походе разведка шла впереди главных сил по намеченному маршруту, высылая передовой отряд в одну восьмую своей численности, который в свою очередь разделялся на передовые и боковые дозоры. Донесения дозоров и наблюдательных постов давали возможность хотя и не полной, но в целом верной ориентировки на местности. Во время боя вся дежурная разведка и контрразведка несли свою службу, не вступая в бой, обеспечивая своим наблюдением безопасность флангов, тыла и обоза, высылая разъезды и выполняя приказы штаба.

Во время рейдов приходилось совершать переходы по восемьдесят — сто верст, что было возможно лишь благодаря постоянной замене уставших лошадей на свежих. При разработке маршрута определялись деревни, лежащие на пути движения, куда заблаговременно высылались разведчики и квартиреры. Через сочувствующее махновцам население они готовили все необходимое. И когда повстанческие отряды приближались к населенному пункту, там уже наготове держали лошадей, провиант и овес для коней. Такая замена, как правило, происходила без остановки движения всей колонны.

Боевые успехи повстанцев противник приписывал будто бы находившимся на службе у махновцев офицерам Генерального штаба царской армии. Но офицеров-штабистов в повстанческой армии не было ни одного.

...Лихие операции провели повстанцы в конце ноября — начале декабря 1920 года в районе Верхний Токмак — Пологи — Мариуполь — Бердянск. В селе Томашевке махновцам удалось разоружить 370-й полк 42-й стрелковой дивизии, два дня спустя нанести сокрушительное поражение отдельной Киргизской кавбригаде.

О последнем случае расскажем подробнее, он по-своему показателен.

Вместе с другими частями Киргизская кавбригада по пятам преследовала повстанцев. Понимая, что в конце концов боя не избежать, Махно издал приказ:

Отдельная Интернациональная кавалерийская бригада, состоящая из басурманов и москалей, с невиданной дерзостью нападает на наши отряды, базы и лазареты. Приказываю, не избегать столкновения с ней... Командиров, комиссаров и басурман в плен не брать.

И вот разведка доложила о расположении Киргизской кавбригады. С утра бригада построилась на главной улице небольшого села Комарь, готовясь выступить в район деревни Богатырь, где должна была преследовать повстанцев. Конные заняли все улицы, сторожевое охранение было снято, комбриг со штабом находился в голове колонны, ожидая конца построения. От разведчиков Махно была известна численность противника и время его выступления из села. Махновцы блокировали выходы из села тачанками и ударили из пулеметов одновременно по авангарду и арьергарду бригады. Возникла суматоха — повстанцев никто не ожидал. Из тел коней и всадников, перевернутых повозок образовалась на-

стоящая пробка, комбриг потерял управление подразделениями, красноармейцы бросились врассыпную, пытаясь спрятаться в домах, сараях, на сеновалах. Из села смогли вырваться лишь около сотни человек, больше двухсот погибло. Махновцам досталась артиллерийская батарея, восемь пулеметов на тачанках, упряжь, патроны, весь обоз и большое количество пленных.

Подошедшие на помощь запертой в селе бригаде стрелковые части не решились деблокировать село и заняли оборону в верстах трех — пяти от Комаря. Ночью махновцы атаковали их, правда безуспешно. Однако на следующее утро «подмога» поспешила ретироваться в сторону Новопавловска, под защиту находившихся там более крупных отрядов Красной Армии.

К вечеру 4 декабря в расположение советских частей начали приходить отпущенные махновцами пленные «джигиты». Они рассказывали, что все махновцы хорошо вооружены, получают вволю сахара, есть у них спирт и самогонка, курят папиросы, патронов много, до двадцати пяти пулеметов, настроение превосходное. Увиденное и услышанное от пленных, которых махновцы отпускали для распространения информации о собственной силе и вольготности повстанческой жизни, сеяло смятение в умах красноармейцев.

Создавалось впечатление, что Махно всюду и везде, что он бьется дерзко и отчаянно, что нет ему отпора и нет силы, способной ему противостоять, что он неуловим и, следовательно, вооруженная борьба с ним бесполезна.

Разгром Киргизской кавбригады, помимо проче-

го, деморализовал красноармейцев, они теряли веру в свои силы и свой боевой дух. Страх перед лихой рубкой махновцев парализовал их. Такое настроение передавалось от одной красноармейской части к другой.

Ввиду серии военных и политических неудач Советская власть на Украине приняла решение о развертывании войны на полное уничтожение махновщины. 2 декабря командование 4-й армии объявило о введении осадного (военного) положения в Мелитопольском, Бердянском, Александровском и Мариупольском уездах. Населению запрещалось появляться на улицах и выезжать из населенных пунктов после десяти часов вечера. Задержанные после комендантского часа подлежали немедленному расстрелу. Такая же кара ждала и тех, кто укрывал или оказывал помощь махновцам. По Екатеринославской губернии прокатилась волна арестов, ЧК и милиция (усиленные кадрами из Киева и Москвы) брали всех, кто когда-то служил у батьки. Председатель Совнаркома УССР Х. Г. Раковский, командующий войсками Украины и Крыма М. В. Фрунзе и секретарь ЦК КП(б)У В. М. Молотов утвердили секретную «Краткую инструкцию по борьбе с бандитизмом на Украине», где были подробно расписаны действия командования частей Красной Армии в «бандитских селах». Согласно инструкции, на население возлагалась ответственность за порчу мостов, железнодорожных путей, телеграфных и телефонных проводов «с обязательным взятием заложников в пятнадцативерстной полосе по обе стороны от объекта». В селах предусматривалась также контрибуция продуктами, скотом, обмундированием (белье, теплая одежда,

сапоги, одеяла), выселение с конфискацией имущества и «уничтожение (поджог или разрушение) домов». Не допускалось лишь разрушение сел артиллерийским обстрелом. Однако этот запрет зачастую обходили: война есть война, да и кто проследит за исполнением всех инструкций и циркуляров. Военский начальник — сам себе «царь и бог».

6 декабря повстанцы после сильной артподготовки предприняли штурм Гуляйполя, где располагались части 42-й дивизии. Бой продолжался более шести часов. 373-й и 374-й полки дивизии с огромными потерями (более тысячи четырехсот убитых и раненых) были вынуждены отступить. Махновцы вошли в родное село под развернутыми черными знаменами.

В первых числах декабря разведка донесла батьке, что из Крыма вырвалась конница под командованием А. Марченко и Тарановского и идет на соединение с основными силами махновцев. Встреча с крымской группой должна была состояться в греческом местечке Керменчике. Несколько дней Махно, его штаб и Реввоенсовет с нетерпением ждали этого события. 7 декабря прискакал гонец, сообщивший, что Марченко со своими конниками прибывает через несколько часов. Несмотря на пронизывающий до костей зимний ветер, сотни повстанцев собрались на окраине Керменчика. Но когда в отдалении увиделидвигающуюся конную группу, сердца у многих сжались. Вместо могучей бригады в тысячу пятьсот сабель возвращался лишь небольшой — в двести пятьдесят человек — отряд. Большинство всадников — в бинтах, лошади усталые. Махно помрачнел и все последующие дни ходил замкнутый и

угрюмый. Вид разбитой, почти уничтоженной знаменитой конницы сильно потряс его.

Батька дал команду созвать митинг и заслушать Марченко. Тот рассказал, что повстанцы после отказа подчиниться приказу РВС Южного фронта о разоружении были окружены сводной дивизией курсантов, эскадронами 7-й кавдивизии и другими частями. Тогда Марченко, чтобы прорвать плотное кольцо окружения, приказал пулеметному полку открыть огонь из всех двухсот «льюисов». На противника обрушился кинжальный огонь. Красноармейцы поспешно отступили, образовав «коридор». Пройдя через него, махновцы затем двинулись к Сивашу, рассчитывая выбраться из Крыма тем же путем, каким и вошли в него. Но форсировать гнилое море они не смогли — уровень воды оказался слишком высоким. Тогда повстанцы направились к Перекопу, где с боем, прорвав внутренние заслоны красных, вырвались в степные районы Таврии. Но за этот прорыв пришлось дорого заплатить. За пять дней непрерывных боев махновцы потеряли почти восемьсот бойцов убитыми и столько же пленными (которых всех до единого без суда и следствия красные расстреляли у села Томашевки). Пришлось бросить четыре орудия, практически все пулеметы, семьсот лошадей. Из тех, кто дошел до Керменчика, каждый второй — ранен.

Махно недолго пробыл в Гуляйполе и уже вскоре двинул свое войско на юг, к Азовскому побережью. В нем насчитывалось тысяча пятьсот штыков, семьсот сабель и сто пулеметов. Командовал кавалерией Марченко, пехотой — Петр Петренко (Платонов).

Включив в свое войско остатки Крымской армии, Махно решил уйти в сторону Бердянска для соединения с Удовиченко, который там вербовал повстанцев. Это решение предопределялось и тем, что район Гуляйполя был слишком насыщен красными войсками, которые постоянно наседали на махновцев. Бердянский же район был в этом отношении более благоприятным, красноармейских частей там находилось значительно меньше, да и были они менее стойкими и потому представляли для повстанцев меньшую опасность. Кроме того, Махно рассчитывал пополнить в тех районах убыль в конском составе.

11 декабря махновцы взяли Новоспасовку, а утром следующего дня двинулись на Бердянск.

Командование находившихся в городе воинских частей получило лаконичное уведомление Махно: «Иду на вы». В восемь часов утра разгорелся бой. Несмотря на численное преимущество, красноармейцы, усиленные частями ЧК, не смогли устоять перед натиском повстанцев. Через полтора часа город полностью перешел в их руки: опыт по ведению боевых действий в городских условиях у махновцев был уже немалый. Пленных не брали: слишком свежи еще в памяти рассказы Марченко о крымской трагедии. Особенно были беспощадны махновцы к красным курсантам и чекистам: их рубили шашками, раненых добивали штыками, а трупы подвешивали на фонарных столбах.

Получив известие о захвате Бердянска, красные пытались блокировать город. Располагая превосходством в живой силе, командование 4-й армии двинуло свои части к северной и западной окраинам

города, имея на юге еще одного союзника — Азовское море. Повстанцы прочно удерживали позиции на восточном направлении, более удобном для отступления. Атаки красных следовали одна за другой. К полудню все атаки были отбиты, и, оставив перед позициями махновцев сотни трупов, советские части в беспорядке отступили. А в четырнадцать часов дня Махно отдал приказ своим отрядам отходить. Благодаря стойкости повстанцев, дерзости и быстроте движения, он избежал окружения и вывел свое войско из города, захватив при этом по пути станцию Новоспасскую. Здесь махновцам в качестве трофеев достались провиант и патроны, доставленные для подразделений 4-й армии. Вечером 3 декабря Махно без боя занял село Андреевку. Ошеломленное такими стремительными бросками советское командование даже не пыталось организовать преследование повстанцев. Здесь, в Андреевке, батька провел подсчет имеющихся сил — их было три полка пехоты, три полка конницы и пулеметный полк — всего около трех с половиной тысяч человек.

Измотанные двухдневными непрерывными боями, махновцы едва держались на ногах. Батька приказал всем спать, ибо на завтра предстояло продолжить движение. Однако утром махновцы снова оказались в окружении. Советское командование сосредоточило вблизи Андреевки крупные силы: части сводной дивизии курсантов, 2-й Донской дивизии, 42-й стрелковой дивизии, 3-й конный корпус, Интернациональную и Запасную кавалерийские бригады — всего двенадцать тысяч штыков и сабель, пять артиллерийских батарей и несколько броневиков.

Итак, подавляющее численное преимущество было на стороне красных, оставалось одно — пойти на хитрость. Махно выделил из своих частей небольшие отряды, на долю которых выпала особая, своего рода самоубийственная задача: занять оборону на окраинах села и плотным огнем из всех видов стрелкового оружия постараться не допустить противника к Андреевке. Остальные свои части Махно собрал в кулак, стремясь создать впечатление, что готовится к прорыву. Командование 42-й дивизии поддалось на эту уловку и весь день занималось перегруппировкой своих частей, готовясь встретить махновскую конницу огнем из всех пулеметов. Поздно вечером красные сняли с северо-западного направления 126-ю кавбригаду, намереваясь передвинуть ее к месту намечаемого прорыва, оставив вместо нее лишь потрепанные в предыдущих боях части 124-й бригады. Это сразу же стало известно Махно. Едва только бойцы этой бригады начали занимать образовавшуюся в кольце окружения брешь, как повстанцы атаковали их. Сняв в считанные минуты красную бригаду, Махно двинулся на северо-запад, приказав по ходу нанести удар по тылам не ожидавшего прорыва противника. Возникшая неразбериха способствовала беспрепятственному отступлению махновцев. Главком красных вооруженных сил С. С. Каменев назвал провалившуюся операцию по ликвидации повстанческой армии «андреевским конфузом».

Андреевская история, сделавшаяся впоследствии предметом расследования революционного трибунала, представляла большой интерес как в смысле соотношения сил враждующих сторон, так и в отно-

шении шагов, предпринятых красным командованием в целях поимки Махно.

Один из участников тех событий так оценивал причины побед повстанцев:

— На карте получается, как будто есть кольцо окружения, на самом деле это не совсем так. Окружать махновцев бесполезно, ибо у нас нет пехоты, могущей отразить набег конницы. Махновцы уничтожали пехоту по частям. Основная черта махновцев — изумительная быстрота передвижений. У нас пока напишут приказы в армию, дивизии, бригады и полки — Махно уже далеко, его и «след простыл».

Советское командование бросило в погоню за Махно две кавалерийские дивизии 3-го конного корпуса. 16 декабря у деревни Федоровки произошел новый бой. На этот раз военное счастье улыбнулось большевикам. Повстанцы понесли большие потери, сказались и усталость, и численный перевес противника. Но разбить махновские отряды не удалось. Приказав кавалерии прикрывать отход сильно поредевшей пехоты и лазарет, Махно, во главе полутора десятка тачанок, атаковал красную конницу, пулеметчики своим огнем заставили ее отступить.

19 декабря махновцы подошли к хутору Левуцкому, в котором оказался запьянствовавший штаб 2-й Петроградской бригады сводной дивизии курсантов, охраняемый комендантской ротой. При появлении повстанческих разъездов рота сложила оружие и сама выдала еще не протрезвевших штабистов. Именно они, как выяснилось во время допроса, расстреляли в городе Мелитополе командование Крымской

армии — С. Каретникова и П. Гавриленко. В ответ Махно приказал повесить комбрига Мартынова, военкомбрига Дгебуадзе, начштабрига Матвеева и главинспектора военных учебных заведений Крыма Семенова. Из личного состава комендантской роты никого не тронули.

20 декабря Махно начал новый рейд по южным районам Украины, намереваясь и пополнить свое войско, и лишить спокойной жизни местные советские власти. На рассвете повстанцы вышли из деревни Крейцево в северном направлении и, пройдя село Воздвиженку по долине реки Верхняя Терса, достигли местечка Заливное. Армия Махно состояла примерно из пяти тысяч штыков и сабель. Еще накануне рейда Махно провел заседание совета штаба армии и командного состава. Решили временно уйти из Екатеринославщины для поисков союзников и продовольственной базы, так как сначала врангелевские войска, а затем проводившаяся советскими органами продрозверстка выбрали у крестьянства все возможное — и хлеб, и лошадей, и фураж.

Обезоружив красный кавдивизион в селе Варваровке, 22 декабря махновская армия медленно, соблюдая саженную дистанцию между тачанками и рядами всадников, по льду перешла на правый берег Днепра и устремилась на Киевщину. Новый рейд — пятьсот верст — сопровождался непрерывными боями с частями 1-й Конной армии, 45-й дивизии, корпуса Червонного казачества.

Шли днями и ночами. Мелькали пройденные села и деревни: Башмачка, Широкое, Тритузное, Письмечево, Новопокровка, Павловка, Марьевка,

Любимовка, Васильевка, Сергеевка, Анновка, Петрово, Куцовка, Губовка, Песчаный Брод, Пугачевка, Стадница. Казалось, махновцев ничто уже не может остановить. Командарм 1-й Конной горячился:

— В течение десяти дней войска Южного фронта под командованием Фрунзе разгромили многотысячную регулярную армию Врангеля с мощным вооружением, а здесь те же части фронта не могут справиться с какой-то бандитской шайкой. Нам стыдно смотреть в глаза друг другу, с трудом подходим к телеграфному аппарату, когда вызывает командующий.

Порой казалось, что вот-вот Махно будет пойман, но вместо победных рапортов приходилось отправлять новые неутешительные донесения о новом прорыве, о десятках убитых и раненых красноармейцев, захваченных махновцами пулеметах, винтовках, боеприпасах...

Махно всегда принимал во внимание значение морального духа бойцов, и первое, что старался сделать, — это разлагать Красную Армию изнутри, используя свою излюбленную тактику «отделять тело от головы и сердца». Для этого он широко оповещал об амнистии всем воевавшим против него рядовым красноармейцам и о беспощадной расправе с командирами и комиссарами. Махно отлично учитывал также значение личного авторитета военачальника и, не задумываясь, в критических ситуациях бросал на весы военного счастья свой последний резерв — самого себя. Из многих рискованных переделок он лично выводил свои войска. Отлично он использовал при ведении боевых операций и все

элементы местности: каждый кустик, бугорок, овражек, перелесок — все бывало учтено, все взвешено им.

Вообще военные действия против Махно конца 1920 года, с точки зрения красного командования, можно уподобить борьбе льва с тучей комаров: ударом лапы лев рассеивал комаров без особого для них вреда, а они собирались в другом месте и снова принимались за свое. Советские органы все больше приходили к выводу, что, кроме очистки тех или иных районов от махновцев, необходимо еще прочно закрепить эти районы за собой. Но как, какими силами и какой ценой? Постепенно родилась идея «оккупации» районов как меры, способной обеспечить достижение поставленной цели. А из багажа прежних лет извлечена идея «особых формирований» по борьбе с повстанцами и тактика «выжженной земли».

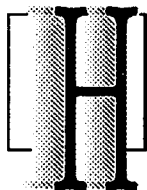

Глава 7

1921 ГОД: Я СДЕЛАЛ ВСЕ, ЧТО МОГ

*Нынче то же, что вовеки,
Утешение одно,
Наши дети будут в Мекке,
Если нам не суждено.*

Саша Черный

Новый, 1921 год Нестор Махно и его повстанцы встретили в яростном бою. Всю новогоднюю ночь кипела страшная рубка между махновцами и красными казаками В. М. Примакова в районе Тальное — Маньковка, недалеко от Умани. Утром следующего дня, понеся незначительные потери, махновцы начали отходить в сторону села Бузовки. Батьку беспокоило то, что на искрящемся от яркого зимнего солнца снегу оставались следы его конницы, и красным ничего не стоило определить направление ее движения. Спасти их мог лишь обильный

снегопад. 2 января махновскому арьергарду приходилось время от времени вступать в перестрелки с преследующими красными частями. Несмотря на потери, они упорно двигались вплотную вслед за батькиными хлопцами, не желая выпустить их из своих цепких объятий.

Неожиданно столкнулись с 8-й кавалерийской дивизией корпуса Червоного казачества. В поле вблизи деревеньки Пугачевки сошлись два войска — одно под красными, другое — под черными знаменами.

Под командованием начдива М. А. Демичева полки Червоного казачества, сверкая клинками и оглушая противника дружным «ура», бросаются в атаку, а махновцы с четкостью, свойственной частям регулярной армии, поворачивают, начинают маневрировать, обходить фланги. Тогда по казачьему арьергарду наносят удар лихие повстанческие конники. 2-й Червоный полк не только теряет десятки бойцов, но и ценную «зброю» (оружие).

Одно из подразделений красных, предводительствуемое сотником Соколовым, пытаясь уйти, натывается в перелеске на группу всадников. Возглавляет ее усатый кавалерист в бурке. Близорукий, в очках, Соколов поскакал вперед с рапортом. Сотник сквозь запотевшие стекла очков видел только торчащие стрелками вильгельмовские усы всадника, точно такие, как у командира полка Потапенко.

Осадив коня, Соколов успел лишь раскрыть рот, как усач — Феодосий Щусь — молодецки гаркнул:

— Здорово, командир!

Соколов, все еще принимая махновца за комполка, подал ему руку. Щусь, изо всей силы потянув на

себя всадника, сташил его с седла, после чего разрядил в него свой маузер. Казаки бросились врассыпную.

С утра 3 января закружились редкие снежинки, а потом пошел снегопад, небо затянуло тучами, и закружившаяся метель скрыла махновцев от преследования.

Неожиданно навстречу передовому отряду Марченко, медленно двигавшемуся вдоль лесной опушки, выехала группа всадников с красным знаменем. Уставшие от непрерывных боев махновцы, которые уже поверили, что ушли от погони, оторопели: снова бой? Но перед ними оказался лишь штаб 14-й кавалерийской дивизии во главе с начдивом Пархоменко, давним недругом самого батьки. Марченко приказал атаковать. В скоротечной рубке весь штаб красных погиб. Махновцы, забрав оружие и коней, двинулись дальше. Когда батьке доложили о гибели Пархоменко, он только произнес: «Вот и встретились...» и приказал не останавливаться. В полевой сумке погибшего начдива обнаружили письмо к нему от брата — анархиста, партизанившего в тамбовских лесах. Он настойчиво предлагал красному командиру перейти в стан повстанцев: «Что тебя держит у большевиков? Чины? Должности? Брось, все это возросло на крови таких же, как и мы, простых работяг. Я знаю, что с батькой Махно тебя связывает кровная вражда. Но открой глаза, и ты увидишь, что за ним идут сотни и тысячи крестьян, ранее никогда не державших в своих руках оружия. Подумай, Александр! Еще не поздно!»

Узнав о гибели начдива-14, красные навалились всеми силами на махновские отряды. В селе Бучки

сосредоточились три кавалерийские бригады и особая (пехотная) бригада. Обойти Бучки не представлялось возможным. Оставалось принять бой.

Пулеметный полк повстанцев, рассыпавшись цепью, ураганным огнем обстреливал улицы, сея панику. Красные растерялись, некоторые поднимали вверх руки, другие бросились из села. Успевшие убежать в степь буденновцы соединились с червонными казаками, перестроившись, закрыли все выходы из села и перешли в атаку. Установив на близлежащих холмах артиллерию, красные поддерживали свою конницу снарядами. Дорога, ведущая из села на юг через единственный деревянный мостик, также оказалась под перекрестным обстрелом. Но опасность как бы утроила силы махновцев. Увлекаемые батькой, они бросились на мостик, смяли части красной 6-й кавалерийской дивизии и вышли из села, за ними двинулись груженные скарбом брички. Но мостик под тяжестью скопившихся подвод рухнул, отрезав от главных сил весь махновский обоз. Пришлось бросить шесть орудий, сорок пулеметов, лазарет и все брички. Пройдя две версты, махновцы наткнулись на стрелковый полк. В результате нового боя повстанцы, отбросив пехоту, вышли на оперативный простор.

Ко всем неудачам добавилась неимоверная гололедица. Кони скользили, основательно побили ноги, а подковать их было негде.

В селе Межиричи в штаб Махно явились петлюровские атаманы Пономаренко, Родченко, Рапчинский, Струк. Они умоляли снабдить их отряды боеприпасами. Махно ничего не дал. Повстанцы сами не имели патронов и снарядов.

7 января в семи верстах южнее города Канева по-

встанцы, предварительно устлав путь по льду соломой и соблюдая безопасную дистанцию, перешли на левый берег Днепра.

У города Хорол на Полтавщине опять попали в окружение. Путь махновцам преграждала крутая насыпь железной дороги. Преодолеть ее можно было только у переезда, вблизи которого курсировал красный бронепоезд. С флангов махновцев охватывала красная конница. Разъезды буденновцев нащупали основные силы повстанцев. Приближался к полю боя сводный отряд Котовского. Казалось, что теперь бесшабашные махновские головорезы не устоят перед буденновцами и червонными казаками.

Очутившись в безвыходном, по всем признакам, положении, Махно пошел на отчаянный риск. В его штабе нашлось удостоверение на имя командира взвода 84-го полка 14-й кавалерийской дивизии. С этим документом адъютант батьки помчался к бронепоезду. Предъявив документ, подвел командира к амбразуре. Показал рукой на приближающихся махновцев:

— Это наши. А там, — повел пальцем в сторону буденновцев, — махновцы. Наши кони жутко вымотались, к бою не способны. Так что начдив просит вдарить ураганным, прикрыть нас, пока пройдем. За переездом встанем. Будем ждать червонных казаков.

Простодушный командир бронепоезда попался на махновскую уловку. На всех парах стальная махина двинулась в сторону красных и, выйдя за семафор, веером обрушила снаряды по всему пространству обстрела. А повстанцы вырвались из тщательно подготовленной западни.

С 15 января против Махно действовал летучий

корпус под командованием В. С. Нестеровича. Он шел по пятам махновцев, проходя за сутки до восьмидесяти верст и отводя на отдых всего по три-четыре часа. За двадцать четыре дня корпус прошел тысячу двести верст, ежедневно вступая в бой с повстанцами. Последние, однако, оказались не менее упорными, красным не удалось их ликвидировать. Потери корпуса Нестеровича составили убитыми и ранеными тридцать процентов в пехоте и около семидесяти процентов — в кавалерии. Батяка ускользал из создаваемого красноармейскими частями кольца, и каждый раз снова начиналась многодневная изнурительная гонка по заснеженным полям, лесам и балкам. Небольшие стычки заканчивались, как правило, победой повстанцев, а столкновений с крупными частями Красной Армии они удачно избегали. Случалось, что махновцам приходилось, спрятав оружие, растворяться среди крестьян какого-нибудь крупного местечка, а затем они в условленном месте вновь собирались в единый отряд.

Успешные действия Махно в конце 1920 — начале 1921 года красное командование объясняло доведенной повстанцами до совершенства тактикой партизанской войны. Так, начальник 51-х пехотных курсов Ашахманов, участвовавший в операциях против махновцев, позднее отмечал, что решения и действия Махно всегда оказывались удачными, и если посмотреть на его тактику в целом, то практически всегда им применялись именно те правила, которые выработало военное искусство для ведения партизанской войны. Хотя, добавим, батяка никогда не изучал труды по военной стратегии и тактике.

Разведка Махно, как правило, располагала све-

дениями не только о численности и вооружении противника, но и о национальном и социальном составе красных частей, их моральном духе, настроенных личного состава, взаимоотношениях между командным составом и рядовыми красноармейцами, снабжении войск продовольствием и одеждой. С учетом всех этих факторов Махно и вел боевые действия против Красной Армии.

При нападении на объекты или мелкие гарнизоны махновцы старались учитывать удаленность последних от крупных соединений. Предварительно велась разведка с использованием местного крестьянства, особенно подростков. Передвигались к объекту нападения повстанцы почти всегда скрытно и бесшумно. Передвигались по глухой местности, в стороне от больших дорог и крупных населенных пунктов (за исключением отдельных случаев, когда приходилось «растворяться» среди населения), по малоезженным дорогам и тропам. Переходы совершали ночью, а днем отдыхали, причем свои стоянки окружали кольцом застав и караулов с применением паролей и пропусков. Перед нападением махновцы всегда выводили из строя связь, на дорогах выставляли заградительные пикеты, предотвращая таким образом возможный удар с тыла. При нападении на населенные пункты повстанцы стремились создать как можно больше паники, которая усиливалась беспорядочной стрельбой из винтовок и пулеметов с тачанок, передвигавшихся на больших скоростях. Кавалерия махновцев атаковала в лоб тяжестью всей конницы, удары с фланга или тыла наносились лишь тогда, когда выходили из окружения. В своей массе кавалеристы действовали так, как должен действовать оди-

ночный всадник, — сперва отразить сабельный удар противника, а потом поражать врага. Пехота же, напротив, атаковала врага с тыла или фланга. Перед атакой (если бой разворачивался на открытом пространстве) небольшие — всадников по двадцать — тридцать — группы махновцев, отвлекая внимание от основных сил, имитировали нападение, в то время как пехота наносила фланговые удары по не ожидавшему их противнику. Чтобы обоз не мешал в бою, повстанцы отгоняли его верст на двадцать в сторону под прикрытием отрядов из ста пятидесяти — двухсот всадников. В случае опасности махновцы без боя бросали обоз и уходили мелкими группами. Преодолевая большие расстояния, они практически в каждом селе имели так называемые «конные депо», где меняли лошадей. Если приходилось делать незапланированные остановки, то махновцы забирали лошадей силой. Но это случалось довольно редко.

Советские соединения и части в борьбе с Махно напоминали человека, который пытается поймать свою тень, но ничего, кроме выматывания собственных сил, не достигает.

Один из видных военачальников, руководителей борьбы с махновцами Р. П. Эйдеман вспоминал: «Потребовался значительный промежуток времени, громаднейшие средства, пока мы в борьбе с Махно не установили, что и у этого изворотливого, подвижного, непрерывно рейдирующего противника есть свой собственный тыл, который его питает, на базе которого он восстанавливает после поражений свою живую силу и вне которого немислимо его существование. При тщательном изучении маршрутов

Махно оказалось, что в его движениях вовсе не господствует такая хаотическая свобода действий, как это представлялось нам в первый период борьбы. Основные преимущества партизана — его быстрота передвижения, связанная с непрерывной сменой конского состава (лозунг: «Каждое село имеет конское депо»), знание местности и вытекающие отсюда преимущества в бою, осведомленность и безотказно действующая разведка, базирующаяся на сочувствии местного населения, — все это, вместе взятое, ограничивает свободу действий партизан, приковывает его к определенным районам. Махно никогда не утруждает себя излишним обозом: раненые оставались на попечении сочувствующего населения, лишнее оружие и патроны хранились в определенных местах и районах. Все это прикрепляло Махно, его военные действия к определенным волостям и уездам.

Как бы беспорядочными ни казались маршруты Махно, нанесенные за известный срок на карте, они неизбежно перекрещивались в целом ряде пунктов. Какие бы зигзаги ни делал Махно, на его пути всегда оказывались станции, куда он заворачивал с какой-то поражающей закономерностью.

Это навело на вывод, что с этими пунктами, по-видимому, особенно связано существование и деятельность банд Махно, направление его отдельных рейдов. Агентурная разведка впоследствии полностью подтвердила наши предположения. У Махно оказался свой тыл, недурно оборудованный, отрыв от которого неизбежно ставил бы его в крайне тяжелые условия».

В бою махновцы нередко использовали и довольно примитивные, но эффективные приемы: соска-

кивая с коней, бросали себе под ноги винтовки или обрезы и поднимали руки вверх. Когда красные кавалеристы в пылу боя проскакивали мимо «пленных», стремясь приблизиться к самому батьке, те хватали оружие и стреляли в спину, а затем, захватив лошадей, скрывались в ближайшем перелеске, балке или роще.

В боях с кавалерийскими частями махновцы помимо клинков умело использовали и пистолеты, особенно в ближнем бою. Часто в глубине скачущих махновцев прятались тачанки или конники с ручными пулеметами. Разлетающиеся в разные стороны первые ряды махновской конницы давали возможность пулеметчикам открывать ураганный огонь по атакующим и тем самым заставляли их сворачивать в сторону либо уходить назад подальше от пулеметов. А в это время конники переходили в решающую атаку.

Однажды, окруженный плотным кольцом красноармейских частей, Махно пошел на такую хитрость. Построив своих бойцов в колонну, он приказал развернуть захваченные ранее красные знамена и с громким пением «Интернационала» открыто идти навстречу одной из красных частей, ожидавшей противника в полной боевой готовности. Красноармейцы, приняв приближающихся за своих, приветствовали их тоже пением «Интернационала». Когда же махновцы приблизились вплотную, то внезапно открыли огонь и, несмотря на численное преимущество красноармейцев, вырвались из окружения с минимальными для себя потерями.

Среди однообразных будней боев и отступлений случались у Махно и радостные минуты, когда он

снова начинал надеяться, что опять возглавит многотысячное войско и заставит считаться с собой Советскую власть. Особую надежду у батьки вызвало известие о переходе на сторону махновцев красного командира 1-й бригады 4-й кавалерийской дивизии 1-й Конной армии Маслакова почти со всем личным составом 19-го кавалерийского полка.

Вернемся, однако, в февраль 1921 года.

Продолжая свой рейд, повстанческая армия вошла в Курскую губернию. Махновцы вздохнули с некоторым облегчением, так как советских войск здесь было несравненно меньше, чем на Украине. Это давало возможность дать бойцам отдохнуть, привести в порядок себя и своих коней. Достигнув села Курасовки, штаб получил сведения об Антонове — руководителе антисоветского движения в Тамбовской и Воронежской губерниях. Соединись вместе, антоновцы и махновцы представляли бы собой серьезную опасность для самого существования Советской власти. Но для Антонова, что «жид, что хохол — все едино», и того и другого он презирал. А Антонов ассоциировался у Махно с образом Григорьева. Да и не привык он выступать во вторых ролях.

В селе Короче Махно простился с Аршиновым и Рывкиным, отбывавших в Харьков для налаживания подпольной работы, установления связи с Антоновым и... сбора материалов для написания истории махновского движения (в который уже раз?!). Это несколько польстило батьке: как же, вот уже и историю пишут.

Пройдя рейдом по Курской губернии, махновцы повернули на юг, в родные украинские степи. Курские губернские власти вздохнули с облегчением: слишком серьезные потери понесли они от Махно. Они даже выпустили специальную брошюрку, в которой перечислялись убытки, вплоть до последней пары сапог и последнего седла.

6 февраля повстанческая армия двинулась на юго-восток, держа путь в район Миллерово, рассчитывая там соединиться с отрядом Фомина и Каменева. Армия благополучно прошла Александровку, Ново-Александровку, Ровенки, Осиповку и заняла Мариновку. Здесь советские кавалерийские части атаковали главные силы повстанцев, которые, израсходовав боеприпасы, вместо соединения с «братками», спешно отступили через Беловодск, Шулгинку, Кабанье, Шандриголов и станцию Барвенково в Гуляйпольский район. Армия таяла с каждым днем от усталости и саморазложения.

В начале февраля советское командование подтянуло к Гуляйполю 2-ю и 9-ю кавалерийские дивизии, две стрелковые бригады (всего около трех тысяч сабель и тысяча пятьсот штыков). Обеспечивая огневую поддержку армейской группе, командование перебросило в этот район шесть бронепоездов. Они курсировали на линии Белгород — Купянск — Миллерово. Во втором эшелоне были на подходе еще три бронепоезда и пять бронелетучек.

10 февраля Махно созвал общий совет повстанческой армии, речь шла о перспективах движения. Кое-кто выступил с идеей перейти на нелегальное положение, назвав махновщину «затухающим вулканом». Заседание неожиданно прервал вбежавший в

комнату вестовой. Он сообщил, что на западной окраине села показалась группа всадников. Она двигалась осторожно, как будто ощупью. Повстанцы, не приняв бой, отошли на юг и, перейдя железную дорогу у станции Межевой, остановились в селе Новопавловке. Но и здесь их настигли таинственные всадники. Более двух сотен кавалеристов вплотную подошли к махновским заставам. Лошади повстанцев были измороженными до такой степени, что батька не рискнул выйти в степь, решив принять бой в селе: будь что будет! Но, к счастью, всадники оказались из отряда махновского же командира Коленика. Махновцы было успокоились, но тут последовало новое известие: с севера движется колонна в семьсот сабель. Но и на этот раз повезло — подходили отряды Бровы и Маслакова.

Красные, однако, не давали повстанцам расслабиться. 11 февраля их нагнал 3-й кавалерийский корпус, составленный из 5, 7 и 9-й кавдивизий, пополненный добровольцами из пленных махновцев. Махновцы против махновцев! Батька вскочил на коня и ринулся на передовую, он рассчитывал одним своим видом заставить бывших соратников повернуть оружие против своих новых командиров. Но безуспешно... Махновцы, давшие слово кровью искупить свою «вину» перед Советской властью, напоминали обезумевших волков. Они обстреляли крутящегося волчком на коне Махно, а затем пошли в атаку. Вне себя от гнева Махно, скрывшись за ближайшим плетнем, приказал открыть по наступающим огонь из всех пулеметов. Красные отступили, повстанцы перешли в контратаку и выбили противника из Дибривки; в ближайшей лощине

сложил оружие пехотный полк 42-й Советской дивизии. Махновцам достались четыре исправных орудия, из которых они тут же обстреляли своих преследователей.

13 февраля на рассвете вновь подошли части 3-го корпуса. Но встреченные сильнейшим орудийным и пулеметным огнем у самого села, повернули обратно. Час спустя, перегруппировавшись, красноармейцы опять предприняли атаку. И вновь откатились. Несколько часов не прекращалась ружейно-пулеметная перестрелка. Красные части подошли ближе к позициям повстанцев. Два батальона, не торопясь, развертывались в боевой порядок, третий залег в балке на фланге, резервные отряды придвинулись ближе к передовой.

Красные и не думали зарываться в промерзшую землю. Уткнуться носами в землю от махновской сволочи? Отнюдь. Красноармейцы самоуверенно двинулись вперед, не кланяясь пулям, с винтовками наперевес, весело сквернословя по адресу «махновских бандитов». Станут они тратить на них боевые патроны. Матом и — в штыки! — и весь разговор.

Атакующие двинулись во весь рост на гряде холмов перед собой. Махновцы подпустили цепи стрелков и конницу (она шла по флангам) на полверсты, и здесь сразу по всему фронту атаки ударили пулеметы, будто хорошей плетью стеганули по наступающим. Атакующие залегли. Наступление захлебнулось.

...Непрерывные атаки, отступления и контратаки продолжались более десяти часов. Ночью стороны разошлись: 3-й корпус отступил в Новопавловку, махновцы оставили Дибривку и двинулись в сторо-

ну Новоуспеновки. Ночь спасла обе стороны от еще больших потерь.

Знаменитый зимний рейд протяженностью две тысячи верст, пройденный с 20 декабря 1920 года по 15 февраля 1921 года, был ознаменован ослаблением махновского движения. Вместо численного роста и усиления армии и активной поддержки со стороны крестьянства в Екатеринославской, Херсонской, Киевской, Полтавской, Черниговской, Курской, Харьковской, Воронежской губерниях и Донбассе она дробилась, распадалась на мелкие отряды и группы.

Пройдя села Гайчур, Цареконстантиновку и Белоцерковку, повстанцы 16 февраля 1921 года остановились в селе Берестове. Их силы насчитывали тысячу пятьсот сабель. Смертельно уставшие от боев и непрерывных переходов, махновцы тут же повалились спать. Лишь в штабе да на заставах еще чувствовалась жизнь. Но спать не пришлось. На улицах закипел бой: 3-й кавкорпус был уже здесь. Первыми из села вырвались группы повстанцев во главе с Махно и Куриленко. Вся тяжесть удара пришлась на обозных и раненых. Большинство из них, несмотря на отчаянное сопротивление, пали, сраженные клинками красных конников. Теряя бойцов, штаб армии с небольшим количеством бойцов уходил в сторону Новоспасовки, рассчитывая там сменить лошадей. Неумолимый 3-й корпус продолжал преследование, добывая одиночек и отдельные группы. В Новоспасовку вошли чуть больше двухсот повстанцев, вышли оттуда около ста, остальные разбежались кто куда. Штаб с горсткой повстанцев, ездовых и писарей вышел в район села Заливное, а оттуда направился к немецкой колонии Фридрихсталь. Здесь мах-

новцы разоружили кавдивизион ненавистного 3-го корпуса. Махно лично учинил расправу: тридцать старых махновцев, перешедших на сторону красных, были зарублены на месте. Батяка кричал, размахивая окровавленной шашкой:

— Все предатели получают по заслугам и сполна! Порубим, и только! Понятно вам!!!

Остальные пленные, видя жестокость Махно, со слезами молили о пощаде, обещая верой и правдой служить батяке. Их оставили в колонии невредимыми. Час спустя штаб, поменяв лошадей и пополнив припасы, выступил к Розовке.

Проходя селения и станции — Святотроицкое, Керменчик, Новоуспеновку, Рождественскую, — батяка принимал в свой отряд всех, кто скрывался от красных. И когда отряд достиг района села Заливного, вокруг Махно сгруппировалось триста сабель при двадцати пулеметах с достаточным количеством боеприпасов.

Вечером 19 февраля, атаковав расположившуюся на отдых 124-ю бригаду 42-й дивизии, повстанцы захватили комбрига — ненавистного «стального» Блюмберга (боровшегося с Махно еще в 1919 году), комиссара Трифонова и комполка Михайлова. Приговор был суров — расстрелять.

Часть пленных добровольно вступила в пехотный полк, формируемый Петром Петренко (Платоновым), у остальных, не желавших воевать, по приказанию батяки отобрали верхнюю одежду. Свое распоряжение Махно объяснил просто:

— Красное командование, не имея обмундирования, вынуждено будет на долгое время исключить раздетые части из числа действующих.

Щусь подтвердил:

— Оружие они найдут. Посмотрим, как будут воевать без одежды!

— Вот и я о том же, — подытожил Нестор.

Достигнув 20 февраля села Жеребец, Махно принял решение пройти рейдом по Северной Таврии. 25-го он подошел к Днепру, в тот же день форсировал его и двинулся на северо-восток, сметая по пути мелкие красноармейские отряды. К 1 марта повстанческая армия насчитывала до тысячи сабель, восемь орудий и сто пулеметов. Население Таврии и Херсонщины поддерживало махновцев, и это обуславливало постоянный рост армии, снабжение ее продовольствием, фуражом и лошадьми.

В течение всей гражданской войны Махно пользовался поддержкой крестьян восточнoукраинских губерний. Еще Бакунин считал — и не напрасно — русского мужика прирожденным анархистом, этот анархизм он вырабатывал в тяжелой борьбе с государственным гнетом за свое существование. Крестьянин, хозяйство и потребности которого в значительной степени натурализовались в период военной и революционной разрухи, уже абсолютно не видел никакой надобности в государстве, которое являлось ему исключительно в образе продовольственных, военных и прочих комиссаров с их непомерными требованиями, угрозами, отсидками в холодных амбарах и расстрелами. На митингах заезжим агитаторам мужики кричали:

— Большевики и деникинцы, пойдите вы все к черту, нам никто не нужен. Пусть горожане к нам ничего не возят, пусть сами едят свои товары, мы обойдемся своими.

5 марта у села Новые Серагозы повстанцы столкнулись с двумя дивизиями 1-й Конной армии, усиленными авиацией. Впервые они попали под бомбежку. И хотя жертв оказалось сравнительно мало, вместе со штабом осталось не более пятисот бойцов, остальные от страха разбежались. К такому повороту дел махновцы оказались не готовы. Реввоенсовет принял решение перебраться из Таврии на родную Екатеринославщину: дома, как говорится, и стены помогают. Рейд не удался, но Махно не отчаивался.

12 марта махновцы подошли к Гуляйполю. Бесшумно сняв заставы, они атаковали южную и юго-западную окраины села. Но взятые в клещи 3-м корпусом, стоявшим в полной боевой готовности тут же в селе, отступили, теряя бойцов и лошадей. Семьдесят пять верст корпус шел по пятам повстанцев, не давая им ни минуты покоя. Каждые три-четыре версты махновцы останавливались, разворачивали орудия и били картечью по преследователям, стрелки арьергарда с яростной решимостью отбивались от напирającego противника. Тиски врага разжимались, махновцы снимались с места и продолжали движение. Черные массы конных нависали над отступающими со всех сторон, непрерывно здесь и там прорываясь к основным силам махновской колонны. Конные атаки сменялись ураганным огнем, огонь переходил в вихри конных атак. Неотступно преследуемые красноармейскими частями, махновцы чуть ли не ежечасно вступали в бой и, теряя людей, отходили. Батяка лично руководил арьергардом, сидя за «максимом» на последней тачанке. 14 марта в ходе одной из таких стычек он был ранен и, подхваченный охраной в бессознательном состоянии, увезен с

позиции. Двенадцать верст его везли, не перевязывая, на пулеметной бричке, он потерял много крови. Никто уже и не надеялся, что его удастся довести до ближайшего схорона живым.

Поздно вечером на очередной стоянке у постели раненого батьки собрались командиры. Махно сетовал на то, что красное командование хочет постоянным преследованием заморозить его войско и в конце концов уничтожить штаб и Революционный совет.

Приподнявшись на локте, Махно, преодолевая боль, зачитал только что составленный приказ:

В данное время при известных боевых операциях Красной Армии наша Революционная повстанческая армия Украины (махновцев) для сохранения живой силы, кроме отдельных самостоятельных команд товарищей Кожина, Лысенко, Забудько, не считая групп, которые находятся при штабе армии, распускаются. Общая задача боевых групп:

1) разрушать тыл Красной Армии и ее институты насилия и произвола;

2) разрушать линии железных дорог во время летнего сезона;

3) разоружать красные части, причем хорошее оружие должно быть сохранено в хороших местах;

4) стараться увеличивать число бойцов в группах и их боеспособность;

5) ни в коем случае не допускать в отряды лиц, способствующих бандитизму и подрывающих авторитет повстанцев;

6) стараться сохранить сильные группы до известного времени;

7) каждый командир ответствен за вверенную ему группу.

*Командир батько Махно
Начштаба Белаш*

Батька принял решение разделить армию на три группы и отдельный отряд. Реввоенсовет, штаб армии и Махно остались при группе под командованием Петренко. Отряд во главе с Забудько двинулся в район Дибровского леса, а группа Ганжи ушла в Юзовский район. Хотя пути отрядов и разошлись, между ними поддерживалась постоянная связь, и по первому сигналу батьки они готовы были объединиться и решать совместные задачи.

Через несколько часов после разделения «армии» на группу, в которой находился сам Махно, налетели части 9-й кавалерийской дивизии. Завязался бой, а затем тринадцать часов группу неотступно преследовали. Сто восемьдесят верст пришлось проделать махновскому отряду (в том числе и раненому Махно), пока удалось оторваться от красных. В селе Слобода на побережье Азовского моря повстанцы, отдохнув и заменив уставших лошадей, через пять часов двинулись дальше. Махно не знал, что один из красноармейских отрядов, шедший по его следам, обнаружил в доме, где он лежал раненный, неосторожно оставленную копию приказа о роспуске армии. Таким образом, советское командование сразу же узнало о реорганизации махновского войска.

Уставший донельзя батька искал место, где бы он мог залечить раны, дать отдохнуть своим обессиленным хлопцам, обдумать планы на будущее. Но 17 марта у Новоспасовки красная конница вновь стала наступать махновцев. На этот раз Махно спасся от верной гибели лишь благодаря пришедшим на выручку бойцам личной охраны, вооруженным ручными пулеметами «льюис». Задержав ценой своих жизней преследователей, они дали возможность

Махно и сопровождавшему его Леве Задову уйти вперед, но оторваться от погони все же не удалось. Красные догоняли батьку и шли буквально в пяти саженях от его тачанок. Нестор, кривясь от боли, пересел на коня и пытался вырваться вперед. На бидарке — рессорной телеге на двух высоких колесах — пристроился Белаш, он гнал коней во весь опор. На счастье, Махно пришла в голову дикая, но спасительная идея. Повернувшись к Белашу, он крикнул:

— Кассу, кассу бросай!

В ногах у начальника штаба стоял небольшой металлический ящик со всей повстанческой денежной наличностью. Недолго думая, Белаш схватил деньги (ассигнации, золото, серебро) и стал бросать под ноги наступающим кавалеристам. Это и соблазнило преследователей. Один за другим они стали отставать, прыгивая с коней и собирая монеты. Пользуясь этим, махновцы уходили все дальше, пока погоня не исчезла из виду.

После такой переделки махновцы вместе с батькой (тридцать человек при четырех пулеметах) укрылись в одной из немецких колоний около села Заливного Александровского уезда и с 25 марта по 25 апреля отсиживались там, не подавая никаких признаков жизни. Красное командование потеряло Махно из виду. Тем временем Нестор Иванович пытался проанализировать свои неудачи, занимался разработкой теоретических вопросов анархизма. Идеи, которые и раньше провозглашали анархисты, он стремился облечь в новые, как ему казалось, формы. Он упорно работал над так называемой «Декларацией махновцев». В ней высказывал идеи создания Советов под руководством активных

антигосударственников. Вступая в известное противоречие с идеей безвластия и абсолютной свободы личности, провозглашал «диктатуру труда в форме Советской власти», но под руководством все тех же анархистов; допускал даже государственность, но руководство массами предполагал осуществлять через профсоюзы, во главе которых должны стоять анархисты. Множество идей, порой противоречивых, рождалось в его голове. Махно писал: «В России на развалинах белогвардейских и красноармейских принудительных армий образуются вольные анархистские партизанские отряды, восстанавливается идея безвластного общества». (И это тогда, когда повстанческое движение переживало глубочайший кризис, а его противники — несомненный подъем.)

Или: «Пусть будет каждый обеспечен средствами производства, насколько он умеет их производить независимо от других или совместно с другими по его воле». (Что это — признание частной собственности?)

Завершив свой труд, Махно вынес его на суд своего ближайшего окружения, которое снисходительно относилось к литературным занятиям своего вожака. «Он, самодовольно покручивая усы, читал свое «творение», — записал в тот день в своем дневнике Виктор Белаш. — И какое его охватило разочарование, когда совет и штаб армии набросились на него, обзывая «Бонапартом», банкротом и капитулянтom. Декларацию отвергли целиком». Махно после этого часто уединялся, сочиняя частушки и стихотворения. Ради забавы штабисты за глаза называли его «Пушкиным».

Немцы-колонисты, ранее обычно выступавшие непримиримыми врагами махновцев, сами вели разведку, несли дежурство в заставах и секретах, предупреждая о любом передвижении красных войск и появлении чекистов, тщательно скрывали от любопытных местопребывание Махно.

Используя сохранившийся аппарат своей контрразведки, Махно из подполья поддерживал связь с распыленными отрядами повстанцев и даже руководил их операциями. Военные действия не прекращались. Отлично зная, что с весной приходит и подъем повстанческого движения, совет и штаб отсиживались, ожидая своего часа. И он настал.

Бесспорно, известие о Кронштадтском восстании послужило сигналом к консолидации махновцев. В апреле 1921 года батька разослал гонцов во все тайно скрывавшиеся по деревням отряды с приказом собираться на Полтавщине. Обстановка для этого складывалась благоприятная. Подсыхали дороги, и конница могла свободно совершать многокилометровые марши. Крестьяне, закончив весенние полевые работы, к концу месяца опять могли участвовать в боевых партизанских действиях. Кроме того, в той быстро меняющейся ситуации батька опасался остаться не у дел или отойти на задний план. По деревням гуляла листовка, призывавшая: «В поход на Харьков, разгоним владык из партии коммунистов-большевиков». По команде из штаба мелкие группы и группочки вновь собирались в боевой отряд.

Первый бой и первая удача: у станции Попово разгромлена красная кавбригада. К 15 мая в рядах повстанцев насчитывалось уже семьсот сабель, на их

с довольствия при переводе в другое подразделение или в случае гибели бойца. Командиры частей, выполняя приказание батьки, поощряли отличившихся, наказывали виновных, назначали на должности, определяли места построения и сборов, порядок проведения строевых смотров, чистки оружия,ковки лошадей и ремонта тачанок. В каждом полку велась учетная финансовая книга. А Махно ежедневно решал многочисленные проблемы, связанные с функционированием его все возрастающей армии.

Красное командование тоже не сидело сложа руки. Уже 6 июня М. В. Фрунзе направил командующим Киевским и Харьковским военными округами телеграмму, в которой обратил внимание на то, что махновцы, имея хорошо организованную агентурную разведку, сравнительно свободно маневрируют в районах дислокации советских воинских частей. Фрунзе даже указал пункты, где повстанцы находят постоянный приют, пополняют свои ряды новобранцами, оставляют раненых, меняют лошадей, запасаются продуктами. Чтобы лишить их этих баз, командующим округами предписывалось размещать в таких селениях усиленные гарнизоны, налаживать связь с уездными и губернскими центрами. Усилила свою работу и ЧК. В ряды махновцев засылались разведчики, в основном из числа местного населения, причем пользующиеся доверием у повстанцев. Их родные и близкие находились в заложниках, и им ничего другого не оставалось, как выполнять задания чекистов. Велась усиленная антимяхновская пропаганда в советской прессе. Подвергались репрессиям семьи тех, кто сражался в рядах армии Махно. Под страхом расправы над их

близкими им приказывалось немедленно сложить оружие.

В боях с красными частями и Махно использовал всевозможные методы борьбы. 7 июня в районе сел Варвы и Карпиловки Прилукского уезда на Полтавщине он столкнулся с сильным сопротивлением одного из батальонов 7-й Владимирской стрелковой дивизии. Узнав, что командует красными бывший крестьянин с Полтавщины Л. А. Бабич, Махно написал командиру письмо, в котором предложил сдать батальон и перейти на службу к нему, пообещав высокий пост в повстанческой армии. В случае отказа батька грозил расстрелом не только комбату, командирам и политработникам, но и всему составу подразделения. Но это предложение было отвергнуто.

Операцию по ликвидации Махно, проходившую на Полтавщине, решили лично возглавить Фрунзе и Эйдеман. Но как показали развернувшиеся события, батька в вопросах военного искусства ни в чем не уступал прославленным советским военачальникам. Причем он чуть было не захватил в плен этих руководителей.

...В шесть часов утра 15 июня на станцию Решетиловка, где стоял вагон командующего войсками Украины и Крыма М. В. Фрунзе, прибыл на своем автомобиле Р. П. Эйдеман, весьма возбужденный, привезший нерадостную весть о том, что Махно опять вырвался из окружения близ станции Ромны. Разбудили М. В. Фрунзе (он всю ночь не спал, ждал сообщения о результатах этого окружения и только

на рассвете заснул). Доклад и совещание длились не более двадцати минут. Решили, что Махно находится где-то поблизости. Эйдеман поехал по большаку в местечко Решетиловку.

В восемь часов утра Фрунзе приказал приготовить четырех верховых лошадей. Десять минут спустя он вышел на крыльцо с маузером через плечо.

На вопрос адъютанта «Куда едем?» ответил:

— Поедем за Эйдеманом, — и приказал ординарцам и адъютанту захватить с собой карабины.

...Тихое, ясное украинское утро. Кругом зеленеют засеянные поля. Ночная роса и прошедший небольшой дождик прибили дорожную пыль. Минут пятнадцать всадники скакали галопом, потом пустили коней шагом.

Выехали на пригорок, с которого хорошо просматривались подходы к Решетиловке. В это время из-за местечка послышалась беспорядочная ружейно-пулеметная стрельба, через несколько минут все стихло. Как впоследствии выяснилось, это махновцы обстреляли автомобиль Эйдемана. Ему удалось, хотя и на пробитой машине, отстреливаясь, уйти.

Услышав стрельбу, Фрунзе прищпорил коня в рысь, бросив сопровождающим:

— Нужно поторопиться!

Через несколько минут он и трое ординарцев были уже у старой кузницы на окраине местечка. Подошедший кузнец на вопрос «Что за стрельба?» ответил:

— Стреляли по машине и с машины. А кто и в кого — толком не разобрал.

Всадники поскакали дальше. Вдруг неожиданно

из-за домов, саженьях в семидесяти от них, выскочил разъезд из трех кавалеристов. Фрунзе дал коню шпоры и перешел на карьер. Разъезд, повернув назад, начал полным ходом удаляться в местечко.

Когда Фрунзе со спутниками подъехал к церковной площади, откуда расходятся два большака — один на Полтаву, другой на станцию Решетилровка, из-за поворота улицы показалась колонна кавалеристов.

Впереди ехали трое — один — в черной бурке, без шапки, длинные волосы зачесаны назад, а другие двое тоже в бурках и кубанках. В первом ряду развевалось красное знамя, в центре колонны — свернутое знамя черного цвета. Всего не более двухсот всадников. Сзади колонны — несколько тачанок с пулеметами и какой-то поклажей.

При виде колонны Фрунзе осадил коня и оказался от нее на расстоянии примерно пятидесяти саженьей. Конные, видимо от неожиданности, остановились. С минуту молча смотрели друг на друга. Фрунзе успел разглядеть бойцов. Загорелые лица, одеты кто во что.

— Неужели махновцы?

Фрунзе перевел взгляд на находившегося впереди плотного всадника с непокрытой головой, с длинными темными (больше от пыли) волосами. Сомнений не оставалось — это Нестор Махно.

Задние ряды колонны, не успевшие остановиться, напирали на передних, и еще продолжалось, хотя и медленное, движение вперед. Первые ряды всадников начали снимать с плеч карабины.

Красных почти отрезали от дороги и прижали к плетню какого-то огорода.

Фрунзе, сдерживая лошадь, бросил в сторону первого ряда:

— Какая часть? Кто вы?

Батька, не раздумывая ни секунды, ответил:

— Эскадрон 138-й кавалерийской бригады. А вы?

Один из ординарцев, выхватывая наган, выпалил скороговоркой:

— Стреляю, осади!

Повстанцы молча медленно попятити коней.

Неожиданно Махно ловко взбросил свой карабин на изготовку.

И снова ординарец:

— Не стрелять, это комвойск Фрунзе!

Но батька уже спустил курок, вслед за ним начали палить его бойцы. Фрунзе, удержавшись в седле, бросился через изгородь на дорогу, что вела на Полтаву. Ординарцы, дав коням шпоры, понеслись в сторону Решетиловки. Около пятидесяти всадников устремились за ними: с гиканьем, стрельбой, шашками наголо. Адьютант почему-то замешкался, его тут же нагнали и зарубили. Фрунзе был обязан ему своей жизнью — он преградил дорогу собой и конем передовым бойцам Махно. Это позволило оторваться от погони метров на двадцать, потом еще больше.

Через несколько минут Фрунзе и его ординарцы соединились. Командующий, возбужденный и бледный, задыхаясь, произнес, что дальше ехать не может, у него жжет бок (одна из пуль все-таки задела его). Но еще с полверсты продолжалось преследование. Потом махновцы отстали, только пять-шесть всадников еще галопом гнались за беглецами, но вскоре и они прекратили погоню. Фрунзе с ординар-

цами въехал в сосновый лес, прошел на рысях еще версты две-три, переправился через небольшую болотистую речушку и оказался в расположении своих войск.

Операции на Полтавщине окончились неудачно для красных, Махно в очередной раз вывел свои отряды из-под преследования красных войск и, удачно избежав окружения, неожиданно зашел в тыл противнику. Пока Фрунзе и Эйдеман занимались перегруппировкой сил, лихие махновские тачанки наносили удары там, где их меньше всего ожидали.

Новые бои: 26 июня — у села Влезки, 27-го — у сел Каменное, Камлычки и Перетечки, 30-го — в районе деревни Хоружевка, 1 июля — у хутора Шеболдаев.

Фрунзе — под стать Махно, неудачи не колебали твердости его духа, в ответ на удар наносил два ответных.

У деревни Марьевки повстанцы, атакованные червонными казаками Примакова, приняли жестокий бой. Махновцы рассеялись по всему полю, ища спасения от казачьих клинков. И лишь горстка наиболее стойких бойцов сгруппировалась вокруг батки и под развернутым черным знаменем пошла на прорыв... Этот день — 8 июля — «черный» для Махно. Погиб его любимец Куриленко, от всего отряда осталось тридцать конников. Оставалась одна надежда на отряды Фомы Кожина, которые шли параллельным курсом в стороне от главной колонны. 9 июля им удалось встретиться. Как «феникс из пеп-

ла» опять возродилась повстанческая армия, в ее рядах до трех тысяч сабель при почти ста пятидесяти пулеметах.

Махно вел свою армию рейдом через Роменский, Гадячский, Зеньковский, Ахтырский и Харьковский уезды, общим направлением на юго-восток. Красные войска шли за ней по пятам. Аэропланы сбрасывали на повстанцев массу всевозможных воззваний. От имени советского правительства махновцам объявлялась амнистия. И хотя в большевистское прощение мало кто верил, дезертирство усилилось. Усталость, дававший уже себя знать голод, новая экономическая политика (она имела немалый пропагандистский эффект) усиливали тягу повстанцев домой, и они уходили группами, мелкими отрядами, поодиночке.

— Мало у нас остается верных соратников, — сетовал батька в узком кругу своих приближенных. — Надо поворачивать на запад. И не страшно, что большевики обманывают разными посулами, а страшно то, что им хотят верить. Устали сопротивляться хлопцы, а этот голод совсем закрепит безраздельную власть коммунистов. И такой будет разгул насилия, какого свет не видел. Опомнятся селяне, опомнятся... но поздно будет. Прижмут их к ногтю. И только.

Решая вопросы снабжения своей армии, Махно уже не мог, как прежде, целиком полагаться на крестьянство. Его внимание привлекли сахарные заводы: восемнадцать раз он брал их с боем, вывез с них семнадцать тысяч пудов сахара. Махно рассчитал правильно: он менял сахар на продовольствие, лошадей, оружие.

Изучив возможные в данной ситуации маршруты повстанцев, Фрунзе и Эйдеман довольно точно вычислили, что Махно двинет свою армию в богатый сахарными заводами район Недригайлов — Терны — Ромны. Именно здесь красное командование сосредоточило крупные силы, в том числе до десятка броневиков, разведка велась с помощью авиации. Бои в этом районе разгорелись с 28 по 30 июня. Но ни та, ни другая сторона не достигла оперативного успеха. Однако ряды повстанцев заметно таяли и они все больше уступали по численности противнику. Погибли многие командиры. Пал от вражеского клинка верный Феодосий Щусь. Батьке даже не удалось достойно похоронить друга: красные напирали. Махно в очередной раз отдал приказ отступать, а затем «рассыпаться на мелкие группы», чтобы в назначенный срок опять соединиться в единый отряд.

После полтавской операции красное командование применило новую тактику. Это была, по сути дела, психическая атака на повстанцев. Преследование махновцев начали бронепоезда и бронеотряды. Оно продолжалось целую неделю. Двести пятьдесят верст за повстанцами неотступно следовали восемь броневиков. Они настигли их на реке Ольховая у деревни Голодаевки. Под ураганным пулеметным огнем погибло почти сто сорок махновцев, лишь шестидесяти конным удалось скрыться в лесу. В качестве трофеев красным достались пятьдесят три тачанки и тридцать три пулемета. 19 июля поредевший отряд Махно перешел Донец и спасся от полного разгрома в прибрежных лощинах. 20-го к нему присоединились формирования петлюровцев. Сильно потре-

панские, потерявшие многих своих командиров — кто погиб, кто ушел за кордон, — практически без боеприпасов, они все же пополнили повстанческие ряды.

Еще зимой Махно предлагал для спасения ядра армии уйти за границу. Внутри махновского Реввоенсовета с тех пор велись ожесточенные споры по этому вопросу. Одна часть его войска во главе с Виктором Белашом предлагала заключить новый союз с Советской властью и выступить в Турцию на помощь руководителю национально-освободительной революции Мустафе Кемалю. Другая, во главе с Махно, высказывалась за то, чтобы двинуться в Галицию в надежде поднять местное население на революционную борьбу.

— На Украине, — говорил после июньских боев на Полтавщине Махно, — мы потеряли почву: союзники-селяне нас, как видите, перестали поддерживать. И вот результат: они покидают армию и являются к Советам с повинной! Два месяца на Полтавщине мы искали союзников, и все поиски вылились в простое скитание. Мы должны во что бы то ни стало объединить наши силы и прорваться за границу, где успех нам обеспечен.

Еще в начале июля, когда повстанцы находились в Коноградском уезде Полтавской губернии, Махно на одном собрании командного состава доказывал своим командирам невозможность дальнейшей борьбы в тылу Красной Армии и агитировал за уход за кордон, говоря, что там можно рассчитывать на помощь зарубежных анархистов. Таким образом, уже тогда батяка предложил свой план и дал время все обдумать, взвесить и принять

окончательное решение. План Махно обсуждался также и на сходках рядовых бойцов, но не у всех он получил одобрение.

21 июля, расположившись на дневке в селе Исаевке Таганрогского уезда, Махно провел последнее совещание командиров и сход рядовых бойцов. Обсуждался один вопрос: куда идти дальше? Одна часть командиров высказалась за уход в Турцию, за это проголосовала и большая часть рядовых повстанцев. Махно все же уговаривал идти в Галицию. Его поддержали четыре сотни бойцов, Белаша — семьсот.

Собрали митинг. На тачанку, выполнявшую роль трибуны, поднялся батька. Он долго говорил о правом деле трудящихся, о многолетней борьбе повстанцев за него, о защите трудящихся от посягательств разных авантюристов и лжецов, призывал продолжать третью социальную революцию. Сожалел о непонимании крестьянством исторического момента, его усталостью от жертв и лишений, разрухи и голода, красного террора.

Закончил он на высокой ноте:

— Трудящиеся сделали свой выбор в надежде на совесть победителя под его честное обещание, под его новую экономическую политику — этот временный всплеск барской ласки. Но это обещание — дурман, которым большевики временно одурачивают население.

Коммунизм, к которому мы стремились, предполагает свободу личности, равенство, самоуправление, инициативу, творчество... Мы свои идеалы выразили в декларациях. Мы имели возможность и пытались строить общество на ненасильственных

анархистских принципах, но большевики не дали нам это сделать. Они перевели борьбу идей в борьбу людей. Ненавистный народу государственный аппарат с его притеснениями, тюрьмами, репрессиями и тому подобным не ликвидирован, а лишь реорганизован. Большевики провозгласили насилие своим правом. Фундамент общества, который заложили коммунисты-большевики, уничтожив все партии, всех своих конкурентов, ничего общего с коммунизмом не имеет. Это замкнутая религиозная и полувоенная секта «солдат Маркса» со слепой дисциплиной и притязаниями на безошибочность, поставившая перед собой цель создания государства без свобод и прав граждан, государства, которое делит людей на своих и чужих. Многие и вовсе носят характер абсурда. Они лишают труженика всех иллюзий о лучшей жизни, они создают полицейское общество, самое нищее, самое несправедливое, где будут исключены радости труда, творчества, самодеятельности.

Их эксперименты не имеют конца, они будут призывать в свои ряды таких же насильников, как сами, власть выплеснет безответственное поколение демагогов и диктаторов. Сами будут властвовать, но тюрьмами и издевательствами заставят трудящихся работать за кружку кислого молока... Они разовьют астрономическую систему наказаний.

Люди будут думать только о том, как выжить в этих ужасных условиях истребления.

Но долго так продолжаться не может.

Товарищи! Будьте бдительны, не бросайте оружия, оно вскоре вам еще пригодится!

Не верьте большевикам!

Да здравствует третья социальная революция!

Спасибо вам за все!

Как всегда — ярко, смело, умно, зло, порой беспощадно, но в то же время утопично. В этой речи — весь батька. Натура непростая, импульсивная, мозаичная, но правдивая — до конца.

Неожиданно для всех Махно предложил «дать прощальный бал красным комиссарам» — совершить рейд по Поволжью. Может, втайне он надеялся пополнить свои отряды за счет крестьян поволжских уездов, поскольку резервы южноукраинских уездов оказались полностью исчерпаны. Но Нестор Махно не рассчитал: обстановка в Поволжье сложилась не благоприятствующая повстанцам — там царил голод, косивший сотни тысяч человек. О сопротивлении большевикам никто и не думал.

Этот рейд самый трудный. Каждую версту приходилось брать с боем, каждый пуд зерна или фуража отбивать клинками, каждый патрон — считать и каждый новый день задавать себе вопрос: а буду ли жив сегодня вечером?

Побывали повстанцы и на берегах Тихого Дона, пытаясь поднять казаков. Но в станицах и на хуторах остались одни женщины, калеки да малолетние. Станичники, забросив соху, либо воевали, либо прятались в плавнях, либо уже сложили свои буйные головы.

13 августа с сотней кавалеристов Махно взял направление на запад — к берегам Днепра, а еще через три дня во время ночной перестрелки в батьку попало шесть пуль. На его счастье, все ранения оказались легкими, и уже через неделю он снова был в седле.

«По пути движения и на правом берегу Днепра, — писал позднее Нестор Иванович, — мы встречали многие наши отряды, которым освещали цель наших дальнейших действий, и слышали от них одно: «Уезжайте, вылечите батьку и возвращайтесь снова к нам на помощь».

После рейда Махно издал один из последних своих приказов: «Мы принуждены будем покинуть Россию, ибо многие махновцы не чтят наших повстанческих отрядов и своими действиями в области насильственной менки лошадей, убиения кур, ругани в квартирах с хозяевами заставят восстать против нас крестьян и казаков, которые готовы восстать с нами против наших врагов».

Все решено, Махно двинулся к границе.

В Киев сообщали: «Несмотря на то что у Махно осталось всего семьдесят всадников с одним пулеметом, он продолжает бродить по губерниям, разрушая советский аппарат. Губсовещания должны сделать последние усилия для его окончательного уничтожения, помня, что без ликвидации основного ядра и самого Махно всегда имеется возможность восстановить банды».

22 августа произошел очередной бой повстанцев с красными частями, во время которого красноармейская пуля еще раз настигла батьку. Пуля попала ему ниже затылка с правой стороны и вышла навывлет в правую щеку. Это было одиннадцатое ранение батьки за годы гражданской войны. Он остался на всю жизнь хромым, со многими шрамами, и в том числе с самым большим на правой щеке. В пятый раз за эти годы было напечатано сообщение о гибели Махно. Но Нестор Иванович остался жив. Пока днем

стучали десятки телеграфных аппаратов, уточняя, жив или убит батька, и чекисты искали его труп, Махно медленно, проселочными дорогами, избегая даже встреч со случайными прохожими, продвигался к Днестру.

На рассвете 28 августа отряд махновцев из семидесяти восьми человек приготовился к последнему бою. Прямо на западе — Румыния, верст пять южнее Каменки — последний советский населенный пункт. Чтобы прорваться в Румынию, надо опрокинуть пограничную заставу. Махно верил, что преимущество в силе (бойцов на заставе не более двадцати) и внезапность удара обеспечат ему успех. Боялся он одного — чтобы вновь не попасть под пулеметную очередь или не стать жертвой шальной пули.

Перед последним боем Лева Задов снял с пальца золотое кольцо и отдал его жене Махно, объяснив, что оно — единственная драгоценность на весь отряд и, возможно, румыны не посмеют обыскивать женщину. (Деньги от продажи кольца потом здорово помогли. На первых порах на них удалось скрасить нужду, оплатить за лечение Галины и Нестора.)

Утро... Тишина... Над Днестром курился белый туман. Неожиданно со стороны балки и леса вылетело несколько тачанок. Обгоняя их, к заставе неслись всадники, размахивая над головами шашками. Пограничники ответили отдельными выстрелами. Махновцы ускорили движение. Внезапно пулеметная очередь смешала ряды скакавших вперемешку с тачанками махновских конников. Они закружились на месте, но не стали разворачивать коней и уходить назад, а еще стремительней рванулись вперед. На раненых и убитых никто внимания уже не обращал,

так же как и на опрокинутые тачанки. В махновской армии использовали такой прием: потеряв лошадь или слетев с тачанки, бойцы должны были как можно быстрее запрыгнуть на коня своего товарища и уйти с ним из опасного места. Раньше это помогло многим повстанцам спастись от верной смерти, а в последнем бою — пересечь границу.

Через день на заставу прибыл командующий вооруженными силами Украины и Крыма Фрунзе. Как и год назад, после бегства в Турцию Врангеля, он стоял на берегу теперь уже не Черного моря, а медленно несущего свои прозрачные воды Днестра и смотрел вдаль, где навсегда скрылся батяня Нестор Махно.

Час спустя в Киев и Москву ушла телеграмма:

Факт перехода в Бессарабию махновской банды установлен мною лично при посещении пограничной полосы.

Фрунзе

Глава 8

ЭМИГРАЦИЯ

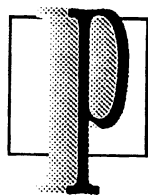
Sic transit gloria mundi.
(Так проходит мирская слава.)

Фома Кемпийский

*И цветы, и шмели, и травы, и колосья,
И лазурь, и полуденный зной...
Срок настанет — Господь сына
блудного спросит:*

*«Был ли счастлив ты в жизни
земной?»*

И. Бунин

умынские власти разрешили Махно, его жене и нескольким махновским командирам жить в Бухаресте, а остальных — рядовых повстанцев разместили по лагерям военнопленных.

Большевики не могли успокоиться, пока Махно жив и находится вне досягаемости чекистов. В ноте Наркоминдела РСФСР и УССР правительству Румынии от 20 сентября 1921 года было заявлено:

Известный бандит Махно перешел 28 августа бессарабскую границу у Монастыржовки с шайкой приверженцев, ища убежища на территории, которая фактически находится под властью Румынии. Этот разбойник в качестве главаря преступной банды совершил на территории России и Украины бесчисленные преступления, сжигая и разграбляя деревни, избивая мирных жителей и пытками вымогая у них имущество и продовольствие.

Ввиду этого Российское и Украинское правительства обращаются к Румынскому правительству с формальной просьбой выдать им, как обыкновенного уголовного преступника, упомянутого главаря шайки вместе с его соучастниками.

Народный комиссар по иностранным делам РСФСР *Чичерин*. Председатель Совета Народных Комиссаров и народный комиссар по иностранным делам УССР *Раковский*.

Ответная нота румынского правительства последовала незамедлительно:

Для выдачи Вашей стороне Махно необходимо действовать в согласии с нормами международного права, то есть послать приказ об аресте, исходящий от надлежащего судебного учреждения, со ссылкой на статьи Уголовного кодекса РСФСР и УССР, применяемые к преступникам. Необходимо, кроме того, указать примет преступников. Так как в Румынии смертная казнь не существует, то вместе с тем необходимо, чтобы Вы приняли на себя формальное обязательство не применять смертную казнь к выданным. Когда эти условия будут выполнены, Румынское правительство рассмотрит дело о бандите Махно и его сообщниках и решит, надлежит ли дать ход требованию о выдаче.

Советские дипломаты оказались обескуражены. Какое международное право? Обязательство не применять смертную казнь?.. И это после трех лет кро-

вавой гражданской войны и беспощадного красного террора? Абсурд!

Переписка между официальными сторонами тянулась еще долго. И большевики, устав от бесплодного обмена посланиями, рискнули пойти на более решительные действия. В Румынию перебросили Д. Н. Медведева, чекиста (впоследствии партизанского командира в годы Великой Отечественной войны, Героя Советского Союза), с одной-единственной целью — ликвидировать батьку.

В мундире румынского офицера Медведев прибыл в Бендеры. Здесь планировалось провести встречу руководителей сигуранцы (румынской тайной полиции) с Махно. Имея заранее заготовленный и безупречный пропуск, чекист без труда прошел в назначенный час в неприметное здание, расположенное на окраине города. Но батька на совещание не явился (его жену увезли в больницу, и он сопровождал ее), как, впрочем, и ряд высокопоставленных руководителей румынских спецслужб. Раздосадованный Медведев разрядил пистолет в сидевших за столом людей в штатском, а затем с большим трудом переправился на советскую сторону.

Батька, нагонявший ранее страх и ужас на всю Украину и Юг России, не хотел сходить с политической арены. Он считал, что еще не все сделано и борьба с Советской властью не закончена, и искал новых союзников. Взгляд его обратился в сторону Польши, давшей пристанище нескольким десяткам тысяч белогвардейцев и членов различных повстанческих движений. 11 апреля 1922 года Нестор Ивано-

вич, Галина Кузьменко и еще семнадцать бывших повстанцев перешли польскую границу. Махно надеялся, как он заметил в письме к министру иностранных дел Польши, «найти убежище и дружескую помощь». И не ошибся. Первыми к нему явились офицеры польского генерального штаба, которых интересовало буквально все: от тактики партизанской борьбы до поведения повстанцев, от боеспособности частей Красной Армии до характеристик ее руководящего звена и ряда политических деятелей.

Буквально на следующий день после прибытия группы махновцев в Варшаву Украинский ЦИК объявил амнистию всем, кто воевал в годы гражданской войны против Советской власти. Амнистия не распространялась на семерых «закоренелых преступников против свободы украинского трудового народа, непримиримых врагов рабочих и крестьян Украины» — Скоропадского, Петлюру, Тютюнника, Врангеля, Кутепова, Савинкова и Махно.

Ушел от батьки в сторону Советской России и Левка Задов, с которым они делили победы и поражения на протяжении почти четырех лет. (Задова не расстреляли. Мало того, он служил в НКВД — ревностно и честно. Немало пало от его рук противников большевиков, немало он их «упрятал» за колючую проволоку. Но новые хозяева оказались неблагодарными: в 1938 году Задова расстреляли, как сотни тысяч других. В том же году погиб и Виктор Белаш.)

19 мая 1922 года Верховный трибунал при Всеукраинском Центральном Исполнительном Комитете признал Махно виновным «в совершении на территории УССР целого ряда грабежей и разбойных нападений».

24 мая правительство Советской Украины направило польским властям ноту с требованием выдать Махно как уголовного преступника. 4 ноября требование было продублировано. Однако польское правительство, хотя и взявшее махновцев под арест и заключившее их в концлагерь Щалково для перемещенных лиц, решило не выдавать их советской стороне.

В лагере за Махно установили довольно строгий надзор. Он находился под постоянным наблюдением двух жандармов и часовых. Барак закрывался в семь часов вечера, и через каждые два часа при смене караула производилась проверка.

Махно всерьез опасался, что его выдадут большевикам. Он буквально бомбардировал различные государственные инстанции письмами, в которых просил об одном — предоставить ему статус политического беженца. 28 июля он даже обратился в министерство иностранных дел с просьбой разрешить ему выезд в Чехословакию, где в это время набирала силу так называемая русская акция — программа помощи чехословацкого правительства русским изгнанникам. Однако в просьбе ему отказали. Почти год он провел за колючей проволокой. Лишь однажды он улыбнулся — когда получил известие о рождении дочери, которую нарекли Еленой. Один из заключенных шутливо произнес, обернувшись к Нестору:

— Жаль, что девочка, а не «махненок».

23 мая 1923 года последовало неприятное для Махно известие. Прокурор окружного суда Варшавы начал дело против Махно и ряда его соратников, обвинив их в связях с представительством УССР в

Польше, подготовке вооруженного мятежа в Восточной Галиции. К суду и польскому правительству апеллировали эмигрантские круги, которые хотя и недолюбливали батьку, но считали обвинения эти абсурдными и «высосанными из пальца». А выдача его советским властям означала бы для Махно — военный суд и расстрел.

В эмигрантской печати даже появилось интервью с одним (оставшимся, правда, анонимным) представителем польской Фемиды, который откровенно сказал:

— Поверьте мне, что те восемь лет тюрьмы, которые ему угрожают, — пустяки по сравнению с тем, что ему угрожало бы на территории Советской России.

Следствие продолжалось ровно четыре месяца. 25 сентября батьку, Галину Кузьменко, а также махновцев Ивана Хмару и Якова Дорошенко заключили под арест.

Новая, выстроенная «по последнему слову техники» Варшавская тюрьма. Крепкие замки, толстые решетки, полная непроницаемость звуков через стены, строгий режим и наглая стража, а самое главное — отсутствие свободы.

Медленно ползут дни, недели и месяцы...

Изолированные от мира узники продолжали томиться в тюремных камерах, без всякой надежды на освобождение.

Более того: с воли просачивались зловещие слухи о том, что Советская власть снова требует выдачи Махно и его соратников для предания «Всенародному революционному трибуналу». Слухи эти получают подтверждение.

— Дело, конечно, корявое, но выход все же, думаю, какой-нибудь найдется, — успокаивал своих подельников помрачневший Махно.

27 ноября 1923 года состоялось первое судебное заседание. Обвинения остались прежними — связь с советской разведкой, подготовка антиправительственных заговоров. Батяка отверг все эти глупости, доказывая свою невиновность, используя в качестве аргументов сообщения советской печати, в которой он характеризовался не иначе как «уголовник и бандит». Тогда прокурор Вассерберг потребовал для Махно наказания как для предводителя разбойничьих банд. Нестор попал, что называется, «из огня да в полымя»: из политического преступника обвинитель, благодаря его же выступлению, переквалифицировал Махно в уголовного. Тут в бой вступили защитники, а их было у подсудимого трое, они убедительно доказывали, что Украина всегда славилась как «колыбель» различных атаманов и гайдамаков, к тому же Махно никаких преступлений против Польши не совершал.

«Махно на суде, — писала 5 декабря эмигрантская газета «Дни», — держится свободно, охотно говорит, категорически отказывается от возводимых на него обвинений в бандитизме, насилиях, в злых умыслах против Польши, в сношениях с большевиками. Говорит о себе и «махновском движении», как о своеобразном народном освободительном движении, о борьбе против всякой навязываемой народу власти. Говорит «интеллигентским» языком, порою с вычурными книжными оборотами».

Но объяснения атамана не вызывали сочувствия у большинства публики, многие из которой еще вче-

ра на себе испытали, что такое махновщина. Более благосклонно настроенными оказались судьбы.

Заявил Махно и о том, что весной 1920 года своей интенсивной деятельностью в тылу Красной Армии задержал 1-ю Конную армию Буденного на две недели, чем спас Варшаву от захвата красными войсками. С не меньшей гордостью батька говорил о том, что в 1920 году отказался вести свою многотысячную армию на советско-польский фронт.

Западноевропейская и эмигрантская пресса много писала о процессе над Махно. Мнения о нем в ходе судебного разбирательства менялись и были далеко не однозначными. Одни называли его «легендарным повстанческим деятелем» и «рыцарем анархизма», другие рисовали его образ и историю движения исключительно в черных тонах. Корреспондент львовской газеты «Діло», не жалея красок, отмечал: «Все, кто внимательно следил за Махно в судебном зале, мог бы прийти к единому выводу, что перед нами ярко выраженный даже в антропологическом плане бездарный тип, который мог стать «революционером» только в диких условиях царской России и благодаря стихийному движению, получившему широкий размах на Украине в 1917—1920 годах».

30 ноября в девять часов вечера суд удалился на совещание. Час и двадцать минут с нетерпением махновцы ожидали приговора. Когда председатель огласил приговор Варшавского окружного суда об оправдании Махно, Хмары, Дорошенко и Кузьменко, многие присутствующие в зале стали поздравлять подсудимых и их защитников. Журналисты рва-

лись к Махно, чтобы первыми взять у него интервью. Однако охрана оттеснила журналистскую братию и вывела бывших подсудимых через специальную дверь во двор суда, откуда их вновь доставили в тюрьму.

1 декабря 1923 года Махно, возбужденный в ожидании желанной воли, вместе со своим защитником Щалковским шел по варшавским улицам в суд, где ему предстояло подписать ряд необходимых документов. Многочисленным журналистам, окружившим его плотным кольцом, он охотно рассказывал, что на днях собирается с женой и дочерью уехать из польской столицы в небольшой городок Торунь. Сожалел лишь о том, что вынужден расстаться со своими боевыми друзьями, которым определено место жительства в других городах Польши.

Махно остался довольным решением суда, который, по его словам, вынес справедливый приговор и развеял «кровавую легенду, окружающую его имя».

Вездесущие журналисты не давали прохода Нестору Ивановичу и по возвращении его домой.

Беседа обычно завязывалась за кухонным столом за стаканом крепкого чая и нехитрой снедью.

— Думаете ли поехать на родину?

— О, да...

— С какой целью?

— Только для вооруженной борьбы с большевиками.

— Значит, продолжать движение?

— Ну да.

— Но для этого требуются предпосылки... Большевики теперь, благодаря новой экономической по-

литике, укрепились... Вы не можете этого не признать!

— Предпосылки, по-моему, налицо, а именно: укоренившиеся в народе идеи анархизма.

— Вы уверены?

— Абсолютно!

— Не находите ли вы, что большевики изменились несколько и ...к лучшему?

— Нет, не думаю. Государственно-властнический характер строя неизменен. Тирания во все века оставалась тиранией.

— Значит, вы так или иначе надеетесь на победу?

— На полную: видите ли, ...идеи можно придумать, но умертвить их невозможно.

— Еще один вопрос: вы по своему политическому кредо — анархист?

— Я — анархист-коммунист бакунинско-кропоткинского толка: я за вольные, трудовые, безвластные советы, которые представляет собой этап и полное раскрепощение трудящихся.

— Желаю вам успеха.

— Будьте и вы здоровы, — говорил, привставая, удовлетворенный беседой Нестор Иванович.

Пока Махно упаковывал вещи, польские власти вели усиленную переписку, стремясь не только не выпустить батьку из-под своего контроля, но и предусмотреть возможные его действия. Торуньский воевода писал министру иностранных дел: «Не подлежит сомнению, что если Махно удастся поднять на Украине хотя бы небольшое восстание, то его отряд пополнится остатками добровольческих и монархических организаций. В Гданьске находится несколько

офицеров и солдат из бывших банд Махно. Можно предположить, что весной следующего года Махно попробует удрать из Торуня в Россию».

Однако этим планам не суждено было сбыться. Открытое заявление Махно о готовности продолжать борьбу против Советской власти, которое он опубликовал в конце декабря 1923 года во многих европейских газетах, вызвало обратную реакцию правительства Польши (в планы последнего не входило ухудшение отношений с Советской Россией, слишком еще свежи впечатления о боях на польской земле и прорыве красной конницы к Варшаве). 31 января 1924 года польские власти заявили, что подобное выступление Махно, «явно обращенное против правительства государства, с которым Польша заключила мир и поддерживает постоянные дипломатические контакты», считает недопустимым и вредным, влекущим за собой опасные последствия. По распоряжению военного министра Польши Махно подвергся «самоу строгому полицейскому надзору с угрозой насильственного его выдворения из Польши в случае обнаружения каких-либо политических махинаций с его стороны или возобновления заявлений, подобных предыдущему». Дом, где проживал Махно, оказался под пристальным вниманием сыщиков, польская контрразведка фиксировала всех, кто приходил к нему в гости, перлюстрировала почту. Уныние, разочарование, чувство ненужности охватило деятельную натуру Махно, все чаще — особенно весной — его стали посещать мысли о самоубийстве.

14 апреля 1924 года по телеграфным агентствам Западной Европы прошло сообщение: «Махно, ко-

торый последнее время находился в Торуне, покончил с собой, перерезав себе бритвой горло». Однако уже на следующий день в газетах появилось опровержение. Батяка действительно предпринял попытку самоубийства, но врачам удалось его спасти. Причины объяснялись очень туманно: «На этот шаг Махно толкнули разные побуждения политического характера».

Летом с помощью друзей-анархистов Махно перебрался сначала в Данциг (там его снова арестовали по обвинению в погромах немецких колонистов в 1918 году на Украине), а затем, тайно, в Брюссель, оттуда в Париж, где в это время уже находилась Галина с дочерью.

Уже из Франции Махно отправил письмо своим друзьям в Польшу и Чехословакию: «После подобных странствий я обретаюсь ныне в Париже, среди чужого народа и среди политических врагов, с которыми так много ратовал (воевал. — В. Т.). Впереди у меня одно только задание — добраться до родных мест. О, если бы мне это удалось, я был бы счастлив и, не раздумывая, снова вступил бы в кровавую борьбу с притеснителями народа и свободы. О чувствах моих. Они неизменны, я по-прежнему люблю свой народ, жажду работы и встречи с ним».

В пригороде французской столицы — Венсене семья Махно прожила почти десять лет. Жили они скромно, постоянно испытывая материальные затруднения. Галина Кузьменко работала прачкой в одном из пансионатов для русских эмигрантов в парижском пригороде Канси.

Нестор Иванович перебивался случайными заработками. Их катастрофически не хватало даже на молоко для дочери, но батька не унывал.

На малярной (случайной) работе он вдруг изрекал своим товарищам:

— Не захотел вот «комиссарить», теперь, извольте радоваться, надо маляром «часы откалывать», а все из-за того, что не понравились мне ни большевики, ни меньшевики.

— Почему так?

— Разница между ними очень маленькая, совсем крошечная, можно сказать...

— А именно?

— Большевики — большие, а меньшевики — маленькие «дельцы».

Смех...

Не чурался Махно и литературного труда, сотрудничая в различных анархистских изданиях. Много времени уходило у него на работу над воспоминаниями, он не оставлял мысль написать историю махновщины и поведать миру о своей борьбе. В 1927 году вышел первый том мемуаров, но написаны они были очень коряво, и публика довольно вяло прореагировала на их появление. Обиженный такой реакцией Махно забросил работу, но под влиянием Волина, тоже эмигранта, скрепя сердце вернулся к письменному столу. Однако два последующих тома, отредактированные все тем же Волиным, увидели свет после смерти Нестора Ивановича.

Печатался Махно и в номерах «Анархистского вестника». Но особенно много его статей выходило на страницах журнала «Дело труда». Он писал и о десятилетии Октябрьской революции, и о праздни-

вании 1 Мая, национальном и крестьянском вопросах, тактике партизанской войны, доказывал свою непричастность к еврейским погромам.

Друзей у него практически не осталось, лишь приятели-анархисты (в первую очередь — Всеволод Волин, Петр Аршинов), чем могли, помогали его семье. Хроническое отсутствие денег иногда прерывалось пожертвованиями европейских и американских анархистов. Мария Корн-Гольдсмит — анархистка с 40-летним стажем, писательница и профессор Сорбонны, создала «Махновский комитет — фонд поддержки Махно» для сбора денег на пенсию батьке.

По иронии судьбы лучшим другом Махно стал Яков Филиппович Карабань — бывший белый офицер, прошедший гражданскую войну в Северо-Западной армии генерала Н. Н. Юденича, один из тех, с кем батька с такой ожесточенностью воевал на залитых кровью просторах бывшей Российской империи.

О Махно стали постепенно забывать. Внешне он превратился в типичного русского эмигранта первой волны: серый выцветший костюм-тройка из универсального магазина, вишнево-красный галстук, пальто-дождевик, помятая фетровая шляпа. Глубокий шрам пересекал его лицо. Махно слегка хромал, временами (особенно после удавшегося покушения на Петлюру и оправдания его убийцы Шварцбарда) ходил, тревожно оглядываясь по сторонам, словно чего-то опасаясь.

Об убийстве головного атамана писали все эмигрантские газеты. Батька, внимательно следивший за всеми перипетиями жизни русской диаспоры, знал эту историю в малейших подробностях.

...Солнечным майским полднем бывший министр Центральной украинской рады, низвергатель гетмана Скоропадского, глава украинской Директории и непримиримый борец с советским режимом отправился отдохнуть на Большие бульвары. Со свойственной ему непринужденностью Симон Васильевич Петлюра снял с себя выдавший виды военный френч и, свернув его, положил под голову, с наслаждением растянулся на скамейке.

Он спокойно дремал, и ему, скорее всего, снились былые времена, когда он во главе своих «сечевых стрельцов» бил всевозможных врагов:

— Хлопцы, круши комиссаров, бей голодранцев! Даешь Киев — три дня ваши: гуляй, живи вволю!

Сладкий сон нарушил чей-то негромкий и даже вкрадчиво-робкий голос:

— Прошу прощение, мсье, ваша фамилия, случайно, будет не Петлюра?

Атаман, с трудом раскрывая глаза и поднимаясь во весь свой рост, рассматривал тщедушного, с гладко причесанными волосами молодого человека. На нем довольно приличный костюм с ленточкой военного французского ордена в петлице, аккуратно постриженные усики и торчащий из верхнего пиджачного кармана не очень свежий платок. Боковой карман сильно провисал под чем-то тяжелым.

— Кто вы? Что вам надо? — недоуменно, предчувствуя недоброе, произнес Петлюра.

— Вы — Петлюра? Я давно хотел вернуть вам должок!

Атаман не успел пошевелиться, как человек открыл стрельбу из револьвера. Он стрелял в упор,

чуть ли не упираясь стволом в светлую сорочку своей жертвы. После второго выстрела Петлюра замертво повалился на газон, а человек продолжал стрелять, пока в барабане не кончились патроны (всего пять попаданий, две пули — мимо: у убийцы сильно тряслись руки). Стрелявшего скрутили прохожие, полиции пришлось отбивать его у толпы и, кроме того, наводить порядок на бульваре Сен-Мишель. Выяснилось, что террориста зовут Самуилом Шварцбардом, что живет он на рю Моцарт, работает часовщиком. На его столе нашли стопки книг — Ницше, Маркс, Ленин, Троцкий, с исчерканными страницами и полями и множеством закладок.

...На суде Шварцбард держался уверенно, даже немного нахально. Когда один из свидетелей назвал его преступником, он даже привскочил:

— Это я-то преступник?! Я совершил не убийство, я совершил подвиг. На совести Петлюры погромы, убийства, грабежи мирных еврейских семей... Я уничтожил мразь и преступен не более чем Маккавей!

Суд вынес оправдательный приговор, было о чем задуматься Махно...

В апреле 1927 года Махно обратился с воззванием «К евреям всех стран» и с «Открытым письмом в ВКП(б)», в которых призвал еврейскую общественность тщательно проверять каждый выдвинутый против него по обвинению в антисемитизме факт. 23 июня того же года он выступил в парижском клубе «Фобур» на диспуте «Был ли «генерал» Махно другом евреев или он участвовал в их убийстве?»,

где попытался убедить аудиторию в своей непричастности к погромам и в качестве доказательства отметил, что лично приказал ликвидировать Никифора Григорьева — одного из организаторов массовых убийств евреев на Украине.

На помощь Нестору пришел Волин:

— Легенды о еврейских погромах, якобы совершенных повстанцами, основаны в значительной степени на том обстоятельстве, что Украина в то неспокойное время кишмя кишела всякого рода беспринципными, разгульными и просто уголовными бандами или крестьянскими отрядами, которые часто и очень охотно именовали себя «махновцами», как прикрытием, как защитным именем. Такое положение дел, естественно, создавало известную путаницу. Но всякий честный, я подчеркиваю, честный исследователь, журналист — и просто человек — должен стараться разобраться в этой сложной обстановке или замолчать, а не повторять сплетни и клевету.

В бытность мою в Берлине, — продолжал Волин, — мне пришлось беседовать о еврейских погромах и махновщине с известным исследователем и историком гонений на евреев в России господином Чериковером. Последний сообщил мне два существенных факта:

«Во-первых, — сказал он мне, — всякий раз, когда я добирался до точных указаний на то, где и когда был совершен махновцами тот или иной еврейский погром, и когда я затем сопоставлял эти указания с точными данными о местопребывании махновцев в момент погрома, оказывалось, что махновская армия находилась в этот момент со-

вершено в другом месте; так что до сих пор я ни разу не мог установить совпадение погрома с пребыванием в той же местности махновских повстанцев.

Во-вторых, на основании произведенных мною исследований я могу утверждать, что из всех действовавших в России и на Украине во время гражданской войны армий, в том числе и красной, наиболее прилично в отношении еврейского населения вела себя именно махновская армия».

Чериковер — не анархист. Он просто добросовестный историк, ищущий и устанавливающий правду, не в пример писакам-социалистам...

Волин закончил. Аудитория притихла, обдумывая сказанное, вспоминая кровавые дни и ночи в оставленной ими России.

Начало 30-х годов... Махно живо интересовался событиями, происходящими в СССР: коллективизация, первые политические репрессии. Его выводила из себя сталинская политика по отношению к крестьянству. Он не понимал, почему селяне так безропотно воспринимают издевательства над собой, своими близкими, хозяйством. Нестор, взволнованный, не находил себе места. И напрасно Галина успокаивала его, он твердил ей одно:

— Надо ехать, нечего тут сидеть...

— Ты же болен, подлечись сначала, а потом уж и об отъезде думай...

— Я чувствую себя как нельзя лучше, только вот в ногу да в боку немного покалывает.

— Вот видишь...

— Так или иначе, а я еду. Готовься к отбытию. Главное — это бодрость духа, а остальное — приложится.

— Ну, как знаешь... Да, а вот курить-то тебе, мой друг, совсем бы не следовало.

— Нервы успокаивает, понимаешь.

— Ну, так иди, пожалуйста, успокаивай их в коридоре: здесь ребенок.

Но мечты вернуться в Россию оставались несбыточными. Реальность оказалась суровее, страшнее: осенью 1931 года Нестора ожидал страшный удар. В одной из анархистских газет он прочитал открытое письмо Петра Аршинова, в котором его учитель публично отрекался от анархизма, в котором «разочаровался» (через несколько лет, в 1935 году, он вернется в Советскую Россию и сгинет в небытии). Несколько дней Махно ощущал себя морально оплеванным, еще месяца два назад Аршинов безоговорочно поддержал его инициативу об образовании партии анархистов, чтобы придать движению необходимые для продолжения борьбы организационные формы. Предлагая создать «Союз анархистов», батка рассчитывал выстроить отношения в этой организации на принципах строгой дисциплины и единого руководства всеми анархистскими силами.

Несмотря на предательство Аршиновым идеалов анархизма, Махно не отбросил идеи самоорганизации анархистских групп и совершенствования анархистской теории.

В 19-м номере (март 1932 года) «безвластного» (так в заглавии) журнала «Пробуждение», издававшегося в Детройте (Соединенные Штаты Америки, Мичиган), Махно писал:

Самостоятельно, через свои трудовые организации, народ стремится закладывать фундамент нового свободного общества, которое должно в глазах народа своим дальнейшим развитием изжить из общественного тела паразитизм и ненужную труженикам, одних над другими, власть.

Такое здоровое начинание народа в особенности резко проявлялось на Украине, на Урале и в Сибири.

Но наемные силы социалистов, большевиков в корне пресекали подобные начинания народа.

Либерализм, социализм, государственный капитализм — три брата, разными путями идущие к власти над человеком, власти, не допускающей человека к полному совершенству, развивающемуся в свободе и независимости и творящему новое, здоровое и подлинное начало в общественном идеале всего человечества.

Что ж остается делать современному человеку?

Бунтовать.

Бунтуй, говорит анархист-революционер угнетенному человеку, бунтуй, восставай и разрушай всякую власть над собой и в себе.

Власть создана бездельниками в целях ограбления и начальствования над теми, кто своим трудом производит все полезное, необходимое и прекрасное. Нет власти безрогой: всякая власть с рогами и бодает каждого человека, стремящегося к свободной жизни.

Настоящая, разумная, справедливая, а по всему тому радостная жизнь строится через свободу, через творчество и независимость человека в разрушительно-созидательном процессе.

Свобода каждого отдельного лица рождает свободное, законченное в своей централизованной целости, совершенное в общей цели, безвластное общество. Это, собственно, и есть анархический коммунизм. В наших представлениях анархический коммунизм — это грандиозное общество общечеловеческой гармонии. Его состояние: свободные индивидуумы, добровольно группирующиеся в

свободные ассоциации, слагающиеся по своим наклонностям, интересам, способностям и общественным надобностям, которые обеспечивают свободу и социальную справедливость в равной степени всем и каждому в группе, федерации, в конфедерации.

Анархистствующий коммунизм — это общество, полагающее свободную жизнь человека, право этого человека на безграничное развитие, первооснова уничтожения всяких зол и несправедливости на земле.

Анархистствующий коммунизм зиждется на всесторонне развитой, творчески независимой и абсолютно свободной жизни человека. Поэтому члены его являются свободными, независимыми и радостными в своей жизни людьми.

Единственным и верным социальным средством для угнетенного человека в борьбе со злом, заковавшим его в цепи и добровольно не освобождающим, служит социальная революция, как глубокий и подлинный сдвиг человеческих масс в сторону человеческой эволюции.

Социальная революция развивается стихийно, но организация в этом направлении расчищает ей путь, облегчает прорывы искусственно построенных против нее плотин и этим ускоряет ее влияние.

В особенности социальная революция требует организованных и устойчивых средств в тот период, когда она в своем стихийном порыве разрушает рабство и сеет свободу, утверждает право каждого человека на безграничное развитие в условиях свободы и отвергая всякое ограничение свободы.

(На этом статья обрывается до следующего номера. А Нестор оставался таким же неисправимым утопистом, как и десять — пятнадцать лет назад.)

...Так незаметно шли дни, недели, месяцы и годы. С каждым прожитым годом здоровье Махно ухудшалось, давали о себе знать и заработанный в Бутырках

туберкулез и раны времен гражданской войны. В июне 1934 года врачам ничего не оставалось, как предложить ему сделать сложнейшую операцию — удалить два пораженных костным туберкулезом ребра. Несмотря на лечение в госпитале, здоровье Махно не улучшилось. Он медленно угасал. О последних днях Махно оставила воспоминания Галина Кузьменко: «Однажды в конце июля я зашла к нему в госпиталь Тенон. Он был уставший, измученный, ослабевший. На мой вопрос «Ну как?» он ничего не ответил, только из глаз покатались слезы. Я тоже заплакала, нам больше не о чем было говорить, я поняла, что ему очень тяжело, что жизненные силы покидают его, что он уже больше не жилец на белом свете».

Махно лежал на постели бледный, с полузакрытыми глазами, с распухшими руками, отгороженный от остальных больных ширмой.

Галина привела дочку, которую батька очень любил. Он открыл глаза и, обращаясь к ней, слабым голосом произнес:

— Оставайся, доченька, здоровой и счастливой!

Потом печально вздохнул:

— Извините меня, друзья, я очень устал, хочу уснуть.

Подошла дежурная сестра:

— Как вы себя чувствуете?

— Плохо... Принесите кислородную подушку...

— Сейчас.

С трудом, дрожащими руками Нестор вставил себе в рот трубочку кислородной подушки, а сестра попросила всех удалиться и прийти утром.

Но утром — в шесть часов 25 июля 1934 года — его не стало.

Через пару дней единомышленники, соратники и близкие друзья собрались на кладбище Пер-Лашез. Хоронить батьку пришло немалое количество народу (более четырехсот человек). Зал колумбария не вместил всех желающих проститься с Махно. Пришли анархисты французские, итальянские, испанские, германские и русские (последних — меньше всех). Секция анархистов Сен-Дени (одного из парижских районов) явилась в полном составе под черно-красным знаменем.

...Произносились речи. Первым слово взял французский синдикалист Бенар, опытный митинговый оратор, восхвалявший человеческие и гражданские доблести «неутомимого борца за свободу общества и свободу личности». Затем выступил Волин. Он много говорил о непричастности Махно к еврейским погромам — все рассказы о совершенных якобы самим Нестором Ивановичем или его повстанческими частями еврейских погромах относятся к той же области либо обывательских сплетен, либо сознательной клеветы.

— Многие спрашивают себя, — продолжал Волин, — в чем секрет огромного влияния Махно на шедшие с ним (подчеркиваю: с ним, а не за ним) массы. Ведь были в движении, несомненно, люди сильнее его и духом, и умом, и словом (вспомним Каретникова, Щуся, Куриленко, Кожина и других). Почему именно Нестор стал свободно признанным боевым руководителем движения? На мой взгляд, это объясняется двумя основными причинами. Во-первых, Махно, с первых же дней борьбы, показал себя беззаветно смелым, решительным и исключительно искусным боевым стратегом. В самые траги-

ческие моменты, в самых рискованных, порой безнадежных обстоятельствах, на него можно было всегда целиком положиться. Его боевая находчивость, быстрая сообразительность, необычайная решительность в выполнении намеченного плана совершенно исключительны.

Во-вторых, — Волин на долю секунды задумался, — Нестор Иванович хорошо понимал (и это еще важнее) и любил ту массовую стихию, которая на время получила на Украине возможность свободного размаха и без которой подлинная революция невозможна. Махно — плоть от плоти и кровь от крови этой стихии. Он верил ей. Он весь целиком в ней и с нею. Он никогда не изменял ей. И стихия отвечала ему той же любовью, тем же пониманием, тем же доверием, той же естественной преданностью. Эту стихию Махно хотел вести к полной победе. Элемент власти, выступивший во всеоружии против этой массовой стихии, в конце концов разбил ее, а вместе с нею и революцию. Вместе с гибелью стихии пал и ее главный вдохновитель, Нестор Махно. Разумеется, к этим основным причинам исключительного влияния Махно на массы следует прибавить ряд других, привходящих обстоятельств, как-то: идейный ореол бывшего каторжника, боевые удачи, роль случая...

Прощай, дорогой друг и соратник... Ты прожил всего ничего — чуть больше сорока лет, но прожил их достойно... Прощай, — Волин с трудом сдерживал слезы.

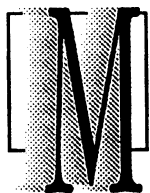
Маленькая Лена прижалась к матери, она еще не понимала, что прощается с отцом навсегда. Она еще и не могла даже представить, сколько трудностей

выпадет на ее долю — на долю дочки лихого батьки Махно...

Тело Махно было сожжено в крематории, и урна с прахом замурована в стене колумбария (захоронение за номером 3934). На металлической доске изображение покойного и краткая незамысловатая надпись: «Нестор Махно».

...Спи с миром.

ЭПИЛОГ

Махно — третья сила, которая в бурном море революции и гражданской войны искала свой путь. Эти искания, дав прекрасный результат на стезе классовой борьбы, сопровождались кровавой трагедией самоуничтожения, причиной которого являлись политические амбиции и стремление совершить переход к коммунистической утопии.

Писатель и правозащитник Владимир Короленко в письмах наркому просвещения А. Луначарскому отзывался о Махно как о «среднем выводе украинского народа», подчеркивал, что его личность вполне соответствовала представлениям крестьянства об идеальном вожде: грамотный (но не интеллигентный), умный (но не искушенный в политике, дипломатии, экономике), хитрый (но не дальновидный — отличный тактик, скверный стратег), неприхотливый, не терпящий болтовни, казенщины, прежде всего полагающийся на силу, на пулеметы, на «рубку». Даже власть, которой Махно, как ни грешно это для анар-

хиста, тешил себя, в значительной степени привлекала его (что тоже типично для крестьянского сознания) именно внешними, чувственными атрибутами: бричкой, обитой сукном небесного цвета, четверкой прекрасных, мышиной масти коней, красивым мундиром венгерского гусара, хлебом-солью, с поклоном поднесенными на рушнике...

...Вот такая судьба, такая личность. Как оценить ее роль в революции, в российской (или украинской) истории?

Все, видимо, зависит от угла зрения, от точки отсчета в оценке самой русской революции и истории. Но как бы то ни было, очевидно: с легкостью определить, что тут было «хорошо», а что «плохо», вряд ли удастся. Когда развязано революционное насилие, оно дальше развивается по собственным законам и резко меняет смысл вещей и понятий — порой самым чудовищным образом. И уже убийства становятся доблестью и классовым долгом, коварство и обман называются революционной тактикой, ограбление деревни — борьбой за интересы народа...

Образ Махно не стоит идеализировать, он — не Робин Гуд (махновское сопротивление унесло 300—400 тысяч жизней, цена за эксперимент была уплачена огромная, а результат?), но и не монстр, ужасающие черты которого ему стремились придать и официальная советская, и левая западноевропейская пресса (а за ними и отечественная историческая наука). Он — продукт той эпохи, в которой переплелось все от великого до смешного, от наивно-чистого до грязно-подлого, от романтического до уголовного...

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	5
Пролог	10
Глава 1. Начало пути	12
Глава 2. Революционная Россия: «Я пришел дать вам волю», или «Кровь за кровь»	46
Глава 3. В те грозные годы: первые победы и поражения	84
Глава 4. Вне закона: с кем ты, батька Махно?	183
Глава 5. Вне закона: один против всех	223
Глава 6. По коням, хлопцы!	281
Глава 7. 1921 год: я сделал все, что мог	377
Глава 8. Эмиграция	417
Эпилог	442

Литературно-художественное издание

Вадим Телицын

НЕСТОР МАХНО

Редактор Л. Б. Ястребов
Дизайнер обложки А. А. Барейшин
Художественный редактор А. П. Купцов
Технический редактор Н. В. Сидорова
Корректор М. Е. Козлова

OCR - Давид Титиевский, апрель 2017 г., Хайфа

Подписано в печать 29.05.98. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага газетная.
Печать офсетная. Гарнитура «Times». Усл. печ. л. 23,94. Уч.-изд. л. 15,55.
Тираж 21 000 экз. Зак. 1315.

«Олимп». Изд. лиц. ЛР № 070190 от 25.10.96.
123007, Москва, а/я 92.

Фирма «Русич». Лицензия ЛР 040432 от 29.04.97.
214016, Смоленск, ул. Соболева, 7.

Издание выпущено при участии ООО «Сервег».
Лицензия ЛВ 34 от 29.08.97.
220013, Минск, ул. Сурганова, д. 1, корп. 2.

Отпечатано с готовых диалозитивов заказчика в типографии издательства
«Белорусский Дом печати». 220013, Минск, пр. Ф. Скорины, 79.

СМЕРТЬ

...КТО НА ПИРИЩА
ДОБУТЬЯ ВІЛЬНОСТ
ТРУДОВОМУ ЛЮД

НЕСТОР

МАХІО

Личность и судьба Нестора Махно, казалось бы, сотканы из противоречий: анархист и крестьянский «батька», бесплашный рубака и каторжник, милостивый судья и безжалостный диктатор, гроза правящих режимов и несчастный, всеми забытый эмигрант...

Вокруг его имени нагромождены горы слухов и мифов.

Эта книга поможет пролить свет на загадочную фигуру Нестора Махно благодаря архивным материалам, свидетельствам очевидцев и воспоминаниям современников.

Махно / Мужичко-мир/

7565

28

08/12/98

ЧЕЛОВЕК — ЛЕГЕНДА